

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

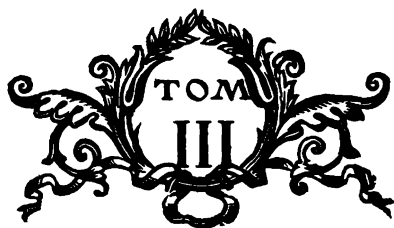
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

*Перевод под редакцией
члена-корреспондента
Академии Наук СССР
М. Н. Смит*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1955

ДАВИД РИКАРДО

СТАТЬИ
ПО АГРАРНОМУ
ВОПРОСУ
И
КРИТИЧЕСКИЕ
ПРИМЕЧАНИЯ
К КНИГЕ
МАЛЬТУСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1955

Перевод с английского сверен
и подготовлен к изданию научным сотрудником
Института экономики Академии наук СССР
А. Е. АНИЧКОВОЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В III том сочинений классика английской буржуазной политической экономии Давида Рикардо вошли две статьи о ценах на хлеб и хлебных пошлинах и критические примечания к «Началам политической экономии» Мальтуса.

Эти работы относятся к первой четверти XIX в. Вопрос о земельной ренте, о ценах на хлеб и ввозных пошлинах на хлеб был тогда в Англии далеко не теоретическим, а острейшим практическим вопросом борьбы между лендлордами и промышленной буржуазией.

Маркс отмечает в «Теориях прибавочной стоимости»: «Рикардо с полным для своего времени правом рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства»¹.

Это теоретическое представление Рикардо имело в начале XIX в. огромное практическое значение. После окончания войны с Наполеоном страна-победитель — Англия находилась в весьма тяжёлом экономическом положении. Резко вырос государственный долг, народ стонал под тяжестью косвенных налогов, и лишь крупные финансисты и землевладельцы, в особенности последние, использовали войну и послевоенные условия для своего обогащения.

В 1815 г. лендлорды провели через парламент так называемые «хлебные законы», т. е. законы об обложении дешёвого ввозного хлеба высокими пошлинами. Тем самым удерживалась высокая цена на хлеб, выращенный на землях лендлордов в Англии при гораздо худших климатических и почвенных условиях, чем в странах, откуда он ввозился. От высоких цен на хлеб страдали потребители, т. е. в основном промышленные рабочие. Промышленная буржуазия восставала

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, 1936, стр. 205.

против высоких цен, так как дорогой хлеб повышал стоимость рабочей силы и тем самым грозил уменьшением прибыли.

Отстаивая высокие пошлины на хлеб, землевладельцы вместе с тем восставали и против технических нововведений в земледелии, удешевлявших хлеб. Развитию промышленности препятствовала, таким образом, монопольная собственность на землю и связанная с ней техническая отсталость земледелия.

Теоретической базой борьбы с хлебными законами являлась для Рикардо его теория ренты, точнее — дифференциальной ренты, являвшаяся во многих отношениях, хотя далеко не во всех, значительным шагом вперёд по сравнению с господствовавшими тогда теориями.

Положительная сторона теории ренты Рикардо состоит прежде всего в том, что она построена на базе его теории трудовой стоимости, вопреки теориям его современников и предшественников (Андерсон, Вест, Мальтус), утверждавших, что земельная рента есть «дар природы», т. е. результат всякого рода природных преимуществ. Эти дары и преимущества Рикардо расшифровывает весьма определённо: они являются результатом большего количества труда, нужного для получения того же количества продукта на менее плодородных землях. «...Рента, — говорит Рикардо, — неизменно происходит от того, что приложение добавочного количества труда даёт пропорционально меньший доход. Когда поступает в обработку «наиболее плодородная и наиболее удобно расположенная земля... меновая стоимость её продукта будет определяться точно так же, как и меновая стоимость всех других товаров, т. е. всем количеством труда, необходимого... от начала до конца процесса производства... Когда поступит в обработку земля низшего качества, меновая стоимость сырых материалов повысится, потому что на производство их потребуется больше труда»¹.

Но цена хлеба регулируется именно стоимостью его производства на наихудших возделываемых землях — этот момент для Рикардо ясен. Следовательно, владелец лучших земель, требующих для своей обработки меньшего количества труда, кладёт себе в карман большую ренту. Преимущества обработки лучшей земли «переходят, — замечает Рикардо, — от возделывателя или потребителя к землевладельцу»². И именно поэтому английские землевладельцы и требуют обложения ввозного хлеба, выращенного при лучших условиях и имеющего меньшую стоимость.

Но, несмотря на такой — в основном правильный — подход к проблеме дифференциальной ренты, Рикардо делает в своих

¹ Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 69.

² Там же, стр. 70.

теоретических работах о природе земельной ренты и крупнейшие ошибки. Несмотря на свою постоянную полемику с Мальтусом, он всё же находится в одном отношении под влиянием последнего: вместе с Мальтусом и Вестом он предполагает, будто рост населения заставляет человечество обязательно идти от обработки лучших земель к обработке худших, что противоречит действительному ходу развития земледелия. Это же предположение Рикардо было в дальнейшем использовано для обоснования так называемого «закона» убывающего плодородия почвы.

В III томе «Капитала» Маркс замечает на основе тщательного исследования большого материала: «Таким образом падает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Веста [West], Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход к худшей и худшей почве...»¹.

А из этой неверной предпосылки Рикардо делает и соответственные выводы: переход к обработке худших земель должен привести к росту заработной платы, а следовательно, к снижению прибыли и накопления.

«Но если, — пишет он в главе о прибыли, — а это безусловно произойдёт — вместе с повышением цены хлеба повысится и заработная плата, то прибыль necessarily упадёт»². А в дальнейшем «...весьма низкая норма прибыли остановит всякое накопление, и почти весь продукт страны, за вычетом платы рабочим, станет собственностью землевладельцев и сборщиков десятины и налогов»³.

Представление Рикардо об обязательном переходе человечества от обработки лучших земель к худшим в то же время служит ему добавочным аргументом в борьбе против пошлин на ввозимый хлеб.

«Результаты накопления, — пишет он, — будут различны в разных странах в зависимости главным образом от плодородия земли. Как бы обширна ни была страна, земля которой недостаточно плодородна и куда ввоз жизненных припасов запрещён, самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться там значительным понижением нормы прибыли и быстрым повышением ренты. И, наоборот, небольшая, но плодородная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов, может накапливать капитал в изобилии без значительного уменьшения нормы прибыли или значительного возрастания земельной ренты»⁴.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1953, стр. 673.

² Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 98.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 110—111.

Такова классовая позиция Рикардо как идеолога промышленного капитала.

Всё, что Рикардо писал о природе ренты, относится лишь к единственно существовавшей для него форме ренты — дифференциальной, т. е. разнице между индивидуальной и общественной ценой производства на продукты земледелия, определяющейся притом условиями производства на худших землях. Абсолютную ренту, т. е. ту часть прибавочной стоимости, которая присваивается землевладельцами как монопольными собственниками земли, Рикардо полностью игнорирует. Как говорит Маркс, «...он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной»¹. В этом сказывается классовая ограниченность Рикардо, непонимание им социальных причин возникновения ренты.

Таковы в основном положительные и отрицательные стороны теории ренты Рикардо. Заслуга его состоит в том, что он связал теорию ренты с теорией трудовой стоимости, что помогло ему понять природу дифференциальной ренты и было использовано им в борьбе с лендлордами. Но, конечно, игнорирование абсолютной ренты мешало ему довести свои теоретические построения и свою борьбу до логического конца.

Тем не менее то новое и положительное, что имелось в теории ренты Рикардо, послужило ему весьма ценным оружием в борьбе против хлебных законов и их апологетов во главе с Мальтусом.

Ярый защитник интересов имущих классов, и прежде всего землевладельцев, Мальтус всячески отстаивал их монополию на владение землёй как источник высоких цен на хлеб и высокой земельной ренты. Рикардо же беспощадно изобличал подлинную природу этой монополии. Так, Мальтус упрекал своего французского собрата Сэя за недостаточное уважение к монопольным правам землевладельцев, выразившееся в его замечании: «К счастью, никто не мог сказать: ветер и солнце принадлежат мне, и услуги, которые они оказывают, должны быть мне оплачены». Но Рикардо идёт дальше Сэя и делает такое примечание: «Может ли кто-либо сомневаться в том, что, если бы кому-нибудь удалось присвоить ветер и солнце, он смог бы обеспечить себе получение ренты за пользование ими?»².

В этом коротком примечании резко выражается антагонизм интересов двух классов — отживающего и пришедшего ему на смену. Ещё резче выражается этот антагонизм в борьбе Рикардо против хлебных пошлин. Так, например, его статья «О покровительстве земледелию» отнюдь не является только

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 662.

² Д. Рикардо, Примечания к книге Мальтуса, стр. 134 настоящего тома.

теоретической статьёй — она вся состоит из ряда его выступлений в парламенте или в каких-либо общественных собраниях против требований землевладельцев.

В статьях «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала» и «О покровительстве земледелию» Рикардо длинным и иногда извилистым путём доказывает экономическую невыгодность хлебных пошлин и приходит к одному и тому же выводу.

«Я буду очень сожалеть, — пишет он в конце первой статьи, — если внимание к интересам какого-нибудь отдельного класса приведёт к задержке роста богатства и населения страны. Если интересы землевладельцев окажутся достаточно влиятельными, чтобы заставить нас отказаться от всех выгод, связанных с ввозом хлеба по дешёвой цене, то они должны будут также повлиять на нас и в смысле отказа от введения каких-либо усовершенствований в земледелии и улучшения орудий обработки земли. ...Чтобы быть последовательными, мы должны одним ударом приостановить все усовершенствования и запретить ввоз хлеба»¹.

Решительная классовая постановка вопроса. Хищнические интересы землевладельцев делают их врагами технического прогресса, развития производительных сил. Они получают высокую ренту при отсталых способах производства, более прогрессивные грозят её уменьшить.

Свою статью «О покровительстве земледелию» Рикардо заканчивает чисто практическими соображениями: «Мы должны как можно скорее, с должным учётом интересов настоящего момента установить то, что может быть названо по существу свободной торговлей хлебом. Такая мера была бы полезна с точки зрения интересов фермера, потребителя, капиталиста»².

Практическая позиция Рикардо вполне ясна: на первом плане у него интересы капиталиста вообще и капиталистического фермера в частности, причём интересы потребителя в широком смысле слова в данном случае близки к их интересам. Что же касается лендлорда, то, пишет Рикардо, «устойчивые цены и регулярное получение ренты» тоже выгоднее для него, чем «колеблющиеся цены и нерегулярное получение ренты»³. Такова подачка, которую бросает Рикардо лендлордам, возможно, из политических соображений.

Такой же определённый характер носят примечания Рикардо к теории ренты Мальтуса, изложенной последним в его «Началах политической экономии».

¹ Д. Рикардо, Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала, стр. 40 настоящего тома.

² Д. Рикардо, О покровительстве земледелию, стр. 87—88 настоящего тома.

³ Там же, стр. 88.

Выше мы уже приводили ироническое примечание, относящееся к возможности захвата получателями ренты даже солнца и ветра, если бы такой захват приносил ренту. Но, конечно, этим дело не ограничивается.

Мальтуса чрезвычайно возмутили взгляды на ренту, изложенные Рикардо в «Началах политической экономии и налогового обложения». В особенности ненавистными показались ему утверждения Рикардо о противоположности интересов землевладельцев — получателей ренты — и потребителей. Мальтус негодует по поводу того, что, по мнению Рикардо, на цену хлеба влияет монопольная собственность на землю и что она «выгодна только для земельных собственников и в той же степени убыточна для потребителей»¹.

На это Рикардо отвечает: «Хлеб, производимый при более благоприятных условиях и на более плодородной земле, будет доставлять ренту пропорционально разнице в издержках его производства». Но «эта рента не есть чистый выигрыш (очевидно, выигрыш для общества. — *М. С.*), — если землевладельцы получают больше, то и покупатели хлеба платят больше, и поэтому... я могу сказать, что это есть перенесение богатства, выгодное для землевладельцев и соответственно *убыточное* для потребителей»².

Здесь достаточно чётко выражены представления Рикардо о противоположности интересов землевладельцев и потребителей хлеба. Не менее чётко отмечает Рикардо и противоположность интересов землевладельцев и промышленных капиталистов.

В ответ на замечание Мальтуса: «Невозможно, чтобы рента постоянно оставалась частью прибыли на капитал или заработной платы рабочих», Рикардо отвечает:

«Часть того, что в будущем станет рентой, образует теперь прибыль на капитал. Неправильно, я полагаю, говорить, будто рента, когда бы то ни было, составляет часть прибыли на капитал: рента образуется из прибыли на капитал; когда она была прибылью, она не была рентой»³.

Рикардо неоднократно возражает против стремления Мальтуса отождествить ренту с прибавочным продуктом, в частности, когда речь идёт о налогах.

«Прибыли получают из прибавочного продукта; если бы прибыли облагались налогом, последний изымался бы из прибавочного продукта, но именно поэтому он не изымался бы из ренты. Г-н Мальтус отождествляет здесь прибавочный продукт с рентой»⁴.

¹ *Д. Рикардо*, Примечания к книге Мальтуса, стр. 139 настоящего тома.

² Там же.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Там же, стр. 145.

В ряде примечаний Рикардо говорит о влиянии уровня ренты на взаимоотношения труда и капитала. В особенности чётко формулирует он свою позицию в следующем месте:

«Общество заинтересовано в получении с земли большого чистого прибавочного продукта; оно заинтересовано также в том, чтобы этот большой чистый прибавочный продукт продавался по низкой цене...

Благосостояние людей... повышается потому, что они могут покупать то же количество продукта по более дешёвой цене — иначе говоря, с затратой меньшего количества труда или за продукт меньшего количества своего труда. Благосостояние капиталистов повышается потому, что с удешевлением продуктов питания снизится и заработная плата. Низкая заработная плата — только другое название для высоких прибылей»¹.

Таким образом, для Рикардо — идеолога промышленного капитализма — высокие прибыли являются выгодой не только для владельца промышленного капитала, но и для всего общества. Эту же точку зрения он выражает и в другом примечании:

«Если бы ввоз (хлеба. — *М. С.*) был разрешён и вы допустили бы, чтобы хлеб был дешёв, то, владея денежным капиталом того же размера, я мог бы дать работу гораздо большему числу рабочих... поэтому, не допуская свободного ввоза, вы лишили нас тех товаров, которые могло бы потребить это добавочное число рабочих»².

Ясно, что отсутствие этого добавочного количества товаров лишает соответственно и прибыли владельцев тех капиталов, которые были бы затрачены на производство этих товаров. Но позиция Рикардо ещё более ясна из другого примечания:

«Подлинная дешевизна хлеба, его низкая трудовая цена, является действительной причиной высоких прибылей, независимо от того, получается ли она непосредственно от обработки земли или благодаря ввозу. Без дешевизны хлеба, т. е. без большого прибавочного продукта, получаемого в обмен на труд, прибыли не могут быть высоки. Но и при дешевизне хлеба они могут не быть высоки, потому что положение рабочего может случайно оказаться таким, при котором он сможет взять себе большую долю прибавочного продукта, иначе говоря, он сможет получать высокую заработную плату»³.

Здесь с полной ясностью отражено мировоззрение Рикардо. Прибавочный продукт не должен быть распределён так, чтобы основная часть его шла землевладельцу, как того требует Мальтус. Но и рабочим не должна идти слишком большая часть

¹ *Д. Рикардо*, Примечания к книге Мальтуса, стр. 163—164 настоящего тома.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 189.

этого продукта; он должен идти главным образом на прибыль промышленного капитала. Ведь это путь к развитию производительных сил.

Как замечает Маркс, для Рикардо «...было безразлично, поражает ли насмерть развитие производительных сил земельную собственность или рабочих»¹.

Маркс показывает на ряде примеров научную беспристрастность Рикардо. Что же касается Мальтуса и его апологии интересов землевладельцев, то Маркс даёт ему следующую отповедь:

«Единственное применение теории, сделанное Мальтусом, — это защита охранительных пошлин, которых требовали лэнд-лорды в 1815 г., сикофантская услуга аристократии, и новое оправдание нищеты производителя богатств, новая апология эксплуататоров труда»².

Эти высказывания Маркса проливают свет на всю полемику Рикардо с Мальтусом. Все разделы публикуемых «Примечаний» хорошо иллюстрируют их; наибольшей научной и политической остротой отличается при этом, несомненно, раздел, посвящённый взглядам Мальтуса на ренту. Критические примечания Рикардо, как и его статьи по аграрному вопросу, представляют для советского читателя несомненный интерес, помогут ему глубже и полнее понять борьбу Рикардо и Мальтуса.

М. Смит.

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, 1936, стр. 206.

² Там же, стр. 205.

ОПЫТ О ВЛИЯНИИ
НИЗКОЙ ЦЕНЫ ХЛЕБА
НА ПРИБЫЛЬ С КАПИТАЛА,
ПОКАЗЫВАЮЩИЙ
НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ
ОГРАНИЧЕНИЙ ВВОЗА,
А ТАКЖЕ ЗАМЕЧАНИЯ
ПО ПОВОДУ
ДВУХ ПОСЛЕДНИХ
СОЧИНЕНИЙ

Г-НА МАЛЬТУСА:

«ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ
И РАЗВИТИИ РЕНТЫ»
И «ОСНОВЫ ВЗГЛЯДА
НА ПОЛИТИКУ ОГРАНИЧЕНИЯ
ВВОЗА
ИНОСТРАННОГО ХЛЕБА»

Лондон 1815г.

ВВЕДЕНИЕ

При исследовании вопроса о прибыли с капитала необходимо рассмотреть принципы, регулирующие повышение и падение ренты, ибо рента и прибыль, как мы увидим дальше, весьма тесно связаны друг с другом. Принципы, регулирующие ренту, изложены кратко на последующих страницах и лишь в малой степени отличаются от принципов, так исчерпывающе и так основательно изложенных г-ном Мальтусом в его превосходной работе, которой я обязан очень многим. Рассмотрение этих принципов, а также принципов, регулирующих прибыль с капитала, убедило меня в целесообразности освобождения ввоза хлеба от законодательных ограничений. Судя по общим принципам, выдвигаемым г-ном Мальтусом во всех его сочинениях, я убеждён, что он держится того же мнения, поскольку речь идёт о прибыли и богатстве; учитывая, однако, как он это делает, огромную, угрожающую нам опасность зависимости значительной части наших пищевых ресурсов от иностранного снабжения, он считает в общем разумным ограничить ввоз. Не разделяя с ним этих опасений и расценивая, быть может, более высоко выгоды от дешёвой цены на хлеб, я пришёл к совершенно другому заключению. Я старался дать ответ на некоторые из возражений, выдвигаемых им в его последнем сочинении «Основы взгляда и т. д.»; здесь нет, по моему мнению, той политической опасности, о которой он говорит; высказываемые же им соображения противоречат общему учению о выгодах свободной торговли — учению, утверждению которого он сам так много способствовал в своих сочинениях,

ОПЫТ О ВЛИЯНИИ НИЗКОЙ ЦЕНЫ ХЛЕБА НА ПРИБЫЛЬ С КАПИТАЛА

Г-н Мальтус весьма правильно считает, что «рента с земли есть та часть стоимости всего продукта, которая остаётся в распоряжении собственника после оплаты всех связанных с обработкой земли расходов какого бы то ни было рода, включая прибыль с применяемого им капитала, определяемую согласно обычной, установившейся норме прибыли с земледельческого капитала в данное время».

Следовательно, каждый раз, когда сумма обычной, установившейся прибыли с земледельческого капитала и всех расходов, связанных с обработкой земли, равна стоимости всего продукта, ренты быть не может.

Когда же стоимость всего продукта равна только расходам, необходимым для обработки, то не может быть ни ренты, ни прибыли.

При первоначальном заселении страны, богатой плодородной землёй, которую может занять всякий, кто пожелает, весь продукт за вычетом лишь расходов, связанных с обработкой, составит прибыль на капитал и будет принадлежать собственнику этого капитала, без какого-либо вычета на ренту.

Так, если бы капитал, применяемый на такой земле каким-нибудь лицом, равнялся по стоимости 200 квартерам пшеницы и одна половина его состояла бы из основного капитала — зданий, орудий и т. д., а другая — из оборотного и если бы, после возмещения основного и оборотного капитала, стоимость оставшегося продукта составляла 100 квартеров пшеницы или была бы равна по своей стоимости 100 квартерам пшеницы, то чистая прибыль собственника капитала составила бы 50%, или 100 квартеров прибыли на капитал в 200.

В продолжение некоторого периода времени прибыль на земледельческий капитал могла бы оставаться на том же уровне,

поскольку земля, одинаково плодородная и одинаково хорошо расположенная, имела бы в изобилии и, следовательно, могла бы обрабатываться на тех же выгодных условиях по мере увеличения капитала первого и последующих поселенцев.

Прибыль может даже возрасти, потому что при более быстром росте населения по сравнению с капиталом заработная плата может упасть; вместо 100 кварталов пшеницы для оборотного капитала потребуются тогда только 90, прибыль же с капитала возрастет, следовательно, с 50 до 57%.

Прибыль может также возрасти благодаря введению в земледелии улучшений или более усовершенствованных орудий обработки, которые увеличивают количество продукта при тех же издержках производства.

При повышении заработной платы или применении худшей системы обработки земли прибыль снова упала бы.

Таковы обстоятельства, которые во все времена оказывают в большей или меньшей степени своё действие (они могут замедлять или ускорять естественный ход роста богатства путём повышения или понижения прибылей), увеличивая или уменьшая предложение пищевых продуктов при применении для обработки земли одного и того же капитала¹.

Предположим, однако, что в области земледелия не введено никаких усовершенствований и что капитал и население возрастают в соответственной пропорции, так что реальная заработная плата продолжает всё время оставаться на том же уровне; мы сможем, таким образом, установить, какие именно

¹ Г-н Мальтус полагает, что излишек продукта, получаемый благодаря уменьшению заработной платы или вводимым в земледелии усовершенствованиям, является одной из причин повышения ренты. По моему мнению, эти условия только увеличивают прибыль.

«Накопление капитала выше того уровня, при котором он может быть применён на земле, отличающейся наибольшим естественным плодородием и наилучше расположенной, должно необходимо понизить прибыль; в то же время тенденция населения возрастать быстрее, чем средства существования, должна после определённого периода понизить заработную плату».

«Издержки производства, таким образом, уменьшаются, но стоимость продукта, т. е. количество труда и других продуктов труда, кроме хлеба, которые можно получить за этот продукт, не уменьшится, а увеличится».

«Увеличится число людей, нуждающихся в средствах существования и готовых предложить свои услуги в любой форме, в какой они только могут быть полезны. Поэтому меновая стоимость средств пропитания будет превышать издержки производства, включая в эти издержки и всю прибыль на капитал, приложенный к земле, соответствующую существующей в данное время норме прибыли. Этот излишек и есть рента» («An Inquiry into the Nature and Progress of Rent», p. 18).

На стр. 19, говоря о Польше, г-н Мальтус снова приписывает одну из причин ренты дешевизне труда. На стр. 22 он говорит, что падение заработной платы или уменьшение, благодаря введённым улучшениям, числа рабочих, необходимого для получения данного результата, повышает ренту.

результаты должны быть приписаны росту капитала, какие — увеличению населения и какие — распространению обработки на более отдалённую и менее плодородную землю.

Предположим, что при определённом уровне развития общества прибыль на земельный капитал составляет 50%; тогда прибыль на всякий другой капитал, применяемый либо в простейших производствах, соответствующих такой стадии развития общества, либо во внешней торговле, ведущейся с целью обмена сырых материалов на товары, на которые имеется спрос, будет также составлять 50%¹.

Если бы прибыль на капитал, применяемый в промышленности, была выше 50%, то капитал был бы извлечён из земли для применения его в промышленности. Если бы она была ниже 50%, то капитал переместился бы из промышленности в земледелие.

После того как вся плодородная земля, находящаяся в непосредственном соседстве с первыми поселенцами, обработана, капитал же и население продолжают расти, потребуется больше предметов пропитания, а они могут быть получены только с земли, расположенной не столь выгодно. Предполагая даже, что эта земля одинаково плодородна, необходимость иметь больше рабочих, лошадей и т. д. для перевозки продукта из того места, где он произрастает, в то, где его будут потреблять, повлечёт за собой, даже если заработная плата рабочих не изменится, необходимость постоянно затрачивать больший капитал для получения того же продукта. Предположим, что это увеличение капитала равно по стоимости 10 квартерам пшеницы; тогда весь капитал, вложенный в новую землю, равнялся бы 210 квартерам, хотя получаемый продукт был бы такой же, как и на старой земле; следовательно, прибыль на капитал упала бы с 50 до 43%, или до 90 на 210².

¹ Я не хочу этим сказать, что нормы прибыли в земледелии и в обрабатывающей промышленности будут строго одинаковы — между ними установится лишь определённое отношение. Адам Смит объяснил, почему в некоторых отраслях применения капитала норма прибыли несколько ниже, чем в других, в зависимости от их надёжности, чистоты, респектабельности и т. д. и т. д.

Каково именно это отношение — это для моей аргументации не имеет значения, так как я хочу только доказать, что прибыль на земельный капитал не может изменяться значительно, не вызывая такого же изменения в прибыли на капитал, вложенный в обрабатывающую промышленность и в торговлю.

² Прибыль на капитал падает, потому что нет больше столь же плодородной земли, а в течение всей истории общества прибыль регулируется трудностью или лёгкостью добывания пищи. Этот принцип имеет огромное значение, но он был почти совершенно оставлен без внимания в произведениях политико-экономов. Они, очевидно, думают, что прибыль на капитал может быть повышена при помощи коммерческих факторов независимо от наличия средств пропитания.

На земле, первой поступившей в обработку, прибыль будет прежней, а именно 50%, или 100 кварталов пшеницы; но, так как средняя прибыль* на капитал регулируется прибылью, получаемой с наименее прибыльного приложения капитала в земледелии, то произойдёт разделение 100 кварталов пшеницы: 43%, или 86 кварталов, составят прибыль на капитал, а 7%, или 14 кварталов, — ренту. А что такое разделение должно произойти, станет очевидно, если мы примем во внимание, что собственник капитала стоимостью в 210 кварталов пшеницы получит совершенно одинаковую прибыль, будет ли он обрабатывать более отдалённую землю или будет платить первому поселенцу 14 кварталов в виде ренты.

На этой стадии прибыль на любой капитал, вложенный в производство, упала бы до 43%.

Если при дальнейшем росте населения и богатства для получения того же дохода потребовался бы продукт с большей площади земли, то либо из-за большего расстояния, либо из-за худшего качества земли могло бы оказаться необходимым вложить капитал стоимостью в 220 кварталов пшеницы; прибыль на капитал упала бы тогда до 36%, или до 80 на 220, а рента с первого участка земли поднялась бы до 28 кварталов пшеницы; со второго же поступившего в обработку участка земли тоже начала бы теперь поступать рента, достигающая 14 кварталов.

Прибыль на любой капитал, занятый в производстве, также упала бы до 36%.

Таким образом, по мере поступления в обработку земли худшего качества или менее благоприятно расположенной, рента повышалась бы с земли, поступившей в обработку раньше, а прибыль падала бы в такой же точно степени; если же незначительный размер прибыли не мешает накоплению, то вряд ли есть какой-нибудь предел повышению ренты и падению прибыли.

Если бы вместо вложения капитала в обработку более отдалённой новой земли дополнительный капитал стоимостью в 210 кварталов пшеницы был бы вложен в землю, поступившую в обработку первой, и прибыль на этот капитал тоже составила бы 43%, или 90 на 210, то полученная с первого капитала прибыль в 50% была бы разделена таким же образом, как и прежде, — 43%, или 86 кварталов, составили бы прибыль, а 14 кварталов — ренту.

Если бы новый капитал в 220 кварталов был затрачен дополнительно с таким же результатом, как и прежде, то первый капитал дал бы ренту в 28 кварталов, а второй — в 14 кварталов,

* Рикардо употребляет термин *general profits*, что буквально означает «общая прибыль», но по смыслу соответствует понятию средней прибыли. — *Ред.*

тогда как прибыль на весь капитал в 630 кварталов была бы одинаковой и равнялась 36%.

Предположим, что природа человека изменилась так, что ему требуется количество пищи вдвое большее, чем требуется для его существования теперь, и что, следовательно, издержки по обработке земли сильно увеличились. При таких условиях знания и капитал старого общества, применённые к свежей и плодородной земле в новой стране, дали бы гораздо меньший прибавочный продукт, и прибыль на капитал отнюдь не могла бы быть, следовательно, так высока. Но накопление могло бы продолжаться дальше, хотя и более медленным темпом, и при поступлении в обработку более отдалённой или менее плодородной земли опять-таки возникла бы рента.

Естественный предел роста населения, конечно, наступил бы гораздо раньше, и рента никогда не могла бы подняться до той высоты, какой она может достичь теперь; по самой природе вещей, земля такого же плохого качества отнюдь не могла бы поступить в обработку; нельзя было бы также затратить на лучшую землю такой же капитал и получить с него адекватную прибыль¹.

Следующая таблица * построена на предположении, что первый участок земли даёт 100 кварталов прибыли на капитал в 200 кварталов, второй участок — 90 кварталов на 210, в соответствии с предыдущими вычислениями². Таблица показывает, что по мере развития страны будет увеличиваться весь продукт, получаемый с её земли, а в течение известного времени будет увеличиваться и та часть продукта, которая идёт на прибыль с капитала, равно как и та часть продукта, которая идёт на ренту; но в более поздний период всякое накопление капитала будет сопровождаться абсолютным и притом пропорциональным уменьшением прибыли, хотя рента будет неизменно расти. Мы увидим, что при затрате на земли различного качества

¹ Всё, что я сказал о происхождении и развитии ренты, представляет краткое повторение и попытку разъяснения тех принципов, которые так хорошо изложил г-н Мальтус, рассматривая те же проблемы в своём «Исследовании о природе и развитии ренты»; этот труд изобилует оригинальными идеями, применимыми не только к теории ренты, но и к проблеме налогов, являющейся, быть может, наиболее трудной и запутанной из всех вопросов, которыми занимается политическая экономия.

* См. таблицу на стр. 22. — *Ред.*

² Едва ли необходимо указать, что данные, на которых построена эта таблица, предположительны и что они, вероятно, далеки от действительности. Мы остановились на них, поскольку они пригодны для иллюстрации принципа, остающегося в силе независимо от того, составляла ли первая прибыль 50 или 5% и требуется ли для получения того же продукта на новой земле дополнительный капитал в 10 или в 100 кварталов. В соответствии с тем, что капитал, вложенный в землю, будет состоять в большей степени из основного и в меньшей степени из оборотного капитала, рента будет расти медленнее и собственность будет уменьшаться также менее быстро.

капитала в 1 350 кварталов собственник капитала будет пользоваться меньшим доходом, чем при затрате 1 100 кварталов. В первом случае вся прибыль составит только 270, а в последнем — 275, при затрате же 1 610 кварталов прибыль упадёт до $241\frac{1}{2}$ ¹.

Эта картина последствий накопления в высшей степени любопытна, и до сих пор никто ещё, мне кажется, не обращал на неё внимания.

Из таблицы будет видно, что в развивающейся стране рента не только растёт абсолютно, но что она растёт также по отношению к капиталу, вложенному в землю. Так, когда весь вложенный капитал составлял 410, землевладелец получал $3\frac{1}{2}\%$, при капитале в 1100 он получал $13\frac{1}{4}\%$ *, а при капитале в 1880 — $16\frac{1}{2}\%$. Землевладелец получает не только более значительное количество продукта, но и более значительную долю его.

Итак, рента² является при всяких условиях частью прибыли, получавшейся прежде с земли. Она никогда не бывает вновь созданным доходом, а всегда частью уже созданного дохода.

Прибыль на капитал падает только потому, что нельзя больше приобрести землю, столь же пригодную для производства продовольствия; степень же падения прибыли и роста ренты зависит всецело от увеличения издержек производства.

Если бы поэтому, по мере роста богатства и населения страны, к ней могли бы быть присоединены при каждом увеличении капитала новые участки плодородной земли, прибыль никогда не падала бы, а рента никогда не поднималась бы³.

¹ Таково было бы действие непрерывно накапливающегося капитала в стране, которая отказалась бы ввозить иностранный и более дешёвый хлеб. Но после значительного понижения прибыли накопление приостановится, и капитал будет вывозиться для применения его в тех странах, где средства пропитания дешёвы, а прибыль высока. Все европейские колонии были основаны с помощью капитала метрополий, благодаря чему накопление в метрополиях приостанавливалось. К тому же та часть населения, которая занята во внешнеторговых перевозках, кормится иностранным хлебом. Нельзя сомневаться, что низкая прибыль, которая является неизбежным последствием действительно высокой цены хлеба, имеет тенденцию гнать капитал за границу. Это соображение должно было бы служить поэтому могучим доводом против установления нами ограничений ввоза.

* У Рикардо ошибка: надо $11\frac{1}{4}$, как и указано в таблице. — *Ред.*

² Под рентой я всегда разумею вознаграждение, получаемое землевладельцем за пользование первоначальными и неотъемлемыми силами земли. Затрачивает ли сам землевладелец капитал на свою собственную землю или же в ней остаётся по истечении срока аренды капитал, вложенный прежним арендатором, владелец может получить то, что обычно называют повышенной рентой; но часть её, очевидно, уплачивается за пользование капиталом. Другая часть уплачивается только за пользование первоначальными силами земли.

³ За исключением того случая, когда, как уже было замечено, реальная заработная плата повысилась бы, или при применении худшей системы земледелия.

ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РОСТ РЕНТЫ И ПРИБЫЛИ ПРИ ДАННОМ УВЕЛИЧЕНИИ КАПИТАЛА

Капитал, оцени- ваемый в квар- терах пшеницы	Прибыль в %	Чистый продукт в квартерах пше- ницы за вычетом издержек произ- водства на каж- дый капитал	Прибыль с I участка в квар- терах пшеницы	Рента с I уча- стка в квартерах пшеницы	Прибыль со II участка в квартерах пшеницы	Рента со II уча- стка в квартерах пшеницы	Прибыль с III участка в квартерах пшеницы	Рента с III уча- стка в квартерах пшеницы	Прибыль с IV участка в квартерах пшеницы	Рента с IV уча- стка в квартерах пшеницы	Прибыль с V участка в квартерах пше- ницы	Рента с V уча- стка в кварте- рах пшеницы	Прибыль с VI участка в квартерах пше- ницы	Рента с VI участка в квартерах пше- ницы	Прибыль с VII участка в квартерах пшеницы	Рента с VII уча- стка в квартерах пшеницы	Прибыль с VIII участка в квартерах пше- ницы
200	50	100	100	нет													
210	43	90	86	14	90	нет											
220	36	80	72	28	76	14	80	нет									
230	30	70	60	40	63	27	66	14	70	нет							
240	25	60	50	50	52 ¹ / ₂	37 ¹ / ₂	55	25	57 ¹ / ₂	60	нет						
250	20	50	40	60	42	48	44	36	46	24	48	12	50	нет			
260	15	40	30	70	31 ¹ / ₂	58 ¹ / ₂	33	47	34 ¹ / ₂	35 ¹ / ₂	36	24	37 ¹ / ₂	12 ¹ / ₂	40	нет	
270	11	30	22	78	23	67	24	56	25,3	44,7	26,4	33,6	27 ¹ / ₂	22 ¹ / ₂	27,6	12,4	29,7

	Весь затраченный капитал составляет	Вся сумма рен- ты, получаемой владельцами, в квартерах пшеницы	Вся сумма при- были, получаемая собственниками капитала, в квар- терах пшеницы	Прибыль в %, на весь капитал	Рента в %, на весь капитал	Весь продукт в квартерах пше- ницы за вычетом издержек производства
1-й период	200	нет	100	50		100
2-й »	410	14	176	43		190
3-й »	630	42	228	36	3 ¹ / ₂	270
4-й »	860	81	259	30	6 ³ / ₄	340
5-й »	1 100	125	275	25	9 ¹ / ₂	400
6-й »	1 350	180	270	20	11 ¹ / ₂	450
7-й »	1 610	248 ¹ / ₂	241 ¹ / ₂	15	13 ³ / ₄	490
8-й »	1 880	314 ¹ / ₂	205 ¹ / ₂	11	15 ¹ / ₂	520
					16 ¹ / ₂	

Если по мере роста богатства и населения страны денежная цена хлеба и заработная плата не изменяются ни в малейшей степени, прибыль будет всё же падать, а рента — подниматься, ибо для получения того же количества сырых материалов на более отдалённых или менее плодородных землях будет работать *большее число* рабочих. Издержки производства возрастут, следовательно, тогда как стоимость продукта останется прежней.

Но, как это неизменно наблюдается, цена хлеба и всех других сырых материалов неизменно растёт, по мере того как нация становится богаче и вынуждена прибегать к обработке более бедных участков земли для производства части своих средств пропитания; нетрудно убедиться, что при этих условиях естественный результат будет именно таков.

Меновая стоимость всех товаров растёт по мере того как возрастает трудность их производства. Если, таким образом, при необходимости затраты большего количества труда в производстве хлеба возникают новые трудности, тогда как для производства золота, серебра, сукна, холста и т. п. не требуется большего количества труда, меновая стоимость хлеба неизбежно повысится по сравнению со всеми этими предметами. Напротив, большая лёгкость в производстве хлеба или любого товара, каков бы он ни был, дающая возможность производить тот же самый продукт с помощью меньшего количества труда, понизит его меновую стоимость¹. Мы видим, таким образом, что усовершенствование методов в земледелии или орудий обработки земли понижает меновую стоимость хлеба²; усовершенствование машин, применяемых при обработке хлопка, понижает стоимость хлопчатобумажных изделий, а усовершенствования в горном деле или открытие новых и более богатых рудников драгоценных металлов понижают стоимость золота и серебра или, что то же самое, повышают цену всех других товаров. Во всех тех случаях, когда конкуренция может дать полный

¹ Низкая цена хлеба, обусловленная усовершенствованиями в земледелии, дала бы стимул для роста населения, увеличивая прибыль и поощряя накопление, а это привело бы опять-таки к повышению цены хлеба и понижению прибыли. Но при той же цене хлеба и при той же прибыли и той же ренте можно было бы содержать более значительное население. Таким образом, можно сказать, что усовершенствования в земледелии повышают прибыль и понижают на время ренту.

² Причины, которые делают более трудным приобретение дополнительного количества хлеба в развивающихся странах, действуют постоянно, тогда как заметные улучшения в земледелии или в орудиях обработки земли встречаются менее часто. Если бы эти противоположные факторы действовали с одинаковой силой, цена хлеба подвергалась бы только случайным изменениям, вызываемым неурожаем, увеличением или уменьшением реальной заработной платы или изменениями в стоимости драгоценных металлов в силу их изобилия или редкости.

эффект, а производство товаров не ограничивается естественными условиями, как это имеет место по отношению к некоторым винам, трудность или лёгкость производства товаров регулируют в конечном счёте их меновую стоимость¹. Таким образом, единственное воздействие роста богатства на цены независимо от всех усовершенствований в земледелии или в обрабатывающей промышленности заключается, повидимому, в повышении цен сырых материалов и цены труда, при сохранении первоначальных цен всех остальных товаров, а также в понижении средней прибыли вследствие общего повышения заработной платы.

Факт этот имеет гораздо большее значение, чем это кажется с первого взгляда, ибо он затрагивает интересы как землевладельцев, так и других членов общества. Положение землевладельца улучшается (в силу возросшей трудности получения средств пропитания, являющейся результатом накопления) не только потому, что он получает большее количество продуктов земли, но также и потому, что увеличивается меновая стоимость этого количества. Если рента поднимается с 14 до 28 кварталов, то она больше чем удвоится, потому что теперь землевладелец получит в обмен на 28 кварталов более чем двойное количество товаров. Так как размер ренты определяется и оплачивается в деньгах, то при предположенных условиях он получит более чем двойную денежную ренту по сравнению с прежней.

Подобным же образом, если бы рента понизилась, землевладелец понёс бы двойную потерю: он потерял бы ту часть сырого продукта, которая составляла его добавочную ренту, и имел бы кроме того убыток вследствие обесценения действительной или меновой стоимости сырого продукта, в котором или в стоимости которого оплачивалась бы остающаяся часть его ренты².

¹ Хотя цена всех товаров регулируется в конечном счёте издержками их производства, включающими и среднюю прибыль с капитала, и всегда тяготеет к ним, все они, а хлеб, пожалуй, даже скорее, чем большинство других, подвержены случайным изменениям в цене, вызываемым временными причинами.

² Было высказано мнение, что цена хлеба регулирует цены всех других предметов. Мне оно кажется ошибочным. Если на цену хлеба оказывает влияние рост или падение стоимости самих драгоценных металлов, то в этом случае будет действительно затронута и цена других товаров, но цены их изменяются потому, что изменяется стоимость денег, а не потому, что изменяется стоимость хлеба. По моему мнению, цена товаров не может значительно подняться или упасть до тех пор, пока сохраняется прежнее отношение между стоимостью денег и товаров или, вернее, до тех пор, пока выраженные в хлебе издержки производства тех и других остаются без изменения. При обложении товара налогом часть его цены уплачивается за право пользования им и не входит в состав его действительной цены.

Так как доход фермера реализуется в сырых материалах или в стоимости сырых материалов, то он, так же как и землевладелец, заинтересован в высокой меновой стоимости их; компенсацией же за низкую цену сырых материалов может служить для него увеличение их добавочного количества.

Отсюда следует, что интерес землевладельца всегда противоположен интересу всякого другого класса в обществе. Его дела никогда так не процветают, как при недостатке и дороговизне средств пропитания, тогда как для всех других людей возможность получать средства пропитания по дешёвой цене очень выгодна. Высокая рента и низкая прибыль — а они неизменно сопровождают друг друга — никогда не должны были бы вызывать жалоб, если бы они были следствием естественного хода вещей.

Они являются самыми несомненными доказательствами богатства и процветания, а также большого, сравнительно с плодородием почвы, населения. Средняя прибыль на капитал зависит целиком от прибыли, получаемой с последней доли капитала, вложенного в землю. Если бы поэтому землевладельцы отказались от всей своей ренты, то этим они не повысили бы средней прибыли на капитал и не понизили бы цен хлеба для потребителя. Как замечает г-н Мальтус, это не имело бы никакого иного результата, кроме возможности для фермера, арендующего теперь земли, с которых платится рента, жить подобно джентльмену и расходовать ту часть общего дохода, которая падает в настоящее время на долю землевладельца.

Богатство нации зависит не от изобилия денег и не от высокой денежной стоимости её товаров в обращении, но от изобилия товаров, доставляющих ей предметы комфорта и удовольствия. Хотя мало кто будет оспаривать это положение, многие смотрят всё же с величайшей тревогой на перспективу уменьшения своего денежного дохода, если даже меновая стоимость этого уменьшенного дохода увеличится настолько, что сможет доставить значительно больше предметов первой необходимости и роскоши.

Если, таким образом, установленные здесь принципы, управляющие движением ренты и прибыли, правильны, то средняя прибыль на капитал может повыситься только в результате падения меновой стоимости предметов пропитания, а это падение может быть вызвано только тремя причинами:

- 1) падением реальной заработной платы, что даст фермеру возможность доставить на рынок более значительный излишек продукта;
- 2) усовершенствованиями методов земледелия или орудий обработки земли, также увеличивающими излишек продукта;

3) открытием новых рынков, откуда хлеб может ввозиться по цене более дешёвой, чем его можно возделывать в своей стране.

Первая из этих причин действует более или менее постоянно, по мере того как цена, с которой начинается падение заработной платы, более или менее приближается к такому вознаграждению за труд, какое фактически необходимо в данное время для существования рабочего.

Повышение или понижение заработной платы представляет явление, общее всем состояниям общества, будь это состояние неизменным, прогрессирующим или регрессирующим. При неизменном состоянии общества заработная плата всецело регулируется увеличением или уменьшением населения. При прогрессирующем состоянии общества заработная плата изменяется в зависимости от того, что растёт более быстрым темпом — капитал или население. При регрессирующем состоянии она изменяется в зависимости от того, что уменьшается более быстрым темпом — капитал или население.

Как показывает опыт, капитал и население поочерёдно обгоняют друг друга, благодаря чему заработная плата становится то щедрой, то скудной; мы не можем поэтому сказать ничего определённого о прибыли, поскольку она зависит от заработной платы.

По-моему, можно, однако, доказать самым удовлетворительным образом, что в каждом обществе, богатство и население которого растут, независимо от влияния щедрой или скудной заработной платы средняя прибыль должна падать, если только в земледелии не будут вводиться усовершенствования или если хлеб не будет ввозиться по более дешёвой цене.

Таково, повидимому, необходимое следствие принципов, которые, как мы установили, регулируют движение ренты.

С этим положением вряд ли согласятся сразу те, кто приписывает рост прибыли расширению торговли и открытию новых рынков, где наши товары могут быть проданы дороже, а иностранные товары куплены дешевле, и кто отнюдь не считает при этом ни с состоянием земли, ни с нормой прибыли с последних частей капитала, вложенного в неё. Ничего не приходится слышать так часто, как утверждение, согласно которому прибыль от земледелия регулирует прибыль от продажи товаров не в большей мере, чем прибыль от продажи товаров регулирует прибыль от земледелия. Утверждают, что они поочерёдно занимают ведущее положение; если же прибыль от продажи товаров повышается, что, как говорят, имеет место при открытии новых рынков, то повышается и прибыль от земледелия; ведь защитники этого утверждения признают, что если бы последняя не повышалась, то капитал был бы изъят из земледелия и применён в более прибыльной отрасли. Но если принципы, регулирующие дви-

жение ренты, правильны, то, очевидно, что при том же населении и том же капитале прибыль от земледелия не может подняться, а рента — упасть до тех пор, пока ни одна часть земледельческого капитала не извлекается из обработки земли. Итак, приходится либо допустить — а это противоречит всем началам политической экономии, — что прибыль на торговый капитал * может значительно повыситься без каких-либо изменений прибыли на земледельческий капитал, либо допустить, что при этих условиях прибыль от продажи товаров не повысится¹.

Именно последнее мнение я считаю единственно правильным. Я не отрицаю, что первый, кто открыл новый и лучший рынок, может в течение известного времени, пока не сказывается действие конкуренции, получать прибыль необычных размеров. Он может продавать вывозимые им товары по более высокой цене, чем те, кому неизвестен новый рынок, или же купить ввозимые товары по более дешёвой цене. Пока этой отраслью занимаются только он или ещё немногие, прибыль их будет выше уровня средней прибыли. Но мы говорим о средней норме прибыли, а не о прибыли немногих отдельных лиц. Нельзя сомневаться в следующем: по мере того как эта отрасль станет широко известна и ею займутся многие, в ввозящей стране благодаря увеличившемуся изобилию иностранного товара и большей лёгкости, с какой он может быть получен, произойдёт такое падение цены его, что продажа его будет давать только среднюю норму прибыли; полученная прибыль будет не только далека от высокой прибыли, которую получали немногие лица, первыми занявшиеся новой отраслью, повысившей сначала среднюю норму прибыли, но и упадёт до обычного уровня.

Результаты будут вполне сходны с результатами введения усовершенствованных машин внутри страны.

Пока круг лиц, пользующихся машинами, ограничивается одним или немногими фабрикантами, последние могут получать

* Имеется в виду прибыль от продажи промышленных товаров. — *Ред.*

¹ Я нашёл у г-на Мальтуса удачную иллюстрацию: он правильно сравнил «почву с большим числом машин, из которых каждая поддаётся непрерывным усовершенствованиям с помощью приложения к ней капитала и в то же время каждая отличается совершенно различными качествами и мощностью». Как, спрашиваю я, может повыситься прибыль, пока мы вынуждены пользоваться машиной, обладающей самыми худшими первоначальными качествами и наиболее низкой мощностью? Мы не можем отказаться от пользования ею, так как оно является условием получения пищи, необходимой для нашего населения, а спрос на пищу согласно нашему предположению не уменьшился; но кто согласился бы пользоваться ею, если бы мог получить более значительную прибыль иным путём?

прибыль необычных размеров, потому что они могут продавать свои товары по цене, значительно превышающей издержки производства; но как только пользование этими машинами становится общим для всей отрасли промышленности, цена товаров упадёт до фактических издержек производства, и останется только обычная, установившаяся прибыль.

В продолжение периода передвижения капитала из одной отрасли в другую прибыль будет относительно высока в отрасли, к которой притекает капитал; она останется, однако, на этом уровне лишь до тех пор, пока не будет получен требующийся капитал.

Есть два пути увеличения благосостояния страны: один путь — это увеличение средней нормы прибыли, могущее, по моему мнению, иметь место только благодаря удешевлению пищи; но это приносит выгоду лишь тем, кто извлекает доход из применения своего капитала — в качестве ли фермеров, фабрикантов, торговцев или капиталистов, ссужающих свои деньги под проценты; другой путь — это изобилие товаров и падение их меновой стоимости, от чего выигрывает всё общество. В первом случае увеличивается доход страны; во втором — тот же доход даёт новый эффект: страна будет иметь возможность получать большее количество предметов жизненной необходимости и роскоши.

Расширение торговли, разделение труда в обрабатывающей промышленности и изобретение машин могут увеличить благосостояние наций только последним путём¹; все эти факторы увеличивают количество продуктов и в весьма значительной степени содействуют благосостоянию и счастью человечества, но они не имеют никакого влияния на норму прибыли, потому что не увеличивают количества продукта в сравнении с издержками производства в земледелии; а пока прибыль в земледелии остаётся неподвижной или уменьшается, прибыли в других отраслях не могут увеличиваться.

Итак, прибыль зависит от цены или, скорее, от стоимости пищи. Всё, что облегчает производство последней, будет повышать норму прибыли, как бы скудны или как бы обильны ни сделались товары; наоборот, всё, что увеличивает издержки производства пищи, не увеличивая её количества², будет при всех обстоятельствах понижать среднюю норму прибыли. Лёгкость получения пищи выгодна для собственников капитала в двух

¹ За исключением лишь случая, когда расширение торговли позволяет нам получать пищу по действительно более дешёвым ценам.

² Если благодаря внешней торговле или изобретению машин товары, потребляемые рабочими, стали бы значительно дешевле, заработная плата понизилась бы; а это, как мы уже указывали прежде, повысило бы прибыль фермера, а следовательно, и всякую иную прибыль.

отношениях: она одновременно увеличивает их прибыль и увеличивает количество потребляемых товаров. Лёгкость получения всех других предметов лишь увеличивает количество товаров.

Но если возможность покупать дешёвую пищу имеет такое большое значение и если ввоз хлеба будет иметь тенденцию уменьшать его цену, то, чтобы побудить нас ограничить ввоз, потребовались бы почти неопровержимые доказательства опасности, заключающейся в зависимости части нашего продовольствия от иностранного снабжения; ведь иным путём нельзя доказать необходимость такого ограничения, которое принудительно удерживало бы капитал в тех отраслях, какие он в противном случае покинул бы для более выгодных.

Если бы законодательная власть избрала раз навсегда твёрдую политику в вопросах хлебной торговли, если бы разрешила постоянную свободную торговлю, а не поощряла бы или ограничивала ввоз в зависимости от каждого изменения цен, то мы, несомненно, сделали бы страной, регулярно ввозящей хлеб. Мы должны были бы стать таковой вследствие превосходства богатства и населения нашей страны (по сравнению с плодородием нашей почвы) над соседними странами. Для страны может быть выгодно ввозить хлеб либо при условии, что она сравнительно богата, что обработка всей её плодородной земли уже ведётся на высоком уровне и что для получения пищи, необходимой её населению, она вынуждена использовать худшие земли, либо же при условии, что она вообще не имеет плодородной почвы ¹.

Итак, тем многочисленным выгодам, которые в нашем положении принёс бы нам ввоз хлеба, можно было бы противопоставить только опасности, заключающиеся в зависимости скольконибудь значительной части нашего продовольствия от иностранного снабжения.

Эти опасности не поддаются очень точной оценке; они до некоторой степени определяются субъективными взглядами на дело, и их нельзя вычислить так же точно, как выгоды, получаемые в противном случае. Обычно указывают, что опасности эти двоякого рода: 1) в случае войны коалиция континентальных держав или же влияние нашего главного врага могут лишить нас нашего обычного снабжения; 2) в случае неурожая за границей вывозящие страны будут иметь возможность — и используют её на деле — удержать у себя обычно вывозившуюся часть хлеба для того, чтобы восполнить своё собственное недостаточное снабжение ².

¹ Этот принцип изложен очень обстоятельно г-ном Мальтусом на стр. 42 его «An Inquiry etc.».

² Именно этот последний взгляд и отстаивает главным образом г-н Мальтус в своём последнем сочинении «The Grounds of an Opinion etc.».

Если мы сделаемся страной, регулярно ввозящей хлеб, и иностранцы смогут с уверенностью полагаться на спрос нашего рынка, то в странах, богатых зерном, будет обрабатываться в расчёте на вывоз более значительная часть земли. Если мы примем во внимание стоимость хлеба, потребляемого в Англии даже в течение немногих недель, то мы поймём, что для стран континента, снабжающих нас сколько-нибудь значительным количеством хлеба, перерыв в их экспортной торговле не мог бы не сопровождаться в высшей степени разорительным коммерческим бедствием — бедствием, которому никакой государь или коалиция государей не пожелали бы подвергнуть свой народ; а если бы пожелали, то мерам такого рода не подчинился бы, вероятно, никакой народ. Попытка Бонапарта воспрепятствовать вывозу сырья из России вызвала в большей мере, чем какая-либо другая причина, те поразительные усилия, которые народ этой страны направил против, быть может, самой могущественной силы, какая когда-либо была собрана для покорения другой нации.

Громадный капитал, вложенный в землю, не мог бы быть внезапно извлечён при подобных условиях без огромных потерь. Кроме того, избыток хлеба на рынках стран, вывозящих зерно, подействовал бы на всё их снабжение и понизил бы цену хлеба ниже поддающихся подсчёту пределов. Непоступление тех статей прихода, которые имеют столь большое значение во всяком торговом предприятии, привело бы страну к ужасному разорению; и если бы даже она терпеливо переносила его, то сделалась бы неспособной вести войну с какой-либо надеждой на успех. Мы все были свидетелями бедствия в нашей собственной стране и все слышали о ещё большем бедствии в Ирландии, причём оба бедствия были результатом падения цены на хлеб; это произошло к тому же в такое время, когда наш собственный урожай был признан недостаточным, ввоз же регулировался ценами, и мы не испытали никаких результатов переполнения рынка. Какой характер приняло бы это бедствие, если бы цена хлеба упала до $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал или до восьмой части нынешней цены? Ведь воздействие изобилия или недостатка хлеба на его цену не прямо пропорционально увеличению или уменьшению его количества, а неизмеримо больше. Таковы, следовательно, трудности, которые пришлось бы испытывать вывозящим странам.

Наше положение было бы тоже нелёгким. Надо признать, что большое уменьшение обычного предложения, доходящее, вероятно, до одной восьмой всего нашего потребления, было бы значительным бедствием; но мы получали столько же хлеба даже тогда, когда земледелие в других странах не регулировалось постоянным спросом нашего рынка. Мы все

знаем, какой поразительный эффект оказывает повышение цены на предложение. Нельзя, мне кажется, сомневаться, что мы получали бы значительное количество хлеба из тех стран, с которыми мы не находились бы в состоянии войны; это количество при весьма экономном использовании нашего собственного продукта и при имеющихся запасах ¹ дало бы нам возможность просуществовать до тех пор, пока необходимый капитал и труд не были бы вложены в нашу собственную землю ради будущего производства. Я, конечно, признаю, что это было бы весьма прискорбной переменой, но я глубоко убежден в том, что мы не были бы поставлены пред такой альтернативой и что, несмотря на войну, к нам свободно поступал бы хлеб, выращиваемый в чужих странах специально для нашего потребления. Даже при самом враждебном отношении к нам Бонапарт разрешал вывоз хлеба в Англию по лицензиям, когда цены были у нас высоки вследствие неурожая; это имело место даже в тот период, когда всякая другая торговля была воспрещена. Такое положение не могло бы, конечно, создаться для нас внезапно; опасность этого рода была бы частично предусмотрена, и против неё были бы приняты надлежащие меры. Было ли бы в таком случае мудрой политикой издавать законы с целью предупреждения бедствия, которое, возможно, никогда не наступило бы, и жертвовать ежегодно доходом в несколько миллионов для того, чтобы гарантировать себя от весьма мало вероятной опасности?

Г-н Мальтус рисует нам хлебную торговлю, не стесняемую никакими ограничениями ввоза, в результате которой нас снабжают хлебом Франция и другие страны, где хлеб может доставляться на рынок по цене немногим выше половины той, по которой мы сами можем производить его на некоторых из наших более бедных земель. При этом он недостаточно принимает, однако, в расчёт, что за границей возделывалось бы более значительное количество хлеба, если бы ввоз его сделался установившейся политикой нашей страны. Не может быть ни малейшего сомнения, что при уверенности богатых зерном стран в регулярном спросе на английском рынке, при полной уверенности их в том, что наши законы о хлебной торговле не будут постоянно колебаться между премиями, ограничениями и запрещениями, они возделывали бы значительно большее количество хлеба; опасность значительного уменьшения вывоза вследствие плохих урожаев сделалась бы тогда менее вероятной. Страны, которые никогда ещё не снабжали нас хлебом,

¹ Так как Лондон является складочным местом для иностранного хлеба, эти запасы могут быть очень велики.

могли бы давать нам значительное количество его, если бы мы держались в этом вопросе твёрдой политики.

Именно в трудные периоды другие страны были бы особенно заинтересованы в том, чтобы удовлетворять наши потребности, так как меновая стоимость хлеба повышается не прямо пропорционально недостатку предложения, но в два, в три, в четыре раза больше, смотря по размерам этого недостатка.

Предположим, что потребление Англии составляет 10 млн. кварталов, денежная цена которых в обычный год равна 40 млн.; если предложение оказалось бы недостаточным на одну четверть, 7 500 тыс. кварталов продавались бы в таком случае не за 40 млн., но, вероятно, за 50 или больше. Тогда, при условии плохого урожая, вывозящая страна довольствовалась бы сама наименьшим количеством, необходимым для её собственного потребления, и воспользовалась бы высокой ценой в Англии, чтобы продать всё, что она могла бы сберечь; хлеб стал бы ведь дороже по сравнению не только с деньгами, но и с другими предметами. Если бы производители хлеба следовали какому-либо другому правилу, они, поскольку речь идёт о богатстве, были бы в худшем положении, чем если бы они постоянно ограничивали производство хлеба нуждами своего собственного народа.

Если на обработку земли было затрачено 100 млн. ф. ст. для получения хлеба, необходимого для поддержания существования населения, и ещё 20 млн. для возможности вывоза хлеба, то в неурожайный год был бы потерян весь доход от этих 20 млн.; а это не имело бы места, если бы страна не была вывозящей.

Каков бы ни был уровень цен, при котором вывоз мог бы подвергнуться ограничениям в других странах, возможность повышения цены хлеба до такого уровня уменьшилась бы благодаря тому, что в результате нашего спроса выращивалось бы более значительное количество хлеба.

Что касается предложения хлеба, то по отношению к отдельным странам обычно наблюдается, что если хлеб уродился плохо в одном округе, то, как правило, урожай хорош в других округах, так как если погода не благоприятствует данной почве или данному местоположению, то она милостива к другой почве или другому местоположению; благодаря этой компенсирующей силе провидение щедро предохранило нас от частых повторений неурожая. Если это наблюдение верно по отношению к одной стране, то во сколько раз правильнее будет оно для всех стран, составляющих в совокупности наш мир? Не будет ли недостаток в одной стране восполнен избытком в другой? Пережитый опыт показал нам, как велика сила высоких цен в деле снабжения; могут ли у нас теперь

быть какие-нибудь разумные основания предполагать, что мы можем подвергнуться какой-либо особой опасности в результате нашей зависимости от ввоза некоторого количества хлеба, необходимого для нашего потребления в течение нескольких недель?

Насколько мне известно, цена хлеба в Голландии, в стране, которая почти целиком зависит от иностранного снабжения, была поразительно устойчива даже в те бурные времена, которые переживала недавно Европа. Это доказывает самым убедительным образом, несмотря на незначительные размеры этой страны, что последствия неурожая не ложатся исключительно на ввозящие страны.

Никто не пытается отрицать, что в земледелии сделаны были большие усовершенствования и что значительный капитал был вложен в землю; однако, несмотря на все эти усовершенствования, мы не справились с теми естественными трудностями, которые являются результатом роста нашего богатства и процветания и заставляют нас обрабатывать с невыгодой наши худшие земли при ограничении или запрещении ввоза хлеба. Если бы мы были предоставлены самим себе и не были скованы законодательными постановлениями, мы извлекли бы постепенно наш капитал из обработки таких земель и ввозили бы продукты, которые мы в настоящее время производим на этих землях. Извлечённый капитал был бы употреблён на производство таких товаров, которые вывозились бы в обмен на хлеб¹. Такое распределение части капитала страны было бы более выгодно или оно не было бы принято. Это начало является одним из наиболее прочно установленных в науке политической экономии, и никто не признаёт его с большей готовностью, чем г-н Мальтус. Оно лежит в основе всей аргументации, развиваемой им при сравнении выгод и невыгод, сопровождающих неограниченную хлебную торговлю, в его «Замечаниях по поводу хлебных законов».

Однако в своём последнем сочинении, в одной его части, он говорит с большой настойчивостью о той потере земледельческого капитала, которую испытала бы страна, разрешив неограниченный ввоз. Он оплакивает потерю капитала, который в

¹ Если бы замечание г-на Мальтуса о том, что в Ирландии нет никаких фабрик, в которые можно было бы вложить капитал с прибылью, было верно, то капитал не извлекался бы из земли, и, следовательно, никакой утечки земледельческого капитала не существовало бы. Ирландия имела бы в этом случае столько же добавочной хлебной продукции, хотя последняя имела бы меньшую меновую стоимость. Доход Ирландии мог бы уменьшиться, но, если бы она не хотела или не могла производить промышленные товары и в то же время не хотела бы обрабатывать землю, она не имела бы совершенно никакого дохода.

ходе событий стал для нас совершенно бесполезен и затрачивая который мы в действительности терпим убытки. При окончательном усовершенствовании паровой машины или бумагопрядильной машины Аркрайта нам могли бы с таким же основанием сказать, что их не следовало бы вводить в употребление, потому что это привело бы к потере стоимости старых нескладных машин. Не подлежит, конечно, сомнению, что фермеры, арендующие худшие земли, оказались бы в убытке, но выигрыш нации был бы во много раз больше, чем сумма их потерь; после же завершения перехода капитала от земледелия к обрабатывающей промышленности сами фермеры увеличили бы свою прибыль весьма значительно, так же как и всякий другой класс общества, за исключением землевладельцев.

Можно было бы однако пожелать, чтобы на всё время действия арендных договоров фермеры были защищены против потерь, которые они, несомненно, понесли бы вследствие новой стоимости денег; последняя же при существующих денежных обязательствах фермеров по отношению к землевладельцам была бы результатом более дешёвой цены хлеба.

Было бы справедливо установить ограничительные пошлины на ввоз хлеба на три или четыре года, хотя нация пожертвует при этом гораздо большими суммами, чем те, какие смогут прикопить фермеры благодаря даже временному повышению цены хлеба; затем надо объявить, что по истечении этого периода хлебная торговля будет свободна и ввезённый хлеб не будет обложен никакими другими пошлинами, кроме тех, какими мы будем считать целесообразным обложить хлеб нашего собственного производства¹.

Г-н Мальтус, несомненно, прав, говоря, что «если бы только лучшие способы обработки земли, применяемые теперь в некоторых частях Великобритании, получили всеобщее распространение и если бы путём дальнейшего накопления и более равномерного распределения капитала и мастерства вся страна была доведена до уровня, соответствующего естественным

¹ Я отнюдь не согласен с Адамом Смитом или с г-ном Мальтусом по вопросу о последствиях обложения налогами предметов первой необходимости. Первый не находит достаточно резких слов для характеристики этих налогов. Г-н Мальтус более снисходителен. Оба они думают, что такие налоги имеют тенденцию уменьшать капитал и производство в несравненно большей степени, чем всякие иные. Я не говорю, что это лучшие из налогов, но они, по моему мнению, не подвергают нас ни одному из тех неудобств в отношении внешней торговли, о которых говорил Адам Смит; результаты их вообще не отличаются значительно от последствий всех других налогов. Адам Смит думал, что такие налоги падают исключительно на землевладельца; г-н Мальтус думает, что они падают поровну на землевладельца и на потребителя. Мне же кажется, что они падают целиком на потребителя.

преимуществам её почвы и её положения, то количество добавочного продукта было бы огромно и доставило бы средства существования для весьма значительного прироста населения»¹.

Соображение это вполне правильно и в высшей степени отрядно; оно показывает, что мы ещё весьма далеки от истощения наших ресурсов и что мы можем рассчитывать на такое увеличение процветания и богатства, благодаря которому мы далеко превзойдём уровень, достигнутый какой-либо из опередивших нас стран. Это может иметь место при любой системе — как при свободном, так и при ограниченном ввозе, — хотя и будет совершаться не одинаково ускоренным темпом и не может служить аргументом против использования нами в полном размере всех представляющихся нам выгод на каждой стадии нашего развития; это отнюдь не может служить основанием к тому, чтобы не использовать наш капитал наилучшим образом с целью обеспечить себе наибольший возможный доход. Как я уже сказал раньше, г-н Мальтус сравнил землю с большим числом машин, каждую из которых можно непрерывно улучшать при применении к ней капитала, причём каждая имеет в то же время совершенно различные основные свойства и мощности. Было ли бы разумно пользоваться некоторыми из этих худших машин с большими затратами, тогда как мы могли бы с меньшими затратами взять самые лучшие напрокат у наших соседей?

Г-н Мальтус думает, что низкая денежная цена хлеба была бы невыгодна для низших классов общества потому, что реальная меновая стоимость труда, т. е. возможность для него располагать предметами первой необходимости, комфорта и роскоши, не увеличилась бы, а уменьшилась вследствие этой низкой денежной цены. Некоторые его замечания по этому вопросу имеют, несомненно, большое значение; однако он недостаточно учитывает влияние лучшего распределения национального капитала на положение низших классов. Оно было бы для них благоприятно, потому что тот же самый капитал давал бы занятие большему количеству рук, не говоря уже о том, что более значительная прибыль привела бы к дальнейшему накоплению; таким образом, действительно высокая заработная плата, которая не преминула бы улучшить на продолжительное время положение рабочих классов, стала бы стимулом к увеличению населения.

Влияние на положение этого класса было бы в данном случае почти таким же, как и влияние усовершенствованных машин, которые, как это теперь уже более не подвергается сомнению,

¹ «Grounds etc.», p. 22.

имеют явную тенденцию повышать реальную заработную плату рабочего *.

Г-н Мальтус замечает также, что «из торговых и промышленных классов выгодами свободного ввоза будут пользоваться только те, кто непосредственно занят во внешней торговле».

Если наша точка зрения на ренту правильна — если рента поднимается, когда падает средняя прибыль, и падает, когда средняя прибыль поднимается, и если последствием свободного ввоза хлеба является понижение ренты, — точка зрения, принятая и отлично проиллюстрированная самим г-ном Мальтусом, — то все, кто заинтересован в торговле, т. е. капиталисты всякого рода, будь то фермеры, фабриканты или торговцы, значительно увеличат свою прибыль. Падение цены хлеба, являющееся результатом усовершенствований в земледелии или же свободного ввоза, понизит меновую стоимость одного только хлеба — цена всех прочих товаров не будет затронута. Если же упадёт цена труда, — а при падении цены хлеба это должно иметь место, — то реальная прибыль всех видов должна повыситься; и никто не выиграет от этого так основательно, как промышленная и торговая часть общества.

Если спрос на товары внутреннего производства со стороны землевладельцев сократится вследствие падения ренты, то он увеличится в гораздо большей степени благодаря возросшему богатству торговых классов.

Я не боюсь, что при введении ограничений ввоза хлеба мы потеряем какую-либо часть нашей внешней торговли; в этом пункте я схожусь с г-ном Мальтусом. При свободной торговле хлебом внешняя торговля значительно расширилась бы, но вопрос заключается не в том, сможем ли мы удержать нашу внешнюю торговлю на прежнем уровне, а в том, будет ли она в обоих случаях одинаково прибыльна.

Наши товары не стали бы продаваться за границей по более высокой или более низкой цене благодаря свободе торговли и дешёвой цене хлеба, но издержки производства были бы весьма различны для наших фабрикантов в зависимости от того, стоила ли пшеница 80 или 60 шилл. за квартал; прибыль увеличится, следовательно, на всю сумму издержек, сбережённых в производстве вывозимых товаров.

Г-н Мальтус приводит соображение, впервые высказанное Юмом, о том, что повышение цен оказывает магическое действие на промышленность; он констатирует также, что пони-

* Более поздние высказывания Рикардо о влиянии машин на заработную плату рабочего см. «Начала политической экономии и налогового обложения», гл. XXXI, т. I настоящего издания. — *Ред.*

жение цен оказывает соответственно угнетающее влияние¹. Мы уже установили, что повышение цен является одним из преимуществ, уравнивающих многие бедствия, сопровождающие обесценение денег, независимо от того, происходит ли последнее в результате действительного падения стоимости драгоценных металлов, повышения достоинства монеты или чрезмерных эмиссий бумажных денег.

Говорят, что повышение цен производит благотворное действие, ибо улучшает положение торговых классов за счёт получателей постоянного дохода и что именно среди торговых классов производятся большие накопления и поощряется промышленная деятельность.

Утверждают также, что, хотя возвращение к лучшей денежной системе в высшей степени желательно, оно всё же имеет тенденцию создать временную задержку накопления и промышленной деятельности, ибо оказывает на торговые элементы общества угнетающее влияние, являющееся результатом падения цен; г-н Мальтус предполагает, что к такому же результату приведёт и падение цены хлеба. Если бы замечание, сделанное Юмом, и было вполне обосновано, оно всё же не было бы применимо к рассматриваемому случаю; ведь каждый предмет, который хотел бы продать фабрикант, будет так же дорог, как и прежде; станет дешёвым лишь то, что фабрикант хотел бы купить, т. е. хлеб и труд, а это увеличит его барыши. Я должен опять заметить, что повышение стоимости денег понижает цены всех предметов, тогда как понижение цены хлеба понижает только заработную плату и, следовательно, повышает прибыль.

Итак, если процветание торговых классов совершенно несомненно влечёт за собой накопление капитала и поощряет производительную деятельность, то вернее всего этого можно добиться путём понижения цены хлеба.

Я не могу согласиться с г-ном Мальтусом, когда он одобряет мнение Адама Смита, согласно которому «то же количество производительного труда, занятого в обрабатывающей промышленности, *никогда* не может дать такого большого воспроизводства, как в земледелии». Я полагаю, что г-н Мальтус просмотрел в этой цитате слово «никогда», ибо в противном случае приведённое мнение гораздо больше соответствует учению экономистов*, чем его собственным взглядам; он сам ведь установил и, по моему мнению, вполне правильно, что при первом заселении страны и на каждой дальнейшей стадии её развития часть её капитала всегда вложена в такую землю,

¹ «Grounds etc.», p. 32.

* Физиократов. — *Ред.*

которая даёт только прибыль с капитала и не приносит никакой ренты. Производительный труд, приложенный к такой земле, никогда действительно не даёт такого *большого* воспроизводства, как тот же самый производительный труд, затраченный в обрабатывающей промышленности.

Разница, конечно, невелика и весьма охотно приносится в жертву ввиду той обеспеченности и респектабельности, которые связаны с приложением капитала к земле. Разве в младенческом состоянии общества, когда рента ещё не уплачивается, стоимость, воспроизводимая в простейших производствах и в изготовлении орудий обработки земли, не будет при данном капитале по меньшей мере равна той стоимости, какую дал бы тот же капитал, если бы он был вложен в землю?

Это мнение находится на самом деле в противоречии со всеми общими положениями г-на Мальтуса, которые он так хорошо защищал в своём последнем сочинении, как и во всех других. В «Исследовании», говоря о том взгляде Адама Смита, который я считаю сходным с вышеприведённым, г-н Мальтус замечает: «Я не могу, однако, согласиться с ним в том, что вся земля, которая даёт нам пищу, обязательно даёт и ренту. Земля, постепенно поступающая в обработку в развивающихся странах, может оплачивать только прибыль и труд. Надлежащая прибыль на занятый капитал, включающая, конечно, оплату труда, будет всегда достаточным стимулом для обработки». Но те же мотивы будут служить стимулом для других людей производить промышленные товары, и на одних и тех же стадиях общественного развития прибыль тех и других будет почти одинакова.

В ходе моего изложения мне нередко приходилось подчёркивать, что рента никогда не падает без соответствующего повышения прибыли на капитал. Если на сегодняшний день мы считаем более удобным ввозить хлеб, чем производить его, то мы исходим при этом исключительно из его более дешёвой цены. Если мы будем ввозить хлеб, то часть капитала, которая была вложена в землю последней и не приносила ренты, будет извлечена. Рента тогда упадёт, а прибыль повысится, и ещё одна часть капитала, вложенного в землю, подойдёт теперь под ту категорию его, которая приносит только обычную прибыль на капитал.

Если хлеб можно ввозить по более дешёвой цене, чем его можно вырастить у нас, хотя бы и не на самой плохой земле, то рента опять-таки упадёт, а прибыль поднимется; тогда другая и лучшая категория земли будет обрабатываться только ради прибыли. На каждом этапе нашего развития прибыль на капитал увеличивалась бы, а рента падала, и всё большее количество

земли оставалось бы заброшенным. Кроме того, страна сберегла бы всю разницу между ценой, по которой хлеб может быть выращен у нас, и ценой, по которой он может быть ввезён, на всём количестве его, которое мы получаем из-за границы.

Г-н Мальтус в высшей степени умело проанализировал значение дешёвой цены хлеба для тех, кто содействует покрытию процентов с нашего колоссального государственного долга. Я всецело соглашаюсь со многими его выводами по этому вопросу. Я убеждён, что богатство Англии значительно увеличилось бы благодаря большому понижению цены хлеба; однако вся денежная стоимость этого богатства уменьшилась бы. Она уменьшилась бы на всю разницу в денежной стоимости потреблённого хлеба и увеличилась бы на всю увеличившуюся меновую стоимость товаров, которые были бы вывезены в обмен на ввезённый хлеб. Однако увеличение денежной стоимости богатства вследствие вывоза отнюдь не покрывало бы уменьшения её от понижения цены на хлеб, потребляемый внутри страны.

Но, хотя и верно, что денежная стоимость массы наших товаров уменьшилась бы, из этого отнюдь не следует, что наш ежегодный доход уменьшился бы в той же степени. Защитники свободного ввоза основывают своё мнение о выгодности последнего на убеждении, что доход упал бы не в такой степени. А так как налоги платятся из нашего дохода, то бремя их в действительности не увеличилось бы.

Предположим, что доход страны понизился с 10 до 9 млн., в то время как стоимость денег изменилась в отношении 10 : 8; уплатив 1 млн. из меньшей суммы, такая страна получила бы более значительный чистый доход, чем если бы она уплатила 1 млн. из большей суммы.

Верно также, что держатель государственных бумаг получил бы в займах последних лет больше реальной стоимости, чем та, на которую он подписался, но, так как держатели государственных бумаг сами несут весьма значительную часть государственного бремени и участвуют, следовательно, в уплате процентов, которые они получают, то на них падёт немалая доля налогов; если же мы оценим добавочную прибыль, получаемую торговым классом, по её истинной стоимости, то увидим, что они всё же окажутся в значительном выигрыше, несмотря на подлинное увеличение уплачиваемых ими налогов.

Пострадали бы одни только землевладельцы, ибо им действительно пришлось бы платить больше не только без адекватной компенсации, но и при уменьшившейся ренте.

Правда, держатели государственных бумаг и те, кто живёт на постоянный доход, могут утверждать, что они больше всех пострадали во время войны. Стоимость их дохода уменьшилась

вследствие повышения цены хлеба и понижения стоимости бумажных денег, и в то же время ввиду падения курса государственных фондов сильно упала стоимость их капиталов. Кроме того, они пострадали от совершённых недавно изъятий из фонда погашения, которые, как предполагают, будут совершаться и дальше, — мера величайшей несправедливости, нарушающая торжественно принятые обязательства; ведь фонд погашения был так же обусловлен договором, как и дивиденд, и сделать его источником дохода означает нарушение всех здравых принципов. Именно рост этого фонда должен дать нам средства для ведения будущих войн, если мы не хотим вообще отказаться от системы фундированных займов. Затронуть фонд погашения — значит получить ничтожную временную помощь, пожертвовав большой выгодой в будущем. Это равносильно крушению всей системы г-на Питта, положенной в основу создания этого фонда. Он исходил из убеждения, что ценою небольшого обременения в настоящем можно получить огромную выгоду в будущем. Мы были свидетелями тех благодеяний, которые явились результатом его непреклонной решимости сохранить этот фонд неприкосновенным даже тогда, когда его теснила величайшая финансовая нужда и трёхпроцентные бумаги упали до 48 за 100; мы можем поэтому, я полагаю, сказать без всяких колебаний, что, если бы он был жив, он не одобрил бы принятых теперь мер.

Возвращаясь, однако, к обсуждаемому мною предмету, я сделаю ещё только одно замечание: я буду очень сожалеть, если внимание к интересам какого-нибудь отдельного класса приведет к задержке роста богатства и населения страны. Если интересы землевладельцев окажутся достаточно влиятельными, чтобы заставить нас отказаться от всех выгод, связанных с ввозом хлеба по дешёвой цене, то они должны будут также повлиять на нас и в смысле отказа от введения каких-либо усовершенствований в земледелии и улучшения орудий обработки земли. Ибо несомненно, что благодаря таким усовершенствованиям хлеб становится настолько же дешевле, рента так же понижается, а способность землевладельца платить налоги уменьшается, хотя бы временно, в такой же мере, как и вследствие ввоза хлеба. Итак, чтобы быть последовательными, мы должны одним ударом приостановить все усовершенствования и запретить ввоз хлеба.

О ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕ
ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

Лондон 1822г.

ВВЕДЕНИЕ

Нельзя, я думаю, отрицать, что в течение нескольких последних лет достигнуты большие успехи в деле распространения правильных взглядов на нецелесообразность обложения запретительными пошлинами ввоза иностранного хлеба. К несчастью, однако, по этому вопросу всё ещё существует много предрассудков; следует поэтому опасаться, что заблуждения, свойственные обычно тем, кто страдает от бедственного положения нашего земледелия, могут привести нас скорее к мерам, увеличивающим ограничения, чем к единственному действительному средству против этих бедствий — постепенному приближению к системе свободной торговли. Именно действующему хлебному закону следует приписать значительную часть этих бедствий; я надеюсь доказать, что занятие фермера будет подвергаться постоянным случайностям и находиться в особо невыгодных условиях по сравнению со всеми другими занятиями до тех пор, пока какая-либо система ограничения ввоза иностранного хлеба будет оставаться в силе; ибо благодаря действию такой системы цена хлеба в нашей стране будет постоянно значительно выше цены его в других странах.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, что составляет мою главную задачу, я хочу остановиться на некоторых из господствующих мнений, ежедневно высказываемых по вопросу о причинах настоящего бедствия, а именно: на учении о достаточной цене, на вопросе о налогах, о денежном обращении и т. д. Рассмотрев эти вопросы, мы сможем лучше исследовать столь важный вопрос о характере твёрдой политики, которую наша страна должна принять по отношению к хлебной торговле и дать, таким образом, народу наибольшую уверенность в возможности получать хлеб по дешёвой и стабильной цене при обильном предложении этого столь необходимого товара.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

О достаточной цене

Словами «достаточная цена» обычно обозначается цена, по которой хлеб может быть произведён: она включает в себя все расходы, в том числе и ренту, и оставляет производителю справедливую прибыль на его капитал. Из этого определения следует, что по мере того, как страна вынуждена для поддержания возрастающего населения переходить к обработке более бедных земель, цена хлеба, чтобы быть достаточной, должна повышаться. Если даже такие бедные земли и не приносят совсем ренты, то всё же благодаря более высоким расходам по обработке их в сравнении с любой другой землёй, поступавшей в обработку ранее и дающей то же количество продукта, эти расходы могут быть возмещены производителю только путём повышения цены. — «Я знаю округа в нашей стране, — говорит г-н Айвсон ¹, — в которых земля наилучшего качества производит от четырёх до пяти кварталов с акра. Я знаю, что имеются фермы, которые дают в среднем 4 квартала пшеницы с акра, или 32 бушеля». — «В какой части королевства?» — «В Уилтшире». — «А как вы оцениваете земли второго разряда?» — «Я думаю, что средней землёй или землёй второго разряда — то, что я назвал бы землёй среднего качества, но хорошо обрабатываемой, — может считаться та, которая приносит 2½ квартала». — «А земли низшего качества?» — «От 12 до 15 бушелей с акра». Г-ну Гарвею предложили вопрос: «Как велика, по вашим сведениям, низшая рента, какую уплачивали когда-либо за худшую землю, на которой выращивается хлеб?» — «18 пенсов с акра». Г-н Гарвей заявил далее, что за последние десять лет он получил со своей земли в среднем по 30 бушелей пшеницы с акра. Показания г-на Уэкфилда сводились к тому же, что и показания г-на Айвсона, но, по его

¹ Report, Agricultural Committee, 1821, p. 338.

словам, разница между количеством пшеницы, получаемым с акра находящейся под обработкой лучшей и с акра худшей земли, составляла не меньше 32 бушелей, ибо, как он сказал, «на морском побережье Норфолка, Суффолка, Эссекса и Кента урожай считается плохим, если он ниже 40 бушелей с акра»; к этому он прибавил: «Я не думаю, чтобы худшие земли давали свыше восьми бушелей с акра».

Предположим теперь, что население Англии составляет только половину его теперешних размеров и что нет никакой необходимости переходить к обработке земель, которые дают меньше 32 бушелей пшеницы с акра. Какова была бы в этом случае достаточная цена? Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что она держалась бы на таком низком уровне, при котором мы были бы вывозящей страной, а не ввозящей, при условии, что на континенте цены оставались бы в среднем на том же уровне, на каком они были в течение последних пяти или десяти лет? Правда, земля такого качества приносит теперь 32 бушеля и приносила бы не больше при сделанном мною предположении, но разве не верно, что стоимость 32 бушелей, производимых теперь, определяется издержками производства 12 или 15 бушелей на худших землях, о которых говорит г-н Айвсон? Если издержки производства 15 бушелей пшеницы так же велики теперь, как издержки производства 30 бушелей прежде, то для того, чтобы быть достаточной, цена должна удвоиться, ибо отношение, в котором должна повыситься цена, чтобы компенсировать производителя за его расходы, не зависит ни от произведённого количества, ни от потребляемого количества, а только от издержек производства. Разница между стоимостью того количества хлеба, которое получено на хорошей земле, и стоимостью его на плохой, всегда составляет ренту. Таким образом, прибыль арендаторов хорошей и плохой земли будет одинакова, но рента с лучшей земли будет превосходить ренту с худшей на всю разницу в количестве продукта, который земля может дать при тех же расходах. Все признают теперь, что рента является следствием повышения цены хлеба, а не его причиной. Все соглашаются также, что единственной постоянной причиной повышения стоимости хлеба является увеличение издержек его производства, вызываемое необходимостью обрабатывать худшие земли, с которых при затрате того же количества труда нельзя получить то же количество продукта.

Разве не верно, что рента с лучшей земли регулируется тем меньшим количеством в 15 бушелей, которым мы должны теперь довольствоваться на наших более бедных землях? Рента, представляющая теперь добавочный расход при обработке земли, дающей 32 бушеля, и равная стоимости 17 бушелей, т. е. разнице между 15 и 32 бушелями, не могла бы существо-

вать, если бы обрабатывалась только земля, дающая 32 бушеля. Итак, если издержки производства 15 бушелей на плодородной земле, включая расход на ренту, и издержки производства того же количества на плохой земле без уплаты ренты составляют теперь столько же, сколько составляли издержки производства 30 бушелей на плодородной земле в прежние времена, когда рента не уплачивалась, то цена хлеба должна удвоиться.

Таким образом оказывается, что если по мере прогресса общества ввоз хлеба совершенно не имеет места, то для прокормления увеличивающегося населения мы будем постоянно вынуждены прибегать к обработке худших земель; с каждым дальнейшим шагом нашего прогресса цена хлеба должна будет повышаться, а вместе с этим повышением неизбежно будет увеличиваться и рента с лучшей земли, которая поступила в обработку раньше. Более высокая цена становится необходимой как компенсация за меньшее количество, которое земля даёт теперь; но эта более высокая цена отнюдь не должна рассматриваться как благо; она никогда не существовала бы, если бы тот же урожай получался с помощью меньшего количества труда, — она не существовала бы, если бы благодаря приложению труда к обрабатывающей промышленности мы получали этот хлеб косвенным образом путём вывоза продукции промышленности в обмен на хлеб. Высокая цена, поскольку она является следствием высоких издержек, представляет зло, а не благо; цена высока, потому что на получение хлеба затрачивается большое количество труда. Если бы для получения его затрачивалось лишь немного труда, то большее количество труда, которым располагает страна и который является единственным подлинным источником её богатства, оставалось бы в её распоряжении и могло быть затрачено для получения других желательных ей полезных предметов.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

О влиянии повышения заработной платы на цену хлеба

Иные защитники ограничений хлебной торговли признают, вероятно, правильность многих положений, высказанных в предыдущем отделе. Они, однако, прибавят: легко, конечно, доказать, что покровительственные пошлины на ввозимый хлеб нельзя оправдать на том только основании, что для производства в нашей стране данного количества хлеба нужно затратить больше труда; такие пошлины необходимы всё же, чтобы защитить фермера от тех повышений заработной платы в нашей стране, которые вызываются налогами, падающими на рабочие

классы; последние должны получить компенсацию от предпринимателей путём повышения заработной платы. Этот аргумент исходит из предположения, что высокая заработная плата имеет тенденцию повышать цену товаров, на которые затрачивается труд. Если, говорят они, до введения налогов и повышения заработной платы, являющегося их следствием, фермер мог конкурировать с иностранными производителями хлеба, то он не может делать это, будучи вынужден нести бремя, от которого свободен его конкурент.

Этот аргумент полностью ошибочен: фермер отнюдь не поставлен в невыгодное положение по сравнению со своим конкурентом вследствие повышения заработной платы. Если бы, благодаря налогам, которые уплачиваются рабочими классами, заработная плата увеличилась, а это, по всей вероятности, имело бы место, то это в одинаковой степени затронуло бы все категории производителей. Если будет признано необходимым, чтобы для вознаграждения фермеров повысилась цена хлеба, то повышение цен одежды, шляп, обуви и всех других товаров сделается также необходимым, чтобы вознаградить производителей этих предметов. Либо, следовательно, цена хлеба не должна повышаться, либо цены всех других товаров должны повыситься вместе с ней.

Если ни хлеб, ни какой-либо другой товар не повышается в цене, то их относительная стоимость будет такая же, как и прежде; если все они повысятся в цене, то и тогда положение будет прежним. Либо покровительственные пошлины нужны для всех товаров, либо не нужны ни для одного. Наложить покровительственные пошлины на все товары было бы нелепо, потому что никто не выиграл бы от этого, — это ничуть не изменило бы относительной стоимости товаров; а ведь только путём изменения относительной стоимости товаров, а не одним лишь изменением цены, можно оказать покровительство какой-нибудь отрасли промышленности. Если бы Англия давала Германии ярд самого тонкого сукна за квартал пшеницы, то стремление её вести эту торговлю не увеличилось бы и не уменьшилось оттого, что цена как хлеба, так и сукна повысилась бы на 20%. Всякая внешняя торговля в конечном счёте сводится к обмену товаров; деньги представляют только меру, с помощью которой устанавливаются относительные количества товаров. Ни один товар не может быть ввезён, если не вывозится какой-либо другой товар; вывозимый же товар должен также повыситься в цене вследствие повышения заработной платы. Весьма существенно, чтобы допускался возврат пошлины на вывозимый товар, если на ввозимый товар уплачивается покровительственная пошлина. Но если не допускается ни возврат пошлины в одном случае, ни покровительственная пошлина в другом, то

результат получается тот же, потому что и в том и в другом случае за данное количество товара, производимого внутри страны, будет получаться одно и то же количество иностранного товара.

Если цена квартера хлеба повышается благодаря повышению заработной платы с 60 шилл. до 75 шилл., или на 25%, а цена некоторого количества шляп или сукна повышается в силу той же самой причины в том же отношении, то импортер хлеба в Англию потерял бы ровно столько же на товаре, который он вывозит, сколько выиграл бы на хлебе, который он ввозит. Если бы торговля была свободной, то цена хлеба не повысилась бы с 60 до 75 шилл., несмотря на повышение заработной платы. Не повысилась бы также в силу этой причины ни цена сукна, ни цена шляп или обуви. Но если бы я даже допустил, что цены их повысятся, то для хода моей аргументации это не составило бы никакого различия; мы тогда вывозили бы деньги в обмен на хлеб, потому что никакой другой товар не мог бы быть так выгодно использован в уплату за хлеб, — ведь, по нашему предположению, цены всех других товаров повысились. Вывоз денег постепенно уменьшил бы их количество и, следовательно, повысил бы их стоимость в нашей стране, в то время как ввоз их в другие страны произвёл бы в последних противоположное действие: он увеличил бы количество денег и понизил бы их стоимость, и, таким образом, цена хлеба, сукна, шляп и всех других предметов в Англии оставалась бы в том же отношении к ценам тех же товаров в других странах, в каком она находилась до повышения заработной платы. Повышение заработной платы, если оно становится общим, приводит при всех условиях к понижению прибыли и не повышает товарных цен. Если же повышаются цены всех товаров, то ни один производитель от этого не выигрывает. Какое значение имеет для него то обстоятельство, что он может продавать свой товар на 25% дороже, если он в свою очередь будет вынужден давать на 25% больше за каждый товар, который он покупает? Его положение будет совершенно одинаковым, когда он продаёт свой хлеб на 25% дороже и платит на 25% больше за шляпы, обувь, одежду и т. д. и т. д. или когда он продаёт свой хлеб по обычной цене и покупает все товары, которые он потребляет, по той же цене, по которой он покупал их прежде. Итак, ни один класс производителей не имеет права на покровительство на основании повышения заработной платы, потому что повышение заработной платы затрагивает в одинаковой степени всех производителей; оно не повышает цен товаров, ибо понижает прибыль; а если бы оно повысило цену товаров, то повысило бы их в одном и том же отношении и потому не изменило бы их меновой стоимости. Только в том случае, когда в силу вмешательства правительства

изменяется относительная стоимость товаров, можно оправдать любой налог, действие которого защищало бы нас против ввоза иностранного товара.

Многие предполагают, что повышение цены хлеба повлечёт за собой повышение цены всех других предметов; этот взгляд основан на ошибочном мнении об эффекте общего повышения заработной платы. Цена хлеба повышается потому, что увеличивается трудность его производства и повышаются издержки последнего; она ничуть не повысилась бы, если бы одновременно повысились цены всех других предметов. Для шляпочника и суконщика повышение цен действительно происходит, если они вынуждены отдавать в обмен за хлеб один больше шляп, а другой больше сукна; они совершенно не почувствовали бы повышения, и было бы невозможно определить, кто уплатил за возросшие издержки производства, если бы цены их товаров также повысились и товары обменивались бы на то же количество хлеба.

Можно установить как принцип, что всякая причина, влияющая одинаково на все товары в данной стране, не изменяет их относительной стоимости и не приносит никакой выгоды иностранным конкурентам; но любая причина, оказывающая воздействие только на один товар, изменяет его стоимость по отношению к другим, если не уравнивается адекватной пошлиной; это предоставит выгоду иностранному конкуренту и создаст тенденцию к лишению нас выгодной отрасли торговли.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

О влиянии налогов, которыми облагаются отдельные товары

В силу тех же причин, по которым покровительственные пошлины вообще нельзя оправдать повышением заработной платы, чем бы последнее ни было вызвано, их, очевидно, нельзя защищать при всеобщем налоговом обложении, затрагивающем одинаково все классы производителей. К числу таких налогов принадлежит подоходный налог; он затрагивает одинаково всех, кто употребляет капитал; и даже те, кто наиболее благосклонно относится к покровительственным пошлинам, никогда ещё не высказывались в пользу какой-нибудь покровительственной пошлины в связи с подоходным налогом. Но налог, одинаково затрагивающий все отрасли, принадлежит к той же категории, что и подоходный налог, потому что после уплаты налога стоимость продукции всех отраслей по отношению друг к другу сохраняется в том же размере, как и до обложения. Повышение заработной платы, подоходный налог или пропорциональный налог на все товары — все они действуют одинаковым образом: не меняют относительной стоимости товаров и потому не

ставят нас в сколько-нибудь невыгодное положение в нашей торговле с другими странами. Мы действительно страдаем от неудобств, связанных с уплатой налога, но у нас нет никакой возможности освободиться от этого бремени.

Однако налог, падающий исключительно на производителей отдельного товара, имеет тенденцию повышать цену этого товара, и если он не повысит её, то производитель его окажется в невыгодном положении в сравнении со всеми другими производителями; он уже не будет получать обычную среднюю прибыль от своего промысла. Благодаря повышению цены стоимость этого товара изменяется в сравнении с другими товарами. Если на ввоз такого же товара из других стран не налагается никакая покровительственная пошлина, это несправедливо по отношению к производителю внутри страны, и не только по отношению к производителю, но и по отношению к стране, к которой он принадлежит. В интересах общества производитель не должен быть вытеснен из той отрасли промышленности, которую он выбрал бы при системе свободной конкуренции и которой он стал бы придерживаться, если бы всякий другой товар облагался одинаково с его товаром. Налог, падающий исключительно на этого производителя, в действительности представляет премию в таком же размере на ввоз того же товара из-за границы; и, чтобы восстановить конкуренцию на справедливом уровне, было бы необходимо не только обложить ввозимый товар таким же налогом, но и позволить возврат пошлины в таком же размере при вывозе товара, произведённого внутри страны.

Производители хлеба подвергаются обложению некоторыми из таких особенных налогов, как десятина, часть налога на бедных и, быть может, один или два других налога; все эти налоги имеют тенденцию повышать цену хлеба и других сырых материалов в размере, равном этим особенным тяготам. Итак, пошлина должна была бы быть наложена на ввоз хлеба в таком же размере, в каком эти налоги повышают цену хлеба. Если в силу этих причин цена хлеба повышается на 10 шилл. с квартера, следовало бы наложить пошлину в 10 шилл. на ввоз иностранного хлеба и допустить возврат пошлины в этом же размере при вывозе хлеба. При помощи такой пошлины и возврата пошлины эта отрасль была бы поставлена в такое же положение, как если бы она никогда не подвергалась обложению, и мы были бы совершенно уверены, что капитал никогда не привлекался бы в эту отрасль и не изымался бы из неё с невыгодой для интересов страны.

Величайшее благо для страны, если её правительство воздерживается от влияния на собственника в деле того или иного распоряжения капиталом, какое собственник может счи-

тать для себя наиболее выгодным, т. е. не поощряет его и не ставит ему препятствий. Обложение десятиной и т. д. исключительно фермера не создаёт для него ещё никакого препятствия, если нет иностранной конкуренции, потому что он будет в состоянии повысить цену своего продукта, а если бы он не мог сделать это, он покинул бы отрасль, которая перестала доставлять ему обычную прибыль, установившуюся во всех других отраслях. Однако, при разрешении ввоза, ввозу иностранного хлеба оказывалось бы излишнее поощрение, если только иностранный товар не был бы обложен пошлиной, равной десятине или всякому другому исключительному налогу, который налагается на производителя внутри страны.

Но у отечественного производителя были бы всё же основания жаловаться, если бы ему отказали в возврате пошлины при вывозе хлеба, потому что он мог бы тогда сказать: «До того, как вы наложили пошлину, и до того, как цена моего продукта повысилась благодаря этой пошлине, я мог конкурировать с иностранным производителем на иностранных рынках; повысив цену моего хлеба, вы лишили меня этой выгоды; верните мне поэтому сумму, равную этой пошлине, и тогда вы восстановите для меня прежнее положение во всех отношениях, как относительно моих соотечественников в качестве производителей других товаров, так и относительно иностранных производителей сырых материалов». И его требование пришлось бы удовлетворить в согласии как со всеми принципами справедливости, так и с важнейшими интересами страны.

ОТДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

О влиянии богатого урожая на цену хлеба

В одном из предыдущих отделов я старался показать, что цена хлеба, чтобы быть достаточной, должна оплатить все расходы по его производству, включая в эти расходы установившуюся прибыль на занятый капитал. Действительно, только при соблюдении этих условий предложение хлеба регулируется в среднем за ряд лет. Если полученная цена будет меньше достаточной, то прибыль понизится или исчезнет совершенно. Если цена будет больше достаточной, то прибыль будет высока. В первом случае капитал будет извлечён из земледелия, и предложение постепенно приспособится к спросу. Во втором случае капитал будет привлечён в земледелие, и предложение возрастет. Но, несмотря на то, что в предложении хлеба проявляется тенденция приспособляться к спросу по достаточным ценам, нет никакой возможности в точности исчислить влияние времён года. Иногда в течение нескольких лет подряд урожай

будут богаты; в другое время в течение такого же периода урожая будут скудны и недостаточны. Если на рынке в силу ряда хороших урожаев будет изобилие хлеба, он упадёт в цене не в той пропорции, в какой количество превышает обычный спрос, а в значительно большей степени. Спрос на хлеб при данном количестве населения необходимо должен быть ограничен; и хотя, может быть, верно, и несомненно верно, что, когда хлеб в изобилии и дешёв, количество потребляемого хлеба возрастет, всё же столь же несомненно, что его общая стоимость уменьшится. Предположим, что обычный спрос Англии равен 14 млн. кварталов пшеницы и что в результате богатого урожая произведён 21 млн. кварталов. Если достаточная цена составляла 3 ф. ст. за квартал, а стоимость 14 млн. кварталов — 42 млн. ф. ст., то не может быть ни малейшего сомнения, что 21 млн. кварталов имел бы значительно меньшую стоимость, чем 42 млн. ф. ст. Ни для какого принципа нельзя найти лучшего доказательства, чем для того, что незначительное увеличение количества весьма сильно влияет на цену. Это верно для всех товаров, но ни об одном из них нельзя этого утверждать с такой уверенностью, как о хлебе, главной статье питания народа. Этот принцип, мне кажется, никогда не отрицали те, кто обращал внимание на этот предмет. Действительно, некоторые пытались определить то падение цены, какое имело бы место, если исходить из различных пропорций излишка по отношению к среднему количеству. Однако такие расчёты должны быть очень обманчивы, так как нельзя установить общее правило для изменений цены пропорционально количеству. Это правило было бы различно в различных странах; оно должно зависеть в основном от богатства или бедности страны, от её возможности сохранить излишек для будущего сезона. Кроме того, это правило должно зависеть от представления о вероятном соответствии или несоответствии будущего предложения будущему спросу. Однако я считаю всё же несомненным, что общая стоимость богатого урожая будет всегда меньше, чем общая стоимость среднего урожая, и что общая стоимость ограниченного урожая будет значительно больше, чем общая стоимость среднего урожая. Если бы в Лондоне ежедневно продавались 100 тыс. хлебов и предложение хлеба сразу сократилось бы до 50 тыс. хлебов в день, то может ли кто-либо сомневаться, что цена каждого хлеба повысилась бы значительно больше чем вдвое? Богатый будет потреблять точно такое же число хлебов, хотя бы цена их увеличилась втрое или вчетверо. Если бы, с другой стороны, ежедневно вместо 100 тыс. хлебов поступали в продажу 200 тыс., можно ли было бы сбыть их без понижения цены, значительно превосходящего увеличение количества? Почему вода не имеет никакой стоимости, если не вследствие её изобилия? Если бы хлеб был столь же изобилен,

он имел бы не большую стоимость, независимо от того, какое количество труда могло быть затрачено на его производство.

В доказательство правильности этого взгляда я могу сослаться на цены пшеницы в нашей стране при различных урожаях. Как увидим, несмотря на то, что до известной степени положение облегчалось вывозом, всё же благодаря богатым урожаям цена хлеба, как известно, понизилась за три года на 50%. Так вот, чему можно это приписать, как не излишку количества? Следующий документ взят из показаний г-на Тука, данных Комитету 1821 г.¹

шилл. пенсы				квартеры	
В 1728 г. цена пшеницы равнялась	48	$5\frac{1}{3}$	при излишке ввоза в	70	757
» 1732 » » » »	23	$8\frac{1}{2}$	» » вывоза »	202	058
» 1740 » » » »	45	$0\frac{1}{2}$	» » » »	46	822
» 1743 » » » »	22	1	» » » »	371	429
» 1750 » » » »	28	$10\frac{3}{4}$	» » » »	947	323
» 1757 » » » »	53	4	» » ввоза »	130	017
» 1761 » » » »	26	$10\frac{3}{4}$	» » вывоза »	441	956

Поскольку было сказано, что изобилие может быть убыточно для производителей, на это возражали, что новое учение об этом предмете заключается в том, будто благодеяние провидения может стать для страны проклятием; но ведь это значит изменить выдвинутое положение по существу. Никто не говорил, что изобилие убыточно для страны; сказано только, что оно часто бывает убыточно для производителей этого избыточного товара. Если бы всё, что они произвели, предназначалось для их собственного потребления, изобилие никогда не было бы для них вредным; но, если вследствие изобилия хлеба количество его, выносимое ими на рынок с целью запастись другими предметами, весьма сильно понизилось в стоимости, они лишаются средств для приобретения своих обычных удовольствий; действительно, у них оказывается изобилие товара, обладающего незначительной меновой стоимостью. Если бы мы жили в одном из параллелограммов Оуэна и пользовались всеми нашими продуктами сообща, то никто не пострадал бы в результате изобилия; но, пока общество устроено так, как в настоящее время, изобилие часто будет убыточно для производителей, а недостаток будет для них выгоден.

О Т Д Е Л П Я Т Ы Й

О влиянии, какое оказал на цену хлеба билль г-на Пия о восстановлении старого денежного масштаба

Взгляды на влияние, оказанное на цену хлеба биллем г-на Пия о восстановлении старого денежного масштаба, сильно различаются между собою. По этому предмету у одной из спорящих

¹ Agricultural Report, p. 229.

сторон замечается большая непоследовательность, и, я полагаю, со мною согласятся, что многие из тех, кто настойчиво доказывал во время войны, будто наши деньги вовсе не обесценены, в настоящее время стараются доказать, что обесценение тогда достигало колоссальных размеров и что все испытываемые нами теперь бедствия вызваны тем, что наше денежное обращение из состояния обесценения восстановлено до паритета.

Забыто уже также, что с 1797 до 1819 г. у нас не было никакого масштаба, которым мы могли бы руководствоваться при регулировании количества или стоимости наших денег. Количество их и стоимость зависели целиком от Английского банка; директора этого учреждения при всём их желании действовать по отношению к обществу честно и справедливо признавали, однако, что в своей эмиссионной деятельности они руководствовались принципами, которые, как этого теперь никто не отрицает, ввергали страну в величайшие затруднения. Соответственно этому мы находим, что стоимость средств обращения значительно изменилась в течение двадцатидвухлетнего периода, когда не существовало никакого иного правила для регулирования количества и стоимости денег, кроме произвола Английского банка.

В 1813 и 1814 гг. обесценение наших средств обращения достигло, вероятно, высшего пункта; золото стоило тогда 5 ф. ст. 10 шилл. и 5 ф. ст. 8 шилл. за унцию, но в 1819 г. стоимость бумажных денег была только на 5% ниже их старого масштаба, так как золото тогда стоило 4 ф. ст. 2 шилл. или 4 ф. ст. 3 шилл. за унцию. Именно с 1819 г. билль г-на Пилиа стал законом. Во время прохождения этого билля через парламент последнему пришлось разбирать вопрос в том виде, как он тогда представлялся. Было признано целесообразным положить конец такому состоянию вещей, которое позволяло компании купцов по произволу регулировать стоимость денег; единственный пункт, который мог подлежать тогда рассмотрению, заключался в том, должен ли масштаб быть фиксирован на уровне 4 ф. ст. 2 шилл. — такова была цена золота не только в то время, когда происходила законодательная сессия парламента, но и в течение почти всего предшествовавшего четырёхлетнего периода — или же должен быть восстановлен старый масштаб в 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенсов. Парламент вынужден был выбирать между двумя этими ценами, и, выбрав возвращение к старому масштабу, по моему мнению, он пошёл по мудрому пути. Но когда теперь говорят, что стоимость денег была принудительно повышена, по мнению одних, на 25%, по мнению других, на 50% и даже на 60%, они относят это не к 1819 г., не к периоду, когда прошёл билль, а к периоду величайшей депрессии и возлагают вину за всё возрастание стоимости средств обращения

на билль г-на Пилля. А между тем билль г-на Пилля положил конец системе, которая допускала такие изменения в стоимости денег. Если бы действительно в 1819 г. или непосредственно перед 1819 г. золото стоило 5 ф. ст. 10 шилл. за унцию, то не могло бы быть более целесообразной меры, чем такое насильственное изменение во всех существующих обязательствах в результате восстановления старого масштаба; но цена золота, как я уже сказал, составляла тогда и в течение предшествовавших четырёх лет около 4 ф. ст. 2 шилл.; она никогда не бывала выше, а часто бывала скорее ниже этой цены. И никакая мера не могла бы быть столь чудовишной, как та, непринятие которой ставится кое-кем в вину Палате общин, а именно установление масштаба в 5 ф. ст. 10 шилл., другими словами, новое снижение стоимости средств обращения на 30% ниже стоимости золота, после того как при действии плохой системы эта стоимость была восстановлена до уровня только на 5% ниже стоимости золота.

Следует вспомнить, что мною предложен был стране план восстановления постоянного масштаба, который сделал бы совершенно излишним употребление более значительного количества золота, чем то, которым обладал тогда Английский банк.

План этот заключался в том, чтобы обязать Английский банк оплачивать известную значительную и постоянную сумму своих банкнот золотыми слитками по монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенсов за унцию вместо платежа золотой монетой. Если бы этот план был принят, ни одна частичка золота не употреблялась бы в обращении — все наши деньги состояли бы из бумажных, за исключением серебряной монеты, необходимой для платежей ниже стоимости 1 ф. ст. В этом случае может быть доказано, что стоимость денег при возвращении к постоянному старому масштабу могла бы быть увеличена только на 5%, потому что такова была вся разница между стоимостью золота и бумажных денег. В плане не было ничего такого, что могло бы вызвать повышение стоимости золота, потому что не потребовалось бы дополнительного количества золота, и поэтому стоимость денег повысилась бы только на 5%¹. Билль г-на Пилля принимал этот план на четыре года, по истечении которых должны были быть установлены платежи монетой. Если бы в течение времени, указанного биллем, директора Английского банка управляли

¹ На 4 ф. ст. 2 шилл. в банкнотах всякий мог бы купить такое же точно количество товаров, как и на 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенсов в золоте; задача плана заключалась в том, чтобы 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенсов в банкнотах стоили столько же, сколько и 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенсов в золоте. Чтобы достигнуть этой цели, было ли необходимо, было ли в действительности возможно понизить стоимость товаров более чем на 5%, если бы стоимость золота не была повышена?

делами банка с тем искусством, которого требовали интересы общества, то после принятия билля г-на Пиля они удовлетворились бы таким регулированием выпуска банкнот, чтобы вексельный курс продолжал держаться на уровне паритета и, следовательно, не было бы никакого ввоза золота; но Английский банк, всегда выражавший решительную антипатию к плану платежей слитками, немедленно начал приготовления к платежам звонкой монетой. Выпуск его банкнот регулировался таким образом, чтобы вексельный курс стал в высшей степени благоприятным для нашей страны; золото потекло в неё непрерывным потоком, и банк жадно скупал всё поступавшее золото по 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенсов за унцию. Такой спрос на золото не преминул повысить его стоимость по сравнению со стоимостью всех товаров. Нам пришлось, таким образом, не только повысить стоимость наших средств обращения на 5%, т. е. на сумму разности между стоимостью бумажных денег и золота до начала этих операций, но и повышать её дальше до новой стоимости, которой достигло золото в результате неразумных покупок этого металла Английским банком. Не может быть, по моему мнению, никакого сомнения, что если бы платежи слитками были честно испробованы в течение трёх из четырёх лет между 1819 и 1823 гг. и если бы найдено было, что такой план вполне отвечает всем задачам денежного обращения, регулируемого золотом по постоянной стоимости, то эта система продолжала бы функционировать и дальше, и мы избежали бы дальнейшего давления, которому, несомненно, подверглась страна в результате большого спроса на золото, навязанного нам благодаря платежам звонкой монетой.

В защиту принятых ими мер директора Английского банка ссылаются на жалобы, которые раздавались по их адресу в связи с тем, что за подделку банкнот преступников часто приговаривали к смертной казни; это сделало безусловно необходимым изъятие из обращения однофунтовых банкнот с целью заменить их монетой. Если бы вместо выпускаемых до сих пор банкнот они не могли выпустить банкноту, лучше рассчитанную на предупреждение подделки, то это оправдание было бы основательно, ибо нельзя считать отказ от незначительной денежной выгоды слишком большой жертвой, если бы благодаря этому устранялся соблазн к совершению такого преступления, как подделка банкнот, за которое ежегодно много человек подвергалось смертной казни. Но такое извинение со стороны Английского банка, который до 1821 г. не понимал важности предупреждения подделки путём выпуска монеты, звучит весьма странно, после того как он совершил настолько большие закупки золота, что вынужден был обратиться к парламенту с просьбой предоставить ему право выпускать монету для оплаты своих банкнот,

чего в силу билля г-на Пилиа он не мог делать до 1823 г. Чем объяснить, что банк не сделал этого открытия в 1819 г., когда Комитеты Палаты лордов и Палаты общин обсуждали вопрос о банковых платежах? Вместо того, чтобы стремиться в этот период начать платежи звонкой монетой, директора банка возражали в таких выражениях, которые многие считали неподобающими, против всякого плана платежей металлом, не оставляющего в их руках бесконтрольной власти в деле увеличения или уменьшения количества средств обращения. Наверное ещё не забыто, как на запрос Комитета Палаты лордов от 24 марта 1819 г.: «имеет ли Английский банк возражения и какие именно против принятия закона, который обязывал бы его оплачивать свои банкноты слитками по предъявлению, но суммами не меньше чем в 100 ф. ст., 200 ф. ст. или 300 ф. ст., по 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенсов, и покупать золотые слитки по 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенсов путём выпуска банкнот, с тем чтобы указанный план вступил в действие после назначенного для этой цели периода времени», директора Английского банка ответили: «Английский банк рассмотрел запрос, посланный Комитетом Палаты лордов от 24 марта, и не видит никаких затруднений в обмене определённого количества банкнот на золотые слитки известного веса при условии, что они будут расплавлены, опробованы и помечены монетным двором его величества».

«Получение банком слитков по 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенсов, по мнению дирекции, настолько не обеспечено, что директора во исполнение своих обязанностей по отношению к владельцам банка не считают себя компетентными брать на себя обязательство выпускать слитки по цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенсов; однако дирекция просит позволения порекомендовать в качестве альтернативы следующее: в обмен на свои банкноты банк будет доставлять слитки определённого веса в указанном размере по рыночной цене, взятой за предшествующий день поступления заграничной почты, при условии, что банку будет предоставлено достаточно времени, чтобы подготовить проведение такой меры».

Если бы это предложение было принято, банк мог бы сам определять цену, по которой он стал бы время от времени продавать золото публике, потому что путём расширения или сокращения выпуска банкнот он имел бы возможность определять цену золота, как ему угодно, по 4 или 10 ф. ст. за унцию, и он любезно предлагает продавать золото по цене, до которой он мог бы по произволу поднимать цену золота, «при условии, что ему будет предоставлено достаточно времени, чтобы подготовить проведение такой меры».

После этого предложения, после представления, сделанного канцлеру казначейства директорами Английского банка

20 мая 1819 г.¹, никто не скажет, что вопрос о подделке банкнот казался директорам столь неотложным, чтобы они выказали сильное желание заменить монетой свои мелкие банкноты в 1819 г., какое бы значение ни получил этот вопрос, по их мнению, в 1820 г.

В высшей степени трудно определить, какое влияние оказали на стоимость золота, а следовательно, и на стоимость денег покупки слитков, произведённые банком. Когда изменяется стоимость двух товаров, нет возможности установить с достоверностью, повысилась ли стоимость одного из них или упала стоимость другого. Нет никаких способов даже приблизительно установить этот факт, кроме тщательного сравнения стоимости обоих товаров в течение периода её колебаний со стоимостью многих других товаров.

Даже это сравнение не даёт верного критерия, потому что стоимость одной половины товаров, с которыми сравнивают два товара, может измениться в одном направлении, а стоимость другой — в другом; которая же из этих половин должна служить для проверки изменения стоимости золота? Если сравнивать с одной половиной товаров, то стоимость золота кажется возросшей, а если с другой, — она кажется упавшей. Однако один из наиболее знающих свидетелей, допрошенных Комитетом о земледелии, г-н Тук, основываясь на своих наблюдениях над ценою серебра и разных других товаров и учтя должным образом особые причины, которые могли специально повлиять на стоимость каждого, пришёл к заключению, что усиленный спрос на золото, предъявленный банком с целью заменить свои мелкие банкноты звонкой монетой, повысил стоимость средств обращения приблизительно на 5%*. С этим заключением г-на Тука я совершенно согласен. Если оно обосновано, то всё повышение стоимости нашего денежного обращения со времени принятия билля г-на Пиля в 1819 г. может быть определено приблизительно в 10%. На такую величину возросло податное обложение в результате восстановления платежей звонкой монетой; на такую величину понизилась цена хлеба, а вместе с нею и цена всех других товаров, поскольку эта причина одна лишь действовала на них; но всё, что превышает эту величину, всё дальнейшее понижение, которому подверглась цена хлеба, должно быть приписано тому, что предложение превысило спрос; это понижение наступило бы и в том случае, если бы не произошло никакого изменения в стоимости денежного обращения.

¹ См. Приложение А.

* Согласно протоколу свидетельских показаний Комитету о земледелии 1821 г. (стр. 296) Тук фактически сказал: «приблизительно на 6%». — *Прим. англ. ред.*

Действительно, многие представители земельных интересов утверждают, что все бедствия земледелия объясняются только одной причиной. Они заходят ещё дальше и говорят, будто в настоящее время земледелие не приносит никакого прибавочного продукта, кроме того, который уплачивается правительству в виде налогов; что на долю ренты или прибыли ничего не остаётся; что, поскольку рента платится, она платится из капитала фермера; и все эти результаты они приписывают изменению в стоимости денежного обращения.

Очевидно, те, кто выдвигает такое экстравагантное утверждение, не знают, каким образом изменение в стоимости денежного обращения влияет на различные интересы страны. Если оно приносит убыток должнику, то в такой же степени оно выгодно для кредитора; если давление его чувствует арендатор, оно должно быть выгодно для землевладельца и для сборщиков налогов. Итак, те, кто придерживается этого учения, должны быть готовы утверждать, что весь тот фонд, который прежде составлял ренту землевладельца и прибыль фермера, в результате изменения стоимости денег перешёл в руки государства и выплачивается теперь сборщикам налогов и — через них — держателям государственных бумаг. Нет никакого сомнения, что положение держателя государственных бумаг улучшилось благодаря тому, что дивиденды выплачиваются ему в деньгах, стоимость которых повысилась, но где доказательство того, будто положение его улучшилось настолько, что в настоящее время в его распоряжении, вдобавок к прежним средствам потребления, находятся также и все те, которые прежде находились в распоряжении всех арендаторов и всех землевладельцев страны? Такое дикое утверждение нельзя защищать ни минуты. Мы ничего не слышали о великолепных экипажах и роскошных домах, которые были якобы построены держателями государственных бумаг со времени принятия билля 1819 г. и в результате его. Кроме того, если бы это было верно, то как объяснить, что прибыли купца и фабриканта ускользнули от держателя государственных бумаг, от этого, как его называли, всепожирающего чудовища? Разве их прибыль не управляется тем же принципом и тем же законом, что и прибыль фермера? Каким образом им удалось спастись от этой опустошающей бури? Ответ ясен: в этом утверждении нет истины. Земледелие переживало депрессию в силу причин, среди которых денежное обращение представляет только малую часть. Особые затруднения, испытываемые представителями земельных интересов, носят временный характер и будут продолжаться только до тех пор, пока предложение продукта превышает спрос на него. Достаточная цена невозможна, пока продолжает существовать эта причина

низкой стоимости, но положение вещей, свидетелями которого мы являемся, не может быть постоянным.

Разве не вполне достоверно, что, если давление на фермеров вследствие изменения стоимости средств обращения и последовавшего за этим роста податного обложения было настолько велико, что лишило их всей прибыли на капитал, оно должно было также отнять прибыль и у всех прочих лиц, вкладывающих капитал? Ибо совершенно невозможно, чтобы одна группа капиталистов оставалась постоянно без всякой прибыли, в то время как другие получают достаточную прибыль.

Что касается землевладельцев, можно сказать, что их имения отягощены постоянными платежами, как, например, приданое, выдел в пользу дочерей и младших детей, ипотеки и т. д. Нельзя отрицать, что изменение в стоимости средств обращения должно в значительной степени повлиять на все такие обязательства и быть очень обременительным для землевладельцев, но последние должны помнить, что они или их отцы выиграли от обесценения средств обращения. Все их твёрдые обязательства, включая налоги, в течение многих лет оплачивались в обесцененных деньгах. Если они теперь страдают от несправедливости, то сами они извлекали выгоды из несправедливости в течение предшествовавшего периода; и если подвести добросовестный баланс, то, по моему мнению, оказалось бы, что, поскольку речь идёт об изменении стоимости средств обращения, у землевладельцев очень мало оснований для жалоб.

А разве торговцы не имеют повода жаловаться, поскольку возросшая стоимость средств обращения затронула и их денежные обязательства? Разве они не являются должниками на такие же крупные суммы, как и землевладельцы? Сколько удалось от дел людей, чьи капиталы, непосредственно или косвенно, продолжают употребляться их преемниками? Какие огромные суммы затрачиваются банкирами и другими на учёт векселей? На всю сумму этой стоимости должны существовать должники, и возросшая стоимость денег, конечно, не преминула в очень сильной степени усилить бремя их задолженности.

Я упоминаю обо всех этих обстоятельствах, чтобы показать, что если действительно решающей причиной бедствий землевладельцев была возросшая стоимость денег, то последняя должна была бы вызвать подобные бедствия и в других отраслях. А между тем этого нет, и поэтому я имею право сделать вывод, что причина бедствия была неверно установлена.

Прибыль фермеров должна находиться в некотором единообразном соотношении с прибылью других классов капиталистов;

она подвержена временным колебаниям, быть может, в большей степени, чем прибыль других; но обстоятельства, на которые они жалуются, хотя и весьма суровые и в настоящее время осложнённые другими причинами, всё же отнюдь не новы или необычны.

В своём показании Комитету о земледелии (стр. 230 и 231) г-н Тук привёл цитаты из сочинений прошлого столетия, в которых разорение землевладельцев предсказано было в выражениях, мало чем отличающихся от тех, которые употребляются в настоящее время. Те трудности миновали, и при помощи нескольких хороших законов нынешние трудности станут скоро достоянием истории.

На последнем собрании владельцев капитала Английского банка директора заявили, что они не только не уменьшили сумму средств обращения с 1819 г., а даже значительно увеличили её и что в текущем году эта сумма была на 3 млн. ф. ст. больше, чем сумма средств обращения в тот же период в прошлом или позапрошлом году. Если бы даже это утверждение директоров было совершенно правильно, то оно ещё не отвечает на обвинение в том, что они держали денежное обращение на слишком низком уровне и таким образом вызвали большой приток золота. Мой вопрос к ним заключается в следующем: «Было ли денежное обращение столь велико, чтобы поддерживать вексельный курс на уровне паритета?» На этот вопрос они должны ответить отрицательно, и поэтому я заявляю, что если вследствие ввоза золота этот металл повышается в стоимости и таким образом увеличивается давление на страну, то только потому, что Английский банк не выпустил достаточного количества банкнот, чтобы держать вексельный курс на уровне паритета. Это обвинение сохраняет свою силу независимо от того, оставалось ли в действительности количество банкнот стабильным, увеличивалось или уменьшалось.

Но я оспариваю самый факт, будто сумма обращения была в 1822 г. даже на полмиллиона выше, чем в 1821 и 1820 гг. Принятый банком метод доказательства неудовлетворителен. Директора банка говорят, что в 1821 г. у нас было 23 800 тыс. ф. ст. в обращении, а в настоящее время банкноты в обращении вместе с выпущенными с тех пор соверенами составляют сумму на 3 млн ф. ст. больше. Но поскольку соверены обращаются в Ирландии и в других округах Соединённого королевства, то каким образом директора банка могут утверждать, что в настоящее время 26 800 тыс. ф. ст. в банкнотах и соверенах обращаются в тех же каналах, в которых в 1821 г. обращались 23 800 тыс. ф. ст. в банкнотах? Я считаю, что в действительности дело обстоит наоборот, ибо нахожу, что сумма банкнот

достоинством в 5 ф. ст. и выше, находившихся в обращении в течение нескольких лет, в феврале составляла:

Годы	ф. ст.
1815.....	16 394 359
1816.....	15 307 228
1817.....	17 538 656
1818.....	19 077 951
1819.....	16 148 098
1820.....	15 393 770
1821.....	15 766 270
1822.....	15 784 770

А так как выпуск банкнот достоинством в 5 ф. ст. и выше не увеличился с 1820 г. на 400 тыс. ф. ст., то я считаю невозможным поверить, будто обращение банкнот меньшего достоинства могло увеличиться в сколько-нибудь более значительной пропорции.

Прежде чем закончить этот отдел, я должен заметить, что жалобы на Английский банк, вызванные его отказом ссужать деньги под учёт векселей из 4%, лишены всякого основания. Причина этих жалоб в том, что, ссужая деньги из 4%, банк этим снизил бы вообще норму процента, и землевладельцы выиграли бы от этого, так как у них создалась бы возможность получать под ипотеки деньги на более выгодных условиях, чем в настоящее время. Я думаю, однако, что как бы ни была велика сумма займов, которую может предоставить банк, и как бы ни был низок процент, по которому он предпочитает их предоставлять, постоянная норма процента на рынке от этого не изменится. Норма процента регулируется главным образом прибылью, которую может принести употребление капитала; она не может контролироваться никаким банком, ни даже целой группой таких банков. Во время последней войны рыночная норма процента в течение ряда лет колебалась между 7 и 10%, и всё же Английский банк никогда не ссужал деньги больше чем из 5%. По уставу Английский банк обязан ссужать деньги в Ирландии не больше чем из 5%, тогда как прочие лица дают займы из 6%.

Банк выполняет все свои полезные функции, когда ему удаётся заменить золото в обращении бумажными деньгами, когда он даёт нам возможность вести торговлю при помощи дешёвых средств обращения и давать производительное употребление дорогим средствам обращения; если он выполняет эту задачу, то не имеет особенного значения, из какого процента он ссужает деньги.

Во время недавней дискуссии по поводу взимаемой банком нормы процента один весьма просвещённый член парламента привёл довольно странный аргумент: он сказал, что Француз-

ский банк, а также другие банки на континенте ссужают деньги из низкого процента, а поэтому и Английский банк должен следовать их примеру. Я не вижу никакой связи между его посылками и заключением. Французский банк должен руководствоваться рыночной нормой процента и нормой прибыли во Франции, Английский банк — рыночной нормой процента и нормой прибыли в Англии. Они могут быть совершенно различными во Франции и в Англии. Из всего содержания его аргумента я сделал бы такой вывод, что он считает низкую норму процента как таковую выгодной для страны. А я представляю себе, что верно как раз противоположное. Низкая норма процента есть признак большого накопления капитала, но это есть также признак низкой нормы прибыли и приближения к застойному состоянию, при котором богатство и ресурсы страны перестают возрастать. Поскольку все сбережения делаются из прибыли, поскольку страна наиболее счастлива, когда она находится в состоянии быстрого прогресса, то прибыль и процент не могут быть слишком высоки. Поистине, для страны было бы весьма жалким утешением иметь низкую прибыль и низкий процент только для того, чтобы дать землевладельцам возможность получать деньги под закладные с меньшими для себя жертвами. Ничто не способствует в такой степени процветанию и счастью страны, как высокая прибыль.

Эта жалоба на Английский банк, которую, по моему мнению, странно слышать из уст члена парламента, представляющего интересы общества, могла бы быть выдвинута каким-нибудь владельцем капитала банка на общем собрании этой корпорации, потому что трудно объяснить, исходя из какого принципа выгоды для своего предприятия директора Английского банка могут считать правильным ссужать деньги владельцев банка правительству ¹ из 3%, когда они могли бы получить 4% от других заёмщиков. Но обществу до этого нет никакого дела, и следует предоставить директорам банка и его владельцам решать этот вопрос, как им угодно.

О Т Д Е Л Ш Е С Т О Й

О влиянии низкой стоимости хлеба на норму прибыли

Когда я употребляю термин — низкая стоимость хлеба, то я хотел бы быть правильно понятым. Я считаю стоимость хлеба низкой, когда большое количество хлеба есть результат

¹ Банк авансировал правительству много миллионов под казначейские билеты из 3%, кроме постоянного аванса из своего капитала также из 3%; по уставу банк обязан выдавать ссуды из своего капитала по этой норме процента.

умеренного количества труда. Стоимость хлеба будет повышаться в той пропорции, в которой от данного количества труда будет получаться меньшее количество хлеба. В развивающемся обществе существуют две причины, действующие на стоимость хлеба в противоположном направлении: одна — рост населения и необходимость обработки земли низшего качества при возрастающих издержках, что всегда вызывает повышение стоимости хлеба; другая — усовершенствования в земледелии или открытие новых и богатых внешних рынков, что всегда имеет тенденцию понижать стоимость. Иногда преобладает одна из них, иногда другая, и соответственно с этим поднимается или падает стоимость хлеба.

Говоря о стоимости хлеба, я имею в виду скорее нечто отличное от его цены; когда его стоимость возрастает, цена его обычно также растёт, и это всегда было бы так, если бы деньги, в которых обыкновенно определяется цена, были неизменны в стоимости. Но стоимость хлеба может не изменяться в сравнении со всеми другими предметами; она может не быть результатом большего или меньшего количества труда, и всё же цена его может подняться или упасть, потому что деньги могли стать более обильными и дешёвыми или более редкими и дорогими. Ничто не имеет для общества в целом так мало значения, как изменение *цены* хлеба, вызванное изменением только в стоимости денег, и ничто не имеет такого большого значения для его прибылей и богатства, как повышение или понижение *цены* хлеба, когда стоимость денег остаётся постоянной и неизменной. Чтобы иметь возможность установить следствия повышения или падения стоимости хлеба, мы будем исходить из предположения, что стоимость денег продолжает оставаться постоянной и неизменной; при таком предположении это будет равнозначно повышению или падению *цены* хлеба.

Так как хлеб — один из главных предметов, на которые затрачивается заработная плата, стоимость его в значительной степени регулирует заработную плату. Стоимость самого труда подвергается колебаниям таким же образом, как и стоимость всякой вещи, являющейся предметом спроса и предложения, но в особенной степени на стоимость труда влияют *цены* предметов первой необходимости для рабочего, а, как я уже заметил, хлеб есть один из главных предметов первой необходимости. В одном из предыдущих отделов я старался показать, что общее повышение заработной платы не повлечёт за собой повышения *цен* товаров, на которые затрачивается труд. Если заработная плата повышается в одной отрасли, произведённый в этой отрасли товар должен повыситься в *цене*, чтобы поставить его производителя в равное положение с производителями во всех других отраслях, но если по-

вышение заработной платы касается одинаково всех производителей, то повышение стоимости всех их товаров должно быть для них, как я уже заметил в другом месте, совершенно безразлично, так как, будут ли они продаваться по высокой или низкой цене, их относительная стоимость остаётся без изменения; а только это изменение их относительной стоимости даёт их держателям возможность распоряжаться большим или меньшим количеством товаров. Каждый человек в конце концов обменивает свои товары на другие товары или на труд, и он мало заботится о том, продаёт ли он свои собственные товары по высокой цене, если он вынужден давать высокую цену за покупаемые товары, или продаёт их по низкой цене, если он может в то же время купить нужные ему товары по низкой цене. В обоих случаях полученное им удовлетворение будет одно и то же.

При неизменно высокой цене хлеба, вызываемой возрастающим приложением труда к земле, заработная плата была бы высока, а так как цены товаров не поднимутся в силу одного роста заработной платы, то прибыль necessarily упадёт. Если товары, стоящие 1 тыс. ф. ст., требуют в одно время труда на 800 ф. ст., а в другое время цена того же количества труда повышается до 900 ф. ст., то прибыль упадёт с 200 до 100 ф. ст. Прибыль понизится не только в одной отрасли, но и во всех отраслях. Высокая заработная плата, если она становится общим явлением, затрагивает одинаково прибыли фермера, фабриканта и торговца. Нет другого средства понижения прибыли, кроме понижения заработной платы. При таком взгляде на закон прибыли сразу можно увидеть, как важно, чтобы такой существенный предмет первой необходимости, как хлеб, так сильно воздействующий на заработную плату, продавался по низкой цене, и как невыгодно должно быть для общества в целом, чтобы вследствие запрещения ввоза мы вынуждены были переходить к обработке более бедных земель для прокормления нашего увеличивающегося населения.

Не говоря уже о том, как нецелесообразно уделять производству пищи более значительную часть нашего труда, чем было бы необходимо при других обстоятельствах, мы уменьшаем тем самым сумму наших благ и способность к сбережению и создаём для капиталистов непреодолимое искушение покинуть нашу страну, чтобы переместить капиталы в такие страны, где заработная плата низка и прибыль высока. Если бы землевладельцы могли быть уверены, что цены на хлеб будут всё время высоки, чего, к счастью, быть не может, то их интересы были бы противоположны интересам всякого другого класса в обществе, так как высокая цена, проистекающая из трудности производства, есть главная причина роста ренты,

Дело не в том, что рост ренты, выгода землевладельца эквивалентны невыгоде всех других классов общества, в том смысле, что последние лишены возможности ввозить дешёвый хлеб; у нас нет даже этого утешения, так как, чтобы предоставить умеренную выгоду одному классу, нужно возложить гнетущее бремя на все другие классы.

И для самих землевладельцев эта выгода была бы не столько реальной, сколько кажущейся, так как, чтобы в полной степени использовать эту выгоду, они должны были бы всегда иметь возможность рассчитывать на постоянные и высокие цены. Ничто не убыточно для арендаторов в такой степени, как постоянно колеблющиеся цены, а при системе покровительства землевладельцу и запрещения ввоза иностранного хлеба прибыли арендатора должны колебаться самым невыгодным образом, как я попытаюсь показать в следующем отделе. Когда прибыль фермера высока, у него возникает побуждение жить более расточительно и вести свои дела так, как будто фортуна будет всегда ему благоприятствовать; но неизбежно наступает плохая пора, и тогда ему приходится страдать от прежней непредусмотрительности, и он запутывается в лишних издержках, что делает его совершенно неспособным выполнить свои обязательства по отношению к землевладельцу.

Рента землевладельца, действительно, номинально высока, но он часто попадает в такое положение, что неспособен реализовать её, и едва ли можно сомневаться, что более умеренная и постоянная цена хлеба с регулярной прибылью для арендатора давала бы землевладельцу лучшую гарантию благосостояния и комфорта, если не получения наибольшей суммы ренты.

Итак, оказывается, что высокая, но постоянная цена хлеба более всего выгодна для землевладельца, но так как постоянство цены в стране, расположенной подобно нашей, почти несовместимо с высокой ценой в нашей стране по сравнению с другими странами, то в действительности землевладелец заинтересован в более умеренной цене. Совершенно ясно установлено, что низкие цены на хлеб — в интересах фермера и всякого другого класса общества; высокие цены несовместимы с низкой заработной платой, а высокая заработная плата не может существовать рядом с высокой прибылью.

Я должен отметить здесь заблуждение, поддержанное одним из тех, чьи таланты придают им большой авторитет в том месте, где было высказано это мнение*. Заблуждение состоит в следую-

* Т. е. в парламенте. — *Ред.*

шем: фабрикант может всегда повысить цену своего товара, когда его облагают налогом, и даже в некоторых случаях выигрывает благодаря тому, что товар облагается налогом, а фермер не может компенсировать себя подобным образом, и, следовательно, по истечении срока аренды, если не раньше, вся тяжесть налога должна пасть на землевладельца. Это — довольно старое заблуждение, ибо его поддерживал такой крупный авторитет, как Адам Смит. Существо ренты и законы, которыми регулируются её падение и рост, были уже объяснены со времени Адама Смита, и все, кто знаком с этим объяснением, уже неспособны впасть в эту ошибку. Я не хочу теперь входить в обсуждение вопроса о ренте; предмет этот был хорошо освещён несколькими талантливыми писателями. Но я спросил бы тех, кто всё ещё держится учения Адама Смита, на кого мог бы пасть земельный налог, когда он был равен 3 шилл. с акра, если обрабатываемая земля принадлежит к категории, упомянутой г-ном Гарвеем в его показании, на которое я уже ссылался, т. е. к земле, приносящей в качестве ренты только 18 пенсов? Фермер должен либо получать меньшую прибыль, чем другие фермеры, платящие более высокую ренту, или должен быть в состоянии переложить это бремя на потребителя. Но почему он должен заниматься такой профессией, в которой его прибыль ниже прибыли всех других капиталистов в обществе? Ему может понадобиться время для того, чтобы оставить невыгодное для него занятие, но он не будет упрямо держаться за него больше, чем всякий другой, кто попал бы в подобное положение в других профессиях.

Я взял упомянутый г-ном Гарвеем пример, потому что его сообщения, как сообщения практика, будут придавать большее значение, но я и сам вполне убеждён, что в каждой стране производится значительное количество хлеба, за право возделывания которого не платят никакой ренты. Каждый фермер волен вложить добавочный капитал в свою землю после того, как он вложил уже всё, что необходимо для доставления ренты. Хлеб, произведённый при помощи этого капитала, может принести только обычную прибыль, если из него не платится никакой ренты. Обложите налогом его производство, не допуская никакой компенсации при помощи повышения цены, и вы сейчас же дадите повод к извлечению этой части капитала из земледелия и тем самым — к уменьшению предложения. По моему мнению, нет пункта, более удовлетворительно установленного, чем тот, что каждый налог, которым облагается производство сырых материалов, в конечном счёте падает на потребителя, точно так же как налоги на производство товаров в обрабатывающей промышленности падают на потребителей этих товаров.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

При системе покровительственных пошлин, установленной с целью предоставить отечественному производителю хлеба монополию на внутреннем рынке, цены на хлеб не могут не колебаться

Покровительственные пошлины на ввоз хлеба должны всегда устанавливаться в том предположении, что хлеб в других странах дешевле на всю сумму таких пошлин и что если эти пошлины не будут установлены, то будет ввозиться иностранный хлеб. Если бы иностранный хлеб не был дешевле, то не было бы никакой необходимости в покровительственной пошлине, так как при системе свободы торговли его не стали бы ввозить. Итак, приходится предположить, что установившаяся средняя цена хлеба в стране, вводящей покровительственную пошлину, должна быть выше на всю сумму этой пошлины по сравнению с другими странами, а когда случается обильный урожай, то до того, как хлеб может быть вывезен из страны, находящейся в таких условиях, цена хлеба должна понизиться в сравнении с обычной средней ценой не только на всю сумму пошлины, но также и на добавочную сумму расходов по вывозу хлеба. При системе свободной торговли цена хлеба в двух странах не может по существу различаться больше, чем на сумму расходов по перевозке его из одной страны в другую. Следовательно, если богатый урожай имел место в одной из них, а не в обеих вместе, то, после незначительного понижения цены, выход для излишнего продукта был бы немедленно найден в вывозе. Но при системе покровительственных пошлин или запретительных законов падение цены хлеба вследствие богатого урожая или ряда богатых урожаев должно быть разорительным для производителя хлеба, пока он не сможет облегчить своё положение при помощи вывоза. Если бы мы могли прислушаться к предложению г-на Вебба Холла ввести постоянную пошлину в 40 шилл. на ввоз иностранного хлеба и если бы он был прав в своём предположении, что 40 шилл. составляют разницу между естественной ценой хлеба в Англии и в странах, производящих хлеб, то при всяком богатом урожае цена хлеба должна была бы действительно понизиться на 40 шилл., пока кто-нибудь не найдёт выгодным вывозить его на континент; понижение это настолько велико, что, если бы фермеры столкнулись с ним, они оказались бы совершенно неспособны платить ренту в годы богатых урожаев, не жертвуя значительной частью капитала.

То же замечание применимо к существующему хлебному закону, запрещающему ввоз хлеба до тех пор, пока цена его не повысится до 80 шилл. Задача этого закона заключается в том, чтобы значительно повысить цену хлеба в нашей стране

по сравнению с другими странами и чтобы это повышение стало постоянным; поэтому в случае богатых урожаев цена хлеба в нашей стране должна упасть ниже цены хлеба во всех других странах, прежде чем положение производителя хлеба сможет быть облегчено путём вывоза. С этой точки зрения действие закона совершенно то же, что и действие высокой твёрдой пошлины, которое мы уже рассмотрели.

Но в существующем законе есть ещё другой крупный недостаток, от которого свободна система твёрдых пошлин. В настоящее время, когда средняя цена пшеницы достигает 80 шилл. за квартал, порты открываются на три месяца для неограниченного ввоза иностранной пшеницы без всякой пошлины. При ценах на континенте в средние годы немного выше 40 шилл. за квартал искушение ввозить хлеб в нашу страну в течение трёх месяцев, когда порты открыты, должно приводить к ввозу его в огромном количестве.

В течение этих трёх месяцев и очень значительного времени после этого, так как действие закона не может прекратиться сейчас же с закрытием портов, отечественный и иностранный производители ставятся в положение свободного соперничества, что приводит к разорению первого. Запретительные пошлины поощряют его вкладывать свой капитал в более бедные земли нашей страны, требующие больших затрат на малое количество продукта. И тогда, когда урожай необычно мал и производитель крайне нуждается в высокой цене, он внезапно сталкивается с свободной конкуренцией производителя хлеба на континенте, для которого цена в 40 шилл. вполне достаточна, чтобы вознаградить его за все издержки производства. Система твёрдых пошлин защищает фермера против этой опасности, но она подвергает его в такой же степени, как и нынешняя, всем бедствиям, проистекающим от богатых урожаев и неизбежно сопровождающим всякий проект хлебного закона, который должен повысить в стране, где он действует, цену хлеба значительно выше уровня цен в других странах.

Не следует, однако, предполагать, что во избежание этой трудности ввоз хлеба должен быть дозволен во все времена без уплаты какой-либо пошлины. При современных условиях я отнюдь не рекомендовал бы этого пути. Я уже показал в третьем отделе, что с точки зрения действительных интересов потребителей, в которые включены, и всегда должны быть включены, интересы всего общества, во всех случаях, когда какой-нибудь особенный налог падает на производителя какого-либо товара, причём все другие производители освобождены от этого налога, будет вполне справедливо установить компенсационную пошлину на ввоз такого товара (на сумму этого налога, но не больше), а затем установить возвратную пошлину на ту же сумму и

на вывоз подобного товара. Если до обложения каким-либо налогом достаточная цена пшеницы составляла 60 шилл. за четверть как в Англии, так и на континенте и вследствие обложения налогом, например десятиной, падающей исключительно на фермера, а не на какого-либо другого производителя, цена пшеницы поднялась в Англии до 70 шилл., то должна быть наложена пошлина в 10 шилл. на ввоз иностранного хлеба. Этот налог на иностранный хлеб, а также и на отечественный должен быть возвращён при вывозе. Как бы ни была велика вся сумма возвратной пошлины, выдаваемой экспортёру, это означало бы только возвращение ему уплаченной им раньше суммы налога, которой он должен располагать, чтобы находиться в равных условиях конкуренции на иностранных рынках не только с иностранным производителем, но и с соотечественниками, производящими другие товары. Этот возврат пошлины существенно отличается от премии на вывоз в том смысле, в котором обычно понимается слово «премия», так как под премией подразумевают вообще налог, взимаемый с народа с целью сделать хлеб неестественно дешёвым для иностранного потребителя; между тем то, что я предлагаю, означает лишь, что мы будем продавать свой хлеб по такой цене, по какой мы действительно можем производить его, а не прибавлять к его цене налог, который побудит иностранца скорее купить его в какой-нибудь другой стране и лишит нас такой торговли, какую мы могли бы выбрать при системе свободной конкуренции.

Пошлина, которую я здесь предложил, есть единственно законная компенсационная пошлина, не создающая для капитала поводов покидать отрасль производства, где он применяется с наибольшей для нас выгодой, и не вызывающая никакого искушения употреблять чрезмерно большую долю капитала в такой отрасли, для которой он при других условиях не предназначался бы. Экономическое развитие шло бы точно таким же шагом, как если бы мы были страной, совершенно свободной от обложения, причём каждый человек был бы волен употреблять свой капитал и своё мастерство таким способом, какой он считал бы для себя наиболее выгодным. Мы не можем в настоящее время жить иначе, как при системе тяжёлого налогового обложения, но, чтобы сделать нашу промышленность возможно более производительной, мы не должны создавать для капиталистов соблазн употреблять свои фонды и своё умение иначе, чем они употребили бы их, если бы мы имели счастье быть страной, где нет никаких налогов, и нам была бы дана возможность максимально развивать наши таланты и наше трудолюбие.

Доклад Комитета о бедственном положении земледелия в 1821 г. содержит несколько превосходных замечаний и рассуждений на этот счёт.

Я с уверенностью могу сослаться на этот важный документ в подтверждение принципов, которые я стараюсь изложить с целью доказать всю нецелесообразность покровительственных хлебных законов. Приводимые в нём аргументы в защиту свободы торговли кажутся мне неопровержимыми, но следует признать, что в этом же докладе рекомендуются меры, совершенно не соответствующие этим принципам.

Осудив ограничения торговли, доклад в то же время рекомендует меры постоянного её ограничения: указав на всё зло, истекающее от преждевременного перехода к обработке бедных земель, он отстаивает систему, путём всяких жертв сохраняющую эти земли в обработке. В принципе — нет ничего более одиозного, чем монополия и ограничения; на практике — нет ничего более спасительного и желательного.

Комитет о земледелии нынешнего года избегает даже упоминания о здравых доктринах, которые защищал предыдущий Комитет. Он основывает весь доклад на ошибочных доктринах и заканчивает свои рекомендации Палате следующими словами:

«Если условия нашей страны впоследствии дадут возможность установить постоянную торговлю хлебом на основе взаимоотношений, всегда доступных всему миру, но в то же время *будет установлена такая твёрдая и единообразная пошлина, которая могла бы компенсировать британскому производителю разницу в издержках, по какому его хлеб может быть произведён и доставлен на рынок, вместе с надлежащей нормой прибыли на вложенный капитал, по сравнению с издержками производства и другими расходами, падающими на хлеб, производимый за границей и ввозимый оттуда **, то такая система во многих отношениях была бы предпочтительнее, чем какая-либо модификация постановлений, основанных на средних ценах с восходящей и нисходящей шкалой пошлин; это предупреждало бы действие соглашений и спекуляций, ставящих себе целью повышать или понижать эти средние цены, и лишало бы значения те неточности, которые вследствие всяких манипуляций или небрежности в некоторых случаях оказывали и могут опять оказать такое невыгодное воздействие на наш рынок; но Комитет скорее имеет в виду такую систему, которую стоит сохранить с точки зрения конечной тенденции нашего закона, а не такую, которая оказалась бы пригодною только на какой-либо краткий или ограниченный период».

Нам говорят, что система, которую мы должны сохранить с точки зрения конечной тенденции нашего закона, есть система твёрдых пошлин; но по какому принципу должна исчисляться твёрдая пошлина? Не по тому принципу, который, как я ста-

* Курсив Рикардо. — Прим. англ. ред.

рался доказать, является единственно здоровым, а именно, что пошлина должна в точности уравнивать те особенные тяготы, каким подвергается производитель хлеба, а по совершенно иному, в силу которого твёрдая пошлина должна компенсировать британскому производителю разницу в издержках, по каким его хлеб может быть произведён и доставлен на рынок, по сравнению с издержками производства и другими расходами, падающими на хлеб, производимый за границей и ввозимый оттуда. Вместо того чтобы поддержать у потребителя какую-либо надежду, что в более или менее близком будущем мы введём законодательство, которое даст ему возможность покупать хлеб по такой дешёвой цене, по какой только способна будет получить его британская промышленность; вместо того чтобы дать британскому капиталисту какую-нибудь гарантию, что заработная плата в нашей стране не будет чрезмерно повышена вследствие того, что рабочий будет вынужден покупать хлеб по дорогой, а не по дешёвой цене, — гарантию, столь существенную для поддержания нормы прибыли; вместо того чтобы рекомендовать фермеру рассчитывать на такое время, когда он будет избавлен от колебаний в цене производимого им товара, столь гибельных для его интересов, — вместо всего этого нам говорят, что существующий способ, благодаря которому цена хлеба обычно держится в нашей стране значительно выше, чем в других странах, быть может, не есть лучший способ для достижения этой цели, так как она может быть осуществлена с бóльшим удобством при помощи твёрдой, а не изменяющейся пошлины, но что так или иначе хлеб в нашей стране обычно должен быть значительно дороже, чем в других странах. Пошлина, вычисленная по принципу, рекомендуемому Комитетом, не преминет увековечить разницу между ценой в нашей стране и ценой в других странах, равную разнице между расходами по возделыванию хлеба в нашей стране и расходами по его возделыванию в других странах. Если бы мы не зашли уже слишком далеко в своих стараниях обеспечить себе средства пропитания, если бы наши собственные действия не сделали издержки производства хлеба внутри нашей страны гораздо более высокими, чем в других странах, то подобный закон был бы просто вздорным, потому что не существовало бы никакой разницы в издержках. Разве не в высшей степени нелепо сначала провести закон, под действием которого создаётся необходимость обрабатывать плохие земли, а после того, как мы их обрабатывали с большими издержками, делать из этих добавочных издержек основание для отказа от покупки хлеба у тех, кто может производить его по более дешёвой цене? Я могу производить некоторое количество сукна, доставляющее мне достаточную цену в 60 ф. ст., и могу продать его за границей, если хочу

затратить выручку на покупку 30 кварталов пшеницы по 2 ф. ст. за квартал; но мне не разрешают делать это и заставляют в силу закона употреблять капитал, приносивший мне 60 ф. ст. в виде сукна, на возделывание 15 кварталов пшеницы по 4 ф. ст. за квартал.

Компенсационная пошлина в 2 ф. ст. с квартала ввозимой пшеницы, заставляющая меня возделывать хлеб и мешающая мне употреблять мой капитал на производство сукна в целях обмена его на пшеницу, целиком препятствует обмену сукна на пшеницу, производству сукна.

Конечно, не подлежит сомнению, что в обоих случаях я произвожу товар, стоящий 60 ф. ст., и для тех, кто имеет в виду только деньги, а не то, что можно купить на эти деньги, любое из этих употреблений моего капитала кажется одинаково производительным, но минутное размышление убедит нас, что существует величайшая разница, какую только можно себе представить, между получением (разумеется, при помощи того же количества труда) 30 или 15 кварталов пшеницы, хотя при предположенных нами условиях каждое из этих количеств будет стоить 60 ф. ст.

Если последовательно придерживаться принципа, рекомендуемого Комитетом, то в числе тех товаров, какие мы можем производить у себя в стране, нет ни одного, который нам следовало бы когда-либо ввозить извне. Мы должны были бы возделывать свёклу и производить свой собственный сахар и наложить на ввоз сахара пошлину, равную разнице между издержками производства сахара в нашей стране и издержками в Ост- или Вест-Индии. Мы должны были бы строить теплицы и разводить свой собственный виноград с целью производства вина и оказывать покровительство виноделу путём такой же политики. Либо учение это не выдерживает критики по отношению к хлебу, либо оно должно быть применимо во всех других случаях. Разве покупатель товара когда-либо спрашивает об условиях, на которых производитель может возделывать или производить его? Он принимает в соображение только цену, по которой он может его купить. Когда он знает цену, он знает наиболее дешёвый способ получения товара; если он может сам произвести его дешевле, чем можно его купить, он скорее посвятит себя его производству, чем производству товара, при помощи которого он иначе должен был покупать его.

Но есть люди, да ещё из числа считающихся авторитетами в таких делах, которые говорят: это рассуждение было бы правильно, если бы мы собирались вкладывать капитал в землю с целью получить больше хлеба; тогда было бы, несомненно, разумно обсудить, не можем ли мы купить его за границей дешевле, чем стоило бы его возделывать у нас дома, и соответ-

ственно этому направить нашу деятельность. Совершенно иное дело, когда капитал уже вложен в землю, так как большая часть этого капитала была бы потеряна, если бы мы решили ввозить дешёвый хлеб из-за границы, а не возделывать его по дорогой цене у себя дома. Нельзя отрицать, что некоторое количество капитала было бы потеряно. Но что такое представляет собой владение капиталом или сохранение его — цель или средство? Несомненно, средство. В чём мы нуждаемся, так это в изобилии товаров; если бы могло быть доказано, что, пожертвовав одной частью нашего капитала, мы могли бы увеличить годовичное производство тех предметов, которые служат для нашего наслаждения и нашего счастья, тогда, конечно, мы не должны были бы роптать на потерю части нашего капитала.

Г-н Лесли изобрёл остроумный аппарат, при помощи которого мы можем готовить лёд для своих ледников. Предположим, что на эти машины был бы затрачен капитал в полмиллиона. Разве не будет, несмотря на это, благоразумно с нашей стороны добывать лёд без всяких издержек из ближайших замёрзших прудов, а не затрачивать труд и расточать кислоту или другие ингредиенты на изготовление льда, хотя, поступая таким образом, мы навсегда пожертвовали бы 500 тыс. ф. ст., затраченными на воздушные насосы?

Из того предложения Комитета, последствием которого должно быть увековечение разницы между ценой хлеба у нас и ценой его в других странах, мы, естественно, должны были бы сделать заключение, что Комитет не допускает возможности тех бедствий, которые время от времени неизбежно должны возникать в нашей стране. Наоборот — он допускает их возможность в самом полном объёме и ссылается на заявления, сделанные по этому предмету в предыдущем докладе, чтобы выразить своё одобрение тому рассуждению, которое на них основано. Он говорит:

«Чрезвычайное неудобство и несообразность нашей настоящей системы были так обстоятельно изображены и так удовлетворительно анализированы в уже упомянутом нами докладе (стр. 10 и 12), что достаточно лишь сослаться на него, прибавив только, что все события, имевшие место после представления этого доклада, а также наш опыт с 1815 г. всё больше и больше доказывают, как мало можно полагаться на постановление, содержащее абсолютное запрещение ввоза до достижения известной цены и допускающее неограниченную конкуренцию при превышении этой цены. Вместо того чтобы придать нашему рынку устойчивость, это постановление *может в один период сбить и без того слишком низкие цены ниже того уровня, на каком они могли бы быть даже при свободе торговли* *, а в дру-

* Курсив Рикардо. — Прим. англ. ред.

гой, без всякой необходимости, повысить и без того высокие цены, что усугубляет бедствия от неурожая и *делает более тяжёлым падение прибыли вследствие изобилия* *.

Здесь очень хорошо описаны два отрицательных следствия нашего хлебного закона; против одного из них, неограниченной конкуренции при цене свыше 80 шилл., рекомендуется средство, хотя и никоим образом не лучшее из тех, которые могли бы быть временно применены; но, вместо того чтобы предложить какие-либо средства для облегчения или устранения другого отрицательного следствия, проистекающего от изобилия и полностью признаваемого, рекомендуются немедленные и временные меры; указаны и другие меры, постоянное применение которых в будущем желательно и которые не могут не увековечить это зло, потому что они не преминут значительно и на продолжительное время поднять цену хлеба в нашей стране по сравнению с другими соседними странами.

Одно из соображений, выдвигаемых в пользу высоких пошлин на ввоз хлеба, состоит в том, что фабрикант защищён высокими покровительственными пошлинами от конкуренции иностранного фабриканта и что земледelec должен пользоваться такой же защитой от иностранного производителя хлеба. Невозможно дать на это более удовлетворительный ответ, чем это сделал лорд Гренвиль:

«Если меры, которые были приняты прежде для защиты торговли и промышленности, правильны, то пусть они остаются в силе; если неправильны, то пусть они будут отменены, не внезапно, но со всей той осторожностью, с которой должна меняться всякая политика, которая при всей своей ошибочности укоренилась с течением времени в нашем обиходе. Но пусть будет освящён принцип законодательства, состоящий в том, чтобы те, кто рекомендует законодательной власти принять особые покровительственные меры, ни в коем случае не руководствовались соображениями, покоящимися на покровительстве, которое, может быть, оказывалось в какой-либо другой области. Я действительно не могу понять, каким образом благородный граф** может настаивать на том, что меры, которые, по его же признанию, вредны по отношению к обрабатывающей промышленности, могли бы быть тем не менее правильными по отношению к земледелию.

Было бы весьма необычным способом осуществлять справедливость, заявляя, что, так как значительная, наиболее значительная, часть общества уже страдает от льгот, предоставленных одному отдельному классу, то она должна ещё

* Курсив Рикардо. — *Прим. англ. ред.*

** Граф Ливерпуль. — *Прим. англ. ред.*

больше страдать от льгот, предоставляемых другому отдельному классу». (Речь 15 марта 1815 г.)

Если требуется ещё какой-нибудь аргумент против этой претензии оказывать покровительство земледелию, то его составляет следующая выдержка из доклада Комитета о земледелии прошлого года:

«Он (Комитет) замечает, что один из свидетелей с целью иллюстрировать свои идеи и желания петиционеров представил таблицу пошлин, уплачиваемых с иностранных промышленных товаров, из которых часть облагается внутри нашей страны акцизом. В этих случаях пошлина на ввоз, как, например, на ввоз стеклянных изделий, введена в значительной мере для того, чтобы уравновесить пошлину на эти изделия, производимые внутри страны.

Но главное основание, опираясь на которое ваш Комитет склонен думать, что Палата отнесётся с некоторым недоверием к этому принципу, заключается в следующем: во-первых, весьма сомнительно, чтобы какая-нибудь из наших значительных отраслей промышленности (за исключением шёлковой) извлекала выгоды из этого мнимого покровительства на рынках нашей страны, ибо каким образом могут иностранные фабрики хлопчатобумажных, шерстяных, металлических изделий конкурировать с нашими собственными товарами в нашей стране, когда хорошо известно, что мы можем продавать продукты этих крупных отраслей нашей обрабатывающей промышленности по более низким ценам даже на иностранных рынках, несмотря на то, что хлопок и шерсть облагаются непосредственно ввозной пошлиной, не возвращаемой при вывозе их в обработанном виде, и кроме того косвенными налогами, затрагивающими капитал в этих отраслях наряду с капиталом, который употребляется на возделывание продуктов почвы?»

За этим следуют ещё другие превосходные места, и все они показывают, что покровительство, которым якобы пользуется обрабатывающая промышленность, в действительности ей не оказывается; хотя, если бы это и было так на деле, аргумент лорда Гренвиля достаточно убедителен, чтобы это нельзя было считать основанием для распространения покровительства на земледелие.

Следует надеяться, что ещё в текущую сессию парламента мы избавимся от многих из этих вредных законов. В настоящее время, повидимому, начинает брать верх лучший дух законодательства, и нелепая ревнивая зависть, оказывавшая влияние на наших предков, уступит место отрадному убеждению, что, установив свободу торговли, мы никогда не сможем способствовать благосостоянию других стран, не способствуя тем самым своему собственному благосостоянию.

Приведённое нами место из доклада полезно ещё и в другом отношении: оно показывает нам, что автор его прекрасно понимал, что представляет собою компенсационная пошлина и чем она должна быть, ибо он констатирует, что пошлина на ввоз стекла «введена в значительной мере для того, чтобы уравновесить пошлину на эти изделия, производимые внутри страны». Как согласовать это место с существующей в обоих докладах рекомендацией, в силу которой при обложении пошлиной ввоза хлеба «она должна быть исчислена добросовестно, чтобы уравновесить разницу в издержках (включая обычную норму прибыли), по которым хлеб, при настоящем положении нашей страны, *может быть возделан и доставлен на рынок* * внутри Соединённого королевства, в сравнении с издержками (также включая обычную норму прибыли), по которым хлеб производится в какой-либо из тех стран, откуда мы обыкновенно получали свои главные запасы иностранного хлеба, с прибавкой обычных расходов на перевозку его из этих стран на наш рынок»?

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ

О проекте выдачи спекулянтам хлебом денежных ссуд из низкого процента

Доклад признаёт, что «всеобщее правило, в силу которого следует предоставить всем товарам, в меру возможности, находить свой собственный естественный уровень цен путём приспособления предложения к спросу», помешало Комитету рекомендовать правительству, чтобы оно употребило деньги на закупки хлеба с целью продавать его, когда цена хлеба повышается; но Комитет, повидимому, не заметил, что то всеобщее правило, о котором он говорит с одобрением, должно было также помешать ему рекомендовать правительству, чтобы оно ссужало деньги из низкого процента лицам, которые должны покупать пшеницу и депонировать её в королевских товарных складах, пока цена её ниже 60 шилл. за квартер.

Не помешает ли такая ссуда денег из низкой нормы процента да ещё на 12 месяцев, если того пожелают стороны, не помешает ли она товару «находить свой собственный уровень цен» и «будет ли предложению предоставлено приспособляться к спросу»?

Если причиной низкой цены хлеба будет излишнее количество его в стране, а не излишнее количество, преждевременно доставленное на рынок вследствие бедственного положения фермеров, то предложенное средство будет действительно пагубным, так как в этом случае мы должны пройти через тяжёлое испытание — низкие цены и возросшее потребление, которое

* Курсив Рикардо. — Прим. англ. ред.

всегда в известной степени следует за низкой ценой, пока предложение приспособится к спросу и цены снова станут достаточными. Поскольку таким образом поощряется накопление запасов хлеба на 12 месяцев, период переполнения рынка может быть отсрочен, но в конце концов он наступит. Что касается другого предположения, а именно, что вследствие паники или нужды на рынок преждевременно будет доставлена более чем надлежащая часть хлеба и что до ближайшей уборки урожая всё предложение хлеба вследствие этого окажется недостаточным и цены повысятся, то я должен заметить, что проникательные люди, побуждаемые собственными интересами, могут, если это случится, установить это с большей уверенностью, чем правительство. Нет недостатка в деньгах для закупки пшеницы, доставленной таким образом без всякой нужды на рынок; требуется только убеждение в вероятном уменьшении предложения или увеличении спроса и вероятном в силу этого повышении цены, чтобы пробудить дух спекуляции. Если бы существовала хорошо обоснованная уверенность в подобном повышении цен, то мы скоро стали бы свидетелями большей, чем обычно, активности среди хлеботорговцев. Когда была перспектива длительной дождливой погоды, как раз перед сбором урожая прошлого года, то не были ли мы свидетелями немедленного скачка в цене хлеба? На чём основывалось это повышение, если не на предвидении того, что урожай, вероятно, будет скуден и цена возрастёт? Если, таким образом, есть основание ожидать вероятной нехватки до того, пока доставлена будет пшеница будущего урожая, то найдутся люди, которые будут спекулировать без всякого поощрения со стороны правительства; разница в норме процента между 3 и 5% должна иметь очень мало значения в сделках подобного рода, и, поскольку речь идёт об интересах общества, эту разницу можно совершенно не принимать во внимание, когда мы рассматриваем выгоды подобной меры.

Было сказано, что подобные ссуды неоднократно выдавались представителям торгового класса, почему же в этом случае лишать такой выгоды класс земледельцев? Прежде всего я вообще сомневаюсь, оправдывается ли такая мера в каком бы то ни было случае, но нельзя оспаривать, что торговый класс потребовал для себя этой льготы при совершенно других обстоятельствах, чем земледельческий класс.

Торговый класс испытывает затруднения от застоя в делах; рынок, для которого он приготовил свои товары, во время войны (а такие ссуды выдавались только во время войны) может быть для него закрыт. В расчёте на продажу своих товаров торговцы выдали векселя, срок которым наступает, и вся их репутация и состояние зависят от выполнения ими своих обязательств. Всё, в чём они нуждаются, это — время; задержав дальнейшее

производство товаров, спрос на которые уменьшился, они уверены, что им удастся продать свои товары, хотя, вероятно, с большим убытком. Похоже ли в каком-нибудь отношении положение фермера на положение торговца? Выдал ли он векселя, которым наступил срок? Зависит ли успех всех его будущих сделок от необходимости поддержать свой кредит в данную минуту? Закрыты ли для него когда-либо полностью все рынки? Нуждается ли он только в деньгах, чтобы платить по векселям? Случаи эти совершенно различны, и аналогия, которую пытаются провести между ними, неудачна во всех отношениях.

О Т Д Е Л Д Е В Я Т Ы Й

Может ли современное бедственное положение земледелия быть объяснено налоговым обложением?

Нынешнее бедствие вызвано недостаточной ценой на продукт земли, и невозможно сколько-нибудь справедливо приписать это налоговому обложению. Последнее бывает двух родов: либо оно падает на производителя товара в его качестве производителя, либо падает на него как на потребителя. Если фермер должен платить сельскохозяйственный налог с лошадей, десятину, поземельный налог, то он облагается налогом как производитель, и он старается вернуть уплаченную сумму, так же как это делают все другие производители, назначая дополнительную цену, равную налогу на производимый им товар. Итак, в конечном счёте налог уплачивается потребителем, а не производителем, так как ничто не может помешать последнему перенести налог на потребителя, кроме производства слишком большого количества товара в сравнении со спросом. Во всех случаях, когда цена товара не оплачивает производителю всех расходов всякого рода, которые он обязан понести, она недостаточна; она ставит его в невыгодное положение в сравнении с производителями других товаров; он перестаёт получать обычную, установившуюся прибыль с капитала, и тогда остаются только два средства, которые могут ему помочь: во-первых, уменьшение количества товара, что не преминет повысить его цену, если в то же время не уменьшится спрос; во-вторых, освобождение его от налогов, которые он платит как производитель. Первое средство — верное и действительное; второе — более сомнительное, потому что если цена товара прежде вознаграждала производителя, то после установления налога она могла понизиться только вследствие возросшего предложения или уменьшившегося спроса.

Отмена налога не уменьшит количества, и если она не понизит ещё больше цены, то не увеличит и спроса. Если цена

падёт ещё ниже, то отмена налога не принесёт производителю облегчения. Только в том случае, если цена товара не падает ещё ниже, хотя производитель избавлен от одного из расходов на производство, можно сказать, что он выиграл от отмены налога на производство. Можно высказать очень основательное сомнение, не вызовет ли конкуренция продавцов дальнейшего понижения цены товара вследствие отмены налога. Верно, что налоги на производство могут быть причиной излишка предложения над спросом, но лишь в том случае, когда налог только что введён и потребители не желают оплачивать в дополнительной цене дополнительные расходы, возложенные на производителя. Но в настоящее время в нашей стране иное положение: налоги не принадлежат к числу новых; цены сырых материалов настолько высоки, чтобы, несмотря на налоги, доставлять производителю достаточную цену, и не может быть никакого сомнения, что цены сырых материалов были бы значительно ниже, чем в настоящее время, если бы не было подобных налогов. Та самая причина, которая вызвала падение цены пшеницы с 80 шилл. до 60 шилл., или на 25%, вызвала бы падение цены с 60 шилл. до 45 шилл., если бы вследствие меньшего количества налогов с земли обычная средняя цена составляла 60 шилл., а не 80 шилл. Некоторые из издержек производства фактически уменьшились, тогда как есть полное основание думать, что потребляемое народом количество хлебаросло.

Вообще предполагалось, что изменение в стоимости денег было благоприятно для рабочих классов, так как их денежная заработная плата, говорят, не понизилась пропорционально возросшей стоимости денег и падению цены предметов первой необходимости. Положение их, таким образом, улучшилось, и способность к потреблению возросла; но цены никогда не могут устоять против большого увеличения количества, и поэтому нет другого рационального объяснения причин падения цен сельскохозяйственных продуктов, кроме изобилия последних.

Налоги на потребителей затрагивают потребителей вообще и никоим образом не могут быть причиной бедственного положения какого-нибудь отдельного класса или недостаточной цены товара, который этот класс выращивает или изготавливает. Налоги на свечи, мыло, соль и т. д. и т. д. уплачиваются не только фермерами, но и всеми лицами, потребляющими эти товары. Отмена этих налогов принесёт облегчение всем, а не только одному сельскохозяйственному классу.

Тех, кто утверждает, что нет никаких разумных оснований считать налоговое обложение причиной бедствий земледелия и низкой цены хлеба, иногда изображают как людей, утверждающих, что отмена налогов не принесёт никакого облегчения. Такое заключение свидетельствует о недостатке беспристрастия

или понимания, так как можно совершенно последовательно утверждать, что обложение налогами не есть причина какого-нибудь особенного бедствия, и в то же время настаивать, что отмена налогов принесёт облегчение. Если лошадь лорда Джона Рассела падает потому, что споткнулась о камень, и может опять встать на ноги, если с неё снимают сбрую, то несомненно было бы неправильно сказать, что лошадь упала, потому что была обременена сбруей, хотя было бы правильно утверждать, что она упала потому, что споткнулась о камень, а облегчение оттого, что с неё сняли сбрую, помогло ей встать на ноги.

Что касается меня, то, держась мнения, что почти все налоги на производство в конечном счёте падают на потребителя, я думаю, что отмена всякого налога имеет следствием облегчение потребителей от части бремени, которое они несут в настоящее время. Хотя я всегда сторонник самой строгой экономии в государственных расходах, всё же я убеждён также, что существуют причины бедственного положения производителей отдельного товара, вызываемые изобилием; никакая отмена налогов не может существенно помочь против этого, в особенности, если этим товаром является сельскохозяйственный продукт и если его обычная цена удерживается вследствие ограничения ввоза на более высоком уровне, чем цены в других странах.

От такого бедствия не свободна ни одна страна и в особенности страна, имеющая дурную систему хлебных законов. Если бы у нас не было абсолютно никаких налогов; если бы государственные расходы были настолько экономны, насколько это только возможно, и покрывались доходом, получаемым с земель, специально предназначенных для этого; если бы у нас не было никакого национального долга, никакого фонда погашения, то мы всё же были бы подвержены катастрофическому падению цен вследствие случайного изобилия. Невозможно читать компетентные показания г-на Тука перед Комитетом о земледелии 1821 г. и не поражаться при виде неожиданного воздействия, которое излишек предложения оказывает на цену и против которого нет другого действенного средства, кроме уменьшения количества. Если бы существовало какое-нибудь другое средство, то почему же не заявят об этом те, кто жалуется на бедствие и находится при этом в таком выгодном положении, что может заставить себя выслушать? Я не слышал, чтобы предлагали какие-либо средства против этого, кроме уменьшения налогов, введения новых добавочных покровительственных пошлин против конкуренции иностранцев в торговле сельскохозяйственными продуктами, всякого рода прямых закупок хлеба правительством или поощрения закупок другими лицами. А что касается действительности названных средств, я должен предоставить решение этого вопроса суждению самого читателя, так как

моё собственное мнение о них уже высказано самым определённым образом.

Я не считаю необходимым распространяться по поводу причин, вызвавших такую степень изобилия, что я приписываю ей всю ту часть падения цены сырых материалов с 1819 г., которая не может быть надлежащим образом объяснена изменением в стоимости денежного обращения¹. По моему мнению, мы вправе приписывать это изобилие ряду хороших урожаев, следовавших один за другим, увеличившемуся ввозу из Ирландии и расширению обработки земли, которое было вызвано высокими ценами и препятствиями, поставленными ввозу во время войны. Многие из джентльменов, дававших показания перед Комитетом, наперебой старались описать урожаи в 1819 и 1820 гг. как необычайно богатые. Г-н Уэкфилд заявил 5 апреля 1821 г.: «Я думаю, что в стране имеется чрезвычайное количество хлеба; по моему мнению, в стране теперь осталось столько хлеба, сколько в обычные годы имеется сразу после сбора урожая». «Я думаю, что если в течение ближайших двух или трёх лет у вас будут хорошие средние урожаи, то у вас останутся на руках большие запасы хлеба».

Г-н Айвсон: «Я думаю, что последний урожай был изобилен; урожай 1820 г. был значительно выше среднего» (стр. 338).

Г-н Дж. Броди: «Урожай в Шотландии был в прошлом году очень богат».

«Урожай позапрошлого года был также выше среднего» (стр. 327).

Наряду с этим обильным урожаем внутри страны ввоз из Ирландии был необычайно велик, как мы увидим из следующего отчёта, представленного Комитету о земледелии 1821 г., о ввозе в Великобританию овса, пшеницы и пшеничной муки ирландского производства:

Годы, оканчивающиеся 5 января	Овёс	Пшеница	Пшеничная мука
	квартеры	квартеры	центнеры *
5 января 1818 г.	594 337	50 842	16 238
5 января 1819 »	1 001 247	95 677	33 258
5 января 1820 »	759 608	127 308	92 893
5 января 1821 »	892 605	351 871	180 375
<i>За три месяца:</i>			
С 5 января 1821 г. до 5 апреля 1821 г.	437 245	218 764	99 062

¹ Как видно будет дальше, этой причине я приписываю падение цен на 10%.

* Английский центнер = 50,8 кг. — *Ред.*

Из вышеприведённого отчёта видно, в какой степени увеличился ввоз из Ирландии, что в дополнение к большому количеству, полученному от урожаев в 1819 и 1820 гг., по моему мнению, достаточно объясняет понижение цен.

В данном случае нет, однако, необходимости проследить это изобилие до его источника. Достаточно показать, что низкая цена не могла быть вызвана иной причиной, кроме возросшего предложения или уменьшившегося спроса, чтобы убедиться, что против этого зла нет никакого другого действительного средства, кроме уменьшения количества или увеличения спроса.

Отчёты о продажах в Марк Лэйне¹ показывают, что в продажу поступило огромное количество хлеба. Кроме того, мы заметим, что в Лондонский порт прибыло необычайно большое количество из портов Великобритании и Ирландии.

Действительно, не следует забывать, что падение цены приписывается изобильному количеству хлеба, находящемуся на рынке в настоящее время, и это рассуждение, опирающееся на доктрину, будто изобилие есть причина низкой цены, не будет ни в какой степени опровергнуто, если перед следующей жатвой предложение окажется ниже спроса и вследствие этого произойдёт значительное повышение цены. У нас не может быть никакого иного бесспорного доказательства изобилия, кроме его последствий. Я убеждён в существовании изобильного количества хлеба, но, по моему мнению, моя аргументация отнюдь не будет поколеблена, если цена хлеба перед ближайшей уборкой урожая повысится до 80 шилл. за квартер.

¹ См. Приложение Б.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев большинство тем, тесно связанных с вопросом о политике по отношению к ввозу хлеба, которую было бы разумно принять в нашей стране, я теперь хочу вкратце резюмировать взгляды, изложенные более подробно в различных частях этого исследования.

Причина нынешней низкой цены сельскохозяйственных продуктов частью заключается в изменении стоимости денег, а главным образом в перевесе предложения над спросом. Биллю г-на Пиля, даже в связи с операциями Английского банка, нельзя приписывать с какой-либо достоверностью большее воздействие на цену хлеба, чем понижение на 10%, и в этом же размере возросла также большая часть налогов. Однако это увеличившееся налоговое обложение затрагивает не только представителей земельных интересов; в такой же степени оно затрагивает держателей фондов и другие заинтересованные группы в стране. Предположим, что половину всех налогов страны платят лица, связанные с земледелием; если вычесть расходы, зависящие от стоимости денег и увеличивающиеся поэтому соответственно понижению стоимости денег, всё увеличение налогов, которые с 1819 г. падали на представителей земельных интересов, считая вместе арендаторов и землевладельцев, не может превосходить 2 млн. Но если предположить, что эта сумма составляет 4 млн. в год¹, то разве эти 4 млн. в год равны всей сумме убытков, понесённых землевладельцами и арендаторами вследствие паде-

¹ Вся сумма налогов, уплачиваемых кредиторам государства и в фонд погашения, составляет 36 млн. Предположим, что все остальные постоянные повинности равняются 4 млн.; тогда общая сумма налогов, на которую оказала воздействие изменившаяся стоимость денег, представляет 40 млн. Я оцениваю рост их в 10%, или в 4 млн., которые падают на все классы — землевладельцев, торговцев, фабрикантов, рабочих и, хотя и в последнюю очередь, но не в меньшей степени, на держателей государственных бумаг.

ния цены сельскохозяйственных продуктов? Нет, это невозможно, потому что, по утверждениям представителей земельных интересов, вся рента выплачивается теперь из капитала, причём для прибыли не остаётся ровно ничего. Таким образом, если единственная причина бедствия — изменение в стоимости средств обращения, то 4 млн. должны были составить весь чистый доход землевладельцев и арендаторов до этого изменения — предположение, которое никто не решится поддерживать. Тогда какой же иной причине приписать это бедствие? Какой другой причиной можем мы объяснить крайнее понижение цен всех сельскохозяйственных продуктов? Ответ, по моему мнению, ясен, понятен и удовлетворителен — общим преобладанием изобилия в результате хороших урожаев и огромного ввоза из Ирландии.

Это понижение цен усилилось благодаря действию существующих хлебных законов, следствием которых было вовлечение капитала в обработку бедных земель и повышение цены хлеба в средние годы в нашей стране до уровня, значительно превышающего уровень цен в других странах. При таких условиях цена должна быть высока, но чем выше она поднимается, тем сильнее она подвержена падению, так как в годы богатого урожая всё возросшее количество хлеба переполняет наш собственный рынок, и если оно превышает количество, которое мы можем потребить, то быстро начинает давить на цены; между тем у нас нет никакой возможности вывозить хлеб, пока падение цены не становится разорительным для фермеров; интересы последних никогда не гарантированы в большей степени, чем тогда, когда легко прибегнуть к такому ресурсу, как вывоз.

Чтобы избежать, насколько возможно, этого огромного бедствия, нужно постепенно ликвидировать все ненужные покровительственные мероприятия по отношению к земледелию. Политика, которую мы должны принять в настоящий тяжёлый момент, заключается в том, чтобы предоставить британскому производителю монополию на внутреннем рынке до тех пор, пока цена хлеба не достигнет 70 шилл. за квартал. Когда цена достигнет 70 шилл., следует отменить все твёрдые цены и систему средних цен, и тогда можно будет установить пошлину в 20 шилл. с квартала на ввоз пшеницы, а пропорционально и на другое зерно.

Такая перемена мало помогла бы нам в смысле защиты от вредных последствий богатых урожаев, но она была бы весьма полезна, так как препятствовала бы неограниченному ввозу хлеба, когда порты открыты. При уплате твёрдой пошлины хлеб ввозился бы только в таких количествах, какие могли бы потребоваться, и так как никто не боялся бы закрытия портов, никто не гнал бы хлеб в нашу страну до тех пор, пока мы действительно не пожелаем его. Мы были бы тогда вполне гаран-

тированы от последствий переполнения рынка, вызванного неограниченным предложением из-за границы.

Однако, хотя эта мера и представляет значительное улучшение по сравнению с существующим хлебным законом, этого было бы совершенно недостаточно, если бы мы не пошли дальше. Осуществить меры, которые сразу заставили бы изъять капитал из обработки земли, при настоящих условиях в стране было бы опрометчиво и рискованно, и поэтому я предложил бы, чтобы пошлина в 20 шилл. ежегодно уменьшалась на 1 шилл., пока не достигнет 10 шилл. Мы также должны были бы разрешить возврат пошлины в 7 шилл. с квартера при вывозе пшеницы. Все эти меры следует рассматривать как постоянные.

Пошлина на ввоз в 10 шилл. с квартера, к которой я желал бы приблизиться, по моему убеждению, скорее слишком высока как компенсационная пошлина за те особые налоги, которыми обложен производитель хлеба в отличие от других классов производителей в нашей стране; но я предпочитаю ошибиться в сторону щедрости, а не в сторону скупости, и именно по этому соображению я не предлагаю установить возвратную пошлину, равную пошлине на ввоз. Поскольку речь идёт о производителе хлеба, то, когда пошлина упадёт до 10 шилл., торговля будет иметь для него все преимущества свободной торговли, не считая столь ничтожной суммы, как 3 шилл. с квартера. В том случае, когда его урожай будет обильным, его положение могло бы быть облегчено при помощи вывоза после очень умеренного падения цены, если только изобилие и падение цен не станут общими для всех стран; но во всяком случае цена его хлеба была бы на 20 или 25 шилл. ближе к общему уровню цен остального мира, чем это было бы при существующих правилах. Такая перемена была бы для него неоценима.

Прежде чем закончить, я считаю нужным отметить ещё одно часто встречающееся возражение против свободной торговли хлебом, а именно, что она поставит нас в зависимость от других стран в деле снабжения столь существенным предметом пропитания. Это возражение основано на предположении, что мы должны ввозить значительную часть того количества хлеба, которое ежегодно потребляем.

В первую очередь я не согласен с теми, кто думает, что количество, которое мы должны были бы ввозить, будет огромно; и во-вторых, если бы оно было даже так велико, как настаивают те, кто выдвигает это возражение, я не вижу, какая опасность могла бы произойти от этого.

Из всех показаний, данных Комитету о земледелии, следует, что из-за границы нельзя получить очень большое количество хлеба, не вызывая этим значительного повышения достаточной цены хлеба в других странах. По мере того как требуемое коли-

чество хлеба начнёт приходить из внутренних частей Польши и Германии, издержки в значительной степени увеличатся вследствие расходов, связанных с сухопутным транспортом. Кроме того, чтобы доставить более значительное количество хлеба, эти страны были бы вынуждены перейти к обработке земель худшего качества, а так как цена хлеба всей страны регулируется издержками производства его на худших из обрабатываемых земель, требующих наиболее тяжёлых затрат, то большое добавочное количество не могло бы быть произведено без повышения цены, необходимого для вознаграждения иностранного производителя. По мере повышения цены за границей становилось бы выгодным переходить к обработке более бедных земель в нашей стране, и, таким образом, по всей вероятности, при наиболее свободном состоянии спроса мы не ввозили бы очень большого количества хлеба.

Но предположим, что произошло бы иначе. Какой опасности подверглись бы мы вследствие так называемой зависимости от других стран в значительной части нашего питания? Если бы наш спрос был постоянным и единообразным, а при этой системе он, несомненно, был бы таким, значительное количество хлеба должно было бы возделываться за границей специально для нашего рынка. Страны, производящие хлеб для нашего потребления, заинтересованы в том, чтобы не ставить никаких препятствий его доставке к нам, может быть больше, чем мы заинтересованы в получении его.

Посмотрим внимательно на то, что происходит в стране перед нашими глазами. Разве мы не видим, какое влияние оказывает на цену хлеба незначительный излишек количества? Каково было бы переполнение рынка, если бы Англия обычно производила дополнительное количество для потребления других стран? Разве мы пожелали бы ввергнуть наших фермеров и землевладельцев в разорение, которое обрушилось бы на них, если бы мы сознательно лишили их внешнего рынка, хотя бы в случае войны? Я убеждён, что нет. Как бы мы ни считались с чувством вражды и с желанием причинить врагу страдания, лишая его части обычного снабжения хлебом, я уверен, что мы воздержались бы от осуществления возможности причинить врагу страдания такой ценой, как в предположенном мною случае. Если бы такова была наша политика, то такой же была бы политика других стран в таких же условиях; и я вполне убеждён, что мы никогда не будем страдать из-за того, что будем лишены того количества продовольствия, в ввозе которого мы всегда нуждались.

Все наши рассуждения по этому предмету приводят к одному и тому же заключению: мы должны как можно скорее, с должным учётом интересов настоящего момента установить то, что может

быть названо по существу свободной торговлей хлебом. Такая мера была бы полезна с точки зрения интересов фермера, потребителя, капиталиста; и, поскольку устойчивые цены и регулярное получение ренты более выгодны землевладельцу, чем колеблющиеся цены и нерегулярное получение ренты, я убеждён, что правильно понятый интерес землевладельца приведёт его к тому же выводу, хотя я готов допустить, что средняя денежная рента, на которую он имел бы право, если бы его арендаторы могли выполнять свои обязательства, была бы выше при системе торговли, связанной ограничениями.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Заявление, принятое 20 мая 1819 г. директорами Английского банка и переданное канцлеру казначейства.

Назначено к печатанию Палатой общин
21 мая 1819 г.

В СОБРАНИИ ДИРЕКТОРОВ АНГЛИЙСКОГО БАНКА.
В четверг 20 мая 1819 г.

Директора Английского банка, рассмотрев самым серьезным образом доклады тайных Комитетов обеих палат парламента, учреждённых для исследования положения Английского банка в связи с вопросом о целесообразности восстановления платежей наличными в течение ныне установленного срока, сочли своим долгом возможно скорее представить министрам его величества свои соображения относительно мер, предлагаемых этими Комитетами на одобрение Парламента.

В первую очередь оказывается, что, по мнению Комитетов, мера, предписывающая банку возобновить платежи наличными 5 июля, в срок, указанный существующим законом, «совершенно неосуществима и была бы всецело недействительна, если не разорительна».

Во-вторых, оказывается, что оба Комитета пришли к своему заключению в тот период, когда находящиеся в обращении банкноты Английского банка не намного превосходят 25 млн. ф. ст., когда цена золота составляет около 4 ф. ст. 1 шилл. за унцию и когда налицо большое бедствие в результате застоя торговли и понижения цен импортных товаров.

Министрам его величества должно быть ясно, что до тех пор, пока будет продолжаться такое или до некоторой степени подобное положение вещей, без какого-либо значительного улучшения, с одной стороны, или ухудшения — с другой, Английский банк, действуя так же, как в настоящее время, и удерживая выпуск банкнот приблизительно на нынешнем уровне, не мог бы рискнуть вернуться к платежам наличными с какой-либо вероятностью доставить государству пользу без опасности для учреждения.

Оба Комитета парламента, повидимому, побуждаемые этим соображением, высказались в том смысле, что банк не должен возобновлять платежей монетой раньше, чем через четыре года, но должен быть обязан с 1 мая 1821 г. разминивать свои банкноты на слитки золота стандартной пробы по монетной цене по требованию на сумму не менее 30 унций. А так как Комитетам кажется целесообразным, чтобы возобновление платежей по монетной цене производилось постепенно, то они предлагают,

чтобы, начиная с 1 февраля будущего года, банк начал платить по своим банкнотам слитками по требованию на суммы не менее 60 унций по 4 ф. ст. 1 шилл. за унцию, а с 1 октября 1820 г. до 1 мая следующего года — по 3 ф. ст. 19 шилл. 6 пенсов за унцию.

Если директора банка имеют правильное представление о взглядах Комитетов при предъявлении этой схемы парламенту, они вынуждены сделать вывод, что цель Комитетов состоит в обеспечении, во всяком случае и при всевозможных изменениях обстоятельств, возвращения к оплате банкнот золотом по монетной цене по истечении двух лет, и что эта мера должна быть осуществлена таким образом, чтобы наименования монетной цены сохранились и на позднейшее время, а банку было предоставлено контролировать рыночную или вексельную цену золота только при помощи выпуска банкнот.

Далее, директорам банка кажется, что по отношению к окончательному осуществлению этого плана и к оплате банкнот золотом по монетной цене у банка отнимается всякая власть и что, когда кладовые банка снова будут открыты для оплаты его банкнот, ему останется только регулировать свои выпуски и производить закупки золота, чтобы иметь возможность удовлетворять всевозможным требованиям.

Под влиянием таких впечатлений директора банка считают себя вправе заметить министрам его величества, что, поскольку они обязаны платить по своим банкнотам по требованию установленной монетой по монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенсов за унцию, они были бы последними, кто стал бы возражать против какой-либо меры, рассчитанной на достижение этой цели; но так как на них лежит обязанность рассматривать действие всякой предстоящей меры, поскольку она влияет на выпуск их банкнот, которым регулируется деятельность всех частных банков и из которого составляется всё денежное обращение, за исключением банкнот частных банкиров, то они чувствуют себя обязанными, в связи с новым положением, в какое они были поставлены актом 1797 г. о приостановке размена, твёрдо помнить и о своих обязанностях по отношению ко всему обществу, интересы которого в денежном и торговом отношении были в большой степени доверены их усмотрению.

Будучи, таким образом, обязанными стать на более широкую точку зрения и при своём рассмотрении этой меры принять во внимание интересы всего общества, директора банка не могут не чувствовать нежелания, хотя и невольного, к тому, чтобы взять на себя ответственность за одобрение системы, которая, по их мнению, во всех своих тенденциях и последствиях затрагивает всю страну в общем гораздо больше, чем непосредственные интересы одного только банка.

Разумеется, по первоначальному уставу банк формально не обязан входить в рассмотрение общих политических принципов, которыми управляется наша великая империя во всех её торговых и денежных делах и которые входят в компетенцию только исполнительной власти, парламента и всего общества. В сферу деятельности банка не входит также изложение принципов, которыми должна регулироваться эта политика. На него возложена особая и свойственная ему обязанность управлять делами банка, поскольку они связаны с уплатой процентов по государственному долгу, с хранением порученных его заботам вкладов и с обычными ссудами, которые он привык предоставлять правительству.

Но, когда в настоящее время в силу нового положения, в которое директора банка поставлены актом о приостановлении размена, они призваны создать фонд для поддержки всего национального денежного обра-

щения, будь то в слитках или в монете, и когда предлагается, чтобы они осуществили эту меру в течение данного периода путём регулирования рыночной цены золота при помощи ограничения выпуска банкнот, какими бедствиями ни сопровождалось бы это ограничение для отдельных лиц или для общества в целом, они считают своим священным и настоящим долгом откровенно изложить свои взгляды на этот предмет, в первую очередь министрам его величества, чтобы молчаливое согласие и содействие на этой стадии не могли бы когда-либо в будущем быть изображены как предварительная санкция с их стороны такой системы, которую они не могут не считать сопряжённой с полнейшей неуверенностью и риском.

Банк не может решить заблаговременно, каков будет ход событий в продолжение ближайших двух, а тем более четырёх лет; он не имеет права рисовать радужные перспективы, для которых у него нет никаких реальных оснований, которые могут привести к разочарованию и за которые на него может быть возложена ответственность. Он не может брать на себя риск рекомендовать неуклонное продолжение того денежного давления на торговый мир, последствия которого он не в состоянии ни предвидеть, ни оценить.

Директора банка уже указывали Палате лордов на целесообразность того, чтобы банк платил по своим банкнотам слитками по рыночной цене дня с целью проверить, насколько благоприятный торговый баланс может способствовать восстановлению прежнего порядка вещей, которым они могли бы воспользоваться с выгодой; и в тех же видах они предлагали, чтобы правительство уплатило банку значительную долю сумм, которые были последним авансированы под билеты казначейства.

Эти две меры дали бы время для того, чтобы составить правильное суждение о состоянии слиткового рынка и о действительных результатах перемен, вызванных последней войной и всеми её последствиями, а именно: о результатах роста государственного долга, увеличения налогов, повышения цен и изменения условий по отношению к проценту, капиталу и торговым операциям с континентом; также суждение о том, насколько эти изменения временны или постоянны и в каком размере и в какой степени они оказывают действие.

Во исполнение только что упомянутых двух мер директора банка имели намерение использовать всякое обстоятельство, которое позволило бы банку расширить свои закупки слитков в той мере, как это могло бы оправдываться законным вниманием к обычной потребности нации в достаточном количестве средств обращения. За исключением этого пункта, они не считают себя вправе действовать согласно только собственному мнению, предположению или соображению. И когда рекомендуется система, видимо, лишаящая банк всего, что похоже на самостоятельное понимание потребностей и бед торгового мира, то директора отказываются дать своё предварительное согласие не из недостатка почтения к правительству его величества или к мнениям Комитетов обеих палат парламента, а только в силу серьёзного убеждения, что они не имеют никакого права добровольно возлагать на себя ответственность за поддержку меры, в которой так глубоко заинтересовано всё общество, и, быть может, компрометировать всеобщие интересы империи во всей совокупности отношений в земледелии, обрабатывающей промышленности, торговле и финансах кажущимся согласием или даже открытым одобрением со стороны директоров Английского банка.

Рассмотрение этих великих вопросов, а также того, в какой степени предложенной мерой могут быть затронуты все ведущие и доминирующие интересы, остаётся делом законодательной власти, и именно ей, после

торжественного обсуждения, а не банку предстоит определять и решать, какое направление должно быть принято.

Каковы бы ни были соображения, время от времени высказываемые насчет банка, каковы бы ни были недоброжелательные нападки на ведение им дел, он усвоил осторожный образ действий, сорамеряя количество средств обращения таким образом, чтобы сделать его соответствующим как нуждам нации, так и нуждам правительства, в то же время удерживая его в разумных пределах по сравнению с тем, что было до войны, как это показано в докладе Комитета Палаты лордов (стр. 10, 11, 12 и 13). Недавняя попытка вернуться к системе платежей наличными, которая началась с наилучшими перспективами (но после была парализована событиями, которые банк не мог ни контролировать, ни предвидеть), сама по себе является достаточным опровержением всех инсинуаций, которые так незаслуженно обрушивались на это учреждение.

Повергая эти соображения на рассмотрение министров его величества, директора Английского банка просят, чтобы им было дозволено заверить министров, что они всегда желают, поскольку это от них зависит, всеми средствами помогать проведению в жизнь законодательных мероприятий в целях содействия процветанию империи.

Роберт Бест, секретарь.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ХЛЕБ, ПРИВЫВШИЙ В ЛОНДОНСКИЙ ПОРТ ИЗ ПОРТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ

	1817 г. квар- теры	Средняя цена в шилл.	1818 г. квар- теры	Средняя цена в шилл.	1819 г. квар- теры	Средняя цена в шилл.	1820 г. квар- теры	Средняя цена в шилл.	1821 г. квар- теры	Средняя цена в шилл.	1822 г. квар- теры	Средняя цена в шилл.
<i>Пшеница</i>												
1-й квартал	93 624	101	78 671	86	49 047	78	103 589	65	77 227	54	133 913	48
2-й »	69 842	104	45 541	88	44 201	72	103 938	71	78 260	54		
3-й »	77 283	91	51 869	83	91 741	74	71 461	72	107 024	55		
4-й »	96 505	80	60 086	81	100 552	66	87 680	60	165 804	58		
	337 264		236 167		285 541		366 668		428 315			
<i>Ячмень</i>												
1-й квартал	99 853	50	87 538	46	84 020	60	121 063	34	97 707	25	99 062	19 шилл. 6 пенс.
2-й »	64 054	51	39 901	51	15 454	45	55 632	35	46 943	24		
3-й »	17 559	48	14 731	54	8 461	39	10 678	36	14 416	26		
4-й »	93 941	43	120 373	61	87 196	37	59 420	29	71 868	29		
	275 407		262 543		195 131		246 793		230 934			
<i>Овес</i>												
1-й квартал	142 721	30	147 959	28	110 373	33	197 476	23	127 351	19	199 057	
2-й »	80 872	34	102 204	31	94 669	28	188 723	26	138 781	18		
3-й »	89 137	36	194 603	34	98 841	27	82 131	28	149 106	20		
4-й »	155 564	27	88 977	35	136 352	25	91 100	22	152 934	21		
	468 294		533 743		440 235		559 430		568 170			

Количество кварталов пшеницы, ячменя и овса, проданных в Марк Лэйне, по отчётам инспекторов за следующие периоды:

	Пшеница	Ячмень	Овёс
	к в а р т е р ы		
С 1 ноября 1818 г. до 1 марта 1819 г.	65 804	107 764	137 272
» 1 ноября 1819 » » 1 марта 1820 »	100 582	117 144	164 017
» 1 ноября 1820 » » 1 марта 1821 »	106 465	96 703	134 586
» 1 ноября 1821 » » 1 марта 1822 »	170 621	96 127	216 870

ПРИМЕЧАНИЯ
К КНИГЕ Г-НА МАЛЬТУСА
«НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ,
РАССМОТРЕННЫЕ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ИХ ПРАКТИЧЕСКОГО
ПРИЛОЖЕНИЯ»

1820г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая работа представляет собой критические примечания Рикардо к книге Мальтуса «Начала политической экономии», рассмотренные с точки зрения их практического приложения», вышедшей в свет в апреле 1820 г. Поскольку Мальтус в своей книге критиковал взгляды Рикардо, последний счёл необходимым ответить ему и к ноябрю 1820 г. написал к книге Мальтуса свои примечания. Как видно из упоминаний в письмах, Рикардо намеревался опубликовать эту работу либо в форме примечаний к новому изданию книги Мальтуса (причём предполагал сам быть её издателем), либо в форме приложения к новому изданию своей книги «Начала политической экономии и налогового обложения». Однако намерения эти осуществлены не были, работа осталась в черновом виде.

Рукопись примечаний считалась утерянной; она была обнаружена лишь в 1919 г. и передана в Британский музей.

Рукопись состоит из титульного листа и 222 отдельных листов, исписанных с обеих сторон. Каждому примечанию предшествует указание на ту цитату из книги Мальтуса, к которой оно относится; в первых трёх примечаниях Рикардо указал как начальные, так и конечные слова цитаты, а в остальных привёл только начало её.

Работа Рикардо была впервые опубликована в 1928 г. в США ¹. В 1951 г. она вошла в Собрание сочинений Рикардо, изданное в Англии Кембриджским университетом ².

¹ *Ricardo D., Notes on Malthus's Principles of Political Economy.* Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1928.

² *The Works and Correspondence of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa with the collaboration of M. H. Dobb. Vol. II. *Notes on Malthus's Principles of Political Economy.* Published for the Royal Economic Society, Cambridge, at the University Press, 1951.

Русский перевод был сделан перед Великой Отечественной войной с издания 1928 г. и теперь заново сверен с английским изданием 1951 г. При этом принят следующий порядок расположения материала.

Примечания нумерованы; после номера примечания дана ссылка на страницу в книге Мальтуса (по изданию 1820 г.) и приведена соответствующая цитата. В некоторых случаях редакция нашла нужным привести более длинную, в других — более короткую цитату по сравнению с тем, что отмечено в английском издании, стремясь к тому, чтобы приводимая цитата действительно отвечала относящемуся к ней примечанию Рикардо.

Примечания расположены по главам и отделам, соответствующим главам и отделам в книге Мальтуса.

Цитаты из книги Мальтуса набраны петитом.

Кембриджское издание работы Рикардо изобилует примечаниями английской редакции, работавшей непосредственно над рукописью Рикардо. Из числа этих примечаний нами приводятся лишь важнейшие, показывающие последовательные этапы работы Рикардо над текстом.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

1. Стр. 6. «Поскольку у каждой стороны была собственная теория, объяснявшая неблагоприятное состояние вексельного курса и превышение рыночной цены слитков над их монетной ценой, каждая из сторон держалась той точки зрения, которую привыкла считать правильной; вряд ли можно указать хотя бы одного автора, склонного допустить обе теории, комбинированное действие коих то в одном направлении, то в противоположных направлениях одно лишь могло удовлетворительно объяснить изменчивые и сложные явления, которые можно было наблюдать».

Г-н Мальтус, видимо, намекает здесь на спор о том, чем было вызвано изменение в относительной стоимости слитков и банкнот: повышением цены слитков или падением курса банкнот.

Решение этого спора не имело никакого значения для действительного вопроса, так как независимо от того, какая сторона была права, это не меняло ни факта обесценения, ни его степени. Это был скорее спор о причинах обесценения, а он не мог быть решён удовлетворительно, потому что не было такого стандарта, которым можно было бы руководствоваться, чтобы установить, повысилась ли стоимость золота или понизился курс банкнот.

2. Стр. 8. «Адам Смит утверждает, что капиталы накаплиются посредством сбережения, что всякий бережливый человек является благодетелем общества и что возрастание богатства зависит от перевеса производства над потреблением. Совершенно неоспоримо, что эти положения в большой степени верны. Никакое значительное и прогрессивное возрастание богатства не могло бы происходить без той степени воздержания, которая позволяет превращать ежегодно известную часть дохода в капитал и создаёт перевес производства над потреблением, но совершенно очевидно, что правильность этих положений ограничена и что принцип сбережения, доведённый до крайности, привёл бы в конце концов к уничтожению всякого побуждения к производству».

Г-н Мальтус говорит, что эти положения верны в большой степени, но вполне очевидно, прибавляет он, что правильность их ограничена. Но почему? Потому что принцип сбережения, доведённый до крайности, уничтожил бы побуждение к производству.

Однако спор идёт не о побуждении к производству; на этот счёт все согласны — накопление капитала может идти гораздо быстрее, чем может увеличиваться число рабочих, так что производство должно перестать расти в такой же пропорции, как капитал, из-за недостатка рабочих рук; а когда оно продолжает расти, рабочие вследствие их сравнительной редкости для капитала могут распоряжаться такой значительной частью продукта, что у капиталиста не останется надлежащего побуждения, чтобы продолжать делать сбережения.

Итак, все согласны с тем, что сбережения могут совершаться так быстро, а прибыли будут так низки, что в результате это уменьшит побуждение к накоплению и в конце концов совсем его уничтожит. Остаётся, однако, вопрос, не зависит ли возрастание богатства от перевеса продукта над потреблением? Можно ли ответить на этот вопрос иначе, чем утвердительно?

Это верно, говорит г-н Мальтус, но из этого возросшего продукта капиталист получит такую малую долю, что у него не будет никакого побуждения содействовать увеличению количества продукта. Я согласен с г-ном Мальтусом; при распределении действительного продукта капиталист может получить так мало в виде прибыли, а рабочий так много в виде заработной платы, что у капиталиста может исчезнуть всякое побуждение быть бережливым. Так вот, спор о следствиях бережливости — одно, а спор о *побуждениях* к бережливости — другое*.

Я не отметил бы здесь этого места, если бы не знал, что оно представляет важнейший момент обсуждения в сочинении г-на Мальтуса и часто рассматривается с различных точек зрения. Г-н Мальтус, оказывается, поддерживает не только тот правильный взгляд, что прибыль капиталиста уменьшится вследствие роста производства при предположенных условиях, но также и такой взгляд, который совершенно не согласуется с первым, — что заработная плата рабочего также будет уменьшаться. Количество продуктов в целом возрастёт, можно будет свободно выбрать продукты, и всё же ни капиталист, ни рабочий не выиграют от этого, хотя продукт должен быть предоставлен либо тому, либо другому.

* В рукописи последнее предложение вставлено взамен следующей первоначальной редакции текста: «Так вот, спор о возможности увеличить производство путём бережливости — одно, а спор о *побуждениях* к увеличению производства — другое». — *Прим. англ. ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ БОГАТСТВА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Об определениях богатства

3. Стр. 28. «Разграничивающая линия, кажущаяся наиболее естественной, это та, которая отделяет материальные предметы от нематериальных, или предметы, поддающиеся накоплению и определённой оценке, от предметов, редко обладающих этими свойствами и никогда не обладающих ими в достаточной степени, чтобы вести к практическим выводам.

Адам Смит нигде не дал вполне методического и точного определения богатства; но достаточно ясно, что на протяжении всего своего труда он ограничивает значение этого слова материальными предметами. Можно сказать, что в его работе преобладает следующее определение богатства: «ежегодный продукт земли и труда». Против этого определения можно возразить, что оно упоминает об источниках богатства раньше, чем сказано, что такое богатство, и что оно недостаточно строго, так как охватывает бесполезные продукты земли наряду с теми, которые человек присваивает и которыми он пользуется. Чтобы избежать этого возражения и не придавать этому термину ни слишком узкого, ни слишком широкого смысла, я буду называть богатством *материальные* предметы, которые необходимы, полезны или приятны человечеству».

Г-н Сэй возражает против этого деления, но я думаю, что действительно полезно отделить наше исследование материальных объектов, которые поддаются накоплению и определённой оценке, от исследования тех объектов, которые редко допускают такие процессы. Даваемое г-ном Мальтусом определение богатства не содержит ничего такого, что следовало бы оспаривать; он называет богатством те материальные предметы, которые необходимы, полезны или приятны человечеству.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

О производительном и непроизводительном труде

4. Стр. 31. «Во-вторых, Адам Смит замечает и, нужно признать, замечает правильно, что продукт, который ежегодно сберегается, потребляется так же регулярно, как продукт, затраченный в течение года, но что он потребляется иной группой людей. Если это верно и

если допустить, что экономия есть непосредственная причина возрастания капитала, то становится безусловно необходимым во всех спорах, относящихся к росту богатства, обозначать особым наименованием ту группу людей, которая играет столь важную роль в деле ускорения этого роста».

Это важное допущение со стороны г-на Мальтуса. Далее будет найдено, что оно противоречит некоторым доктринам, которые он защищает в дальнейшем.

5. Стр. 34. «Если в данные периоды производство страны превосходит её потребление, страна будет иметь средства для увеличения своего капитала, население её скоро возрастёт или же существующее уже население будет наслаждаться большим достатком, а вероятно, и то и другое будет иметь место одновременно. Если в течение этих периодов потребление равно производству, не будет средств для увеличения капитала, и страна окажется почти в застое. Если же потребление превысит производство, то с каждым новым периодом страна будет снабжаться всё хуже, и её благосостояние и население будут, очевидно, приходить в упадок».

Это также совершенно верно, и весьма важно это запомнить.

6. Стр. 38. «Согласно этому принципу* земледельческие работы были бы в общем наиболее производительными, ибо продукт почти всех обрабатываемых в настоящее время земель имеет меновую стоимость, достаточную не только для оплаты рабочих, обрабатывающих эти земли, но и для оплаты прибыли на капитал, авансированный фермерами, и для уплаты землевладельцам ренты за арендованные земли. После земледельческих работ наиболее производительными будут те виды труда, которые больше всего опираются на капитал или на результаты прошлого труда, ибо во всех этих случаях произведённая меновая стоимость намного превысила бы стоимость труда, затраченного на производство, и в форме прибыли она дала бы средства существования максимальному добавочному числу лиц и больше всего способствовала бы накоплению капитала».

Неверно говорить о всяком труде, что он произвёл бы наибольшую стоимость в земледелии; неверно потому, что он мог бы быть затрачен на земле, за которую не платилась бы никакая рента; и поэтому он вернул бы только стоимость, равную стоимости затраченного труда и прибыли на вложенный капитал: то же самое, что дал бы всякий другой капитал, в какое бы дело он ни был вложен.

Продукт, который прежде получался с земли, может получить большую стоимость вследствие какой-либо новой трудности в производстве хлеба, и результатом этого повышения стоимости было бы иное распределение продукта, причём более значительная часть пошла бы на ренту, а менее значительная — на прибыль. Но эта стоимость ничего не прибавила бы к величии

* По мнению Мальтуса, всякий труд является более или менее производительным. — *Ред.*

или мощи страны, ибо страна была бы более богатой и великой, если бы не возникла новая трудность в производстве хлеба и, следовательно, цена его не возросла бы*.

Неверно, что самую большую стоимость произведут те рабочие, «труд которых больше всего опирается на капитал или на результаты прошлого труда». Я согласен с г-ном Мальтусом, что они должны дать товар, стоимость которого равна не только стоимости капитала, который даёт им работу, вместе с прибылью, но и прибыли на основной капитал, который помогает их труду. Но я не вижу, почему это обстоятельство должно «больше всего способствовать накоплению капитала».

Капитал сберегается из прибыли. Так вот, имеет ли человек 10 тыс. ф. ст. в машинах и тратит только 1 тыс. ф. ст. на содержание рабочих, или имеет 11 тыс. ф. ст., которые употребляет целиком на содержание рабочих, прибыль его будет одинакова; ибо равные капиталы приносят равные прибыли; и я не могу понять, почему доход от одного капитала должен накапливаться как капитал легче, чем доход от другого.

7. Стр. 39. «Этот способ рассмотрения предмета представляет, быть может, некоторые преимущества по определённым пунктам в сравнении со способом Адама Смита. Он дал бы возможность установить полезную и достаточно точную шкалу производительности труда, вместо того чтобы делить труд только на два вида и проводить между ними жёсткое разграничение. В самом определении было бы установлено естественное превосходство земледелия, которое Адам Смит вынужден после объяснять, и в то же время были бы указаны многочисленные случаи, когда рост промышленности и торговли становится более производительным, чем рост земледелия, как для государства, так и для частных лиц».

Так как предпосылки в отношении земледелия не обоснованы, то так же не обоснован и вывод. Ни г-н Мальтус, ни Адам Смит не показали ещё «естественного превосходства земледелия» «в шкале производительности».

8. Стр. 40. «Труд земледельца должен стоять на первом месте в силу той простой причины, что его валовой продукт достаточен для содержания части трёх главных классов общества: тех, кто живёт на ренту, тех, кто живёт на прибыль, и тех, кто живёт на заработную плату. Труд в

* Этот абзац и начало следующего до слов «стоимость которого равна не только...» в рукописи вставлены взамен следующего текста: «Неверно, что самую большую стоимость произведут те рабочие, труд которых больше всего опирается на капитал или на результаты прошлого труда; потому, что если я употребляю 100 человек и 10 тыс. ф. ст. капитала, я должен вернуть себе в стоимости произведённых товаров всё, что уничтожили 100 человек, плюс прибыль на 10 тыс. ф. ст. Если я употребляю 2 тыс. человек и 10 тыс. ф. ст. капитала, я должен иметь то, что потребляют 2 тыс. человек, плюс прибыль на 10 тыс. ф. ст. капитала. Г-н Мальтус, видимо, думает, что стоимость, которая возвращается, будет пропорциональна занятому капиталу: рабочие должны вернуть товар, стоимость которого равна не только...» — *Прим. англ. ред.*

промышленности и торговле должен стоять на следующем месте, так как стоимость его продукта будет поддерживать существование части двух из числа этих общественных классов. А непроизводительные рабочие Адама Смита стояли бы на третьем месте по производительности труда, так как их труд не поддерживает непосредственно никаких иных классов, кроме них самих».

У меня будут ещё удобные случаи исследовать основательность этой классификации. Теперь я скажу только, что люди счастливы постольку, поскольку у них есть изобилие товаров, в которых они нуждаются. Если бы именно изобилие хлеба и лёгкость его получения давали хлебу то превосходство, о котором идёт речь, я согласился бы с заключением г-на Мальтуса, но в действительности происходит обратное. Почему стоимость хлеба доставляет ренту? И почему рента повышается время от времени? Потому что стоимость хлеба повышается по мере того, как становится труднее производить его. Увеличьте эту трудность, и стоимость хлеба, так же как и рента, возрастёт ещё больше. Так вот, если только эта особенная трудность получения в требуемом изобилии товара, в котором мы нуждаемся, не представляет выгоды, я не вижу никакого основания для принятой классификации. Если бы наши запасы угля для удовлетворения растущего спроса получались при затрате всё большего и большего количества труда, стоимость угля повысилась бы, и многие копи давали бы большой прирост ренты наряду с обычной прибылью с капитала. Даёт ли это углю и связанным с ним профессиям право на какое-либо особое преимущество? Уголь будет иметь более высокую стоимость, но только благодаря его редкости; не лучше ли было бы иметь уголь меньшей стоимости, но в большем изобилии? Итак, я спрашиваю, не будет ли также весьма желательно иметь хлеб меньшей стоимости и в большем изобилии? Если г-н Мальтус ответит — да, рента исчезает, и исчезает то превосходство, на котором он настаивает. Если он ответит — нет, то я хотел бы иметь какие-то лучшие доказательства того превосходства, которое он отстаивает*.

* Последнее предложение вставлено в рукописи взамен следующего: «Если он ответит — нет, я надеюсь, что вряд ли многие согласятся с ним». — *Прим. англ. ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

О ПРИРОДЕ И МЕРАХ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

О различных видах стоимости

9. Стр. 54. «Каждый товар стал бы, таким образом, мерой меновой стоимости всех других и в свою очередь измерялся бы любым другим товаром. Каждый товар был бы также представителем стоимости. Тот, кто имел бы кварту вина, мог бы считать себя обладателем стоимости, равной четырём фунтам хлеба, фунту сыра, известному количеству кожи и т. д. и т. д., и таким образом каждый товар обладал бы, с большей или меньшей точностью и удобством, двумя существенными свойствами денег: быть как представителем, так и мерой стоимости».

Из всего, что г-н Мальтус сказал о меновой стоимости, явствует, что она в большой мере зависит от нужд людей и от относительной оценки, которую они придают товарам. Это было бы верно, если бы люди из различных стран встречались на ярмарке с разнообразными продуктами, причём у каждого был бы особый товар, на который не влияла бы конкуренция какого-либо другого продавца. При таких условиях товары покупались и продавались бы соответственно относительным нуждам тех, кто явился на ярмарку; но, когда нужды общества хорошо известны, когда налицо сотни конкурентов, готовых удовлетворить эти нужды при условии, что они получают известную и обычную прибыль, не может существовать такого правила для регулирования стоимости товаров.

На такой ярмарке, какую я предположил, человек мог бы быть расположен дать фунт золота за фунт железа, поскольку он знаком с полезными свойствами последнего, но при свободном действии конкуренции он не смог бы отдать такую стоимость за железо, а почему? — потому, что стоимость железа неизбежно понизилась бы до издержек его производства, так как издержки производства есть стержень, вокруг которого колеблются все рыночные цены.

10. Стр. 58. «Адам Смит совершенно справедливо заметил, что торговца интересует исключительно номинальная стоимость товаров, или их цена. Для него имеет очень мало значения, что сотня фунтов стерлин-

гов или товары, которые он покупает на эту сумму, могут купить в Бенгалии большее или меньшее количество предметов первой необходимости или жизненных удобств, чем в Лондоне. Ему нужно только иметь оружие, с помощью которого он мог бы приобрести товары, являющиеся предметом его торговли, и оценить относительную стоимость своих продаж и покупок».

Я не могу согласиться с Адамом Смитом или с г-ном Мальтусом, что торговца интересует только номинальная стоимость товаров, или их цена. Ему, конечно, нет дела до стоимости предметов первой необходимости и жизненных удобств в Бенгалии, когда он покупает там муслин, чтобы продать его в Англии; но, так как он должен платить за свои товары либо деньгами, либо товарами и надеется продать их с прибылью в деньгах или товарах, он не может быть равнодушен к действительной стоимости мерила, в котором должны быть реализованы как его прибыль, так и стоимость товаров.

11. Стр. 60. «Но хотя драгоценные металлы прекрасно выполняют весьма важные функции меры стоимости благодаря стимулу, который они дают распределению и производству богатства, ясно, однако, что они не являются надёжной мерой меновой стоимости товаров в различных странах или в одной и той же стране в различные эпохи.

Если мы узнаём, что рабочий день в настоящее время в какой-либо стране стоит четыре пенса или что ежегодный доход такого-то монарха составлял 700 или 800 лет тому назад 400 тыс. ф. ст. в год, то эти высказывания о номинальной стоимости не дают нам никаких сведений ни о положении низших классов в первом случае, ни о средствах монарха — во втором. Если бы мы не имели других данных по этому вопросу, то не могли бы ничего сказать о том, живут ли рабочие в данной стране в нищете или в большом изобилии, можно ли считать данного короля имеющим недостаточный доход или же названная выше сумма должна считаться чрезмерной и невероятной¹.

Вполне очевидно, что в подобных постоянно встречающихся случаях сведения о стоимости заработной платы, доходов и товаров, оцениваемой в драгоценных металлах, будут для нас мало полезны. Что нам нужнее, так это какая-либо оценка, которую можно было бы назвать реальной меновой стоимостью, указывающая количество предметов первой необходимости и жизненных удобств, которым мог бы распоряжаться владелец заработной платы, доходов или товаров. Без этого знания указанные выше номинальные стоимости могут нас привести к самым ошибочным заключениям; и именно в отличие от этих стоимостей, часто указывающих только на чисто номинальное увеличение или уменьшение богатства, термин реальная меновая стоимость кажется точным и подходящим, потому что означает увеличение или уменьшение способности приобретать реальное богатство или важнейшие жизненные блага... Мы действительно вправе произвольно назвать реальной стоимостью товара труд, затраченный на его производство, но, поступая так, мы употребляем слова в ином значении, чем то, в котором они обычно употребляются...

Право создавать определения должно быть, очевидно, ограничено их соответствием и их употреблением в науке, к которой они применяются».

¹ Юм справедливо сомневается, что Вильгельм Завоеватель мог иметь 400 тыс. ф. ст. ежегодного дохода, как говорит один древний историк, на которого ссылались все позднейшие авторы. — *Прим. Мальтуса.*

Несомненно верно, что, если нам сказано только, что доход такого-то короля когда-то составлял 400 тыс. ф. ст. в год, мы ещё вовсе не знаем, умирали ли рабочие в той стране с голоду или жили в большом изобилии. Чтобы определить действительное могущество этого монарха, было бы весьма целесообразно выяснить, каковы были цены на хлеб и труд в стране в то время. Но даже после этого было бы ошибкой сказать, что мы установили реальную величину дохода этого короля. Гумбольдт рассказывает, и г-н Мальтус очень настаивает на этом факте, что в Южной Америке на участке земли данного размера при помощи данного количества труда можно получить в []* раз большее количество средств существования, чем с такого же участка земли и при помощи того же количества труда в Европе.

Итак, король в той стране мог бы, вероятно, при помощи труда 1 тыс. человек, занятых в земледелии, содержать армию в 10 раз большую **, чем король в нашей стране, имевший в своём распоряжении то же число людей для добывания средств существования. Можно ли было бы сказать поэтому, что его доход в 10 раз больше? Г-н Мальтус ответил бы утвердительно, потому что он оценивает реальную величину дохода по числу рабочих, трудом которых вы можете располагаться.

По денежной стоимости доходы королей могут быть почти равны; они могли бы быть почти равны, если оценивать их в железе, сукне, чае, сахаре и всяком другом товаре, но по власти над трудом американский монарх мог бы иметь весьма решительное превосходство. А чем это вызывается? Очень низкой стоимостью труда в Америке. Доходы обоих королей, по моему мнению, были бы почти равны, но при расходовании этих равных доходов один получил бы большее количество труда, так как последний дешёв, а другой — меньшее количество труда, так как он дорог.

Г-н Мальтус справедливо жалуется, что золото и серебро — товары, стоимость которых изменчива, а потому они не пригодны как мера действительной стоимости для периодов, относящихся к разным эпохам. Мы нуждаемся в стандартном мерило стоимости, которое было бы само неизменным и поэтому точно измеряло бы изменения стоимости *** других предметов.

* Пропуск в оригинале. На стр. 382 Мальтус приводит цитату из работы Гумбольдта, из которой явствует, что в Южной Америке участок земли данной площади под бананами может прокормить в 25 раз больше людей, чем такой же участок под пшеницей в Европе. Однако Гумбольдт ничего не говорит о количестве вложенного труда. — *Прим. англ. ред.*

** Конец этого предложения вставлен взамен следующей первоначальной редакции: «чем при той же численности людей в Англии». — *Прим. англ. ред.*

*** Вместо «изменения стоимости» первоначально было написано «стоимость». — *Прим. англ. ред.*

А на чём хочет остановиться г-н Мальтус, как на приближении к-этому масштабу?

На стоимости труда. По его мнению, о товаре можно сказать, что стоимость его повышается или понижается соответственно тому, можно ли на него купить большее или меньшее количество труда. Итак, г-н Мальтус претендует на неизменность своего стандартного мерил! Ничего подобного; он признаёт, что его стандарт подвержен тем же случайностям и изменениям, как и все другие предметы. Зачем же тогда останавливаться на таком стандарте? Последний может быть очень полезен, чтобы устанавливать время от времени способность данного дохода покупать труд, но зачем в качестве стандартного мерил стоимости выбирать товар, который заведомо изменчив? Я не вижу, чтобы приводилось какое-либо другое основание, кроме того, что «он уже принят как наиболее обычный и наиболее полезный». Если бы даже это было верно, мы всё же вправе отвергнуть его, если он не отвечает цели, для которой предложен.

Какой бы товар ни выбрал кто-либо в качестве мерил реальной стоимости, этот товар может быть принят в качестве такового только потому, что представляет менее изменчивый товар, чем какой-либо другой; поэтому, если бы по истечении известного времени был открыт другой товар, обладающий этим качеством в более высокой степени, он должен был бы быть принят за стандарт.

Итак всякий, кто предлагает мерил реальной стоимости, обязан показать, что выбранный им товар наименее изменчив из всех нам известных.

Выполняет ли г-н Мальтус это условие?

Ничуть не бывало. Он не признаёт даже, что неизменность есть существенное качество мерил реальной стоимости, ибо говорит, что мерил реальной стоимости включает известное количество предметов первой необходимости и жизненных удобств, признавая, что эти предметы первой необходимости и жизненные удобства так же изменчивы, как любой товар, стоимость которого они призваны измерять. Штука шёлка стоит квартал зерна, а спустя известное время она стоит два квартала зерна. Г-н Мальтус говорит, что реальная стоимость шёлка удвоилась, но разве не могло зерно понизиться до половины своей прежней стоимости — или его стоимость неизменна?

Она не неизменна, отвечает г-н Мальтус, и могла понизиться вдвое. Но если это было так в упомянутом примере, то стоимость шёлка не повысилась; на каком же основании вы могли бы утверждать, будто она повысилась? Эти два мнения несовместимы; вы должны настаивать на неизменности вашего стандарта или отказаться от него как мерил реальной стоимости.

Два товара обмениваются друг на друга — один приобретает на рынке известное количество другого. Внезапно стоимость обоих изменяется в сравнении со стоимостью всех других товаров и в сравнении друг с другом. На один из них я могу приобрести меньшее, чем прежде, количество железа, чая, сахара; на другой я могу получить большее количество этих товаров. Поэтому, будучи оценены в одном из этих товаров, все другие покажутся понизившимися в стоимости; будучи оценены в другом — повысившимися в стоимости.

Если бы мы были уверены, что ничто не изменилось кроме этих двух товаров, если бы мы знали, что для производства их требуется в точности одинаковое количество труда, то каждый из упомянутых товаров — чай, сахар, железо, сукно — был бы точным мерилom изменений в стоимости двух других. Не думаю, чтобы г-н Мальтус отрицал это. Предположим, что один товар обменивался на количество сукна, которое на 20% больше прежнего, — в таком случае я был бы почти уверен, что он обменивался бы на железо или чай в количестве, также на 20% больше прежнего, а если бы стоимость труда не изменилась, то и на количество труда, больше прежнего на 20%. Я имел бы тогда основание сказать, что реальная стоимость этого товара повысилась на 20%. Предположим теперь, что на другой товар, напротив, можно купить количество каждого из этих товаров, на 20% меньшее, чем прежде. Я тогда также имел бы основание сказать, что действительная стоимость его понизилась на 20%. Если бы мы оценивали каждый из товаров в другом товаре, то стоимость одного из них казалась бы возросшей на 40%, а стоимость другого — понизившейся пропорционально. Так вот, меня как раз обвиняют в том, что я даю произвольное определение. Я стараюсь измерить изменения в реальной стоимости товаров, сравнивая их стоимость в различные периоды со стоимостью другого товара, которая, как я имею все основания думать, не изменилась, и г-н Мальтус не возражает против этого, пока я ограничиваюсь широкой группой товаров. Если бы стоимость золота менялась в сравнении со всеми другими предметами и золото обменивалось на большее количество их, он назвал бы это увеличением стоимости золота. Если бы так же менялась стоимость железа, сахара, свинца и т. д. и т. д., он продолжал бы утверждать то же самое, но если бы повысилась стоимость хлеба или труда в сравнении со стоимостью всех других товаров, он сказал бы, что увеличилась стоимость не хлеба или труда: я ведь беру их за стандарт, и вы должны говорить, что стоимость хлеба и труда осталась неизменной, а упала стоимость всех других товаров. Напрасно было бы доказывать, что возникли новые трудности в деле производства хлеба, что он привозится из более отдалённых местностей или что в связи с переходом к обработке

более бедных земель большее количество труда было затрачено на производство данного количества хлеба. Этот факт он признал бы — он признал бы, что это даёт достаточное основание говорить, что всякий другой товар при аналогичных обстоятельствах повысился бы в стоимости, но не допустил бы этого вывода для хлеба, потому что выбрал его в качестве стандарта, несмотря на признанную его изменчивость. Мы можем с успехом отнести к нему его же собственное замечание: «Мы действительно вправе произвольно назвать хлеб мерилom реальной стоимости, но, поступая так, мы употребляем слова в ином значении, чем то, в котором они обычно употребляются». «Право создавать определения должно быть, очевидно, ограничено их соответствием и их употреблением в науке, к которой они применяются».

Длина может быть измерена только длиной, ёмкость — ёмкостью и стоимость — стоимостью. Г-н Мальтус думает, что «термин реальная меновая стоимость кажется точным и подходящим, потому что означает увеличение или уменьшение способности приобретать реальное богатство или важнейшие жизненные блага». Он не говорит «способность приобретать реальную стоимость», но «реальное богатство»; он измеряет стоимость её способностью приобретать богатство. Но, быть может, г-н Мальтус считает богатство синонимом стоимости! Нет, он не делает этого, он видит между ними явное различие. Смотри стр. 339, где он говорит: «Однако следует признать, что богатство не всегда увеличивается пропорционально возрастанию стоимости, потому что возрастание стоимости может иногда иметь место при фактическом уменьшении количества предметов первой необходимости, удобств и предметов роскоши». Данное количество богатства не может быть мерилom действительной стоимости, если оно само не обладает всегда одной и той же стоимостью. Нет богатства, которое не могло бы изменяться по стоимости. Машина может произвести две пары чулок, стоимость которых будет равна стоимости одной пары. Усовершенствования в земледелии могут доставить два квартера пшеницы, стоимость которых равна стоимости одного квартера, но квартал пшеницы и пара чулок будут всегда представлять одну и ту же долю богатства. Богатство оценивается по его полезности в деле доставления человеку наслаждения; стоимость определяется лёгкостью или трудностью производства; различие вполне отчётливо, и, когда мы говорим о них, как об одном и том же, возникает величайшая путаница*.

Г-н Мальтус обвиняет меня в том, что я смешиваю весьма важные различия между издержками и стоимостью. Если под из-

* Первоначально примечание здесь заканчивалось; остальная часть вставлена Рикардо позже. — *Прим. англ. ред.*

держками г-н Мальтус подразумевает заработную плату, уплачиваемую за труд, то я не смешиваю издержек и стоимости, потому что не говорю, что товар, на который затрачен труд стоимостью в 1 тыс. ф. ст., будет поэтому продан за 1 тыс. ф. ст., он может быть продан за 1 100, 1 200 или 1 500 ф. ст., но я говорю, что он будет продан за такую же сумму, как и другой товар, на который также затрачен труд стоимостью в 1 тыс. ф. ст., т. е. что товары будут иметь стоимость пропорционально количеству труда, затраченному на них. Если под издержками г-н Мальтус подразумевает издержки производства, то он должен включить в понятие издержек прибыль, так же как и труд. Он должен подразумевать то, что Адам Смит называет естественной ценой, представляющей синоним стоимости*.

Товар продаётся по естественной** стоимости, когда его цена оплачивает все затраченные на него издержки, начиная с производства и кончая доставкой на рынок. Итак, если мой термин имеет то же значение, что выражение «издержки производства», то это приблизительно то, что я хочу им выразить.

Реальная стоимость товара, по моему мнению, означает то же самое, что издержки его производства, а относительные издержки производства двух товаров приблизительно пропорциональны количеству труда, затраченному соответственно на каждый из них с начала до конца. В этих выражениях нет ничего произвольного; может быть, я ошибаюсь, усматривая связь, где её нет, и это хороший аргумент против принятия моего мерилà стоимости, но тогда возражение касается принципиальной, а не терминологической ошибки.

12. Стр. 61. «Нельзя оспаривать правильность и полезность различия между способностью товара приобретать драгоценные металлы и его способностью приобретать предметы первой необходимости и жизненные удобства, включая труд. Это различие безусловно необходимо во всех случаях, когда мы сравниваем богатство двух наций или оцениваем стоимость драгоценных металлов в различных государствах и в различные периоды».

Я согласен с г-ном Мальтусом, но у нас есть возможность сделать это, установив стоимость денег в деле покупки труда в любые периоды, которые мы хотим сравнить.

Нет никакой нужды для этой цели делать из предметов первой необходимости, удобств или труда меру реальной стоимости.

* На полях рукописи рукой Рикардо написано карандашом, а затем стёрто, но всё же поддается прочтению следующее замечание: «Я не говорю, что товар будет стоить издержек на труд, но пропорционально издержкам на труд». — *Прим. англ. ред.*

** В рукописи слово «естественной» написано над словом «справедливой», но последнее не вычеркнуто. — *Прим. англ. ред.*

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

О спросе и предложении,
поскольку они влияют на меновую стоимость

13. Стр. 64. «Мы уже сказали, что всякая меновая стоимость зависит от способности и желания обменять один предмет на другой, и как только вследствие введения общей меры стоимости и средства обращения общество оказалось разделённым, как принято говорить, на покупателей и продавцов, спрос стало возможным определить как желание, соединённое с покупательной способностью, а предложение — как производство товаров, соединённое с намерением продать их».

Следует запомнить это определение спроса, потому что в последующей части своего труда г-н Мальтус, повидимому, забывает о нём. В последней главе, где он говорит о гибельных последствиях, возникающих из недостатка спроса, он, как мне кажется, забывает, что для покупки требуется как покупательная способность, так и желание купить. Он говорит, что люди не предъявляют спроса, потому что предпочитают лень труду; но они не могут производить, если не будут работать; а если они не производят, то могут иметь желание купить, но у них отсутствует другой существенный элемент спроса — у них отсутствует покупательная способность.

14. Стр. 66. «Чем больше это желание и эта способность купить какой-нибудь определённый товар, тем больше и интенсивнее, можно сказать, будет спрос на него; но как бы ни были велики это желание и эта способность среди покупателей известного товара, никто из них не захочет дать за него высокую цену, если можно получить его по низкой цене; и до тех пор, пока личные свойства продавцов и конкуренция между ними будут побуждать их доставлять желаемое количество на рынок по низким ценам, действительная интенсивность спроса не будет проявляться».

Я согласен с г-ном Мальтусом (смотри стр. 54)*; как бы ни был велик спрос на товар, цена его в конечном счёте регулируется конкуренцией продавцов — она установится на уровне естественной цены или около неё. Эта цена, как замечает Адам Смит, необходима, чтобы доставить общепринятую норму заработной платы рабочему и общепринятую норму прибыли капиталисту. При сравнении полезных свойств железа и золота покупатели могли бы и желали бы дать за железо больше, чем за золото; но они не могут сделать это; конкуренция продавцов мешает этому и снижает стоимость обоих металлов до их издержек производства, до их естественной цены. Рыночная цена товара может в силу необычного спроса или недостаточного предложения подняться выше его естественной цены, но это

* См. примечание 9. — *Ред.*

не опровергает той доктрины, что самым важным регулятором цены являются издержки производства.

15. Стр. 69. «Если бы вместо временного изобилия предложения по сравнению со спросом сильно понизились издержки производства какого-нибудь товара, понижение цены было бы точно так же вызвано действительным или ожидаемым увеличением предложения. Во всех почти случаях на практике увеличение было бы действительным и постоянным, потому что конкуренция между продавцами понизила бы цену, а очень редко случается, чтобы понижение цены не вызвало роста потребления».

Г-н Мальтус допускает здесь по существу, что цены товаров регулируются в конечном счёте и постоянно не отношением спроса к предложению, а издержками производства товаров. С другой стороны, я не отрицаю, что в процессе роста или падения цен может происходить то, что обычно называется ростом спроса или ростом предложения.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

О влиянии издержек производства на меновую стоимость

16. Стр. 72. «Можно сказать, быть может, что даже согласно взгляду на спрос и предложение, высказанному в предыдущем отделе, постоянные цены значительной массы товаров будут определяться издержками их производства. Это верно, если мы включаем все составные части цены, установленные Адамом Смитом, хотя и неверно, если мы принимаем во внимание только те её части, которые установлены г-ном Рикардо».

Под издержками производства я неизменно подразумеваю заработную плату и прибыль. Адам Смит включает в них ренту. На моём столе могут лежать два хлеба: один, полученный с очень плодородной земли, другой — с наихудшей; в последнем не будет содержаться никакой ренты, так как всей его стоимости будет достаточно только для уплаты заработной платы и прибыли. Именно этот хлеб будет регулировать стоимость всего хлеба, и, хотя будет верно, что рента, которую доставляет другой хлеб, будет равна всей разнице между издержками по возделыванию пшеницы, из которой он сделан *, и издержками по возделыванию пшеницы, из которой сделан хлеб, служащий стандартом, всё же только вследствие этой разницы в издержках выплачивается рента. Двадцать различных хлебов, продающихся по одной цене, могут доставлять различные доли ренты, но только тот из них, который не даёт никакой ренты,

* Последующая часть этого предложения в рукописи вставлена взамен следующего первоначального текста: «всё же рента уплачивается именно вследствие разницы между плодородием земли, на которой выращивается эта пшеница, и плодородием той земли, где выращивается пшеница для второго хлеба, причём эта разница регулирует стоимость всей пшеницы». — *Прим. англ. ред.*

регулирует стоимость остальных и должен рассматриваться как стандарт. Итак, в действительности в издержках производства всех земледельческих продуктов не заключается рента, так как стоимость продукта, произведённого при помощи капитала, вложенного в последнюю очередь, даёт средства для компенсации за заработную плату и прибыль, но никакой компенсации за ренту. Только в этом смысле я расхожусь во мнении с Адамом Смитом.

17. Стр. 74. «Никогда не было сомнения в том, что принцип предложения и спроса определяет исключительно, очень точно и регулярно цены монопольных товаров безотносительно к издержкам производства; повседневный и постоянный опыт учит нас, что цены сырья, особенно сырья, больше всего подверженного влиянию времени года, всегда определяются в момент продажи, при торге между продавцом и покупателем, и сильно разнятся в разные годы и в различные сезоны, хотя на них могло быть затрачено почти одно и то же количество труда и капитала... Поэтому по отношению к наиболее значительной группе товаров признаю, что в момент, когда рыночные цены устанавливаются, они определяются согласно принципу, совершенно отличному от издержек производства, и что цены эти в действительности почти всегда отличаются от того, чем они были бы, если бы регулировались этими издержками».

Все допускают, что спрос и предложение управляют рыночной ценой, но что именно определяет предложение по индивидуальной цене? Издержки производства. Почему стоимость хлеба у нас неизменно выше, чем во Франции? Не в силу более значительного спроса на него, но в силу более высоких издержек производства его в нашей стране.

18. Стр. 75. «Существует также другая группа продуктов, как, например, продукты обрабатывающей промышленности, в особенности те, сырьё для которых обходится дёшево и существующие рыночные цены которых чаще совпадают с издержками производства, вследствие чего может показаться, что цены их определяются исключительно этими издержками. Однако даже в этом случае каждодневный опыт показывает нам, что всякое изменение в спросе и предложении совершенно перевешивает на некоторое время влияние этих издержек производства... Но, если это верно, из этого следует, что великий принцип спроса и предложения вводится в действие, чтобы установить то, что Адам Смит называет естественными ценами, а также и рыночные цены».

Автор забывает данное Адамом Смитом определение естественной цены, иначе он не сказал бы, что спрос и предложение могут определить естественную цену. Естественная цена — только иное название для издержек производства. Когда какой-нибудь товар продаётся за такую цену, которая возместит заработную плату за затраченный на него труд, доставит также ренту и прибыль по существующей норме, Адам Смит сказал бы, что этот товар продаётся по своей естественной цене. Так вот, эти затраты остались бы прежними независимо от большего или меньшего спроса, независимо от высокой или низкой рыночной

цены. Шляпочник может производить 10 тыс. шляп при той же норме затрат, при которой он может произвести 1 тыс., — их естественная цена, следовательно, одинакова, независимо от того, производит ли он то или другое количество, но их рыночная цена будет зависеть от предложения и спроса — предложение в конечном счёте будет определяться естественной ценой, т. е. издержками производства.

19. Стр. 76. «Если, например, все товары, потребляемые в Англии, будь то продукты земледелия или обрабатывающей промышленности, могли бы производиться в течение ближайших десяти лет без приложения труда и, несмотря на это, производство их было бы в точности равно производству при естественном ходе вещей, то, если предположить, что желания покупателей и их покупательная способность не меняются, не подлежит никакому сомнению, что цены остались бы прежними».

Эти положения, те, которые предшествуют им, и те, которые следуют за ними, насколько мне известно, никем не оспариваются.

20. Стр. 77. «Но наиболее яркий факт, какой можно себе вообразить, чтобы доказать, что издержки производства влияют на цену товаров лишь постольку, поскольку они регулируют предложение последних, постоянно находится перед нами: это та искусственная стоимость, которая придаётся банкнотам путём ограничения их выпуска. Составленный с этой целью прекрасный и действенный план г-на Рикардо основан на том правильном принципе, что, если ограничить выпуск банкнот таким образом, чтобы сумма их не превышала того количества золота, которое обращалось, если бы деньги были металлическими, было бы возможно всегда поддерживать стоимость банкнот на уровне стоимости золота. И если бы это уменьшение выпуска банкнот могло быть осуществлено без того, чтобы банкноты разменивались на золото, я уверен, что г-н Рикардо также признал бы, что в этом случае стоимость банкнот не испытала бы никакого изменения. Однако если стоимость предмета, производство которого сравнительно почти ничего не стоит, хотя он выполняет одну из важнейших функций золота, можно удерживать на уровне стоимости золота путём предложения его в том же количестве, то в этом заключается самое ясное доказательство того, что стоимость самого золота зависит от издержек производства его лишь постольку, поскольку эти издержки влияют на предложение этого металла, и что, если бы эти издержки исчезли при условии, что предложение его не увеличилось бы, стоимость золота в нашей стране оставалась бы попрежнему неизменной».

Я вполне согласен с замечаниями г-на Мальтуса в этом параграфе *. Но он забывает, что те, кто выпускает бумажные деньги, не имеющие никакой стоимости, обладают особой привилегией. Если бы каждый мог выпускать бумажные деньги в любом количестве и не был бы обязан выкупать их, то долго ли они имели бы какую-то стоимость сверх их издержек производства?

* В рукописи здесь вычеркнуты следующие слова: «но они неприменимы ни к какому другому товару, кроме бумажных денег. Деньги не потребляются». — *Прим. англ. ред.*

Г-н Мальтус неверно понимает вопрос. Я не говорю, что при отсутствии добавочного предложения товара стоимость его будет всегда соответствовать его естественной цене, но говорю, что издержки производства регулируют предложение и, следовательно, регулируют цену.

И позвольте мне дальше заметить, что я считаю это верным только в тех случаях, когда нет монополии и всякий волен предлагать товары в любых количествах. Все примеры, приводимые г-ном Мальтусом, представляют либо случай замкнутой монополии, либо случаи, когда часть естественной цены выплачивается другими, как в примере с налогами в пользу бедных, понижающими цену труда, или с премиями на производство, понижающими стоимость производимого товара, так как производитель имеет право на премию.

21. Стр. 83. «Цена, которая отвечает этим * условиям, есть именно та, которую Адам Смит называет естественной ценой. Я скорее был бы расположен назвать её необходимой ценой, потому что этот термин лучше выражает связь с условиями предложения и в силу этого поддается более простому определению».

В этом объяснении необходимой, или естественной, цены г-н Мальтус по существу сказал то же, что и Адам Смит, и я со всем этим согласен, но ** он непоследователен, поскольку утверждает, что естественная цена регулируется спросом и предложением. Действительно, в последней части стр. 84 он говорит, что стоимость составных частей естественной цены, или издержки производства, сама определяется отношением спроса к предложению этих составных частей. И здесь г-н Мальтус целиком изменяет своё первоначальное положение. Он начал с утверждения, что естественная цена товара зависит от отношения спроса к предложению этого товара — положение, которое я оспариваю; теперь он говорит, что естественная цена товара зависит от спроса и предложения орудий, необходимых для его производства, т. е. что его издержки зависят от изменяющейся стоимости труда, от прибыли и ренты, из которых составляются эти издержки. По этому предмету мне придется сделать ещё

* Мальтус перечисляет три условия, которые должны быть выполнены, чтобы данный продукт продолжал доставляться на рынок. Первое: труд, затраченный на производство какого-нибудь товара, должен быть эквивалентен стоимости предметов, даваемых рабочему в обмен; такое вознаграждение побудит рабочего к дальнейшему производству. Второе: поскольку рабочий вознаграждается за счёт предшествующего накопления товаров, он должен получать такую оплату, чтобы это вознаграждение продолжало осуществляться и в дальнейшем. Третье: цена товаров должна быть достаточной для обеспечения постоянного предложения продуктов питания и сырых материалов. — *Ред.*

** В рукописи здесь вычеркнуты слова: «я думаю, что она не регулируется спросом и предложением». — *Прим. англ. ред.*

некоторые замечания в другой части настоящего труда. Здесь я довольствуюсь тем, что отмечаю существенное различие между двумя положениями. Действительно, второе положение гласит: «естественная цена товара может повышаться или понижаться, потому что могут повышаться или понижаться издержки его производства». Никто не будет спорить против этого. Это означает только, что издержки производства регулируются законами, определяющими ренту, прибыль и заработную плату. Мы увидим, в какой степени на них влияют спрос и предложение.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Труд, которого стоил товар, рассматривается как мера меновой стоимости

22. Стр. 86. «Под меновой стоимостью, что ясно из самого термина, следует разуметь стоимость, которая обменивается на какие-либо другие товары; предположим, что на производство одного товара затрачивается большее количество труда; если при этом больше труда затрачивается также на другие товары, на которые первый обменивается, то совершенно ясно, что меновая стоимость первого товара не может быть пропорциональна труду, затраченному на его производство. Если, например, в то время как увеличивается труд, затрачиваемый на производство хлеба, возрастает также количество труда для производства денег и многих других товаров, сразу становится невозможным сказать с уверенностью, что стоимость всех товаров увеличилась или уменьшилась пропорционально тому, больше или меньше труда затрачено на их производство. В этом случае очевидно, что на производство хлеба затрачено больше труда, хотя больше пшеницы может всё ещё обмениваться на такое же количество денег или труда, как и прежде. Следовательно, меновая стоимость хлеба, несомненно, не изменилась пропорционально добавочному количеству труда, которого стоило его производство».

Я не вижу никакой непоследовательности, если сказано, что изменилась меновая стоимость и хлеба, и труда, и денег. Я сравниваю их стоимость со стоимостью сахара, железа, башмаков, сукна, меди и т. д. и т. д. и нахожу, что они будут обмениваться на большее количество всех этих вещей, чем прежде; почему же неправильно говорить, что все три товара возросли в стоимости, хотя они обмениваются на такое же точно количество каждого из этих трёх товаров, как и прежде? Мне абсолютно необходимо сказать это или же сказать, что сахар, железо, башмаки, сукно, медь и тысячи других товаров понизились в стоимости, и если я приму последний термин, то не представится ли во всей своей силе возражение г-на Мальтуса, что в то время, как все эти товары будут обмениваться друг на друга в такой же пропорции, как и прежде, мы утверждаем, что стоимость их понизилась? Предположим, что рудники не будут давать то количество серебра, какое они обычно давали прежде

при том же количестве труда, и что поэтому стоимость серебра удвоилась. Если чай продавался прежде по 8 шилл. за фунт, то теперь он стал бы продаваться по 4 шилл. Если хлеб продавался прежде по 80 шилл. за квартал, то он стал бы продаваться теперь по 40 шилл. Но предположим, что чай сделался более редким и стоимость его повысилась до 8 шилл., а хлеб получается при затрате большего труда и стоимость его повысилась до 80 шилл., то разве не будет попрежнему верно, что стоимость хлеба, чая и денег удвоилась?

23. Стр. 87. «Но, если мы даже будем принимать всегда эту меру в относительном смысле, т. е. если скажем, что меновая стоимость товаров определяется *сравнительным* количеством труда, затраченного на производство каждого, то мы увидим, что нет такой эпохи в развитии общества, когда это положение было бы правильным.

В самые ранние периоды, когда не только земля была общей, но почти не было капитала, употребляемого в помощь ручному труду, меновые сделки должны были постоянно совершаться без особенного внимания к количеству труда, которого мог стоить каждый предмет. Наибольшая часть предметов обмена должна была состояться из сырых продуктов различных видов, как дичь, рыба, плоды и т. д., по отношению к которым эффективность труда всегда остаётся неопределённой. Один человек мог затратить пять дней труда, чтобы добыть предмет, который он позже охотно обменял бы на какой-нибудь другой предмет, который мог стоить более счастливому работнику не больше двух дней, а быть может, и одного дня труда».

Я вполне соглашаюсь со всеми замечаниями г-на Мальтуса по этому вопросу. Я сам констатировал, что общий принцип стоимости товаров — регулирование её количеством труда, необходимого для производства товара, — изменяется пропорционально тому, употребляется ли основной капитал, долговечен ли этот основной капитал, а также пропорционально тому времени, которое должно пройти, прежде чем товары могут быть доставлены на рынок; но я думал, и теперь ещё держусь того мнения, что в изменении относительной стоимости товаров всякая другая причина, кроме количества труда, требующегося для производства, оказывает сравнительно очень незначительное влияние. Замечание г-на Мальтуса, что эта причина оказывает своё действие на всех ступенях общественного развития, очень справедливо.

24. Стр. 91. «Положение г-на Рикардо, показывающее, что повышение цены труда понижает цену большой группы товаров, имеет, несомненно, чрезвычайно парадоксальный вид, но оно тем не менее верно; и видимость парадокса исчезла бы, если бы это было сказано более естественно».

Я рад, что г-н Мальтус признаёт истинность моего положения. Он говорит: «Никто не счёл бы это положение парадоксальным, или даже в малейшей степени невероятным, если бы он

заявил, что падение прибыли вызвало бы падение цены тех товаров, в которых, благодаря размеру употреблённого основного капитала, прибыль на этот капитал составляла прежде главную составную часть издержек производства». Так вот признаюсь, я опасался, что г-н Мальтус сам найдёт высказанное мною положение парадоксальным, потому что в некоторых из своих произведений он утверждал, что повышение цены хлеба повлечёт за собой такое же повышение цены труда и такое же повышение цены *всех* товаров; и только после дальнейшего размышления он счёл нужным уменьшить пропорцию, в которой изменилась бы цена всех товаров в результате изменения цены хлеба, и фиксировать её в размере 25 или 20%, когда цена хлеба изменилась на $33\frac{1}{3}\%$; другими словами, когда цена хлеба изменяется на 100%, цены товаров должны измениться на 75—60%. Г-н Мальтус не сделал ни одного исключения. Г-н Мальтус может сказать, что повышение цены хлеба и труда есть нечто совершенно отличное от падения прибыли; это действительно так, если повышение вызвано только падением стоимости средств обращения, в которых определяется цена; в этом случае нет действительного повышения стоимости хлеба и труда, а следовательно, нет и падения прибыли. Г-ну Мальтусу, мне думается, было бы трудно доказать, что может иметь место какое-либо падение нормы прибыли, если не произошло действительного повышения стоимости труда. Только тогда происходит действительное повышение стоимости труда, когда большая доля всего продукта или стоимость большей доли обращается на уплату заработной платы — причём доля продукта не одного только предприятия, а всех.

Если суконщик вынужден в силу общего повышения заработной платы отдать более значительную часть сукна на уплату заработной платы, мы можем быть вполне уверены, что шляпочник отдаст более значительную часть своих шляп, сапожник — своих башмаков и литейщик — своего чугуна для той же цели. Всякий другой капиталист будет вынужден поступить так же; даже фермер, хотя цена его товара поднимается, после уплаты ренты будет располагать меньшей долей продукта, и из этой меньшей доли он должен будет выплатить своим работникам более значительную часть, чем прежде *. Я думаю теперь, что г-н Мальтус согласится со следующим положением. Во всех случаях, когда повышение цены хлеба сопровождается повышением денежной заработной платы и падением прибыли, не только не будет верно, что повысится цена также всех других товаров, но, наоборот, цена значительной группы товаров абсолютно

* Первоначально примечание оканчивалось этими словами. Остальная часть вставлена Рикардо позже. — *Прим. англ. ред.*

понижутся, цены некоторых совершенно не изменятся, а цены другой значительной группы повысятся. Это я считаю правильным взглядом. Цены последней группы товаров вырастут только в ничтожной степени, потому что, хотя они повысятся вследствие повышения цены труда, они понизятся вследствие падения прибыли. Падение в силу последней причины уравнивает в значительной мере повышение в силу предыдущей.

Сравни мнение г-на Мальтуса на стр. 95 *. «Что станет тогда с учением, что меновая стоимость товаров пропорциональна труду, который был затрачен на них?» и т. д. и т. д.

25. Стр. 92—93. «Несомненно, что если бы в силу какой-либо причины обычная прибыль с капитала уменьшилась, то цена продукта ** понизилась бы. Это достаточно очевидно. Но г-н Рикардо недостаточно завесил следствия, которые должны были получиться при обратном предположении и которые также согласуются с фактами, и он совершенно пренебрёг общим результатом.

...Следовательно, как только произойдёт повышение цены труда и понижение прибыли, большое количество продуктов повысится в цене; неправильно поэтому говорить, что «никакие товары не увеличиваются в своей меновой стоимости только потому, что повышается заработная плата» ***.

Я по оплошности упустил из виду рассмотреть обратную форму моего первого предположения. Г-н Мальтус вполне прав, утверждая, что многие товары, в стоимость которых входит главным образом труд и которые могут быть быстро доставлены на рынок, повысятся в цене вместе с повышением стоимости труда. Смотри последнее замечание.

26. Стр. 94. «Вполне вероятно, что только потому, что заработная плата повышается, а прибыль падает, повысится в цене вся та (большая) группа товаров, в которой вследствие незначительности вложенного капитала падение прибыли в различной степени более чем перевешивается повышением заработной платы».

Любопытно заметить, что г-н Мальтус здесь говорит языком, который сам осуждает. Он говорит о повышении заработной платы, о повышении цены товаров и т. д. и т. д., исходя всегда из предположения, что стоимость денег устойчива, а следовательно, деньги есть мера реальной стоимости других вещей; ибо, если стоимость денег не была устойчивой, если денежная стоимость заработной платы повышалась только потому, что падает стоимость денег, было бы неверно, что прибыли упали; было бы неверно, что стоимость некоторых товаров повысилась, а некоторых других — понизилась,

* См. примечание 27. — *Ред.*

** В машинном производстве. — *Ред.*

*** См. *Д. Рикардо*, Начала политической экономики и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 58 (примечание). — *Ред.*

и только стоимость немногих осталась бы без изменений; дело в том, что повысилась бы стоимость всех товаров. Он принимает всё же то определение, которое сам же называет произвольным *. Если он говорит, что избранное мною мерило изменчиво, то ни одно из его заключений не является правильным; если он допускает неизменность мерила, то это кладёт конец его возражению против данного мерила (при предположенных мною условиях) как меры реальной стоимости.

27. Стр. 95. «Что станется тогда с учением, что меновая стоимость товаров пропорциональна труду, который был затрачен на них? Товары не только не сохраняют ту же стоимость до тех пор, пока на их производство затрачивают одно и то же количество труда, но в силу влияния общеизвестных причин, действие которых постоянно и всеобщее, повидимому, цены всех товаров изменяются, когда изменяется цена труда, за очень немногими исключениями; и едва ли возможно сказать заранее, какие именно товары составляют эти немногие исключения».

Г-н Мальтус показывает, что в действительности меновая стоимость товаров не *в точности* пропорциональна затраченному на них труду; я допускаю это не только в настоящее время, но и никогда не отрицал этого.

Затем он доказывает, что количество труда не есть совершенная мера стоимости; но каковы отклонения его от совершенной меры в зависимости от упоминаемых г-ном Мальтусом обстоятельств? Если эти отклонения невелики, как я утверждаю, то мы всё же владеем мерой достаточно точной и, по моему мнению, более приближающейся к истине, чем какая-либо другая из предложенных до сих пор. Предложенная г-ном Мальтусом мера не имеет ни одного из качеств меры стоимости; несовершенства её, связанные с признаваемой им самим изменчивостью, больше, чем какие-либо из тех, которые он приписывает мере, предложенной мною. Денежную цену г-н Мальтус справедливо называет номинальной ценой. Принципы политической экономии не могут быть объяснены изменениями, происходящими в номинальной ** цене. Всякий, кто пытался бы объяснить эти принципы, должен был бы принять для этой цели наилучшую меру реальной стоимости, какую может получить.

Г-н Мальтус принял ту, которую он считает наилучшей, и ею ему следовало бы ограничиться.

* В рукописи здесь вычеркнуты следующие слова: «Если предположить, что он воспользовался бы собственным мерилом стоимости, могли бы он объяснить влияние повышения цены на относительную стоимость — на прибыли и т. п.? Пришёл ли бы он к тем же выводам? Конечно, нет, так как если...». — *Прим. англ. ред.*

** В рукописи вместо «номинальной» первоначально было «реальной». — *Прим. англ. ред.*

28. Стр. 96—98. «...Ясно, что уплата ренты, или (что сводится к тому же) что цена, достаточная для уплаты ренты, представляет необходимое условие для предложения огромной массы жизненных припасов... Стоимость большей части продуктов может быть разложена на заработную плату, прибыль и ренту. ...Стоимость лишь очень небольшого числа продуктов может быть разложена только на прибыль и заработную плату или даже состоять только из заработной платы. Но, так как известно, что последняя группа продуктов охватывает лишь очень незначительную часть всей массы продуктов в стране, из этого следует, что уплата ренты представляет безусловно необходимое условие, чтобы обеспечить предложение большой массы товаров, и что ренту можно поэтому рассматривать как составную часть цены».

Смотри примечание... *

29. Стр. 98. «Все признают, что меновая стоимость продуктов, подчинённых абсолютной или частичной монополии, не может определяться трудом, затраченным на их производство. На меновую стоимость огромной массы собственности в Англии, состоящей из жилых домов во всех городах, в высокой степени влияет абсолютная монополия земельной ренты, и необходимость платить эту ренту должна влиять на цены почти всех предметов, производимых в городах».

Если товары не обладают более высоким качеством, трудно понять, какое побуждение может заставить покупателя покупать их на более дорогом рынке.

30. Стр. 99. «Со всякого скота платится рента, и, пропорционально его стоимости, эта рента почти одинакова для любого скота. В этом отношении скот существенно отличается от хлеба».

Стоимость скота регулируется стоимостью хлеба. Поэтому если бы было показано, что хлеб, регулирующий общую стоимость этого товара, доставляет только заработную плату и прибыль, то скот, полученный при таких же обстоятельствах, не доставит никакой ренты. Я не хочу этим сказать, что хлеб, выращенный на плодородной земле, или скот, разведённый на плодородной земле, не приносят никакой ренты, а хочу сказать только, что известная часть хлеба и известная часть скота не приносят ренты и что этот хлеб и скот регулируют стоимость всего остального хлеба и скота. Если я удобряю поле, неся при этом некоторые издержки, заставляю его приносить больше травы и вскармливаю ею ещё одного быка, то какая часть цены этого быка доставляет ренту? Стоимость быка возмещает только капитал и прибыль. Г-н Мальтус говорит: «если рента была бы значительно уменьшена, не может быть сомнения, что прежнее количество скота могло бы быть доставлено на рынок по гораздо более низкой цене без всякого уменьшения прибыли или заработной платы занятых при этом лиц». Правда, что прежнее количество скота могло бы быть доставлено, но вопрос в том, было бы оно доставлено в действительности? Если, как допускает г-н Мальтус, рента есть следствие,

* Очевидно, примечание 16 к стр. 72. — *Прим. англ. ред.*

а не причина высокой цены; если верно, что «нет никакого основания полагать, что если бы землевладельцы отдавали всю ренту арендаторам, то хлеб был бы изобильнее и дешевле»¹; если «следствием передачи всей ренты арендаторам было бы только превращение их в джентльменов»¹, то ни хлеб, ни скот не могли бы быть произведены по более низким ценам на землях, обрабатываемых в настоящее время, потому что «последние добавления к нашему отечественному продукту продаются по их издержкам производства»¹.

31. Стр. 101. «Одним из самых обычных явлений во всех странах следует считать усовершенствования в области земледелия, ведущие к увеличению производства и росту населения страны, а через некоторое время к обработке естественно менее производительных земель, причём цены продуктов и труда, как и прибыль, остаются прежними, но в этом случае должна повыситься рента со всех находившихся в обработке земель и вместе с тем, конечно, рента с естественных пастбищ и цена скота, без всякого изменения в цене труда или без всякой добавочной трудности в производстве средств существования».

Я могу понять, что вследствие усовершенствований в земледелии при более низкой цене продукта может подвергнуться обработке земля худшего качества по сравнению с тем, какая земля обрабатывалась бы при отсутствии таких усовершенствований, потому что большее количество по более низкой цене может иметь более значительную стоимость, чем меньшее количество по более высокой цене; но при более низкой цене хлеба заработная плата будет низка, а прибыль будет высока, и именно только потому, что прибыль выше, может обрабатываться худшая земля. Предположим, что земли в стране были обработаны в такой высокой степени, в какой это осуществимо, и прибыли были так низки, что не было никакого стимула расширять обработку земли; что труд десяти человек на ещё не обрабатываемых землях не мог бы произвести продукт, стоимость которого была бы достаточна, чтобы одеть и прокормить их, — такая земля не поступила бы в обработку. Предположим теперь, что в земледелии введены усовершенствования и что, следовательно, десять человек на этой плохой земле могут произвести на 30% больше * продуктов, чем они могли вырастить прежде; тогда эта земля поступила бы в обработку, если бы население возросло; но при этих обстоятельствах цена хлеба была бы ниже, цена труда также понизилась бы, а прибыль была бы выше, чем прежде; и ни при каких других условиях эта более бедная земля не могла бы доставить какую-либо прибыль земледельцу. Как велика должна быть тогда ошибка

¹ «Inquiry into the Nature and Progress of Rent», p. 57.

* Первоначально в рукописи стояло: «вдвое больше». — *Прим. англ. ред.*

со стороны г-на Мальтуса, если он говорит, что при той же цене продукта, той же цене труда и *той же норме прибыли* естественно более бедные земли поступили бы в обработку.

Во всём этом рассуждении г-н Мальтус забывает следующее: тот факт, что рента не является составной частью цены, не зависит от его доказательства, будто все земли, подвергающиеся теперь обработке, действительно платят ренту *. Если бы он мог ко всеобщему удовлетворению устроить так, чтобы не было в обработке ни одного участка земли, за который не уплачивалась бы рента, он был бы так же далёк, как и прежде, от решения вопроса, образует ли рента составную часть цены. Если я могу затратить на свою землю больший капитал, не уплачивая за это дополнительной ренты, я могу вырастить некоторое количество хлеба, скота, хмеля и некоторое количество всякого другого земледельческого продукта, в стоимость которого никакая рента не будет входить составной частью. Именно количество, полученное таким образом, и цена, по которой я могу продать его, регулируют стоимость всего остального хлеба, скота и хмеля, и, пока кто-нибудь не станет отрицать этого и не опровергнет моего положения, по моему мнению, установлено, что рента не есть необходимая составная часть цены. Я надеюсь, что сказанное мною может считаться достаточным опровержением утверждения г-на Мальтуса, что «нет ни одной части шерсти, кожи, льна и леса, производимых в нашей стране, которая доставлялась бы с земель описанной категории», т. е. с такой земли, за которую не платится рента. В своём «Исследовании о природе ренты» г-н Мальтус справедливо заметил: «Для всякого фермера, который может распоряжаться капиталом, всегда будет выгодно вложить его в свою землю, если получаемый от этого добавочный продукт целиком оплатит прибыль на его капитал, *хотя он ничего не даёт землевладельцу*» (стр. 36). На это нельзя ничего возразить. В цену такого добавочного продукта рента не входит.

32. Стр. 103. «...Издержки производства хлеба состояются из всех заработных плат, всех прибылей и всех рент, которые при нынешнем состоянии общества необходимы для того, чтобы хлеб был доставлен на рынок в достаточном количестве, или, другими словами, уплата этих расходов есть необходимое условие предложения.

Если бы мы решили употреблять только один термин, то было бы, без сомнения, правильнее говорить о капитале, а не о труде, потому что авансы, называемые капиталом, включают обычно и другие два термина. Естественная, или необходимая, цена товаров зависит от суммы капитала, употреблённого на их производство, плюс прибыль на этот капитал, вычисленная по обычной норме за время, которое он был

* Первоначально в рукописи стояло: «забывает следующее: доказательство того, что рента не уплачивается, зависит не только от того, что в обработку вводятся худшие земли». — *Прим. англ. ред.*

занят. Но так как сумма авансированного капитала составляется из суммы заработной платы, уплаченной от начала до конца производства, плюс сумма ренты, уплаченной либо непосредственно землевладельцу, либо косвенно в цене сырья, то употребление этих трёх терминов кажется мне решительно предпочтительным, с одной стороны, потому что это более правильно (поскольку рента во многих случаях не представляет авансированного капитала) и, с другой стороны, потому что это даёт больше нужной нам информации.

Если бы равные капиталы доставляли товары приблизительно одинаковой стоимости, то могли бы быть некоторые основания для этого аргумента; но так как из капитала, вложенного в дорогостоящий инвентарь и паровые машины *, получается товар совершенно иной стоимости, чем из капитала той же самой величины, употреблённого главным образом на оплату труда, то сразу же становится очевидно, что тот единственный термин, который г-н Мальтус считает более правильным, был бы самым неправильным, какой только можно себе представить.

33. Стр. 103. «Но если рента входит в сырьё для всех почти отраслей промышленности и почти для всего капитала, как основного, так и оборотного, необходимый для её уплаты аванс значительно повлияет на величину вложенного капитала и, в соединении с почти бесконечным разнообразием в сроках этих авансов, весьма существенно затронет ту часть цены, которая превращается в прибыль».

Фермер, который платит высокую ренту, нуждается не в большем капитале, чем фермер, платящий низкую ренту. Он платит высокую ренту не потому, что употребляет капитал большей стоимости, а потому, что такой же капитал доставляет ему больший доход. Кроме того, он платит ренту после того, как продал свой продукт.

34. Стр. 106. «Чтобы доказать, что количество труда, которого стоил предмет, есть более точная мера стоимости, чем количество труда, которое можно купить на этот же предмет, г-н Рикардо делает предположение, что производство данного количества хлеба может требовать в один период только половину труда, могущего быть необходимым в другой, более поздний период, и всё же рабочие будут получать в уплату в оба периода одно и то же количество хлеба; в этом случае, говорит г-н Рикардо, это был бы пример товара, меновая стоимость которого повысилась вдвое согласно тому, что г-н Рикардо считает правильным определением стоимости, хотя этот товар обменивался бы не на большее количество труда, чем прежде.

Следует признать, что это предположение принадлежит к числу наиболее невероятных. Но если допустить, что такое явление может иметь место, это было бы ярким доказательством неточности определения и сразу показало бы резкое различие, которое должно всегда существовать между издержками производства и стоимостью. Мы встречаем здесь ясный случай увеличения вдвое издержек производства в смысле количества затраченного труда; всё же сделанное предположение допускает, что на товар, издержки производства которого увеличились столь сильно, нельзя

* В рукописи здесь вычеркнуты следующие слова: «хотя бы он был по стоимости равен капиталу, оплачивающему только труд». — *Прим. англ. ред.*

будет купить большее количество того товара, который несравненно более распространён и более важен, чем все предлагаемые в обмен товары, именно — труда. Этот пример сразу показывает, что количество труда, которого стоило производство товара, не есть мера его меновой стоимости».

Признаюсь, что не понимаю этого места. Исчисляются ли издержки производства количеством труда? Насколько я понимаю, г-н Мальтус говорит — да; тогда издержки производства хлеба удваиваются, потому что он требует двойного количества труда, а г-н Мальтус говорит, что его стоимость не удвоилась, потому что товар будет обмениваться не на большее количество труда. Но как этот товар будет обмениваться на полотно, шляпы, башмаки, железо и всякий другой товар? Он будет покупать двойное количество их; итак, с моей точки зрения, он удвоился в стоимости. Но он не будет обмениваться на двойное количество труда? Конечно, нет, а почему? Потому что стоимость труда повышается вместе со стоимостью хлеба, правда, не в той же пропорции, потому что хлеб не есть единственная вещь, потребляемая рабочим; но стоимость труда повышается, и он будет поэтому покупать большее количество полотна, башмаков, шляп, железа и всякого другого товара.

Предлагаемое г-ном Мальтусом доказательство того, что хлеб не удвоился в стоимости, заключается в том, что хлеб не будет покупать такое же, как и раньше, количество товара, который одновременно повысился в стоимости.

Но что подразумевается под количеством труда как издержками производства товара? Под издержками всегда подразумеваются затраты на производство *, оцениваемые в каком-нибудь товаре, обладающем стоимостью, и всегда включающие прибыль на капитал. Издержки производства двух товаров, как я прежде заметил **, могут быть пропорциональны затраченному на них количеству труда, но они по существу отличны от самого труда. «Этот пример, — прибавляет г-н Мальтус, — сразу показывает, что количество труда, которого стоило производство товара, не есть мера его меновой стоимости». Конечно, нет, поскольку речь идёт о мальтусовской мере меновой стоимости.

О Т Д Е Л П Я Т Ы Й

Деньги, при условии неизменности их издержек производства, рассматриваются как мера стоимости

35. Стр. 110. «Предположим сначала, что для извлечения драгоценных металлов из рудников, не приносящих ренты, требуется приложение известного основного и оборотного капитала в течение определённого

* Первоначально в рукописи вместо слов «затраты на производство» стояло слово «стоимость». — *Прим. англ. ред.*

** См. примечание 11. — *Ред.*

времени... Во-вторых, предположим, что производство драгоценных металлов не требует основного капитала, а просто авансов, чтобы оплатить физический труд в течение года... В-третьих, предположим, что одного труда, без каких-либо авансов сверх авансов на пищу в течение одного дня, достаточно, чтобы получить драгоценные металлы, т. е. что поиски на берегу моря в течение одного дня всегда достаточны в среднем, чтобы собрать пол-унции серебра или пятнадцатую часть унции золота».

Возражение, сделанное здесь против золота как меры стоимости на основе предположения, что производство его требовало всегда одинакового количества труда, по существу тождественно с тем, которое было сделано в последнем отделе против самого труда как регулятора стоимости. Там было показано, что стоимость товаров меняется не в точной пропорции к количеству труда, требующемуся для их производства; теперь показано, что их стоимость изменяется по отношению к одному особому товару не в *точной* пропорции к количеству труда, требующемуся для производства этих товаров и особого товара.

36. Стр. 112. «Рыночные цены золота и серебра зависят от количества этих металлов на рынке по сравнению со спросом на них; это количество представляет частично продукт накопления за сотни лет, а годичный продукт рудников влияет на него лишь незначительно.

Г-н Рикардо справедливо замечает, что совпадение рыночной и естественной цены всех товаров зависит всегда от лёгкости увеличения или уменьшения их предложения, и он особенно отмечает золото или другие драгоценные металлы среди тех продуктов, в отношении которых влияние годичного производства даёт себя чувствовать только очень медленно. Следовательно, если вследствие крупных и внезапных усовершенствований в машинах, как в промышленности, так и в земледелии, лёгкость производства в общем повысилась бы и потребности населения стали бы удовлетворяться при затрате значительно меньшего труда, стоимость драгоценных металлов по сравнению с другими товарами должна была бы сильно вырасти; однако, поскольку в течение короткого периода количество драгоценных металлов не могло бы соответственно уменьшиться, цены товаров перестали бы представлять затраченное на них количество труда».

Я никогда не утверждал, что золото при существующих условиях — хорошая мера стоимости; только гипотетически и с целью иллюстрации принципа я предположил, что все известные причины изменчивости стоимости золота устранены. В случае, который был предположен г-ном Мальтусом, золото не было бы доставлено на рынок в таком количестве, как прежде, если только рыночная цена его не была равной его естественной цене или не превышала её; уменьшение количества золота постепенно повышало бы его цену.

Я сказал: «предположим, что все изменения в стоимости золота устранены, оно было бы тогда хорошей мерой стоимости. Я знаю, что они не могут быть устранены; знаю, что золото есть металл, стоимость которого подвергается таким же изме-

нениям, как стоимость других товаров, и поэтому оно не является хорошей мерой стоимости, но я прошу вас предположить, что все причины изменений устранены, чтобы мы могли говорить об изменениях стоимости других предметов в неизменной мере без путаницы». Есть ли это ответ на мои слова, когда говорят, что золото изменчиво и что я не упомянул о некоторых причинах изменения стоимости?

37. Стр. 114. «Согласно всем полученным нами сведениям о ценах в Бенгалии данное количество серебра будет представлять там количество труда и припасов в шесть или восемь раз большее, чем в Англии. Во всех частях земного шара товары равной денежной цены обмениваются друг на друга. Поэтому в торговле между двумя странами должно случиться, что продукт одного рабочего дня в Англии должен обмениваться на продукт пяти или шести рабочих дней в Индии, если мы примем во внимание разницу в прибыли...

...Когда английские и индийские муслины появятся на германских рынках, их относительные цены будут определяться исключительно их относительным качеством, без малейшего упоминания о самых различных количествах человеческого труда, которого они могли стоить; и то обстоятельство, что на производство индийских муслинов затрачено труда в пять или шесть раз больше, чем на производство английских, не даст первым возможности принести Индии больше денег».

Я допускаю самым определённым образом, что золото и серебро могут иметь очень различную стоимость в разных странах, в особенности если их стоимость измеряется количеством хлеба и труда, которыми они смогут распоряжаться. Я действительно старался показать, что эта разница * объясняется тремя причинами: во-первых, расходами, связанными с приобретением золота и серебра в обмен на громоздкие товары вследствие расходов по перевозке последних на рынок, где продаются золото и серебро; во-вторых, дальностью путешествия, которая ещё больше повышает эти расходы; в-третьих, различными нормами прибыли в разных странах вследствие неодинакового накопления капитала в соответствии с плодородием почвы. Если труд в Йоркшире дороже, чем в Глостершире, то прибыль будет ниже, и капитал будет постепенно передвигаться из первой местности во вторую, так что во всяком округе будет такая часть общего капитала, которую он

* Первоначально в рукописи взамен следующих строк стояло: «...объясняется двумя причинами: во-первых, издержками, связанными с приобретением золота и серебра в обмен на громоздкие товары, если у покупателя нет иных товаров и особенно если эти товары приходится перевозить на большое расстояние. В стране, ввозящей золото, все издержки, стоимость всего этого количества труда на деле должны быть реализованы в золоте». [Последнее предложение позже было заменено следующим: «Издержки по ввозу золота должны повыситься и поэтому должны повысить его стоимость»]. «Во-вторых, различными нормами прибыли в разных странах...». — *Прим. англ. ред.*

может употребить с наибольшей выгодой. Иначе обстоит дело при различии нормы прибыли между независимыми странами. Капитал не перемещается из Англии в Польшу только потому, что в последней труд дешевле; и в силу этого золото будет по стоимости в сравнении с трудом в одном месте ниже, в другом — выше.

Я, однако, не согласен с расчётами г-на Мальтуса. Сравнивая день труда в одной стране с днём труда в другой, мы должны принять во внимание * различные количества труда, которые могут быть понимаемы под общим термином «день труда». Г-н Мальтус подробно остановился на отсутствии склонности к труду и лениости рабочих в странах, где раздобыть пищу крайне легко; но он наверное не будет сравнивать день труда южноамериканца или индейца с днём труда англичанина или француза. Полагает ли действительно г-н Мальтус, что на индийские муслины употребляется в пять или шесть раз *больше труда*, чем на английские? Кроме того, упуская из вида соображение, о котором я только что упомянул, он, несомненно, не принимает в расчёт труд, затраченный на производство машин, например паровых машин и т. д., на уголь и т. д. и т. д. Разве вложенный в них труд не составляет части труда, затраченного на муслины?

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

**Труд, который может быть куплен за товар,
рассматривается как мера реальной меновой стоимости**

38. Стр. 119. «В поисках предмета, который был бы пригоден в качестве меры меновой стоимости, наше внимание в первую очередь, естественно, устремляется на тот, который чаще всего является предметом обмена. Не подлежит сомнению, что из всех предметов наибольшая масса стоимости обменивается на труд, как производительный, так и непроеводительный.

Во-вторых, стоимость товаров, в обмене на труд, одна может выразить степень их соответствия потребностям и вкусам общества, а также величину их предложения по сравнению с желаниями и численностью будущих потребителей.

...В-третьих, накопление капитала и его производительность в деле увеличения богатства и роста населения зависят почти целиком от его способности ставить рабочих на работу, или, другими словами, от его способности покупать труд».

Читатель заметит, что качество, которое, повидимому, больше всего ищет г-н Мальтус в мере реальной стоимости,

* В рукописи после слов «во внимание» первоначально стояли слова «интенсивность труда», и на этом предложение заканчивалось. — *Прим. анал. ред.*

есть не неизменность её, а то, что «чаще всего является предметом обмена». «Во-вторых, стоимость товаров, в обмене на труд, одна может выразить величину их предложения по сравнению с желаниями и численностью будущих потребителей. В-третьих, накопление капитала зависит от его способности ставить рабочих на работу». Это, конечно, важные вопросы по сравнению с другими, но я спрашиваю, какое отношение они имеют к вопросу о мере реальной стоимости? «Я возражаю против вашей меры стоимости, — говорит г-н Мальтус, — потому что она не так неизменна, как вы её представляете, — существуют причины изменений, затрагивающих её, которые вы не учитываете должным образом». Кто не предположит в таком случае, что, предлагая меру стоимости, г-н Мальтус предложил такую меру, которая не вызывает подобных возражений? Между тем он поступает как раз наоборот; он предлагает меру, которая не только изменчива сама по себе, но особенно изменчива благодаря её связи с другими изменчивыми товарами, и в числе своих соображений в пользу выбора этой меры он приводит несколько доводов, не имеющих никакого отношения к предмету, ибо ничто не должно приниматься во внимание при выборе меры стоимости, кроме её неизменности или почти полного приближения к этому свойству.

39. Стр. 120. «Никакое изобилие товаров не может вызвать действительное и постоянное увеличение капитала, если природа их такова или их стоимость понизилась настолько, что они не могут купить большее количество труда, чем то, которого они стоили».

Это верно при любом мериле, выбранном вами для измерения меновой стоимости.

При оценке в железе, сахаре или кофе товар стоил мне известное количество одного из этих товаров; я не стану производить его, если он не будет обмениваться на большее количество их. При оценке в труде он обошёлся мне в известную стоимость; я не стану производить его, если он не будет обмениваться на большую стоимость. При оценке в количестве труда я не стану производить товар, если не смогу купить на него большее количество труда, чем было затрачено на его производство. Г-н Мальтус делает примерно те же замечания на следующих двух страницах.

40. Стр. 125. «Но всё же труд, подобно всем другим товарам, изменяется в смысле изобилия или нехватки его в сравнении со спросом, и в различные эпохи и в разных странах он распоряжается совершенно различными количествами главного предмета питания человека; кроме того, в зависимости от умения рабочего и помощи со стороны машин в деле приложения труда продукты труда не пропорциональны количеству вложенного труда. Следовательно, труд, в каком бы смысле мы ни пони-

мали это слово, не может рассматриваться как точная и постоянная мера реальной меновой стоимости. А если труд, который можно приобрести за товар, не может рассматриваться в этом свете, то, несомненно, нигде больше мы не сможем искать такую меру с какой-либо надеждой на успех».

Мы обращаем особенное внимание читателя на свойство неизменности, которое г-н Мальтус придаёт предложенной им самим мере действительной стоимости.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

О товаре, среднем между хлебом и трудом, и о его пригодности служить мерой реальной меновой стоимости

41. Стр. 126. «Известное количество хлеба данного качества имеет всегда положительную и неизменную потребительскую стоимость, основанную на числе лиц, которых этот хлеб может прокормить».

Эта мера также предложена г-ном Мальтусом, и в данном случае он снова указывает на её неизменность, как прежде указывал на неизменность труда.

42. Стр. 128. «Хотя ни один из этих двух предметов, взятых изолированно, не может считаться удовлетворительной мерой стоимости, всё же, комбинируя оба, мы, быть может, могли бы приблизиться к большей точности.

Когда хлеб дорог по отношению к труду, последний должен необходимо быть дешёвым по отношению к хлебу. В период, когда данное количество хлеба может купить наибольшее количество предметов первой необходимости, удобств или удовольствий, данное количество труда будет всегда приобретать наименьшее количество этих предметов; и когда хлеб будет в состоянии купить наименьшее количество, труд будет приобретать наибольшее количество этих предметов.

Если, следовательно, взять среднее между этими двумя величинами, мы получим, очевидно, меру, прокорректированную одновременными изменениями каждой из них в противоположных направлениях, меру, которая, по всей вероятности, должна представлять с большей точностью, чем какая-либо другая, одинаковое количество предметов первой необходимости, удобств и удовольствий в самые различные периоды и при самых разнообразных обстоятельствах, которым подчинены в своём развитии население и земледелие.

С этой целью следует, однако, остановиться на какой-нибудь мере хлеба, которую с точки зрения количества можно было бы рассматривать как эквивалент рабочего дня; в Англии четверть бушеля пшеницы, равняющаяся приблизительно заработной плате хорошего рабочего в хорошие времена, кажется мне достаточно точной мерой для той цели, которую мы себе ставим».

Мне кажется, что все эти аргументы основываются на совершенно неправильном умозаключении. Хлеб, говорит г-н Мальтус, обладает изменчивой стоимостью, и столь же изменчивой стоимостью обладает труд, но стоимость их изменяется всегда в различных направлениях; если я поэтому возьму среднюю между обеими, я, вероятно, получу меру, по характеру приближающуюся к неизменности.

Так вот, изменяются ли действительно стоимость хлеба и стоимость труда в различных направлениях? Когда относительная стоимость хлеба возрастает по отношению к труду, то относительная стоимость труда падает по отношению к хлебу, и это называется изменением в различных направлениях. Когда повышается цена сукна, она растёт в сравнении с золотом, а цена золота понижается в сравнении с сукном, но это не доказывает, что обе цены изменяются в различных направлениях, потому что в одно и то же время золото может повыситься в стоимости по сравнению с железом, шляпами, кожей и всеми другими товарами, за исключением сукна. Что же будет тогда на деле? А то, что цены изменились в одном и том же направлении — цена золота могла повыситься на 10% по сравнению со всеми предметами, кроме сукна, а цена сукна могла повыситься по сравнению со всеми предметами на 25%, за исключением золота, по отношению к которому она повысилась бы только на 15%. Мы считали бы странным говорить при таких обстоятельствах, что, выбирая меру стоимости, мы взяли бы среднюю между сукном и золотом потому, что цены этих двух товаров изменялись в различных направлениях, когда абсолютно доказуемо, что они изменялись в одном и том же направлении. А именно это сделал г-н Мальтус по отношению к хлебу и труду. Страна наталкивается на возрастающие трудности в получении хлеба для постоянно увеличивающегося населения, и вследствие этого стоимость хлеба повышается в сравнении со всеми другими товарами. Так как цена хлеба, составляющего столь существенный, хотя и не единственный, предмет потребления для рабочего, повышается, то возрастает и цена труда, хотя и не в такой степени, как цена хлеба: если цена хлеба поднимается на 20%, то цена труда, возможно, повысится на 10%. При этих условиях труд, оцениваемый в хлебе, кажется понизившимся в цене, а хлеб, оцениваемый в труде, кажется повысившимся в цене, но очевидно, что цена того и другого повысилась, хотя и в различной степени, так как они оба будут стоять больше при оценке во всех других товарах. Итак, средняя берётся между двумя товарами, стоимость которых заведомо изменчива, и она берётся, исходя из того принципа, что изменения одной исправляют последствия изменения второй. Однако, поскольку я доказал, что они изменяются в одном и том же направлении, надеюсь, что г-н Мальтус увидит целесообразность отказа от столь несовершенного и столь изменчивого стандарта.

Из аргументации г-на Мальтуса можно было бы предположить, что стоимость труда понизилась, когда повысилась стоимость хлеба, и что, следовательно, на данное количество железа, кожи, сукна и т. д. можно было бы получить больше труда, — в действительности же наоборот: труд, точно так же как и хлеб,

повышается в цене по сравнению с этими товарами. Г-н Мальтус сам говорит это на стр. 125: «В ходе совершенствования и цивилизации обычно случается, что, когда рабочие покупают наименьшее количество пищи, они покупают наибольшее количество других товаров». А ведь это значит утверждать, что при большем количестве других товаров, отдаваемых за пищу, за труд также отдаётся соответственно большее количество других вещей или, другими словами, что когда повышается цена продовольствия, то повышается и цена труда.

43. Стр. 130. «При оценке стоимости можно без особенной ошибки игнорировать удешевление продукции, проистекающее вследствие мастерства рабочих и применения машин».

Что это значит, как не то, что при оценке стоимости не имеет значения, какое количество труда может быть приложено к производству товаров? Я думаю, что это недосмотр, так как г-н Мальтус неизменно допускает, что количество труда, затраченное на производство товаров, есть главная причина их стоимости. В самом деле, как можно отрицать это?

44. Стр. 131. «Какую меру предлагает нам г-н Рикардо взамен? Труд и усилия, пожертвованные на производство товара, т. е. *издержки* производства, или, правильнее выражаясь, часть этих издержек, из-за которой меновая стоимость товара при различных условиях изменяется почти в любой степени».

Г-н Мальтус, как я уже сказал прежде, ошибочно понимает меня. Я не говорю, что часть издержек производства товара измеряет его меновую стоимость, но говорю, что вся его стоимость будет *пропорциональна* части его издержек производства, и при этом делаю скидку на изменения и исключения, хотя и не считаю их большими. Если бы г-н Мальтус не понял меня ошибочно, он никогда не смог бы сделать следующее замечание о моём учении: «Где существует прибыль (а очень редки в действительности случаи, когда её нет), стоимость товара при обмене на труд неизменно больше, чем труд, который был на него затрачен». Если бы я сказал, что стоимость товаров есть то же, что стоимость затраченного на них труда, это замечание было бы обосновано, но я сказал, что относительная стоимость товаров пропорциональна количеству труда, затраченного на их производство. Эта стоимость может быть вдвое больше того, чего стоил труд. Сравнение между мерой, предложенной г-ном Мальтусом, и той, которую предложил я, суммируется следующим образом: «Нам приходится поэтому выбирать между несовершенной мерой меновой стоимости и такой мерой, которая неизбежно ошибочна в своей основе».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

О природе и причинах ренты

45. Стр. 136. «В своём превосходном «Трактате о политической экономии», в котором г-н Сэй изложил с большой ясностью многие пункты, недостаточно развитые Адамом Смитом, он исследовал вопрос о ренте не совсем удовлетворительно. Говоря о различных естественных агентах, которые, подобно земле, помогают человеческому труду, он делает следующее замечание: «К счастью, никто не мог сказать: ветер и солнце принадлежат мне, и услуги, которые они оказывают, должны быть мне оплачены». И хотя он признаёт, что, по очевидным причинам, собственность на землю необходима, всё же он, видимо, рассматривает ренту как обязанную своим происхождением исключительно этому присвоению земли и внешнему спросу».

Может ли кто-либо сомневаться в том, что, если бы кому-нибудь удалось присвоить ветер и солнце, он смог бы обеспечить себе получение ренты за пользование ими?

46. Стр. 137. «Мне кажется, что среди современных авторов в нашей собственной стране преобладают мнения, склоняющиеся к аналогичной точке зрения на этот предмет; чтобы не умножать цитат, я добавлю только, что во вполне respectable издании «Богатства народов», недавно выпущенном г-ном Бьюкененом из Эдинбурга, идея монополии проводится ещё дальше. И хотя более ранние авторы считали, что рента управляется законами монополии, они всё же держались того мнения, что в отношении земли эта монополия необходима и полезна; между тем г-н Бьюкенен иногда говорит о ней, как об учреждении вредном и отнимающем у потребителя то, что она отдаёт землевладельцу».

Так как в своей «Политической экономии» я посвятил особую главу рассмотрению этого предмета *, не буду снова распространяться о нём и скажу только, что, по моему мнению, г-да Сисмонди и Бьюкенен по существу правы в своих взглядах, изложенных в цитатах, которые г-н Мальтус приводит из их произведений.

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, гл. XXXII. Взгляды г-на Мальтуса на ренту, т. I настоящего издания. — *Ред.*

47. Стр. 139. «Можно указать на три причины, вызывающие излишек цены сырья над издержками производства.

Первая и главная — то свойство земли, в силу которого её можно заставить доставлять более значительное количество предметов первой необходимости, чем требуется на содержание людей, занятых её обработкой».

Это значит, что земля возвращает более значительную стоимость, чем стоимость затраченного на неё труда. В этом отношении земледелие схоже со всяким промыслом, которым занимается человек. Если бы продукты всех родов не удовлетворяли этим условиям, они не производились бы.

48. Стр. 139. «Вторая причина — то свойственное предметам первой необходимости качество, в силу которого они, при надлежащем их распределении, сами могут создавать для себя спрос или увеличивать число потребителей пропорционально количеству произведённых предметов первой необходимости».

Это кажется мне совершенно ошибочным. Аргументы в пользу моих взглядов я привёл в своей работе по политической экономии. Смотри также примечание к стр. 142 *.

49. Стр. 140.

«Если бы не было никакого прибавочного продукта, то не было бы никакой ренты»**. С этим все согласны.

50. Стр. 141.

«Или, если бы на этот прибавочный продукт не было спроса, он мог бы не обладать стоимостью, и тогда за него не уплачивалась бы рента»***. Если население увеличивается, у нас есть средства для его прокормления — таково существенное условие для содержания возрастающего населения, — но остаётся нерешённым вопрос: воспроизводится ли население, потому что вы произвели хлеб, или же хлеб производится, потому что увеличилось население и у вас есть также все средства для его прокормления, а равно и средства удовлетворения других его нужд.

51. Стр. 142. «Если какая-то деятельная и предприимчивая семья владеет известным земельным участком, который она может обработать так, чтобы он дал достаточно жизненных припасов и сырых материалов для одежды, жилища и отопления не только для этой семьи, но и для пяти других, из этого следовало бы согласно принципу народонаселения, что, если семья правильно распределила свой прибавочный продукт, она скоро была бы в состоянии распоряжаться трудом пяти других семей, и её продукт скоро стал бы стоить в пять раз больше, чем труд, затраченный на выращивание этого продукта».

* Примечание 51. — *Ред.*

** Хотя эти слова заключены в кавычки, это не цитата; они верны лишь по смыслу. — *Ред.*

*** Это также не цитата, а резюме отдельных положений Мальтуса. — *Ред.*

Стоимость земельной собственности этой семьи не возросла бы, пока не возник бы спрос на добавочный продукт. Если бы семья арендовала землю и должна была платить денежную ренту, она разорилась бы, увеличив предложение продуктов раньше, чем возник спрос на них. Денежная стоимость всего продукта стала бы меньше, чем тогда, когда количество его было меньше, а ей пришлось бы платить прежнюю денежную ренту. В этом заключалось то особое зло, от которого страдали фермеры по окончании войны, когда были открыты порты. Ни один производитель не может быть заинтересован в доставке товара в большем изобилии, чем предъявляется на него спрос по его естественной цене. Как только цена товара падает на рынке ниже его естественной цены, т. е. как только нужды *существующего* населения удовлетворены, не может быть никакого побуждения для производства его, и, наоборот, появляется побуждение прекратить его производство.

Если бы г-н Мальтус сказал только, что вместе с бóльшей лёгкостью добывания пищи население будет быстро возрастать, потому что пища есть один из наиболее важных предметов потребления, то было бы невозможно не согласиться с ним; но он неизменно настаивает на том, что возрастание населения зависит не от средств, которые имеются в нашем распоряжении, чтобы прокормить его, или скорее не от тех средств, которыми население само располагает, чтобы прокормить своё потомство, но от запаса пищи, который предварительно отложен для него.

52. Стр. 145. «Если бы производительность рудников по добыче драгоценных металлов во всём мире уменьшилась наполовину, следует признать, что, поскольку население и богатство не обязательно зависят от золота и серебра, такое событие могло бы произойти не только без сокращения населения и богатства, но даже при значительном увеличении того и другого... Но если бы уменьшилось наполовину плодородие всех земель мира, то, поскольку население и богатство целиком зависят от количества предметов первой необходимости, даваемых землёй, совершенно очевидно, что большая часть населения и богатства всего мира была бы уничтожена, а вместе с нею и большая часть эффективного спроса на предметы первой необходимости. Обработка наибольшей части земель в большинстве стран была бы совершенно оставлена, и заработная плата, прибыль и рента, в особенности последняя, значительно понизились бы и на всех остальных землях».

Я признаю, что большая часть населения и богатства мира была бы уничтожена, но вопрос касается ренты землевладельцев, а не богатства мира — одна треть от 100 млн. больше, чем одна четвёртая часть от 120 млн. Предположение, что плодородие земли уменьшится наполовину, — самое экстравагантное, я сделал его только для иллюстрации принципа. Г-н Мальтус неправильно понял меня — я вполне признаю заинтересованность землевладельцев в повышении плодородия своей

земли и в усовершенствовании земледелия, ибо они в конце концов не преминут воспользоваться выгодами того и другого. Я настаиваю только на том, что непосредственные следствия будут для них убыточны, и если бы принцип народонаселения не был так могуществен, эти следствия могли бы наносить им постоянный ущерб.

53. Стр. 146. «Продукт известных виноградников во Франции, которые, в силу особенных качеств почвы и местоположения, одни только доставляют вина особого запаха и вкуса, продаётся, конечно, по цене значительно выше его издержек производства... Но если плодородие этих земель повысилось бы в такой степени, что они будут давать гораздо большее количество продуктов, то стоимость последних понизится настолько, что излишек цены над издержками производства существенно уменьшится. Если бы, напротив, виноградники стали менее производительными, величина этого излишка могла бы увеличиваться почти безгранично» *.

Что иное говорит г-н Мальтус в этом месте как не то, что рента с производящей хлеб земли ограничена её ограниченной способностью прокормить население, но что рента с этих виноградников не ограничена такими узкими пределами. Я согласен с его аргументом, но он не меняет принципа.

54. Стр. 147. «Очевидная причина этих следствий заключается в том, что во всякой обыкновенной монополии спрос чужд производству и независим от него... Напротив, в производстве предметов первой необходимости спрос зависит от самого продукта, и следствия поэтому совершенно различны. В этом случае физически невозможно, чтобы число потребителей увеличивалось, в то время как количество продуктов уменьшается, так как потребители могут существовать только благодаря этим продуктам».

Речь идёт не о числе лиц, предъявляющих спрос, а о жертвах, которые они готовы принести, чтобы получить спрашиваемый товар. Стоимость его должна зависеть от этого.

55. Стр. 147. «Во всех обыкновенных монополиях избыток стоимости продукта над стоимостью труда, затраченного на получение его, может быть создан действием внешнего спроса. В частичной же монополии на землю, производящую предметы первой необходимости, такой избыток может быть создан только качествами почвы».

* К этому месту Мальтус делает примечание в сноске, против которого и возражает Рикардо: «Г-н Рикардо отвечает на это, что *«при данной высокой цене»* высота ренты пропорциональна не редкости продукта, а его изобилию», независимо от того, идёт ли речь об особых виноградниках или об обыкновенной земле под зерновыми. Такое решение вопроса совершенно бездоказательно. Цена не может быть данной. В силу внешнего спроса и уменьшения предложения за виноград, собранный с акра земли в Шампани, можно постоянно покупать в пятьдесят раз больше труда, чем потребовалось на обработку этого акра; но никакое увеличение внешнего спроса или никакое уменьшение предложения никогда не смогут привести к тому, чтобы на продукт акра земли под зерновыми культурами постоянно можно было покупать больше труда, чем этот акр земли мог бы содержать». — Ред.

Здесь мы имеем необоснованное различие. При частичной монополии на землю, производящую предметы первой необходимости (говорит г-н Мальтус), такой излишек стоимости продукта над стоимостью труда, затраченного на получение его, может быть создан только качествами земли — в другом случае он «создан действием внешнего спроса». Качества земли бесцельны без внешнего спроса в каждом из этих случаев. Рента с наших наиболее плодородных земель в настоящее время больше, чем 100 лет назад. Почему? Вследствие роста внешнего спроса по сравнению с лёгкостью удовлетворения его. Качества земли были тогда такие же, как в настоящее время, однако рента не возрастала до тех пор, пока не увеличился внешний спрос.

56. Стр. 148. «В обыкновенных монополиях и в производстве всех предметов, кроме предметов первой необходимости, законы природы очень мало влияют на установление известной пропорции между меновой стоимостью этих предметов и их потребительной стоимостью. Одно и то же количество винограда или хлопка может в различных условиях постоянно стоить три рабочих дня или триста. Только в производстве предметов первой необходимости законы природы постоянно регулируют меновую стоимость этих предметов в соответствии с их потребительной стоимостью; и хотя, в силу большого различия во внешних условиях и в особенности в силу большего или меньшего изобилия или редкости земельных участков, цель эта может быть полностью достигнута лишь в очень редких случаях, а вероятно, и никогда не может быть достигнута, всё же меновая стоимость данного количества предметов первой необходимости при покупке труда всегда стремится приблизиться к стоимости того количества труда, который она может прокормить, или, другими словами, к его потребительной стоимости».

Почему это? Потому что, как оказывается, население неизменно возрастает вместе со средствами для его пропитания, и поэтому выраженная в хлебе стоимость труда не возрастает, но население и предметы первой необходимости не обязательно связаны так тесно; нетрудно понять, что при лучшем обучении и усовершенствованных навыках рабочего день труда может получить гораздо большую стоимость, даже если её выразить в том, что в настоящее время называют предметами первой необходимости для рабочего.

57. Стр. 148. «Во всех обыкновенных монополиях цена продукта, а следовательно, и избыток цены над издержками производства могут увеличиваться бесконечно. В частичной монополии на землю, производящую предметы первой необходимости, цена продукта не может ни в каком случае превзойти стоимость труда, который он может содержать; и избыток цены этого продукта над издержками его производства ограничен пределом, который невозможно преодолеть. Этот предел представляет тот избыток предметов первой необходимости, который можно извлечь из земли сверх самых ограниченных потребностей рабочего, и он строго зависит от естественного или благоприобретённого плодородия почвы».

Я вполне согласен со всем содержанием этого параграфа.

58. Стр. 149. «Удивительно, что г-н Рикардо санкционировал эти заявления г-д Сисмонди и Бьюкенена. По его собственной теории, цена хлеба есть всегда цена естественная, или необходимая. В каком смысле может он, следовательно, согласиться с мнением этих авторов, говоря, что цена хлеба походит на цены всех других товаров, составляющих предметы производства обычной монополии, или что она выгодна только для земельных собственников и в той же степени *убыточна* для потребителей?».

Оба эти взгляда, по моему мнению, вполне совместимы. Как раз издержки производства последних партий хлеба регулируют его стоимость и стоимость всего остального хлеба, доставляемого на рынок. Хлеб, производимый при более благоприятных условиях и на более плодородной земле, будет доставлять ренту пропорционально разнице в издержках его производства. Таким образом, эта рента является условием, на котором вы получаете всё требуемое количество зерна, так как вы можете получить добавочное количество его только с худшей земли; чтобы поощрить производство хлеба, цена его должна повыситься, а следствием повышения цены будет рента с более плодородной земли. Так вот, эта рента не есть чистый выигрыш, — если землевладельцы получают больше, то и покупатели хлеба платят больше, и поэтому без малейшего осуждения землевладельцев, которое в этом случае могло бы быть следствием только глубочайшего невежества, я могу сказать, что это есть перенесение богатства, выгодное для землевладельцев и соответственно *убыточное* для потребителей.

Быть может, ни в одной части своей книги г-н Мальтус не понял меня так неправильно, как в части, трактующей об этом предмете. Он представляет меня защитником доктрины, будто интересы землевладельцев постоянно противоположны интересам всякого другого класса общества, и по высказываниям г-на Мальтуса можно предположить, что я считаю землевладельцев врагами государства. Из только что сказанного будет видно, что я считаю ренту и рост ренты необходимым и неизбежным условием роста предложения хлеба для растущего населения. Всё содержание моего труда по политической экономии показывает то же самое, и едва ли было справедливо выбрать отдельный отрывок, который, повидимому, имел другое значение и мог быть применён только к особым обстоятельствам. В своей книге я отзывался с большим одобрением о том отрывке из прежнего труда г-на Мальтуса, где он говорит, что, если бы землевладельцы отказались от всей своей ренты, это не сделало бы хлеб дешевле; по моему мнению, это не значило придавать землевладельцу враждебное освещение в глазах потребителя. Об интересах землевладельца я хотел только сказать, что для него было бы выгодно, чтобы на имеющуюся в его владении машину для производства зерна был спрос; что в действительности от этого зависит его рента; напротив, в интересах потре-

бителя использовать иностранную машину, если это удешевит продукт. Только в этом случае интересы землевладельца и потребителя, если они правильно поняты, действительно приходят в столкновение; я уверен, что в этом случае они действительно сталкиваются, и во всём сказанном мною об этом предмете нет ничего, что я желал бы взять обратно.

Я, в самом деле, отметил, что ближайшие последствия усовершенствований в земледелии убыточны для землевладельца и выгодны для потребителя, но что в конечном счёте, когда население увеличилось, выгоды от усовершенствований перешли к землевладельцу. Я держусь этого взгляда, но, говоря это, я не высказываю никакого порицания землевладельцам; не в их власти остановить развитие усовершенствований и не в их интересах было бы сделать это, даже если бы это было возможно. Первые последствия крупных усовершенствований в любой отрасли производства убыточны для класса, занятого в этой отрасли, но это есть констатация факта или мнения, и нельзя считать это выражением какого-то обидного осуждения. Г-н Мальтус не может опереться ни на одно моё высказывание, чтобы изобразить меня как врага землевладельцев или как человека, имеющего о них менее благоприятное мнение *, чем о каком-либо другом классе общества.

Действительно, я не вижу, чтобы язык г-на Мальтуса сильно отличался от моего собственного; на стр. 152 он говорит: «происходящее на практике падение прибыли и заработной платы, несомненно, передаёт часть продукта землевладельцу». «Передача части прибыли и заработной платы и такая цена продукта, которая приносит ренту (что вызывает возражения, так как она убыточна и лишает потребителя той части, которую отдаёт землевладельцу), абсолютно необходимы для того, чтобы получить какое-либо значительное дополнение к богатству и к доходу первых поселенцев в новой стране». Здесь передача допускается, но она названа необходимой; я говорю в точности то же, и на стр. 138 г-н Мальтус цитирует с целью критики отрывок из работы г-на Бьюкенена, который, мне кажется, выражает только то же мнение: «Высокая цена, приносящая ренту или чистый излишек, обогащая землевладельца, располагающего земледельческими продуктами для продажи, уменьшает в той же пропорции богатство тех, кто их покупает; и поэтому совершенно неправильно рассматривать ренту землевладельца как явную прибавку к национальному богатству».

* Первая часть этого предложения до слова «мнение» вставлена взамен следующих слов: «Я прекрасно сознаю, что не заслуживаю даже половины любезностей, высказанных г-ном Мальтусом по моему адресу, но знаю также, что не заслуживаю того, чтобы меня считали врагом землевладельцев или человеком, имеющим о них худшее мнение...». — *Прим. англ. ред.*

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

О необходимости отделять земельную ренту
от прибыли фермера и заработной платы рабочего

59. Стр. 152. «Г-н Рикардо совершенно не понял меня, когда представляет дело так, будто я говорю, что рента непосредственно и необходимо повышается или понижается вместе с увеличением или уменьшением плодородия земли. Пусть судит читатель, в какой степени мои выражения поддаются такой интерпретации, но я не думал, что они могут быть так истолкованы; поскольку я установил, что для создания ренты необходимо наличие трёх причин, я никак не мог подразумевать, что рента будет изменяться всегда в точной пропорции к одной из этих причин. Действительно, я чётко заявил, что в ранние периоды существования общества прибавочный продукт земли или её плодородие проявляются только в малой степени в форме ренты».

Я, несомненно, плохо понял г-на Мальтуса. Он говорит, что установил «три причины, необходимые для создания ренты, и никак не мог подразумевать, что рента должна изменяться всегда в точной пропорции к одной из этих причин». Я полагал бы, что мой вывод, будто г-н Мальтус подразумевал это, был вполне естественным, если другие причины в это время бездействуют. Одна из причин, которую г-н Мальтус считает необходимой для производства ренты, — это сравнительный недостаток наиболее плодородных земель. Если бы он сказал: увеличьте этот сравнительный недостаток, и рента повысится — я согласился бы с ним. Здесь сказалось бы влияние на ренту одной причины без вмешательства двух других. Так, говоря о том, что он называет второй причиной ренты, о плодородии земли и об избытке её продукта сверх того, что необходимо для содержания занятых на ней рабочих, он сказал: «Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие почвы, и излишек исчезнет»; мне казалось, что он отождествляет избыточный, или прибавочный, продукт с рентой, и мне казалось также, что он приводит читателей к выводу, что рента повышалась и падала в зависимости от количества этого прибавочного продукта. А после прочтения труда г-на Мальтуса, который в настоящее время у меня в руках, мне кажется, что он сам своим изложением часто создаёт у читателя впечатление, будто рента повышается и падает вместе с повышением и падением количества прибавочного продукта по сравнению с тем, что затрачивается на занятых рабочих. На стр. 228 г-н Мальтус говорит: «Но если допустить, как и следует, что ограничение возможности производить пищу, очевидно, необходимо для человека, связанного ограниченным пространством, тогда стоимость фактически полученного им количества земли зависит от малого количества труда, необходимого для её обработки, по сравнению с числом людей, которых она будет содержать — или, другими

словами, от того определённого прибавочного продукта, который так сильно недооценивается г-ном Рикардо и который в силу законов природы находит своё завершение в ренте».

60. Стр. 152. «Невозможно также, чтобы рента постоянно оставалась частью прибыли на капитал или заработной платы рабочих».

Часть того, что в будущем станет рентой, образует теперь прибыль на капитал. Неправильно, я полагаю, говорить, будто рента, когда бы то ни было, составляет часть прибыли на капитал: рента образуется из прибыли на капитал; когда она была прибылью, она не была рентой.

61. Стр. 154. «Если данная доля труда и капитала даёт меньший доход, будь то на новой или на старой земле, потеря обычно делится между рабочими и капиталистами, и заработная плата и прибыль падают одновременно».

Верно, что потеря количества вообще делится между рабочими и капиталистами, но мы говорим не о количестве, а о стоимости. Получит ли рабочий меньшую стоимость? Если количество и стоимость одно и то же, а в сыром продукте они, согласно г-ну Мальтусу, одинаковы, то рабочий получит меньшую стоимость; но, если с уменьшением количества стоимость возрастает, несомненно, что рабочий получит меньшее количество и большую стоимость, фермер же получит как меньшее количество, так и меньшую стоимость.

62. Стр. 154. «Если прибыль с капитала, занятого в обработке земель низшего качества, составляет 30%, а отдельные части старых земель приносят 40%, то 10% из этих 40% составят, очевидно, ренту, кто бы ни получил её. Если бы капитал продолжал накапливаться, а цена труда на лучших землях страны понизилась, то другие участки, находящиеся в менее благоприятных условиях по плодородию или расположению, могли бы с выгодой поступать в обработку. Поскольку издержки обработки земли, включая прибыль, понизились, участки, менее плодородные или расположенные дальше от рек и рынков, хотя и не приносили бы сначала ренты, могли бы всё же полностью оплачивать все эти издержки, и земледелец был бы хорошо вознаграждён. Затем, если прибыль с капитала или заработная плата рабочего понизились ещё больше, либо каждая в отдельности, либо обе одновременно, можно было бы пустить в обработку участки, ещё менее плодородные или ещё менее благоприятно расположенные».

В каком мериле понизились издержки по обработке земли? Не в деньгах, не в мериле стоимости г-на Мальтуса — заработной плате. При измерении стоимости всеми товарами, за исключением хлеба — товара, требующего больше труда и повышающегося в стоимости, издержки обработки земли повысились бы *.

* Первоначальная редакция этого примечания гласила: «В каком мериле понизились издержки по обработке земли? Издержки по обработке земли, даже при понижении прибыли, не понизились бы, если их измерять во всех товарах, кроме хлеба, именно только хлеба, так как стоимость хлеба повысилась бы». — *Прим. англ. ред.*

63. Стр. 154. «На каждом шагу очевидно, что, если цена продукта не снижается, рента должна повышаться».

Любопытно наблюдать, как г-н Мальтус объясняет законы ренты, прибыли и т. д., не прибегая к своей собственной мере реальной стоимости: он довольствуется мерилом, которое осуждает и считает изменчивым. Если он говорит, что в ходе поясняемых им изменений мерило изменяется, то причиной колебания цены может быть изменение мерила, и его объяснение повышения ренты и падения заработной платы совершенно неудовлетворительно. Если он говорит, что для иллюстрации аргумента предполагает мерило неизменным, то в таком случае он делает то, за что осуждает меня, так как я только предположил, что все причины изменения стоимости золота устранены, и что сама стоимость золота неизменна.

Но у г-на Мальтуса есть ещё иная, лучшая мера реальной стоимости. Почему же он не пользуется ею постоянно? Мы не узнаём ничего нового, когда нам говорят об изменении номинальной стоимости. Если г-н Мальтус предполагает, что стоимость золота в упоминаемом им теперь случае неизменна, это должно согласоваться с его лучшим стандартом. Если г-н Мальтус выбирает мерило, которое употребляю я, он должен употреблять его надлежащим образом; он должен сказать не так, что цена продукта не упала бы, но что она абсолютно возросла бы, ибо именно спрос на хлеб есть первоначальная причина обработки новой земли. Именно высокая цена хлеба в конце концов понижает прибыли, потому что меньшее количество хлеба, полученное на новой земле по высокой цене, не будет компенсацией за более высокую заработную плату, являющуюся следствием более высокой цены хлеба. Тогда, чтобы быть последовательным, говоря о денежных ценах, г-н Мальтус должен сказать, что цена на хлеб, рента и заработная плата повысились бы, но прибыль упала бы. Но на эту более высокую заработную плату рабочий получит меньше предметов первой необходимости и удовольствий, чем прежде; и поэтому при измерении мерилом г-на Мальтуса эта заработная плата должна быть названа более низкой. Я признаю, что рабочий получит меньше этих благ, но это не доказывает, что его заработная плата имеет меньшую стоимость. Если я давал человеку шиллинг в неделю только на покупку сахара, а вследствие урагана прежняя стоимость сахара удвоилась, никто, я думаю, не стал бы отрицать, что я давал бы этому человеку более значительную стоимость, если бы давал ему полтора шиллинга в неделю, хотя на эти деньги он мог бы купить меньше сахара, чем прежде за один шиллинг. Но моё обвинение против г-на Мальтуса заключается теперь в том, что он не пользуется последовательно ни моим, ни своим собственным языком. На своём собственном

языке он был бы обязан сказать: «При возрастании населения и при спросе на большое количество хлеба все другие товары понизились бы в стоимости; другими словами, они понизились бы по отношению к выбранному мною стандарту — хлебу, который, конечно, не изменяется. Следствием этого понижения стоимости всех товаров было бы также падение заработной платы, но не в той же пропорции, как падение стоимости товаров; следовательно, если бы стандартом был хлеб, стоимость товаров, вероятно, понизилась бы на 20%; если бы стандартом был труд, она понизилась бы на 10%. Но так как мой стандарт сам есть товар и количество его может быть увеличено, здесь появляется гораздо большее искушение увеличить количество его предпочтительно перед всяким другим товаром, потому что по сравнению с трудом этот товар возрос бы в стоимости, а стоимость всех других по сравнению с трудом понизилась бы, и, следовательно, более значительная прибыль будет получена путём производства хлеба. Однако это — неправильное заключение; оно было бы правильно, если бы можно было пустить в обработку земли одинакового плодородия, но в действительности приходится прибегать к обработке более бедной земли. Полученное с этой земли меньшее количество будет находиться в таком же отношении к количеству затраченного труда, в каком количество хлеба, получаемое в обмен на любые промышленные изделия, будет находиться к труду, который их произвёл; следовательно, конечным результатом возрастания населения и повышения спроса на хлеб будут понижение стоимости всех товаров, уменьшение прибылей, понижение выраженной в хлебе заработной платы и перенесение части продукта с лучших земель из прибыли в ренту. Землевладельцы выиграют дважды: во-первых, получая больше хлеба в виде ренты, во-вторых, получая все товары за меньшее количество хлеба». Вот как я объяснил бы законы ренты и прибыли, если бы усвоил язык г-на Мальтуса. В принципе он не отличается от моего, всё совпадает, за исключением мерила, в котором оценивается стоимость.

64. Стр. 155. «Можно, следовательно, установить как неоспоримую истину, что, по мере того как нация достигает значительного богатства и значительного объёма населения, отделение ренты как чего-то нераздельно связанного с землями известного качества есть закон столь же неизменный, как закон тяготения».

Кто отрицает это? Я специально подтвердил это.

65. Стр. 155—156. «В большинстве великих восточных монархий монарх рассматривался как собственник земли. Эта преждевременная монополия на землю, в соединении с впервые замеченными двумя свойствами почвы и её продуктов, издавна позволяла правительству требо-

вать известную часть продукта всех обрабатываемых земель, которая, какое бы имя ей ни давали, по существу является рентой. Это есть избыток как количества, так и меновой стоимости продукта над действительными издержками обработки земли».

Прибыли получают из прибавочного продукта; если бы прибыли облагались налогом, последний изымался бы из прибавочного продукта, но именно поэтому он не изымался бы из ренты. Г-н Мальтус отождествляет здесь прибавочный продукт с рентой. Смотри примечание 59 к стр. 152.

66. Стр. 156. «Но в большинстве этих монархий площадь плодородных земель была очень велика, естественный избыток земель был очень значителен, и, пока предъявляемые к продукту этих земель требования были умеренны, остаток был достаточен, чтобы давать столь значительную прибыль и заработную плату, какие нельзя было получить ни в какой другой отрасли, и это позволяло населению быстро увеличиваться».

Почему прибыль и заработная плата в земледелии в какой-либо период общественного развития должны быть выше, чем в какой-либо другой отрасли?

67. Стр. 156. «Ясно, однако, что монарх как владелец земли в очень плодородной стране мог бы на ранней стадии совершенствования земледелия получать чрезмерно высокую ренту».

Чрезмерно высокая рента могла бы быть получена таким путём только в определённый период*. Рента могла бы быть создана преждевременным повышением стоимости хлеба по сравнению со всеми другими товарами. Станет ли г-н Мальтус отрицать, что эта рента, хотя и выгодная для правительства, была бы в такой же пропорции убыточна для потребителей?

68. Стр. 157. «Но какова бы ни была природа монополии на землю, будь она необходимой или искусственной, всё же можно наблюдать, что способность платить ренту или налоги с земли безусловно ограничивается плодородием земли; и тому, кто склонен недооценивать важность двух первых установленных мною причин возникновения ренты, следовало бы посмотреть на различные формы распределения продукта в природе, существующие во многих районах Индии, где, если уж монополия дала монарху возможность претендовать на основную часть земельной ренты, всё остальное явно зависит от того, какой излишек средств существования принесит земля, а также от того, какое количество труда можно купить на эти средства существования».

Кто расположен недооценивать значение плодородия земли? Прибавочный продукт неизбежно ограничен плодородием земли.

69. Стр. 157. «Можно было бы, быть может, думать, что ренту нельзя было насильственно и преждевременно отделить от прибыли и заработной платы так, чтобы противоестественно понизить их уровень, так как капи-

* В рукописи здесь вычеркнуты следующие слова: «Облагать продукт земли налогом то же, что понизить её плодородие. Следовательно, г-н Мальтус допускает здесь, что...». — *Прим. англ. ред.*

тал и рабочие руки покинули бы земледелие, если бы могли найти более выгодное занятие; но следует помнить, что люди, фактически обрабатывающие землю в нашей стране, обычно живут в очень плохих и унижающих их условиях; что они вкладывают очень небольшой капитал и едва ли вкладывают такой капитал, который они могли бы изъять и вложить в другое дело; что благодаря тому, что в распоряжении правительства имеется прибавочный продукт, в скором времени появляется население, которому правительство может дать работу, с тем чтобы и в других отраслях цена труда удерживалась на уровне, существующем в земледелии; и что небольшой спрос на продукты обрабатывающей промышленности и на товары, поступающие в торговлю, вследствие нищеты большей части общества, не даёт простора для приложения крупного капитала с расчётом на высокую прибыль в обрабатывающей промышленности и торговле».

Капитал и труд не получают более значительной выгоды в других занятиях не по соображениям, приводимым г-ном Мальтусом, но потому, что, как только налог затронул бы прибыль, поглотив сначала ренту, он поднял бы цены сырья. Повышение цен сырья повысило бы заработную плату и затронуло бы прибыль одинаково во всех занятиях, так что не было бы никакого искушения изъять капитал из земледелия.

70. Стр. 160. «Однако вероятно, что, как мы видели на примере Китая и Индии, прибыли не были бы чрезмерно высокими. В действительности это зависело бы главным образом от предложения капитала в обрабатывающей промышленности и торговле; если бы капиталы были редки в сравнении со спросом на продукты этих отраслей, прибыли были бы наверное высоки; и можно утверждать с полной уверенностью только то, что, если исходить из очень высокой нормы процента, примеры которой изредка приводятся, нельзя сделать вывод, будто прибыли были бы очень высоки».

Что общего имеют прибыли с предложением капитала, занятого в промышленности и торговле?

Прибыли в земледелии были бы высоки, если бы выручка фермера, после уплаты им ренты, была, по количеству, велика в сравнении с количеством, которое он должен затратить на содержание своих рабочих и на другие необходимые издержки. Прибыли зависят главным образом от плодородия земли, за которую рента платится в небольшом размере или совсем не платится.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

О причинах, способствующих повышению ренты в условиях нормального развития общества

71. Стр. 161. «Чтобы более подробно проследить законы, регулирующие повышение и понижение ренты, нужно точнее перечислить главные причины, вызывающие уменьшение издержек обработки земли или удешевление орудий производства в сравнении с ценой продукта. В числе этих причин главными являются, видимо, четыре: во-первых, такое накопление капитала, которое понизит прибыль с него».

Здесь делается вывод, что падение прибыли представляет необходимое следствие накопления капитала. Нет большей ошибки, чем эта.

72. Стр. 161. «Во-вторых, такой рост населения, который понизит заработную плату рабочим».

Здесь также делается вывод, что падение заработной платы необходимо последует за ростом населения; очевидно, это должно зависеть от спроса на людей. Утверждается также, что повышение ренты необходимо последует за падением заработной платы. Под заработной платой г-н Мальтус в данном случае подразумевает хлебную, а не денежную заработную плату. Предположим теперь, что по всей стране хлебная заработная плата рабочего падает. Какое побуждение создаст это для обработки новой земли? Сначала — никакого; единственным следствием будет повышение прибыли.

Повышение прибыли могло бы привести к новым накоплениям, к повышению спроса на труд, к увеличению населения, к повышению цен продуктов и к расширению площади обработки. Понижение заработной платы действует в таком случае лишь постольку, поскольку может повести к накоплению капитала, первой причине повышения ренты, упомянутой г-ном Мальтусом, и вызывает это следствие только в том случае, если подлежащая обработке земля будет менее плодородна, чем та, которая уже обрабатывается.

73. Стр. 161. «В-третьих, такие усовершенствования в земледелии или такое умножение усилий, с помощью которых можно уменьшить число рабочих, необходимое для достижения определённого результата; и, в-четвёртых, в силу возрастания спроса такое повышение цены продуктов земледелия, которое, не понижая номинальных издержек производства, увеличивает разницу между этими издержками и ценой продукта».

Эта причина* в точности та же, что и последняя, и она повела бы, вероятно, к накоплению капитала путём повышения нормы прибыли. Крупная ошибка г-на Мальтуса заключается, видимо, в следующем: сначала он устанавливает, несомненно верно, что рента извлекается из прибавочного продукта земли; затем он доказывает, будто всё, что ведёт к увеличению этого прибавочного продукта, приводит к повышению ренты. Смотри стр. 152**. Но он забывает, что прибыль также выплачивается из прибавочного продукта, и потому, хотя я согласен с ним, что падение заработной платы*** приведёт к увеличению

* Третья. — Ред.

** См. примечание 59. — Ред.

*** В рукописи вычеркнуто «и усовершенствования в земледелии». — Прим. англ. ред.

прибавочного продукта, я не согласен с ним в том, что это увеличение его пойдёт в пользу ренты, — оно непременно пойдёт в пользу прибыли. Я не говорю, что оно всегда останется частью прибыли, так как вместе с ростом населения и употреблением добавочного капитала для обработки земли в высшей степени вероятно, что часть прибыли (если только не вся и даже больше чем вся прибыль) может быть присоединена к ренте.

Г-н Мальтус знает и допускает, что рента есть разность между продуктами двух одинаковых капиталов, употребляемых в обработке земли. Тогда я с уверенностью спрашиваю его, не увеличивается ли эта разница в силу падения заработной платы? Г-н Мальтус может сказать, что усовершенствования в обработке земли, если они приводят к увеличению продукта на всей земле в одинаковых пропорциях, повлекут за собой увеличение разницы в хлебном продукте одинаковых капиталов, вложенных в землю. Это верно, но будет ли эта разность иметь большую стоимость и если нет, то приведёт ли она к увеличению обработки? и будет ли она в состоянии купить больше обуви, платья, мебели и т. д. и т. д.? Нет, она, возможно, будет в состоянии купить больше труда, т. е., другими словами, если цена труда падает, то такое же количество ренты купит больше труда. Но это может сделать и всякий другой равный доход в стране, а потому обработке земли не будет отдаваться предпочтение перед любым другим приложением капитала. Капиталист не только получит доход большей стоимости, а следовательно, получит и большее количество всех товаров, которые он желает потребить, но на такое же количество денег он будет в состоянии купить большее количество труда. В последнем отношении он будет находиться в одинаковом положении с землевладельцем. Держатель ценных бумаг будет участником этих общих выгод, он получит тот же денежный дивиденд; но ничто не понизится в цене, кроме труда.

Всё это при предположении, что землевладелец получает увеличенную хлебную ренту, но в течение продолжительного времени он будет получать меньшую хлебную ренту. Усовершенствования в земледелии будут возрастать скорее, чем может быть увеличено население, а потому капитал будет изъят из земледелия, так как, хотя спрос на хлеб не будет увеличиваться, повысится спрос на другие предметы.

Такое изъятие капитала из земледелия должно сопровождаться падением ренты. Если бы хлебная рента не понизилась, денежная рента всё же упала бы, и если бы цены всех товаров, на которые затрачивается рента, не упали бы, как это было бы в действительности, г-н Мальтус, вероятно, допустил бы, что это есть действительное падение ренты.

Мне кажется, я вижу арендатора, принёсшего своему землевладельцу 90 ф. ст. вместо 100, когда цены всех товаров, за исключением хлеба, остались приблизительно прежними, и говорящего, что он принёс землевладельцу увеличенную ренту. Он сказал бы: «Мне доказали, что хлеб и труд представляют единственную меру действительной стоимости; на 90 ф. ст. вы можете получить больше хлеба и больше труда, чем могли бы купить прежде на 100 ф. ст.; вы поэтому получаете большую ренту, а видимое падение её только номинально». Землевладелец, по всей вероятности, сказал бы, что это падение достаточно реально, так как, несмотря на увеличение его ренты в соответствии с этим реальным стандартом, он теперь имеет меньше возможностей купить большинство предметов первой необходимости и все предметы роскоши.

Я знаю, что этот аргумент может быть обращён против меня самого. Можно сказать, что во многих случаях, когда я говорю, что заработная плата увеличилась, потому что она возросла в моём стандарте стоимости, несчастный рабочий, однако, находит, что, отправляясь на рынок со своей увеличенной заработной платой, он может получить меньшее количество одного из главных предметов первой необходимости*; тогда он, как изображённый мною землевладелец, будет готов получать более низкую заработную плату, если может получить за неё больше удобств. На это я отвечаю следующее: жалоба рабочего заключается в том, что товар, в котором он больше всего нуждается, поднялся в стоимости; цены всех товаров, кроме хлеба, остались прежними, поэтому он может на свою заработную плату купить большее количество их всех; оцениваемая в массе товаров — за исключением одного товара — заработная плата его действительно увеличилась.

В прежнем случае рента землевладельца, оцениваемая в массе товаров, понизилась — она увеличилась только в том случае, если её оценивать в одном единственном товаре.

74. Стр. 161. «Если капитал увеличивается до такой степени, что становится избыточным в отраслях, в которых он обычно употребляется с определённой нормой прибыли, он не останется праздным, а будет искать приложения в той же или в других отраслях промышленности, хотя и с меньшей прибылью, и это заставит его перейти к менее плодородным землям.

Точно так же, если население возрастает быстрее, чем спрос на рабочие руки, рабочие вынуждены будут довольствоваться меньшим количеством предметов первой необходимости; а так как затрата труда, таким образом, уменьшится, можно будет пустить в обработку участки, которые нельзя было обрабатывать раньше».

* В первоначальной редакции: «меньшее количество всех предметов первой необходимости и удобств». — *Прим. анал. ред.*

Если рабочие требовали бы меньшую хлебную заработную плату, легко можно понять, почему их наниматели будут согласны поместить в обрабатывающую промышленность добавочный хлебный капитал, который вернётся к ним; но не видно никакого основания для того, чтобы у них создалось побуждение обрабатывать большую площадь земли и притом более бедной. Зачем производить большее количество товара, если потребление его не увеличилось?

75. Стр. 162. «Однако это точное и регулярное повышение денежной цены хлеба и труда отнюдь не необходимо для понижения прибыли; действительно, денежная цена хлеба будет регулярно повышаться, как описано выше, только в том случае, когда деньги, независимо от происходящих в стране перемен, сохраняют, согласно предположению г-на Рикардо, ту же стоимость, — случай, о котором можно сказать, что его никогда не бывает. Прибыль может, несомненно, понизиться, и отделение ренты может произойти при любых изменениях стоимости денег. Для наиболее регулярного и постоянного падения прибыли необходимо только (и в этом г-н Рикардо согласится со мной), чтобы рабочие поглощали большую долю стоимости всего продукта, полученного при помощи данного капитала».

Я вполне согласен с г-ном Мальтусом по изложенному здесь вопросу, но считал бы большой ошибкой говорить, что заработная плата упала, когда мы условились, что на долю рабочего приходится «большая доля стоимости всего продукта, полученного при помощи данного капитала». Стоимость, я полагаю, измеряется пропорциями.

76. Стр. 163. «Говоря о второй причине, которой я приписал повышение ренты, г-н Рикардо замечает, что «никакое падение заработной платы не может привести к повышению ренты: такое падение не уменьшит ни той части продукта, которая достанется вместе и фермеру и рабочему, ни её стоимости». Но, спрошу я в свою очередь, что станется в конце концов с высокой реальной заработной платой в Америке? Перейдёт ли она к прибыли или к ренте? Если бы рабочие получали постоянно стоимость бушеля пшеницы в день, то только наиболее плодородные участки могли бы вынести издержки по обработке земли. Увеличение населения и понижение заработной платы стали бы безусловно необходимыми, чтобы можно было обрабатывать бедные участки. Как можно поэтому говорить, что понижение заработной платы не составляет одной из причин повышения ренты?»

Г-н Мальтус спрашивает меня, что станется в конце концов с высокой реальной заработной платой в Америке? Я отвечаю, что она вместе со всем почти остатком прибавочного продукта перейдёт к ренте. Но вопрос в том, каковы те последовательные этапы, какими она придёт к ренте. Во-первых, при падении заработной платы повысится прибыль. Высокая прибыль ведёт к новым накоплениям, новые накопления — к увеличивающемуся спросу на труд, к росту населения, к обработке более бедных земель и в конце концов к повышению ренты.

Г-н Мальтус готов перепрыгнуть через все эти промежуточные этапы и заставляет читателя прийти к заключению, что всякое падение заработной платы и следствия всякого улучшения в обработке земли сейчас же переносятся на ренту. В этом случае я изображаю землевладельцев в более благоприятном свете, чем делает это г-н Мальтус.

77. Стр. 163. «В земледелии это * достигается путём уменьшения продукта, полученного при помощи одного и того же капитала без пропорционального изменения части, которая поглощается рабочими; это оставляет меньшую сумму для прибыли, и в то же время реальная заработная плата рабочего уменьшается. Очевидно, однако, что если меньшее количество предметов первой необходимости, полученных путём приложения данного капитала к земледелию, было достаточно, чтобы удовлетворить нужды капиталиста и рабочего, то издержки обработки понизятся; можно будет при этом новом уровне заработной платы и прибыли обрабатывать более бедные участки, и повысится рента с земель, уже находившихся в обработке».

Это правильно при условии, что существует спрос на продукт, — это безусловно существенно для расширения обработки. Одно только количество продукта не будет компенсировать производителя.

78. Стр. 163. «Третья из перечисленных причин, содействующая повышению ренты путём снижения издержек обработки по сравнению с ценой продукта, заключается в тех усовершенствованиях в земледелии или в таком умножении усилий, следствием которых будет уменьшение числа рабочих, необходимого для достижения определённого результата».

Здесь издержки производства сравниваются с ценой продукта. Это предполагает соответствующий спрос на продукт. Спорный вопрос сочтён решённым.

79. Стр. 163. «Если введённые усовершенствования носят такой характер, что значительно понижают издержки производства, несколько не увеличивая количества продукта, то в этом случае, поскольку бесспорно не произойдёт никаких изменений в цене хлеба, чрезмерные прибыли фермеров скоро уменьшатся вследствие конкуренции капиталов в промышленности и торговле; а так как вся сфера приложения капиталов скорее уменьшится, чем увеличится, прибыль в земледелии, так же как и в других отраслях, скоро вернётся к прежнему уровню, а прибавочный продукт, увеличившийся благодаря понижению издержек обработки, пойдёт на увеличение ренты землевладельцев».

Каким образом могут быть снижены издержки производства без увеличения количества продукта или без понижения цены? Такое предположение заключает в себе противоречие.

Промышленники получают низкую прибыль, а фермеры — высокую, что же может сблизить их прибыли? Понижение цены хлеба, которое непременно будет осуществлено без

* Понижение прибыли. — Ред.

приложения нового капитала к земле. Что означает усовершенствование? Я не понимаю значения этого слова, если оно не означает, что при помощи такого же количества труда * может быть получено большее количество продукта; хотя в этом случае цена продукта упала бы, прибыль повысилась бы, потому что весь продукт при низкой цене будет стоить больше, чем весь прежний продукт при более высокой цене.

Но издержки на труд понизятся вместе с падением цены хлеба, и вследствие этого прибыль установится в конечном счёте на определённом соотношении между хлебом, затраченным на заработную плату, и полученным хлебом. Как могла бы повыситься рента? Может ли что-нибудь повысить ренту, кроме введения в обработку более бедных земель? Но ведь вы можете взять более бедные земли в обработку, потому что прибыль стала выше! Верно, можете, но сделаете ли вы это, пока не увеличится население, если увидите, что именно усовершенствование дало вам такое дополнительное количество продукта, что у вас появится побуждение изъять капитал из земледелия и перевести его в промышленность? Но каким образом увеличилась бы прибыль в промышленности? Вследствие падения цены труда; промышленные товары обладали бы по отношению друг к другу и к деньгам такой же меновой стоимостью, как прежде, но производство их удешевилось бы. Мой вывод поэтому прямо противоположен выводу г-на Мальтуса: прибыль на весь капитал, занятый в земледелии и промышленности, была бы высока, а рента вместо повышения упала бы, потому что в землю не только не мог бы быть дополнительно вложен капитал, но, по всей вероятности, он был бы изъят из земледелия.

80. Стр. 164. «Но если эти усовершенствования, как и должно быть, облегчают обработку новых земель и улучшают обработку старых при прежнем капитале, на рынок будет доставляться, несомненно, больше хлеба; это понизит его цену, но понижение будет только кратковременным».

Я уже ответил на это.

81. Стр. 165. «Способность средств существования при надлежащем их распределении создавать для себя спрос целиком доказывается тем осязаемым фактом, что меновая стоимость хлеба, оцениваемая по количеству труда и других товаров, которые он может купить, по меньшей мере не понижается, несмотря на значительные и многочисленные усовершенствования, последовательно введённые в земледелии либо в виде лучших орудий, либо в виде усовершенствованной системы обработки земли. На деле все эти усовершенствования целиком пошли на повышение ренты и уплату налогов».

* В рукописи первоначально было: «при помощи такого же капитала». — *Прим. англ. ред.*

Доказательство поистине далеко не удовлетворительное. Чтобы доказать, что хлеб создаёт для себя спрос, говорится, что заработная плата не претерпела существенных изменений. Это отнюдь не доказывает, что хлеб создал для себя спрос, как не доказывает, что лица, предъявляющие спрос на хлеб, вырастили его или были причиной того, что хлеб был выращен.

82. Стр. 165. «Можно прибавить, что, когда в отдельных округах вводятся усовершенствования, содействующие понижению издержек производства, вытекающие из них выгоды при возобновлении арендных договоров обращаются непосредственно на пользу землевладельцам, так как прибыли на капитал необходимо регулируются конкуренцией соответственно средней прибыли для страны в целом. Так, все крупнейшие усовершенствования в земледелии в некоторых частях Шотландии, севера Англии и графства Норфолк чрезвычайно повысили ренту в этих округах, оставив прибыль на прежнем уровне».

Это должно зависеть от степени усовершенствования земледелия в этих округах. Если предложение из этих округов сильно увеличилось бы, рента могла бы быть повышена при возобновлении арендных соглашений, но она в общем понизилась бы в других местах, как и цена хлеба, так как худшая земля была бы изъята из обработки.

83. Стр. 167. «Если у соседних народов возникнет значительный и постоянный спрос на сырьё какой-либо страны, цена этого сырья, конечно, значительно повысится; а так как издержки обработки повышаются лишь медленно и постепенно, пока будет достигнута та же пропорция, цена продукта может в течение долгого времени держаться настолько высоко, что могла бы служить могущественным стимулом для усовершенствований в земледелии и содействовать вложениям более значительного капитала для поднятия нови и повышения производительности старых участков. Если, однако, спрос будет продолжаться, цена труда в конце концов повысится до прежнего уровня сравнительно с ценой хлеба; могло бы также произойти в общем определённое понижение стоимости денег вследствие обильного вывоза сырья; труд стал бы чрезвычайно производительным, в том смысле, что на него можно было бы купить все иностранные товары, и рента могла бы повыситься без понижения прибыли или заработной платы».

Цена хлеба временно поднялась бы очень высоко, но будет ли это повышение постоянным, зависит от качества земли, с которой получалось бы дополнительное количество хлеба.

Если бы эта земля была не хуже той, которая уже находится в обработке, цены в конце концов сравнялись бы со старыми ценами, а прибыли были бы выше прежнего только временно. Но если бы в обработку взята была худшая земля, цена хлеба повысилась бы, а прибыль была бы постоянно ниже. Я не знаю, как может произойти какое-либо падение стоимости денег, но думаю, что г-н Мальтус назвал бы падением стоимости денег то, что я называю только повышением цены товара. Всякое повышение цены хлеба он называет падением стоимости

денег, хотя бы деньги обменивались на такое же точно количество всякого другого товара, как и прежде; я назвал бы это повышением цены хлеба без малейшего изменения в стоимости денег. Я считаю, что стоимость денег падает только в том случае, когда деньги обмениваются на меньшее количество всех других предметов, а не тогда, когда они обмениваются на меньшее количество одного предмета или двух, или дюжины предметов. Здесь существует отчётливое, не предусмотренное терминологией г-на Мальтуса, различие между повышением стоимости товара и падением мерила, в котором оценивается стоимость. Г-н Мальтус согласился бы, что если спрос на шляпы удваивается, то хотя они сначала повысятся в цене, но в конце концов будут доставлены в требуемом количестве по старым ценам, если только не повысятся издержки производства; почему же это должно быть иначе с хлебом? Г-н Мальтус заканчивает цитируемое место, говоря, что труд стал бы весьма производителен, поскольку речь пойдёт о покупке всех иностранных товаров, а рента могла бы повыситься без падения прибыли или заработной платы. По моему мнению, можно доказать, что рента не могла бы повыситься даже в условиях этого возросшего спроса, если только не понизились издержки производства или не потребовалась обработка новых земель низшего качества для обеспечения необходимого предложения.

84. Стр. 167. «Уровень денежных цен и быстрый прогресс земледелия в Северной Америке наглядно иллюстрируют сделанное нами предположение. Цена пшеницы в восточных штатах почти так же высока, как во Франции и Фландрии, и благодаря продолжающемуся спросу на рабочие руки денежная цена рабочего дня там почти вдвое больше, чем в Англии. Но эта высокая цена хлеба и труда дала фермерам и рабочим большие возможности в деле покупки за границей одежды и всякого рода предметов первой необходимости или удобств».

Здесь смесь фактов и аргументов. Что касается фактов, то я должен полагаться на авторитет г-на Мальтуса. Признаюсь, что они мне кажутся весьма необычными, и я не могу не заподозрить какой-то ошибки в его заявлении. «Цена пшеницы в восточных штатах почти так же высока, как во Франции и Фландрии, и благодаря продолжающемуся спросу на рабочие руки денежная цена рабочего дня там почти вдвое больше, чем в Англии». Тогда земля должна быть производительнее больше чем вдвое при том же количестве затраченного на неё труда или прибыль в этих штатах должна быть ниже, чем в Англии, так как цена продукта значительно ниже во Франции и Фландрии, чем в Англии.

Несомненно верно, что, если страна должна платить известную денежную цену за иностранные предметы первой необходимости и удобства, в её интересах продавать экспортируемый ею товар по высокой, а не по низкой цене; желательно, чтобы

за данное количество её собственного товара она получила в обмен большое, а не малое количество иностранных товаров, но я совершенно не в состоянии представить себе, каким образом нация может так регулировать свои дела, чтобы достичь этого средствами, имеющимися в её распоряжении. Всякая торговля в действительности есть товарообмен; и если в силу каких-либо законов можно так распределять или накапливать деньги, что цены экспортных товаров повысятся, это повысит также цены импортных товаров. Таким образом, будет ли стоимость денег высока или низка, это не повлияет на внешнюю торговлю, так как данное количество отечественного товара будет во всяком случае обмениваться на данное количество иностранного товара *. Если цена экспортного товара (пшеницы) была в восточных штатах низка, тогда как иностранный товар продавался по высокой цене, эти штаты не процветали бы в такой степени, потому что они не совершали бы столь выгодных сделок. Это кажется мне главным содержанием замечаний г-на Мальтуса. Если бы страны были властны регулировать цены, все они продавали бы товары по высоким ценам и покупали бы по низким.

85. Стр. 168. «Последствия такого же рода ** имели место в нашей собственной стране в результате подобного спроса на хлеб в течение двадцати лет, с 1793 до конца 1813 г., хотя этот спрос объяснялся другими причинами. В продолжение некоторого времени перед войной, начавшейся в 1793 г., мы имели обыкновение ввозить известное количество иностранного хлеба для обеспечения своего обычного потребления. Война, естественно, повысила издержки по снабжению хлебом в силу увеличения расходов на фрахт, страхование и т. д.; всё это в соединении с несколькими неурожайными годами и с позднейшими декретами французского правительства в чрезвычайной степени повысило цену, по которой можно было ввозить хлеб в количестве, достаточном для удовлетворения спроса...

Цена хлеба держалась на высоком уровне до тех пор, пока для удовлетворения существующего спроса нужно было ввозить хотя бы минимальное количество иностранного хлеба, который можно было получить только по очень высокой цене. При такой высокой цене, поднявшейся в определённый период почти втрое в бумажных деньгах и более чем вдвое в золоте по сравнению с довоенными ценами, было совершенно невозможно, чтобы цена труда не повысилась почти в такой же пропорции, а вместе с тем и цены всех продуктов, в которые входила цена труда, поскольку прибыль не испытала понижения.

Таким образом, у нас произошло всеобщее повышение товарных цен или понижение стоимости драгоценных металлов в сравнении с другими странами, и мы могли выдержать его только вследствие увеличения нашей внешней торговли и обилия предметов вывоза...

* В рукописи конец этого предложения, начиная со слов «так как», первоначально был следующий: «за данное количество отечественного товара не будет получено ни больше, ни меньше иностранного товара». — *Прим. англ. ред.*

** Продолжение предшествующей цитаты. — *Ред.*

Итак, очевидно, что понижение стоимости драгоценных металлов, начинающееся с повышения цены хлеба, имеет сильную тенденцию, пока оно держится, содействовать обработке новых земельных участков и создавать более высокую ренту.

Цена зерна в Англии повысилась в результате двух причин: одна, общая и для всех других товаров, — падение стоимости мерила, в котором исчислялась цена; это повышение было чисто номинальным и было вызвано обесценением бумажных денег; другой причиной, как констатирует г-н Мальтус, были возросшие издержки по ввозу хлеба. При сравнении издержек возделывания хлеба и издержек по ввозу его найдено было, что производство хлеба обходится дешевле ввоза, но при данных издержках было получено хлеба меньше, чем мы могли ввозить прежде, и постольку это изменение было для Англии крайне невыгодно. Действительно, в течение известного времени в силу настоятельности спроса на этот предмет первейшей необходимости цена его на рынке могла удерживаться на уровне, значительно превосходящем его издержки производства или естественную цену, и в продолжение такого периода прибыль в земледелии может быть высока; но было бы очень неосторожно выводить из такого обстоятельства общее правило, что такой переход от импорта хлеба к возделыванию его в стране не по собственному выбору, а по необходимости, якобы не был во вред интересам страны, так как следует помнить, что эти высокие прибыли были получены только за счёт потребителя и могли быть получены только за его счёт.

Но кажется, будто мы получили компенсацию благодаря общему повышению цен наших товаров! Чем было вызвано это общее повышение? Не тем, что мы возделывали свой собственный хлеб, — это может повысить цену хлеба, но не повысит цену какого-либо другого товара *. Цена хлеба повышается в сравнении с другими товарами вследствие возросшей трудности его производства.

Предположим, что стоимость денег в настоящее время падает, тогда повысятся цены не только товаров, но и хлеба; но это повышение цены хлеба совершенно независимо от прежнего. Первое повышение вызвано трудностью производства и ограничивается хлебом и земледельческими продуктами; второе объясняется понижением стоимости денег и является общим для всех товаров. Это второе повышение только номинально, и если бы оно было вызвано обесценением бумажных денег, которое имеет место только в нашей стране, то, хотя товары и хлеб могут повыситься в цене на 20%, цена слитков также повы-

* В рукописи дальше вычеркнуты слова: «а падением стоимости денег». — *Прим. англ. ред.*

сится в такой же степени, и вексельный курс будет соответственно невыгоден для нас, поэтому при всех наших сделках * с иностранцами мы покупаем у них так же дорого и продаём им так же дёшево, как если бы такого повышения не было. Что рента повысится, когда мы прекратим ввоз хлеба, — это как раз то, чего следовало ожидать; поступят в обработку худшие земли, что не преминет повысить ренту.

Особые условия, в которые мы были поставлены, понизили, по мнению г-на Мальтуса, стоимость драгоценных металлов в нашей стране по сравнению с их стоимостью в других странах. Деньги тогда обесценились, потому что имели не одинаковую стоимость со слитками, но вдобавок стоимость их была ещё ниже, чем прежде, по сравнению с товарами, потому что сравнительная стоимость слитков** была ещё ниже. Так вот, я всегда понимал, что в дискуссии по вопросу о слитках г-н Мальтус занимал среднюю позицию и приписывал видимое падение стоимости бумажных денег частью действительному падению стоимости бумажных денег и частью действительному повышению стоимости мерила (слитков), с которым сравнивали бумажные деньги. Он говорил, что торговцы отчасти правы, потому что разница между слитками и бумажными деньгами вызвана была частично повышением цены слитков, буллионисты*** были также отчасти правы, потому что разница вызывалась также и падением курса бумажных денег; теперь же он говорит нам, что цена слитков понизилась в нашей стране, и что, следовательно, буллионистам вряд ли удалось бы довести свою аргументацию до конца. Как согласует он выраженное в этой цитате мнение с тем мнением, которое он выразил на стр. 6 того же произведения: «Я всегда думал, что последняя дискуссия по вопросу о слитках представляла замечательный пример ошибки этого рода. Поскольку у каждой стороны была собственная теория, объяснявшая неблагоприятное состояние вексельного курса и превышение рыночной цены слитков над их монетной ценой, каждая из сторон держалась той точки зрения, которую привыкла считать правильной; вряд ли можно

* Начало этого абзаца вписано Рикардо взамен следующих строк: «Затем повышаются цены товаров, а цена хлеба повышается ещё больше благодаря падению стоимости денег; в том случае, если это падение ограничивается бумажными деньгами и не распространяется на слитки, его называют обесценением денег. Но такое повышение только номинально; если цены товаров повышаются на 20%, то мы теряем 20% на вексельном курсе, а слитки идут с премией в 20%, так что во всех наших сделках...». — *Прим. англ. ред.*

** По отношению к товарам. — *Ред.*

*** Т. е. сторонники золотослиткового обращения, от английского слова «bullion» — слиток золота или серебра. — *Ред.*

указать хотя бы одного автора, склонного допустить обе теории». Какие же это были теории? «Цена слитков не изменилась, утверждала одна сторона, и изменение цены золота вызывалось падением стоимости бумажных денег». «Стоимость бумажных денег не изменилась, утверждала другая сторона, и изменение цены золота вызвано было повышением стоимости золота». Истина лежит посредине, говорил г-н Мальтус, а теперь он не только утверждает, что стоимость золота не повысилась, как доказывали, по моему мнению, ошибочно, некоторые буллионисты, но настаивает на том, что стоимость золота в действительности понизилась.

86. Стр. 172. «Г-н Рикардо признаёт, что, когда падает стоимость денег, облагаемые товары дорожают не в такой же пропорции, как другие; и если предположить, что обесценение денег ограничивается одной страной, бесспорно должно будет сказать то же самое о всех разнообразных товарах, которые ввозятся целиком или частью из-за границы и из числа которых многие составляют часть капитала фермера. Поэтому фермер должен увеличить свои ресурсы благодаря повышению денежной цены хлеба сравнительно с ценою этих товаров. В действительности обесценение денег не может ограничиться одной страной при отсутствии особых, свойственных ей преимуществ в отношении экспорта; но, когда страна обладает этими преимуществами, что, как известно, нередко встречается, причём эти преимущества часто увеличиваются благодаря поощрениям, обесценение денег, вероятно, будет постоянно способствовать обработке более бедных участков и повышению ренты. Следовательно, каждый раз, когда в силу указанных четырёх причин * увеличивается разница между ценой продукта и стоимостью орудий производства, рента будет повышаться».

С этим взглядом я частично согласен, но необходимо понять, в чём именно заключается это особенное преимущество. Конкуренция внутри страны будет поддерживать цены наших товаров на таком уровне, который даёт нам возможность продавать их, но эта цена может быть, в особенности по отношению к немногим товарам, гораздо ниже, чем цены, по которым иностранцы могут их производить, и поэтому, если они не смогут получать их по нашим низким ценам, они будут охотно платить за них более высокую цену. Большая лёгкость в производстве хлопчатобумажных изделий, с которой не могут, пожалуй, состязаться другие страны, дала бы нам возможность требовать за них более высокую цену, если бы не внутренняя конкуренция. Мы можем, кроме того, владеть очень производительными рудниками, и стоимость добываемого из них металла может, в силу той же причины, понизиться ниже той стоимости, которую охотно дали бы за него иностранцы. Какие же средства имеются в нашем распоряжении, чтобы требовать более высокую цену за эти особенные товары? Одно из них очевидно, и эффект его несомненен. Правительство может

* См. цитаты Мальтуса в примечаниях 71, 72, 73. — Ред.

обложить вывоз таких товаров пошлиной, которая не преминет повысить их цену для иностранного потребителя без всякого ущерба для отечественного промышленника.

Есть и другой метод, эффект которого, однако, сомнителен. Именно на этот метод и ссылается г-н Мальтус.

При помощи ограничений ввоза хлеба, говорят, будет дан большой стимул ввозу слитков, что приведёт к понижению их стоимости по сравнению с хлебом и трудом и к повышению цен всех производимых в стране товаров. Естественная цена всех этих товаров также повысится, в то время как естественная цена всех иностранных товаров не испытает повышения; напротив, так как слитки будут присылаться из других стран и стоимость их повысится, естественная цена товаров в этих странах понизится, и, таким образом, во внешней торговле, которая всегда в конечном счёте представляет товарообмен, мы получим большее количество иностранных товаров в обмен на данное количество наших. Так вот, правильность этого аргумента зависит от того, будет ли низкая сравнительно с хлебом и трудом стоимость денег, свойственная одной стране, неизбежно сопровождаться низкой стоимостью денег сравнительно с другими товарами; повысит ли она, короче говоря, естественную цену наших собственных товаров, так как только в этом случае мы можем выиграть. По той причине, которую мы теперь обсуждаем, стоимость денег, думается мне, не может понизиться до такой степени по отношению к нашим отечественным товарам, если только наш спрос на товары других стран до некоторой степени не исчерпан, и мы поэтому отказываемся брать в дальнейшем их товары в обмен на наши, в то время как они желают брать наши товары в обмен на свои. В этом случае деньги будут ввозиться в необычайном количестве, так как это — единственное условие, на котором иностранцы могут получить требуемое количество английских товаров, и, следовательно, цены последних повысятся. В то же время произойдёт дальнейшее повышение цен хлеба и труда; в первый раз они повысились в результате возросшей трудности производства хлеба, а во второй — в результате возросшего количества денег и низкой их стоимости. При таких условиях, несомненно, верно, что, если при отказе ввозить такой ценный товар, как хлеб, место его не может быть занято другими товарами иностранного производства и если у нас существуют особенно благоприятные условия для производства товаров, пользующихся всеобщим спросом, меновая торговля, или внешняя торговля, будет особенно благоприятна для Англии.

Мы будем продавать наши товары по высокой денежной цене и покупать иностранные товары по низкой денежной цене, но очень сомнительно, не будет ли это преимущество куплено

во много раз дороже, чем оно стоит, так как, чтобы получить его, мы должны мириться с сокращением производства отечественных товаров, с высокой ценой труда и низкой нормой прибыли.

Такая жертва во всех отношениях непростительна, если, как я показал, той же выгоды можно добиться без запрещения ввоза иностранного хлеба, путём одного лишь обложения пошлиной вывоза тех товаров, в производстве которых мы либо имеем особенную сноровку, либо пользуемся особыми преимуществами благодаря климату или географическому положению.

Мы не должны также забывать, что при введении ограничений на ввоз хлеба сомнительно, достигается ли вообще какое-либо преимущество, потому что, как я сказал выше, слитки не будут ввозиться и их общая стоимость в нашей стране не будет понижаться, пока мы будем расположены принимать иностранные товары в уплату за наши собственные товары.

Вся аргументация предполагает, кроме того, что у нас есть товары, обладающие большой стоимостью во внешней торговле, но сохраняющие низкую стоимость в силу внутренней конкуренции.

Если, таким образом, моё положение правильно, предложение г-на Мальтуса носит чересчур общий характер, потому что стоимость денег может быть и часто бывает особенно низка сравнительно с хлебом и трудом в одной стране, не будучи в то же время низкой в сравнении со всеми другими товарами; в этом случае нет никакого преимущества в том, чтобы компенсировать высокую стоимость хлеба и труда вывозом других товаров *.

Что же именно даёт восточным штатам Америки преимущество, приписываемое частичному падению стоимости денег? То ли, что хлеб их почти так же дорог, как в Европе, а заработная плата рабочих вдвое выше, чем в Англии? Эти условия не особенно благоприятны для вывоза производимого ими продукта.

Отнюдь не падение стоимости денег, а только повышение стоимости хлеба вызовет обработку более бедных земель.

87. Стр. 173. «Нет, однако, никакой необходимости, чтобы все указанные четыре причины действовали одновременно; необходимо только, чтобы упомянутая здесь разница продолжала увеличиваться. Если, например, цена продукта поднимается, тогда как заработная плата

* Весь текст примечания 86, кроме двух последних абзацев, в рукописи заменяет следующую первоначальную редакцию:

«С этим мнением я полностью согласен, но не опровергает ли оно теорию г-на Мальтуса, разъясняемую им на последних четырёх страницах? Каковы были в сравнении с прежними те преимущества, которыми Англия пользовалась в течение 20 лет — с 1793 по 1813 г. — вследствие того, что была вынуждена выращивать свой хлеб? Каковы были эти преимущества, если именно этому обстоятельству г-н Мальтус приписывает частичное падение стоимости денег в Англии?» — *Прим. англ. ред.*

рабочих и цены товаров в других отраслях не повышаются в той же пропорции, и в то же время в земледелии начинают применяться новые усовершенствованные методы, очевидно, что эта разница может увеличиться, хотя прибыль капитала, вложенного в земледелие, не только не уменьшится, но должна будет даже решительно повыситься».

В этом случае * должны совместно действовать две или три причины, чего обычно не случается в одно и то же время. У нас должны быть усовершенствованные методы земледелия, что, конечно, увеличит количество продуктов, получаемых при помощи данного количества труда; и всё же рабочий получит меньше продуктов, даваемых ему в качестве заработной платы. У нас будет тогда возросшее количество при уменьшении потребления и более высокой цене — всё это такие вещи, которые я не знаю, как согласовать.

88. Стр. 174. «Из большого добавочного капитала, вложенного в земледелие в Англии в течение последних двадцати лет, наибольшая часть, вероятно, была создана в земледелии, а не доставлена из промышленности или торговли. И, бесспорно, столь быстрое и выгодное накопление стало возможным лишь благодаря высоким прибылям капитала в земледелии, создавшимся в результате усовершенствованных методов земледелия и постоянного повышения цен, за которым последовало соответственное, но медленное повышение цен предметов, составляющих вещественный капитал фермера.

В этом случае обработка земли расширялась и рента повышалась, хотя один из агентов производства, т. е. капитал, вздорожал».

Не следует предполагать на основании чего-либо сказанного мною, будто я отрицаю возможность повышения ренты, хотя прибыль может быть не ниже, чем в предшествовавший период, когда рента была ниже. Я говорю только следующее: усовершенствования в земледелии повышают прибыль, население возрастает, обработка земли расширяется и рента повышается; прибыль тогда падает, может быть, не до такого низкого уровня, какой существовал прежде, а может быть, и ниже; но прибыль представляет тот фонд, из которого берётся всякая рента. Нет такой ренты, которая в какое-то время не составляла бы прибыли.

89. Стр. 174. «Но как только вследствие действия одной или нескольких причин, о которых мы упоминали, орудия производства становятся дешевле и разница между ценой продукта и издержками обработки увеличивается, рента, естественно, повышается. Из этого вытекает как прямое и необходимое следствие, что никогда не может быть выгодно обрабатывать новые менее плодородные участки, пока не повысится рента или пока это повышение не сделалось возможным для уже обрабатываемых земель».

Но это повышение ренты отнюдь не необходимо; стоимость прибавочного продукта возрастает, и разница может быть

* В первоначальной редакции это примечание начиналось словами: «Это было бы к всеобщей выгоде». — *Прим. англ. ред.*

прибавлена к прибыли. Все другие прибыли должны возрасти в то же время.

90. Стр. 175. «Точно так же верно, что без этой тенденции к повышению ренты не может быть выгодно затрачивать новый капитал на улучшение старых земель, по крайней мере при предположении, что всякая ферма уже снабжена всем капиталом, какой может быть употреблён с выгодой соответственно существующей норме прибыли».

Я вполне согласен почти со всем, что г-н Мальтус говорит на этой и последующих страницах до конца отдела. Мы пришли бы к соглашению относительно конечных результатов, но мы значительно расходимся во взглядах на те меры, при помощи которых эти конечные результаты могут быть достигнуты.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

О причинах, способствующих понижению ренты

91. Стр. 178. «Причины, вызывающие понижение ренты, как и следовало ожидать, носят совершенно иной характер, чем те, которые вызывают её повышение: таковы уменьшение капитала, сокращение населения, плохая система земледелия и низкая рыночная цена сырья. Всё это показатели нищеты и упадка, и они неизбежно связаны с забрасыванием худших земельных участков и непрерывным ухудшением земель лучшего качества».

Не все причины понижения ренты являются показателями нищеты и упадка. Разрешение свободного ввоза хлеба понизило бы ренту, но не было бы признаком нищеты и упадка. Непрерывные усовершенствования в земледелии могли бы вывести земли из обработки на ряд лет, пока численность населения не достигнет такого уровня, что для его снабжения потребуется расширить обработку земли. Это вовсе не признак упадка. Переход к более дешёвой пище привёл бы к сокращению обрабатываемой площади, но не обязательно сопровождался бы нищетой, потому что люди смогли бы предъявить больший спрос на предметы одежды и обстановки и тратить на эти предметы комфорта средства, которые сберегались бы на покупке пищи. Это не было бы ни нищетой, ни упадком.

92. Стр. 179. «Можно также констатировать, что понижение цены хлеба, кончающееся повышением стоимости денег, должно согласно тем же принципам действовать изъятию из обработки некоторых земельных участков и понижению ренты».

Нет необходимости повторять мои возражения против этой теории. Я допускаю, конечно, что если падение цен было вызвано свободным доступом иностранного хлеба, то рента понизилась бы; это было бы, по моему мнению, не злом, а благом.

Если бы падение цен было вызвано повышением стоимости денег, то оно оказало бы одинаковое воздействие на всё и было бы убыточно лишь постольку, поскольку увеличило бы тягость обложения. Однако это убыточно не для всех — держатель ценных бумаг выигрывает то, что теряют другие классы, и может, если ему угодно, воспользоваться этим с выгодой для себя. Сделает он это или нет, дело вкуса. Мне неясно, почему изменение стоимости денег должно привести к обеднению государства, к оставлению земли без обработки или к уменьшению хлебной ренты, ренты, измеряемой стандартом г-на Мальтуса.

93. Стр. 181. «Точно так же, когда продукт страны* падает и рента понижается, из этого не следует, что все орудия производства неизбежно должны подорожать. В естественном ходе упадка прибыли на капитал обязательно будет низкой, потому что именно отсутствие достаточных доходов служит причиной этого упадка. После того как капитал уменьшен, прибыли могут повыситься, а заработная плата рабочих — понизиться, но низкая цена сырья в соединении с высокой прибылью на ограниченный капитал могут более чем уравновесить низкую заработную плату и сделать невозможной обработку земель, требующих крупного капитала».

Всякая верная теория привела бы к прямо противоположному заключению. Труд был бы дешевле, потому что население неизбежно стало бы избыточным. Продукт был бы дорог по сравнению с трудом, потому что вследствие уменьшения капитала производство сократилось бы, но прежнее число людей было бы готово работать. Рента была бы низка, потому что обрабатывались бы только лучшие земли. Что может быть более благоприятно для высокой прибыли, чем низкая заработная плата и низкая рента?**. Следует также помнить, что и ту и другую следует оценивать в мериле г-на Мальтуса, в труде, который они могли бы тогда купить в большом количестве.

94. Стр. 182. «Если изложенное здесь учение о законах, регулирующих повышение и понижение ренты, близко к истине, то должно быть очень далеко от истины учение, утверждающее, что обработка земли приносила бы капиталу такую же выгоду даже в том случае, если бы сельскохозяйственный продукт продавался по цене, приносящей меньший чистый прибавочный продукт».

Общество заинтересовано в получении с земли большого чистого прибавочного продукта; оно заинтересовано также в том, чтобы этот большой чистый прибавочный продукт продавался по низкой цене. Если хлеб продаётся по низкой цене, это дока-

* Имеется в виду продукт, полученный от сельского хозяйства. — *Ред.*

** Первоначально были добавлены слова «и высокие цены?», затем заменённые словами «и весь продукт высокой стоимости?»; позже эти слова также были вычеркнуты. — *Прим. англ. ред.*

зательство того, что прибыль высока на участках земли, последними поступивших в обработку. Если хлеб продаётся по высокой цене, то так же ясно, что прибыли сравнительно низки и что высокая цена есть средство, при помощи которого потребитель хлеба обеспечивает ренту для землевладельца.

Землевладелец не может регулировать это; он не может сделать землю, поступившую в обработку последней, беднее, чем его собственная, и потому он является пассивным орудием; но всё же только благодаря этому обстоятельству деньги переходят из карманов потребителей в карманы землевладельцев. Благосостояние людей растёт пропорционально повышению уровня производительности земли, поступившей в обработку в последнюю очередь. Их благосостояние повышается потому, что они могут покупать то же количество продукта по более дешёвой цене — иначе говоря, с затратой меньшего количества труда или за продукт меньшего количества своего труда. Благосостояние капиталистов повышается потому, что с удешевлением продуктов питания снизится и заработная плата. Низкая заработная плата — только другое название для высоких прибылей.

95. Стр. 182. «Что касается моих собственных убеждений, то я нисколько не сомневаюсь в следующем: если бы под впечатлением того, будто создающая ренту высокая цена сырья столь же убыточна для потребителей, сколь выгодна для землевладельцев, богатая и процветающая страна решилась бы издать законы, чтобы понижать цены продуктов, пока нигде не осталось бы никакого излишка в форме ренты, это неизбежно привело бы к отказу от обработки не только всех малоплодородных земель, но и всех земельных участков, кроме наилучших; производство и население этой страны были бы, вероятно, сведены меньше чем к одной десятой прежнего размера».

Как * может г-н Мальтус давать такое толкование слову «убыточный»? Моё мнение таково, и я убеждён, что таково также мнение всех других джентльменов, пользовавшихся этим словом, что рента не есть чистый выигрыш для страны, — она необходима для нынешнего снабжения хлебом, но извлекается из фонда, который должен уменьшаться, если она возрастает.

О Т Д Е Л П Я Т Ы Й

Зависимость фактического количества доставляемого землёй продукта от существующих рент и цен

96. Стр. 183. «...Цена хлеба во всякой развивающейся стране должна быть приблизительно равна издержкам производства на худших из обрабатываемых земель плюс рента, которую эти земли приносили бы в своём естественном состоянии, или эта цена должна быть равна издерж-

* Первоначально это примечание начиналось словами: «Таково и моё убеждение», позже вычеркнутыми. — *Прим. англ. ред.*

кам, необходимым для извлечения из старых участков добавочного продукта, причём этот добавочный продукт принесёт только обычный процент на капитал при небольшой ренте или без неё».

Почему при небольшой ренте? Никакая рента не будет уплачиваться за дополнительный капитал, вложенный в старую землю. Г-н Мальтус отказывается допустить, что может возделываться какой-либо хлеб, в который рента не будет входить как составная часть. Если верно, что небольшая рента будет уплачиваться за последнюю часть капитала, вложенного в старую землю, то он прав; если же никакая рента не будет уплачиваться за эту часть капитала, он должен признать свою ошибку. Поэтому я желал бы, чтобы он привёл свои доказательства в пользу предположения, что какая-либо рента будет уплачиваться за капитал, употреблённый таким образом.

Г-н Мальтус, мне кажется, сам отказывается от своего положения в следующем параграфе, так как говорит, что «каждому фермеру, располагающему капиталом, всегда будет выгодно вложить его в свою землю, если получаемый от этого добавочный продукт целиком оплатит прибыль на его капитал, хотя он ничего не даёт землевладельцу». Таким образом, может быть получен некоторый добавочный продукт, который не приносит землевладельцу ренты. При рассмотрении принципов налогового обложения эта доктрина имеет очень большое значение и действительно очень существенна для всех частей науки политической экономии *.

97. Стр. 184. «Итак, отсюда следует, что цена хлеба по отношению ко *всему произведённому количеству* есть цена естественная, или необходимая, т. е. цена, необходимая для получения существующего количества продуктов; однако безусловно большая часть хлеба продаётся по цене значительно более высокой, чем необходимо для производства, потому что часть эта произведена с меньшими издержками, тогда как её меновая стоимость не испытывает никакого уменьшения».

Следовало бы сказать: «произведена с такими же издержками, тогда как её меновая стоимость значительно возрастает».

98. Стр. 184. «Разница между ценой хлеба и ценой промышленных продуктов, поскольку речь идёт о цене естественной, или необходимой, заключается в следующем: если цена какого-либо промышленного продукта существенно понижается, вся соответствующая отрасль промышленности будет совершенно разорена; между тем, если существенно понизится цена хлеба, уменьшится только *количество* последнего. В стране останется какой-то механизм, способный всё же посылать на рынок этот товар по пониженной цене».

Это замечание, а также замечания на ближайших двух страницах превосходны.

* Последним предложением заменена следующая первоначальная редакция: «Что касается налогового обложения, эта доктрина имеет важнейшее значение». — *Прим. англ. ред.*

99. Стр. 187. «В этих случаях ясно, что рента не регулируется различным качеством земель или различными количествами продукта, полученными от приложения капитала к одной земле; это был бы слишком общий вывод из теории ренты, если бы мы вместе с г-ном Рикардо пришли к заключению, что «рента всегда платится за пользование землёй только потому, что количество земли не бесконечно, а качество её неодинаково, с ростом же населения в обработку поступает земля низшего качества или расположенная менее удобно» *).

Рента в этом случае регулировалась бы различными количествами продукта, полученными от приложения капитала к одной и той же земле. С повышением цены продукта было бы выгодно вложить в землю несколько больший капитал с прибылью меньшей, чем приносил прежде вложенный капитал; это вложение капитала было бы ограничено спросом на хлеб, и, естественно, было бы выбрано наиболее благоприятное местоположение участка. Я не вижу, почему мой вывод является слишком общим, в особенности если вспомнить моё обычное утверждение, что одной из главных причин ренты является приложение добавочного капитала к старой земле без такой же большой прибыли, как с капитала, затраченного прежде.

100. Стр. 188. «С прогрессом земледелия, по мере того как поступают в обработку всё более и более бедные земли, величина нормы *прибыли* должна быть ограничена производительной силой земель, последними поступивших в обработку, как будет показано в одной из дальнейших глав. Из этого был сделан вывод, что, когда участки земли последовательно изымаются из обработки, норма прибыли будет повышаться пропорционально большему естественному плодородию земли, которая будет тогда наименее плодородной из земель, находящихся в обработке».

Г-н Мальтус ошибается; он неправильно представил мой вывод. Был сделан вывод, что прибыль будет высока пропорционально продукту, получаемому той частью капитала, которую земледелец будет считать для себя выгодным затратить либо на новую землю, за которую не платится никакая рента, либо на старую землю, если добавочный капитал употребляется только с целью получить прибыль **. Этот вывод строго правилен только при предположении, что заработная плата продолжает оставаться неизменной, так как при увеличенном продукте и уменьшенной ренте или при уменьшенном продукте и увеличенной ренте на заработную плату будет израсходована ббльшая или меньшая доля всего продукта, и, хотя в этом слу-

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 67. — Ред.

** Начиная отсюда и до конца примечания 102 в рукописи позже были добавлены 12 страниц взамен первоначальной редакции текста, занимавшего только 4 страницы (что явствует из пропуска в карандашной нумерации листов). Эти 4 страницы отсутствуют. — Прим. англ. ред.

чае прибыль может подняться или упасть, она не будет подниматься или падать в точности пропорционально увеличившемуся или уменьшившемуся продукту.

101. Стр. 188. «Если бы земля в своём естественном состоянии, будь она плодородной или бедной, не приносила никакой ренты и если бы относительные цены капитала и продукта оставались без изменения, то, поскольку весь продукт распределится бы между прибылью и заработной платой, указанный выше вывод был бы правилен. Однако предпосылки не таковы, как здесь предполагено».

А что скажет г-н Мальтус о капитале, изъятом из земли, которая всё же остаётся в обработке и за которую не платится рента? Разве после изъятия этого капитала какой-нибудь другой капитал не попадёт в те же условия, при которых он не даёт ренты, хотя доставляет более значительный доход? Согласно заявлению самого г-на Мальтуса, если рента падает, а земля остаётся столь же производительной, как прежде, должна возрасти либо прибыль, либо заработная плата. Если это неверно, то что станет с разницей между высокой и низкой рентой? Кто получит её?

102. Стр. 189. «Если к этому обстоятельству прибавить влияние повышения стоимости денег и вероятного понижения цены хлеба, большего, чем понижение цены рабочего скота, ясно, что обработка земли будет сталкиваться с постоянными затруднениями и что лучшие земельные участки могут не принести более высоких прибылей. Более высокая рента, уплачиваемая за последнюю из поступивших в обработку земель, вместе с большими капитальными затратами по сравнению с ценой продуктов может полностью уравновесить или даже перевесить разницу в естественном плодородии».

Предположение * было таково, что вследствие ввоза хлеба рента упала и что во всяком случае земля, последней взятая в обработку, была бы более производительна и за неё платилась бы меньшая рента. Всё это допускает даже г-н Мальтус. Что же может он подразумевать под «более высокой рентой, уплачиваемой за последнюю из поступивших в обработку земель и уравнивающей или даже перевешивающей разницу в естественном плодородии»? Подразумевает ли он, что если ввоз хлеба был бы свободен, то хотя земля, взятая в обработку последней, была бы более производительна, с неё не было бы получено более значительной прибыли, потому что за неё платилась бы большая, чем раньше, рента? Если он хотел сказать именно это, то он должен утверждать, что, чем свободнее ввоз хлеба, тем выше будет рента.

* В начале этого примечания вычеркнуты следующие слова: «Предположите, что заработная плата остаётся без изменений, а рента падает; тогда прибыли должны зависеть от стоимости продукта». — *Прим. англ. ред.*

Какое отношение к этому вопросу может иметь повышение стоимости денег? Что именно вызывает это повышение? И если стоимость денег повысилась, то как может это обстоятельство влиять на норму прибыли? Вопрос сводится просто к тому, что при данном расходе капитала и труда получается большее количество хлеба. Из этого большего количества хлеба фермер удерживает большую долю, потому что меньшая доля (и действительно меньшее количество) уплачивается им землевладельцу в форме ренты. Поэтому верно, что, хотя он может продать свой хлеб по более низкой цене, он может всё же получить большую прибыль.

Но норма его прибыли «должна, очевидно, сообразоваться со средней нормой прибыли. Если бы цены товаров в промышленности и торговле оставались без изменения, несмотря на падение цены труда, прибыли наверное повысились, но не остались бы без изменения, как показано было в предыдущей главе». Где именно это было показано в предыдущей главе? Заметьте аргумент г-на Мальтуса и предложение, с которым он выступает. «Сделан был вывод, — говорит он, — что, когда участки земли последовательно изымаются из обработки, норма прибыли будет повышаться пропорционально большему естественному плодородию земли, которая будет тогда наименее плодородной из земель, находящихся в обработке»¹.

Это неправильный вывод, говорит г-н Мальтус. Почему? Потому что, хотя рента может понизиться вследствие ввоза более дешёвого хлеба из других стран, это не будет сопровождаться потерей всей ренты даже с наиболее бедных земель из находящихся в обработке.

Предположим, что во всём этом мы делаем г-ну Мальтусу уступку; всё же его допущение, что рента упадёт, хотя и не будет вполне уничтожена ни на какой земле, целиком совпадает с моим положением. Но г-н Мальтус делает значительно большую уступку: он говорит: я не только допускаю, что рента упадёт, но думаю, что понизится цена труда, и всё же я утверждаю, что прибыль фермера не повысится, потому что она должна сообразоваться со средней прибылью, а при низкой цене труда другие товары должны понизиться в цене, и потому прибыль на капитал, занятый в их производстве, не повысится. Г-н Мальтус допускает, что при данном капитале будет получено большее количество сырого продукта, что это количество должно быть разделено между землевладельцем, фермером и рабочим. Он признаёт, что землевладелец получит меньше; рабочий, как

¹ Этот вывод сделан был только на тот случай, когда заработная плата не поглощает в своём росте всё дополнительное количество продукта, полученное фермером. — *Прим. Рикардо.*

сказано, получит не больше, и всё же фермер не получит большей стоимости. Чем собственно измеряет г-н Мальтус стоимость? Если он говорит, что той мерой, которую он считает правильной — «распоряжение трудом», — то он очевидно поддерживает противоречивое положение, потому что говорит, что рабочие будут работать за то же количество хлеба, как и прежде, и всё-таки фермер, в распоряжении которого имеется больше хлеба для раздачи им, не получит большей стоимости. Если он говорит, что его мера стоимости — «другие товары» и что человек не получает большей стоимости, если не имеет власти распоряжаться большим количеством этих товаров, он всё-таки поддерживает противоречивые положения*, так как одна часть его аргументации требует утверждения, что фермер будет иметь власть распоряжаться большим количеством других товаров; а другая — что фермер не будет иметь власти распоряжаться таким же большим количеством товаров, как прежде. Если фермер может распоряжаться большим количеством товаров, а товары есть мерило стоимости, он будет располагать большей стоимостью, и его прибыль повысится; в этом случае критикуемый г-ном Мальтусом вывод правилен. Если же фермер не может распоряжаться большим количеством товаров вследствие сильного понижения цены на хлеб, цены промышленных товаров будут не падать, а повышаться, а поскольку цена труда низка, средняя прибыль будет высока. Прибыли промышленника не могут не быть высокими, если он может обменять свои товары на такое же количество всех других товаров и на большее количество сырья и если в то же время он платит рабочему меньшую заработную плату вследствие падения цены хлеба. Мне кажется ясным, что цена хлеба упадёт, но это падение цены будет больше чем компенсировано фермеру увеличением количества, и таким образом его прибыль повысится. Прибыли промышленника также увеличатся, так как он будет продавать свои товары по прежней цене, а вследствие снижения цены хлеба издержки производства в промышленности понизятся.

* Конец абзаца вписан Рикардо взамен нижеследующего текста:

«Если фермер не может купить большее количество товаров на своё дополнительное количество хлеба, то в этом случае товары не понизились в стоимости вследствие падения стоимости труда, и прибыли производителей этих товаров будут выше, чем прежде, — они получают за свои товары такую же стоимость в других товарах, как прежде до ввоза хлеба, тогда как стоимость труда, который они употребляют для производства этих товаров, будет меньше, а именно это доставит им высокую прибыль. Если г-н Мальтус говорит, что цена хлеба упадёт настолько, что фермер не получит никакой добавочной прибыли, он должен тогда допустить, что прибыль фермера не будет сообразна с средней нормой прибыли, потому что понижение цены хлеба и труда в сравнении с другими товарами для

Нельзя позволить г-ну Мальтусу говорить, что хлеб и промышленные изделия понизятся в цене сравнительно с деньгами, потому что, во-первых, он не приводит никаких соображений в пользу такого понижения и, во-вторых, если бы он мог установить это ко всеобщему удовлетворению, было бы только доказано, что стоимость денег повысилась и это повышение одинаково затронуло бы все товары, но это не оказало бы вообще никакого влияния на норму прибыли. Следствия этого понижения были бы точно такие же, какие произошли бы в результате потери некоторых богатых рудников * драгоценных металлов или в результате восстановления курса ** бумажных денег после большого обесценения.

103. Стр. 190. «Следует добавить, что при правильном развитии страны по пути к общей культуре и совершенствованию и при естественном порядке вещей справедливо было бы предположить, что, если последние поступившие в обработку участки плодородны, капитал будет недостаточным, а прибыли наверное будут высоки; но если обработка земли прекращается потому, что найдено средство получать в другом месте хлеб по более дешёвой цене, то из этого нельзя сделать такой вывод. Наоборот, может наблюдаться обилие капитала по сравнению со спросом на хлеб и другие товары; в этом случае, пока это изобилие продолжает существовать, прибыль должна быть низка, каково бы ни было состояние земли.

Это различие имеет весьма большое практическое значение, и мне кажется, что г-н Рикардо совершенно пренебрёг им».

С моей точки зрения, ни один пункт не разработан более удовлетворительно, чем тот, что высокая прибыль самым тесным образом связана с низкой стоимостью продовольствия, так как низкая стоимость продовольствия оказывает величайшее влияние на заработную плату, а низкая заработная плата не может не создавать высокой прибыли.

Предположим, что я — фабрикант сукна, что в год я сделал 100 штук и что продовольствие стоит по сравнению с сукном так дорого, что мне приходилось давать рабочим 60 штук, чтобы дать им возможность купить себе предметы первой необходимости; тогда у меня осталось бы 40 штук. Предположим теперь, что сравнительная цена продовольствия упала, и что 50 штук достаточно, чтобы купить предметы первой необходимости, нужные моим рабочим, — не увеличится ли моя доля в этом случае на 10 штук?

фермера есть то же, что повышение стоимости товаров; поэтому г-н Мальтус отказывается от своего предположения, будто стоимость товаров упала, и устанавливает необходимость высоких прибылей на промышленные товары. «Но норма прибыли (от земледелия) должна, очевидно, сообразоваться с средней нормой прибыли», и поэтому прибыль от земледелия также будет высока». — *Прим. англ. ред.*

* Взамен слов: «в результате открытия какого-либо богатого рудника». — *Прим. англ. ред.*

** Взамен слов: «в результате обесценения». — *Прим. англ. ред.*

Но ваши 50 штук сукна могут понизиться в стоимости и будут продаваться не за большее количество товаров, чем прежде 40 штук! Это не может быть верно по отношению к хлебу и труду, потому что согласно нашему предположению стоимость их понизилась, и она низка в сравнении со стоимостью сукна. Поэтому если бы я захотел нанять каких-либо рабочих при помощи моих 50 штук сукна, этого сукна хватило бы на оплату гораздо большего числа рабочих, чем 50 штук прежде. Но стоимость их не упадёт по отношению к какому-либо другому товару, так как сапожник из каждых 100 пар обуви удержит для себя 50 пар вместо 40, пивовар поступит так же со 100 бочками пива и точно так же поступит представитель всякой другой отрасли промышленности. Причина, воздействующая на одну отрасль, действует на все; как же можно тогда сказать, что будут затронуты относительные стоимости товаров? Но можно сказать, что, хотя цена хлеба падает по отношению ко всем этим предметам, заработная плата не упадёт. Это ещё лучше, так как счастье наиболее многочисленной, а потому и наиболее важной, части народа в значительной степени возрастет без понижения прибылей.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

О связи между сравнительно большим богатством и сравнительно высокой ценой сырья

104. Стр. 193. «Адам Смит очень хорошо объяснил, каким образом прогресс богатства и усовершенствований имеет тенденцию повышать цены скота, домашней птицы, предметов одежды и жилья, наиболее полезных минералов и т. д. сравнительно с хлебом, но он не входил в объяснение естественных причин, определяющих цену хлеба. ...Эти причины по главным их последствиям сводятся, повидимому, к двум: 1. Разница в стоимости драгоценных металлов в различных странах при различных условиях».

Ничто не кажется мне столь маловажным, как эта причина. Стоимость денег не может изменяться, не затрагивая в такой же степени цен всех предметов; и при условии, что у нас есть прежнее количество всех товаров и что они сохраняют ту же относительную стоимость по отношению друг к другу, — какое значение имеет стоимость денег?

105. Стр. 193. «2. Разница в количестве труда и капитала, необходимых для производства хлеба».

Я согласен с г-ном Мальтусом в отношении этих двух причин высокой цены хлеба, но, считая первую маловажной, я приписываю второй самое большое значение. Изобилие наиболее важного из всех видов товара зависит от разумного применения труда и капитала к его производству. Мой вопрос таков: каким путём можем мы использовать труд и капитал самым

разумным образом, чтобы добиться обильного предложения этого главного предмета первой необходимости? И если я нахожу, что данное количество труда и капитала, приложенное к промышленному производству, доставит путём обмена из-за границы большее количество хлеба, чем при вложении в нашу собственную землю, то я высказываюсь в пользу этого способа получения хлеба; и наоборот, если труд и капитал могут стать более производительными, будучи непосредственно приложены к нашей собственной земле, то я точно так же буду настаивать, чтобы такому их приложению не было поставлено никаких препятствий. Я счастлив заявить, что согласен с г-ном Мальтусом во всём, что он говорит в остальной части этого раздела.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

Причины, могущие ввести землевладельца в заблуждение при сдаче им земель в аренду, к ущербу как для него, так и для страны

106. Стр. 199. «По мере движения страны к более высокому уровню технических усовершенствований положительное богатство землевладельца согласно изложенным нами принципам должно было бы постепенно возрастать, хотя его относительное положение будет скорее ухудшаться, а его влияние в обществе — скорее уменьшаться вследствие увеличения численности и богатства тех, кто живёт на ещё более крупный излишек, т. е. на прибыль с капитала».

Я думаю, что относительное положение землевладельцев по сравнению с капиталистами будет постепенно улучшаться вместе с прогрессом страны, хотя рента их наверное не будет возрастать пропорционально валовому продукту.

107. Стр. 201. «Нет никакого основания думать, что, если бы землевладельцы подарили фермерам всю ренту, хлеба стало бы больше и он был бы дешевле. Если правильна высказанная в предыдущем исследовании точка зрения, то количество, последним добавленное к нашему отечественному продукту, продаётся примерно по цене производства, и то же количество не могло быть произведено на нашей собственной земле по более низкой цене, даже при отсутствии ренты».

Таково моё мнение, но это не должно быть мнением г-на Мальтуса, который утверждает, что рента входит известной частью в цену всего хлеба. Как бы ни была она мала с хлеба, возделанного в последнюю очередь, в той же степени упала бы цена хлеба, если бы вся рента была ликвидирована.

Из того, что г-н Мальтус говорит здесь и в другом месте, можно было бы сделать вывод, будто он допускает, что всегда продаётся некоторое количество хлеба, в цену которого совсем не входит рента, но гораздо чаще он настаивает на противоположном.

108. Стр. 204. «Хотя отнюдь неверно, как заявляют экономисты *, что все налоги падают на чистый доход землевладельцев, всё же совершенно верно, что у последних мало возможностей облегчить бремя налогов. Верно также, что землевладельцы владеют фондом, который легче реализовать и который приспособлен для обложения налогами лучше, чем всякий другой. Вот почему их гораздо чаще облагают как прямыми, так и косвенными налогами. И если землевладельцы платят, как это, несомненно, делается, многие из налогов, которыми облагаются капитал фермера и заработная плата рабочего, а также налоги, непосредственно налагаемые на них самих, они обязательно должны это почувствовать вследствие уменьшения той части валового продукта, которая при других обстоятельствах досталась бы им».

Г-ну Мальтусу было бы очень трудно доказать это. Какие налоги на капитал фермера платят землевладельцы?

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ

О строгой и необходимой связи между интересами землевладельца и интересами государства в стране, которая сама содержит своё население

109. Стр. 205. «Адам Смит говорил, что интересы землевладельца тесно связаны с интересами государства и что процветание или бедственное положение одного влечёт за собой процветание или бедственное положение другого. Теория ренты, как мы её изложили в настоящей главе, повидимому, подтверждает в сильной степени это мнение. Если при данном состоянии естественных ресурсов почвы главными факторами, благоприятствующими интересам землевладельцев, являются рост капитала и населения, усовершенствования в земледелии и растущий спрос на сырой продукт, вызываемый процветанием торговли, то едва ли возможно рассматривать интересы землевладельцев отдельно от интересов правительства и народа.

Между тем г-н Рикардо утверждает, что «интересы землевладельцев всегда противоположны интересам потребителей и фабрикантов» **, т. е. интересам всех других сословий государства.

Я ответил на это [] ***, к которому и отсылаю читателя. Здесь я замечу только, что г-н Мальтус должен вспомнить о том ограниченном смысле, который я придаю мнению, высказанному в приведённой им цитате из моего труда: я сказал, что только ближайшие интересы землевладельца противоречат улучшениям в земледелии и снижению издержек производства хлеба. Поскольку сила земли, как машины, совершенствуется, землевладелец выиграет, когда она снова будет призвана к действию; а это непременно осуществится после того, как население увеличится пропорционально возросшей лёгкости производства пищи.

* Т. е. физиократы. — *Ред.*

** *Д. Рикардо*, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 275. — *Ред.*

*** Пропуск в рукописи. Несомненно, речь идёт о примечании 58. — *Прим. англ. ред.*

110. Стр. 206. «Совершенно бесполезно *задерживаться* на предположениях, которые никогда не могут осуществиться, и делать из них общие выводы.

Поскольку мы живём в ограниченном мире, на ещё более ограниченной территории стран и округов и под властью физических законов, влияющих, как показывает опыт, на продукт земли и на рост населения, мы хотим знать, действительно ли интересы землевладельца в общем противоположны интересам общества.

Принцип бывает либо верным, либо ложным. Если он верен, то он приложим как к ограниченному обществу, так и к большому. Моё мнение таково, что рента никогда не извлекается из какого-либо другого источника, кроме фонда, который некогда образовывал прибыль, и что поэтому всякое усовершенствование, всякое уменьшение издержек производства, будь оно велико или мало, идёт в пользу заработной платы или прибыли, но никогда не идёт в пользу ренты. После того как образовался излишек прибыли, он может при дальнейшем развитии общества быть перенесён в ренту.

111. Стр. 208. «Следовательно, эта рента должна быть созданием технического мастерства и капитала, затраченных на землю, а не переносом из прибыли и заработной платы, существовавших почти сто лет назад».

Кто говорит, что нынешняя рента переносится из прибыли и заработной платы, существовавших почти сто лет назад? Она может быть переносом из прибыли, существовавшей 10 лет, 5 лет или 3 года назад. Вопрос в том, является ли рента переносом из прибыли? В этом отделе есть много такого, с чем я согласен, но мне кажется, что г-н Мальтус старается увеличить расхождение между нами.

112. Стр. 211. «Г-н Рикардо, как я мельком упоминал раньше, развивает только простую и ограниченную точку зрения на прогресс ренты. По его мнению, он вызывается единственно повышением цены, возникающим в силу возросшей трудности производства».

Не думаю, чтобы правильное изложение написанного мною подтвердило это обвинение.

113. Стр. 213. «Ссылаясь на это заявление *, я отмечу, что если применение неизменного стандарта стоимости г-на Рикардо, естественно, приводит к употреблению такой терминологии, то чем скорее мы откажемся от стандарта, тем лучше, так как при исследовании природы и причин богатства народов эта терминология неизбежно должна вызывать постоянную путаницу и ошибки».

Довольно странно, что г-н Мальтус очень часто пользуется тем самым стандартом, который он так отвергает; он неизменно говорит о падении ренты, росте прибыли и повышении заработной платы, подразумевая падение или рост денеж-

* См. Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 62—64. — Ред.

ной ренты, прибыли и заработной платы, причём стоимость денег он, конечно, предполагает неизменной. Так вот, если бы количество хлеба, производимое данным количеством труда, удвоилось (весьма нелепое предположение), цена его упала бы наполовину, и, следовательно, денежная рента землевладельца упала бы, если бы не удвоилось количество продукта, полученного им в виде ренты; прибыль капиталиста уменьшилась бы, если только он также не получил бы двойного количества продукта; и то же произошло бы с заработной платой рабочего, если бы его доля была меньше удвоенной. Что заработная плата понизилась бы в денежной стоимости, я ничуть не сомневаюсь, а главная выгода для капиталиста возникает именно из этого обстоятельства.

Но землевладелец может на возросшее вдвое количество продукта купить большее количество труда, чем прежде. Да, может, но разве он нуждается только в труде? Может ли он на удвоенное количество хлеба купить больше железа, меди, золота, чая, сахара, шляп, экипажей, шёлка, вина и всяких других товаров? Ни одной частицей больше. И разве я не прав, говоря, что он получает не бóльшую стоимость, хотя может получить двойное количество продукта? «Применяя эту терминологию к нашей стране, — говорит г-н Мальтус, — мы должны сказать, что рента значительно пала за последние сорок лет, потому что, хотя рента значительно увеличилась по своей меновой стоимости, т. е. за неё можно получить больше денег, больше хлеба, труда и промышленных изделий, всё-таки из отчётов, представленных в Департамент земледелия, явствует, что рента составляет теперь не больше одной пятой валового продукта, тогда как прежде она равнялась одной четвёртой или одной трети». Г-н Мальтус не прочитал с обычным для него вниманием того, что я говорил об этом предмете, иначе он не сказал бы прежде всего, что моя терминология «требует, чтобы мы говорили, что рента землевладельца упала и его интересы пострадали, когда он получает в виде ренты на три четверти больше сырого продукта, чем прежде». Если бы я оценивал богатство людей стоимостью их доходов, было бы некоторое основание для такого обвинения, но я употребил много стараний, чтобы объяснить свои взгляды и показать, почему, по моему мнению, будет вполне последовательно сказать, что богатство человека, т. е. количество предметов первой необходимости и удобств, которые он может купить, возросло и в то же время стоимость этого богатства могла понизиться.

Кроме того, я никогда не утверждал, что, для того чтобы землевладельцы получали ренту той же стоимости, она должна всегда находиться в одном и том же отношении к стоимости валового продукта, полученного с земли, как можно было бы

заклЮчить из ссылки на отчёты Департамента земледелия. Я не говорю, что рента понизилась *по стоимости*, потому что она прежде составляла четвертую или третью часть валового продукта, а теперь составляет только одну пятую. У меня есть ферма, с которой я получаю 360 кварталов пшеницы и плачу в виде ренты одну четверть, или 90 кварталов. Затратив больший капитал на землю низшего качества, при помощи того же количества труда вместо 360 кварталов можно получить только 340, а потому рента с земли, которая дала 360 кварталов пшеницы, поднимется с 90 до 110 кварталов; рента с этой определённой фермы будет составлять большую долю валового продукта, чем прежде, но из этого отнюдь не следует, что она составит большую долю всего валового продукта страны, ибо вместо одного капитала данной величины, затраченного на получение 340 кварталов, могут быть затрачены сто капиталов такой же величины. Возможно в таком случае, что валовой продукт увеличится на 34 тыс. кварталов, а рента увеличится только на 20 кварталов. Из того, что землевладелец получал четвертую часть валового продукта и доля его увеличилась на всех ранее обрабатывавшихся землях, следует ли, что я обязан утверждать, будто рента составляет также большую долю всего валового продукта со всех земель страны?

114. Стр. 214. «Что касается труда, то мы должны сказать, что в Америке он дешевле, хотя до сих пор мы привыкли считать его очень дорогим при оценке как в деньгах, так и в количестве предметов первой необходимости и удобств, которые он может купить; и мы должны сказать, что труд дорог в Швеции, так как, хотя рабочий получает там низкую денежную заработную плату, на которую он может купить только немного предметов первой необходимости и удобств, тем не менее возможно, что при распределении валового продукта, получаемого тяжёлым трудом на малопродуктивной почве, рабочим достаётся более значительная доля».

Чтобы получить в Англии 180 кварталов пшеницы стоимостью в 700 ф. ст. с земли, поступившей в обработку последней, я могу нуждаться в труде 20 человек в течение года, уплачивая им по 10 шилл. в неделю, всего 520 ф. ст. в год. Получение того же количества пшеницы в Америке, где оно может быть продано за 600 ф. ст., может потребовать труда только 15 человек; заработная плата одного рабочего может равняться в Америке тоже 10 шилл., но фермер в Англии уплатил бы в год 520 ф. ст. заработной платы, а фермер в Америке — только 390 ф. ст. В одной стране (Англии) доля всего продукта, выплаченная рабочим, равняется $\frac{743}{1000}$, в другой (Америке) — $\frac{650}{1000}$. Хотя денежная заработная плата каждого рабочего одинакова, общая сумма выплаченной заработной платы в Англии больше и также больше доля в продукте. Примените это положение к Швеции, и вы найдёте, что оно вполне согласуется с моим принципом.

115. Стр. 216. «Г-н Рикардо сам категорически заявил, что вся сумма, получаемая от продажи земледельческого продукта сверх издержек его производства, составляет денежную ренту. Но, так как часто случается, что денежная рента повышается и что она в то же время обладает большей реальной меновой стоимостью, хотя составляет меньшую *долю* стоимости валового продукта с данной земли, из этого, очевидно, следует, что ни денежная рента, ни реальная рента не регулируются этой долей».

Весьма вероятно, что моё объяснение вопроса о пропорциях было не так ясно, как следовало бы. Я постараюсь теперь это разъяснить.

Предположим, что участок, последним поступивший в обработку, доставляет 180 кварталов хлеба при приложении данного количества труда и что вследствие повышения цены хлеба в следующем году поступит в обработку земля ещё более низкого качества, которая доставит только 170 кварталов. Если в этом году рабочий получит одну треть от 180 кварталов, а в следующем году — одну треть от 170 кварталов, я скажу, что его заработная плата в следующем году будет иметь такую же стоимость, как и в этом году, потому что все 170 кварталов в следующем году будут иметь такую же стоимость, как 180 кварталов в этом году, и, следовательно, половина, четверть или треть каждого из этих количеств будут также иметь одну и ту же стоимость.

Когда я говорю об этом пропорциональном делении, я всегда применяю его или должен был бы применять его (и если я сделал иначе, то только по оплошности) к продукту, получаемому при помощи капитала, последним вложенного в землю, за которую не платится никакая рента. В действительности же рабочий получит от 170 кварталов более значительную долю, чем он получал от 180 кварталов, — он получит более значительную долю одинаковой стоимости, и именно поэтому я говорю, что его заработная плата повысилась. Каково бы ни было количество пшеницы, полученное при помощи капитала, последним вложенного в землю, оно будет иметь ту же стоимость, потому что это есть продукт того же количества труда. Бóльшая доля этой равной стоимости должна сама представлять бóльшую стоимость *.

Моя мера стоимости — количество труда. Рента повышается только тогда, когда уплачиваемая сумма требует больше труда, чтобы создать ренту. 10 человек на плодородной земле могут

* В рукописи перечёркнут следующий текст: «Рента не есть доля полученного продукта — она не определяется, подобно заработной плате или прибыли, пропорциями, так как зависит от разницы между количествами продукта, полученными при помощи двух равных капиталов. Если я поэтому сказал где-нибудь, что рента повышается или понижается пропорционально тому, увеличивается или уменьшается получаемый продукт, я совершил ошибку. Я, однако, не помню, чтобы сделал что-либо подобное». — *Прим. англ. ред.*

произвести 180 кварталов, на менее плодородной земле — только 170; тогда, если 10 рабочих получают половину последнего количества, или 85 кварталов, они получают то, что может произвести труд 5 человек; 10 человек, производящих 180 кварталов, получают не больше; но 85 кварталов на этой земле производятся при помощи меньшего труда, чем труд 5 человек. Верно, но стоимость хлеба регулируется количеством, произведённым при помощи капитала, приложенного к земле наименее выгодно и в последнюю очередь. Преимущество, принадлежащее арендатору лучшей земли, носит отчасти характер монополии, и поэтому стоимость вознаграждения рабочего должна измеряться не количеством труда, требующимся для производства 85 кварталов на лучшей земле, но количеством труда, требующимся для производства того же количества хлеба на худшей земле. Г-н Мальтус говорит: «Даже по признанию г-на Рикардо усовершенствования в земледелии имеют тенденцию увеличивать *долю* валового продукта, идущего землевладельцу». Я не знаю, где я это сказал, но, если я впал в такую ошибку, я хочу её исправить, поставив употребляемое г-ном Мальтусом слово «часть» вместо слова «*доля*» или, если сохранить слово «доля», это должна быть доля продукта, полученного на более плодородных землях.

116. Стр. 216. «Вряд ли стоит повторять, что, говоря об интересах землевладельца, я подразумеваю всегда то, что я назвал бы его реальной рентой и его реальными интересами, т. е. возможность покупать труд, а также предметы первой необходимости и удобства, независимо от того, какую долю валового продукта может составлять рента и какого количества труда могла стоить часть продукта, составляющая ренту. Но на деле, даже по признанию г-на Рикардо, усовершенствования в земледелии имеют тенденцию в умеренный срок увеличивать *долю* валового продукта, идущего землевладельцу; таким образом, с какой бы точки зрения ни рассматривать предмет, мы вынуждены признать, что независимо от вопроса об импорте интересы землевладельца тесно и необходимо связаны с интересами государства».

После того как г-н Мальтус так часто говорил, что я изображаю усовершенствования в земледелии вредными для интересов землевладельцев и на этом основываю своё утверждение, будто интересы землевладельцев противоположны интересам всех других классов общества, здесь он заявляет, будто я допустил, что усовершенствования в земледелии имеют тенденцию в *умеренный срок* увеличивать *долю* валового продукта, идущую землевладельцу. Почему же меня тогда обвинили в том, что я придерживаюсь иной доктрины? *

* В рукописи вслед за этим идёт неоконченный и перечёркнутый следующий текст: «Как я прежде заметил, г-н Мальтус, повидимому, не понимает, что я сказал о пропорциях, и поэтому важно, чтобы меня хорошо поняли по этому вопросу. Предположим, что я употребляю три равных

ОТДЕЛ ДЕВЯТЫЙ

О связи между интересами землевладельца и интересами государства в странах, ввозящих хлеб

117. Стр. 217. «Никто никогда не сомневался, что индивидуальные интересы фабрикантов шерстяных, шёлковых или льняных тканей могли бы пострадать от иностранной конкуренции; и мало кто станет отрицать, что ввоз большого числа рабочих содействовал бы понижению заработной платы. Поэтому даже при самом неблагоприятном отношении к этому вопросу мы не можем отделить положение землевладельца по отношению к ввозу от положения других классов общества».

Здесь имеется следующее явное и важное различие: индивидуальные интересы фабрикантов шерстяных, шёлковых и льняных тканей могут пострадать от иностранной конкуренции, и фабриканты могут быть вынуждены перевести свои капиталы в другие отрасли промышленности, понеся при этом известные потери, но всё же у них остались бы капитал и доход не намного ниже прежнего. Рента собственников худших земель исчезла бы совсем, а рента собственников лучших участков значительно понизилась бы, если бы ввоз хлеба стал совершенно свободным.

Не может быть большей ошибки, чем предположение, будто есть какая-либо аналогия между интересами землевладельцев и интересами фабрикантов, поскольку тех и других задевают ограничения ввоза сырья и промышленных изделий. Их интересы покоятся на совершенно различных основаниях. Каковы бы ни были ограничения ввоза, фабрикант не может получать в течение длительного времени больше, чем среднюю и обычную норму прибыли на свой капитал, и поэтому, если бы он мог легко перевести свой капитал из одной отрасли промышленности в другую, его потери от устранения ограничений импорта были бы незначительны.

суммы капитала последовательно на одной и той же земле и что цены повышаются. Я говорю, что, когда прилагается вторая сумма, уплачиваемая землевладельцу доля из количества, получаемого с первой, увеличивается, и он не получит никакой части второй. Когда прилагается третья сумма, он получит ещё более значительную долю количества, доставляемого первой, небольшую долю количества, доставляемого второй, и никакой доли из количества, доставляемого третьей. Хотя доля каждого полученного прежде количества увеличится, доля всего полученного количества, причитающегося землевладельцу, уменьшится. Предположим, что доставленное первым капиталом количество хлеба составило бы 1 800 кварталеров, вторым — 1 780 и третьим — 1 760. Когда был вложен второй капитал, землевладелец получил бы в виде ренты 20 кварталеров, или $\frac{1}{90}$ количества, доставленного первым капиталом, но это составило бы только $\frac{1}{179}$ всего продукта. Когда был вложен третий капитал, он получил бы 40 кварталеров с № 1, или $\frac{1}{9}$, и 20 кварталеров с № 2, или $\frac{1}{17}$. Расхождения в цифрах частично объясняются исправлениями, не доведёнными до конца. — *Прим. англ. ред.*

Но для землевладельца вопрос ставится так: будет ли существовать рента или нет, будет ли он владеть полезной машиной или совершенно бесполезной? Сходно положение не землевладельца и фабриканта, а фермера и фабриканта. Тут аналогия действительно полная.

118. Стр. 220. «Предположим, что капитал в 10 тыс. ф. ст. занят в торговле или в промышленности в течение двадцати лет, что он приносит 12% прибыли и что капиталист может в конце этого срока выйти из предприятия, удвоив свой капитал. Очевидно, чтобы создать такой же стимул для употребления такого капитала в земледелии, нужно, чтобы его владельцу были предложены такие же или почти такие же выгоды. Но, чтобы человек, вложивший капитал в арендованную землю, мог превратить свои 10 тыс. ф. ст. в течение двадцати лет в 20 тыс. ф. ст., он должен получать, несомненно, очень большую ежегодную прибыль, чтобы быть в состоянии вернуть ту часть своего капитала, которую он действительно вложил в землю и которую не может изъять из неё по окончании срока аренды; если же он ввёл существенные усовершенствования, по окончании арендного срока ему придётся оставить землевладельцу землю, которая будет приносить гораздо более высокую ренту, чем в начале срока, независимо от могущих произойти изменений в стоимости средств обращения. Но эта большая ежегодная прибыль, необходимая фермеру при временной аренде, чтобы он мог получить обычную прибыль с капитала, сохраняется, по крайней мере частью, в форме ренты по окончании срока аренды, и постольку от этого выигрывает государство».

В данном случае г-н Мальтус несколько непоследователен. Он измеряет выгоду для государства денежной стоимостью и не пользуется, как следовало бы в данном случае, своей собственной мерой стоимости — хлебом и трудом. Предположим, г-н Мальтус мог бы доказать (что ему не удаётся), что, вложив данный капитал внутри страны в земледелие, мы получили такую же денежную прибыль, какую получили бы при помощи того же капитала, если бы ввоз хлеба был дозволен. Я мог бы ответить ему: «Если бы ввоз был разрешён и вы допустили бы, чтобы хлеб был дешёв, то, владея денежным капиталом того же размера, я мог бы дать работу гораздо большему числу рабочих, я мог бы также сделать то же самое при помощи того же денежного дохода; поэтому, не допуская свободного ввоза, вы лишили нас тех товаров, которые могло бы потребить это добавочное число рабочих». Этой устойчивой выгоде г-н Мальтус противопоставляет прочные усовершенствования, которые арендаторы вводят на арендуемых землях и которые они не могут взять назад, потому что эти усовершенствования надолго связаны с землёй. Можно сомневаться, принимается ли всегда в расчёт при заключении арендного договора ожидание этих ничтожных выгод и не составляют ли они в действительности части ренты землевладельца.

Другие могут судить лучше, чем я, о размерах стоимости, оставляемой арендаторами в земле по окончании срока аренды.

Я не расположен оценивать её очень высоко. Если принять за меру стоимости власть распоряжаться трудом, то стоимость должна зависеть от количества предметов первой необходимости, а не от их денежной стоимости.

119. Стр. 221. «В своём труде «Земледелие в Шотландии» сэр Джон Синклер подробно описал ферму в Восточном Лотьяне, на которой рента составляет почти половину всего продукта, а рента и прибыль вместе дают ежегодно 56% на вложенный капитал. Но рента и прибыль, взятые вместе, представляют действительную меру богатства, извлекаемого нацией из вложенного таким образом капитала; а так как упомянутая ферма есть одна из тех, где применяется система севооборота, т. е. система, в которую в течение последних лет были внесены величайшие усовершенствования, то почти несомненно, что значительная часть этого прироста богатства была извлечена из капитала фермера, арендовавшего ферму до возобновления аренды, хотя этот прирост богатства для государства не мог побудить фермера сделать такое употребление из своего капитала».

Думает ли г-н Мальтус, что самый свободный ввоз хлеба лишил бы нас хотя бы частицы того количества, которое мы получаем в настоящее время от этой фермы? Что касается возможности получения большей ренты с капитала, накопленного на ферме арендаторами, я не могу не относиться к этому предположению скептически.

120. Стр. 222. «Если бы во время войны не было создано никаких препятствий для ввоза иностранного хлеба и прибыли в земледелии составила бы только 10%, тогда как прибыль в торговле и промышленности равнялась 12%, в результате этого капитал притекал бы, конечно, в торговлю и промышленность; и если мы, как всегда, измеряем интересы государства интересами отдельных лиц, такое направление капиталов было бы более выгодно, поскольку пропорция составила бы 12 к 10».

Здесь опять оцениваются денежные прибыли, а я требую, чтобы в обоих случаях денежная прибыль была сведена к власти распоряжаться трудом и товарами. Я хочу знать не то, сколько стоимости могли бы мы получить в обоих случаях, а то, какое богатство мы могли бы получить, какие возможности для счастья общества!

121. Стр. 223. «И, действительно, такие ограничения * не только могут, но и должны вызывать подобные последствия ** всегда, когда спрос на отечественный хлеб таков, что прибыли на капиталы, вложенные в обработку новых земель, в соединении с порождаемой ими рентой приносят по отношению к занятому капиталу доход в гораздо большем размере, чем доход с капиталов, занятых в торговле и промышленности; в этом случае, хотя, при отсутствии ограничений ввоза, можно было бы купить иностранный хлеб по денежной цене более низкой, чем цена отечественного хлеба, его нельзя было бы купить с такой малой затратой капитала и труда, а именно это и есть действительное доказательство выгодного употребления капиталов».

* Ввоза хлеба. — Ред.

** Содействовать росту богатства и населения. — Ред.

Это верно, если оценка производится в доходах, выраженных в хлебе, а не в деньгах. Единственный важный вопрос в действительности заключается в том, можем ли мы покупать хлеб с наименьшими издержками капитала и труда внутри страны или за границей. Мы должны судить об этом только путём сравнения количества хлеба, которое мы можем ввозить при помощи данного капитала, и того количества, которое мы можем вырастить при помощи равного капитала. Мы должны судить не по денежной стоимости, а по количеству продукта. Мы можем придать любой вещи высокую денежную стоимость, сделав эту вещь редкой.

122. Стр. 223. «Если бы следствием ограничений ввоза неизбежно было увеличение количества труда и капитала, требуемых для производства хлеба, было бы, конечно, невозможно защищать их ни на одно мгновение, если иметь в виду богатство и производительную силу страны».

Только потому, что ограничения имеют такие последствия, на них нападают. Может ли кто-нибудь сомневаться, что они приводят к таким последствиям?

Их влияние в других сферах — вопрос совершенно иной. Признаюсь, что и в других сферах соображения в пользу ограничений ввоза очень мало состоятельны с моей точки зрения.

123. Стр. 223—224. «Но если бы прогресс богатства был не замедлен ограничениями ввоза иностранного хлеба, а ускорен вследствие того, что за данное количество капитала и труда внутри страны было куплено большее количество сырья по сравнению с тем, что могло быть куплено за то же количество капитала и труда за границей, то очевидно, что рост населения должен был бы не замедлиться, а ускориться; и, конечно, необычайно быстрый рост населения, как известно, имевший место в течение последних десяти или пятнадцати лет войны по сравнению со средней цифрой за столетие, в сильной степени подтверждает этот вывод».

Если это действительно допустить, то вывод следует сам собой.

124. Стр. 224. «Высказанное здесь положение * может вызвать некоторое изумление, но читатель поймёт, насколько ограничен его смысл».

У меня оно также вызывает изумление, и я его считаю совершенно необоснованным.

125. Стр. 225. «Я говорю о меновой стоимости и норме прибыли, а не об изобилии удобств и предметов роскоши».

Если бы это было так, если бы вы даже доказали ваше положение, оно не имело бы никакого влияния на нашу практику. Мы мало заботимся о том, какова может быть номинальная меновая стоимость наших товаров (и я сказал бы: или их реаль-

* См. цитату со стр. 223—224 в примечании 123. — *Ред.*

ная стоимость); мы заботимся о том, чтобы у нас было изобилие удобств и предметов роскоши. Тогда, если каждое сказанное вами слово верно, мы выступаем за неограниченную хлебную торговлю, если она должна доставить нам стоимость (безразлично — высокую или низкую), которая даст нам изобилие удобств и предметов роскоши.

Но я снова спрашиваю, что стало с рекомендуемой г-ном Мальтусом мерой реальной меновой стоимости; нам говорили, что она предполагает известное количество предметов первой необходимости и удобств и что реальная меновая стоимость вещей повышается или падает, смотря по тому, продаются ли они за большее или меньшее количество предметов первой необходимости и удобств; затем, так как предположено было, что на известное количество предметов первой необходимости и удобств всегда можно было бы купить известное количество труда (а труд выбран был мерой стоимости), пришлось внести другую поправку, так как было признано, что стоимость труда изменчива. Было желательно ввести в качестве мерила стоимости другой товар, который также был признан изменчивым, но изменчивым в ином направлении, и потому изменение одного корректировало бы изменение другого: средняя между обоими, сказано было, даёт нам неизменную меру стоимости, и соответственно окончательной мерой реальной меновой стоимости была признана средняя между хлебом и трудом.

Нужно признаться, что до сих пор на неё ссылались не часто, и в нынешней дискуссии от неё, повидимому, совершенно отказываются, потому что нам говорят, что речь идёт о меновой стоимости, а не об изобилии удобств и предметов роскоши. Мы решительно не представляем себе, что здесь подразумевают под меновой стоимостью. Это не может быть хлеб и труд, потому что, как я только что показал, считают, что они имеют тот же характер, что и удобства и предметы роскоши. Я сильно подозреваю, что подразумевается именно отвергнутая денежная стоимость; если это так, г-н Мальтус должен согласиться со мной, что есть очень отчётливое различие между стоимостью и богатством: стоимость зависит от издержек производства, богатство — от изобилия продуктов.

ОТДЕЛ ДЕСЯТЫЙ

Общие замечания о прибавочном продукте, получаемом в земледелии

126. Стр. 227—228. «Весьма странно, что до сих пор недостаточно понята и оценена очень большая выгода, извлекаемая обществом из прибавочного продукта в земледелии, который с прогрессом общества переходит в форме ренты преимущественно к землевладельцу. Я назвал этот

прибавочный продукт даром провидения и твёрдо убеждён, что он во всех отношениях заслуживает этого названия. Но у г-на Рикардо есть следующие слова:

«Нам часто говорят о преимуществах земли перед всеми другими источниками полезных продуктов ввиду того избытка, который она даёт в форме ренты. Но, когда земля имеется в особенном изобилии, когда она наиболее производительна и наиболее плодородна, она не даёт вовсе ренты, и только тогда, когда её производительная сила падает и труд на ней приносит меньше, часть первоначального продукта более плодородных участков обособляется в качестве ренты. Замечательно, что особенным преимуществом земли выставляется как раз то свойство её, которое должно было бы считаться её недостатком сравнительно с естественными факторами, которыми пользуются фабриканты. Если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам, если бы они могли быть обращены в собственность и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то и они, подобно земле, давали бы ренту по мере использования низших разрядов. С каждым переходом к низшему разряду стоимость товаров в той отрасли, где он применяется, повышалась бы потому, что то же самое количество труда давало бы менее продукта. Человек трудился бы больше в поте лица своего, природа выполняла бы меньше, и земля не славилась бы больше ограниченностью своей производительной силы.

Если прибавочный продукт, который земля даёт в форме ренты, есть преимущество, то желательно, чтобы с каждым годом вновь сооружённые машины были менее производительны, чем старые. Ведь это, несомненно, сообщило бы большую меновую стоимость товарам, производимым не только с помощью этих машин, но и всех других машин в стране, и всем владельцам более производительных машин платилась бы рента» *.

Когда речь идёт о даре провидения, мы должны, несомненно, говорить о его стоимости в отношении к основным законам и характеру природы и к законам мира, в котором мы живём. Но если кто-либо возьмёт на себя труд сделать подсчёт, то убедится в следующем: если бы можно было получать предметы первой необходимости без всяких ограничений и численность населения могла бы удваиваться каждые 25 лет, то потомства одной единственной четы с начала христианской эры было бы достаточно, чтобы не только переполнить земной шар так, чтобы на каждом квадратном ярде помещались 4 человека, но и заселить все планеты нашей солнечной системы и не только их, но и все планеты, вращающиеся вокруг звёзд, видимых невооружённым глазом... Согласно этому закону народонаселения, который, как я твёрдо верю, наиболее подходит природе и положению человека (как бы он ни казался преувеличенным при таком изложении), вполне очевидно, что должен существовать какой-нибудь предел для производства продовольствия и некоторых других предметов первой необходимости. Без коренного изменения сущности человеческой природы и положения человека на земле предметы первой необходимости никогда не смогут доставляться в таком же изобилии, как воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы. Нелегко представить себе дар, более губительный, более пригодный для того, чтобы ввергнуть человеческий род в безнадёжную нищету, чем неограниченная лёгкость производства пищи на ограниченном пространстве. Благотворительный создатель, знающий потребности и нужды своих созданий в силу законов, которым он их подчинил, не пожелал дать все предметы первой необходимости в таком же изобилии, как воздух и воду. Это сразу показывает, почему пища существует только в ограниченных количествах, тогда как вода и воздух предоставлены без ограничения. Но если допустить, как и следует, что ограничение возмож-

* Д. Рикардо, Начала политической экономики и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 71. — Ред.

ности производить пищу, очевидно, необходимо для человека, связанного ограниченным пространством, тогда стоимость фактически полученного им количества земли зависит от малого количества труда, необходимого для её обработки, по сравнению с числом людей, которых она будет содержать — или, другими словами, от того определённого прибавочного продукта, который так сильно недооценивается г-ном Рикардо и который в силу законов природы находит своё завершение в ренте.

Я не согласен, чтобы в труде по политической экономии вопрос рассматривался таким образом. Дар велик или мал соответственно тому, больше он или меньше, а не соответственно тому, более или менее он полезен в нравственном отношении. Для здоровья моего друга может быть лучше, если я ограничу его одной пинтой вина в день, но стоимость моего дара будет больше, если я даю ему бутылку в день. Вопрос не в том, думал ли создатель о нашем действительном счастье, ограничивая производительные силы земли, а в том, действительно ли он их таким образом ограничил и в то же время дал нам беспредельные запасы воды, воздуха и не поставил никаких границ для использования нами атмосферного давления, упругости пара и многих других услуг, оказываемых нам природой.

Г-н Мальтус говорит, что я недооцениваю определённый прибавочный продукт, который в силу законов природы находит своё завершение в ренте. В начале того самого параграфа, в котором встречается это замечание, против меня выдвигается обвинение, что я не удовлетворён плодотворной силой природы, потому что она не безгранична, как многие другие дары природы, и г-н Мальтус делает вывод, что я недооцениваю всю плодотворную силу земли. Короче, я сетую, что она не даёт достаточно того, что г-н Мальтус справедливо называет прибавочным продуктом, и в то же время укоряю её в том, что она даёт больше, чем это полезно.

Против двух таких противоречивых обвинений я не могу защищаться, а так как я признаю себя виновным только в одном, то мало скажу о другом. Позвольте мне раз навсегда заявить, что источником, из которого мы получаем всё, чем владеем, я считаю способность земли доставлять прибавочный продукт. Пропорционально этой способности мы пользуемся досугом для учения и получения тех знаний, которые придают жизни её достоинство. Без этого у нас не было бы ни ремесла, ни промышленности, и всё наше время было бы посвящено добыванию пищи, чтобы поддерживать жалкое существование.

Только потому, что плодотворные силы земли в других странах больше, чем те, с помощью которых мы должны добывать средства к жизни, я стал бы обращаться к этим странам и согласился бы ввозить хлеб потому, что, поскольку получению пищи было бы посвящено меньше труда, больше можно было бы употреблять его на получение других благ,

По отношению к другому пункту я с уверенностью повторяю, что рента обязана своим существованием границе, которую природа поставила для своих даров, а не их неограниченным размерам. Если бы не было никаких границ плодородию, если бы последовательные вложения капитала были одинаково производительны, не порождалось бы никакой ренты. «Но земля не могла бы выдержать населения, которое могло бы народиться при таких условиях!» Я не отрицаю этого, и наблюдения не опровергают ни одного из моих заключений.

Верно или неверно моё положение? Неверно, говорит г-н Мальтус. Чем вы это докажете? Дар был бы губительным, и человеческий род погрузился бы в безнадежную нищету. Так вот, я спрашиваю, ответ ли это? Если бы я роптал на провидение и укорял бы природу в недостатке щедрости, г-н Мальтус мог бы показать, что моё обвинение неосновательно и неразумно. Но делал ли я это? Несомненно, нет. Я сказал только, что если бы природа не ограничила свой дар, не было бы никакой ренты, а г-н Мальтус в ответ мне замечает, что ему кажется чрезвычайно странным, что я не вполне понимаю и признаю очень большую выгоду, извлекаемую обществом из прибавочного продукта в земледелии, который в ходе развития общества достаётся главным образом землевладельцу в форме ренты. Так вот, я смиренно утверждаю, что он не привёл ни одного факта, ни одного аргумента, чтобы показать, что я либо не понял, либо не признал этого.

127. Стр. 229. «Если бы промышленные изделия благодаря различию в производительности машин, согласно предположению г-на Рикардо, приносили ренту, человек, по его словам, больше работал бы в поте лица своего; и, предполагая, что он всегда получал бы одинаковое количество продуктов (что, однако, невозможно), он трудился бы тем больше, чем больше была бы созданная таким образом рента. Но избыток, приносимый данной площадью земли в форме ренты, совершенно иной. Вместо того чтобы быть мерой прироста труда, необходимого для производства того количества хлеба, какое земля может дать, он в конечном счёте представляет точную меру *облегчения* труда в производстве пищи, предоставленного благам провидением».

Это верно, но не получится ли то же самое, если вы уменьшите плодородие земли и таким образом увеличите ренту? Разве увеличение труда человека не будет в этом случае также пропорционально величине созданной таким образом ренты? Но вы можете увеличить ренту, повысив плодородие земли, и то же самое вы можете сделать в предположенном случае с машинами, увеличив их производительную силу и увеличив разницу между производительной силой разных машин. «Рента в конечном счёте представляет точную меру *облегчения* труда в производстве пищи, предоставленного благим провидением!» Г-н Мальтус может называть это так, если ему угодно, но разве

действительное облегчение не было большим, если бы земля была более плодородной? Не понизится ли рента, если дар станет более щедрым? Но представляет ли рента точную меру облегчения труда в производстве пищи? Я отрицаю это. Прибавочный продукт налицо, но рента и прибавочный продукт означают не одно и то же. Прибавочный продукт в Америке по отношению к населению больше, чем у нас. Выше ли там рента? Г-н Мальтус не скажет, что она выше. Прибавочный продукт в Америке проявляется главным образом в прибыли и в высокой заработной плате и в этой форме гораздо больше способствует всеобщему процветанию, чем если бы он проявился в форме ренты.

128. Стр. 230. «... Он * возражает против высказывания Адама Смита, что в странах, где основной культурой является рис, землевладельцу должна принадлежать более значительная часть продукта, чем в странах, где возделывается преимущественно хлеб, и что в Англии рента повысилась бы, если бы вместо хлеба любимой пищей народа стал картофель. Г-н Рикардо не мог не признать, и действительно признал, что в обоих случаях рента должна в конечном счёте повыситься. Но вслед за этим он предполагает, что это изменение должно произойти немедленно, и ссылается на временное следствие прекращения обработки земли».

И всё-таки «г-н Рикардо слишком недооценивает определённый прибавочный продукт, который в силу законов природы находит своё завершение в ренте». Согласуются ли между собой эти два высказывания?

129. Стр. 230. «Однако даже при таком предположении все оставленные без обработки земли будут снова обработаны в гораздо меньшее время, чем потребовалось бы при естественном ходе вещей для понижения цены труда до уровня, необходимого для поддержания только стационарного населения. Поэтому, поскольку г-н Рикардо имеет в виду постоянные и окончательные результаты, которые он рассматривает главным образом на всём протяжении своего труда, он должен был бы признать правильность утверждений Адама Смита».

Действительно ли мало времени потребуется, чтобы «при естественном ходе вещей» понизить цену труда до уровня, необходимого для поддержания только стационарного населения?

130. Стр. 231. «В большей части Европы, вероятно, хлеб никогда нельзя будет заменить рисом... для этого потребовались бы большие подготовительные работы по орошению... Доктор Бьюкенен... говорит, что в орошаемых местностях ниже Гатса правительство обычно взимает в свою пользу две трети урожая. Такую ренту, вероятно, никогда не могли бы приносить земли, занятые под пшеницей, и я почти уверен, что в тех районах Индии и в других странах, где действительно произошёл переход от культуры пшеницы к культуре риса, рента значительно повысилась не только в конечном счёте, но что она возрасла даже в самом процессе этого перехода».

* Рикардо. — *Ред.*

Иначе говоря, прибавочный продукт очень сильно увеличился, и правительство обложило его более высоким налогом, но это не то, что повышение ренты. Если бы налоги были снижены, не понизилась ли бы цена продукта? Если вы скажете, что цена понизилась бы, то это значит, что в форме налога отбирается не только вся рента, но также и часть прибыли, которая в дальнейшем перекладывается на потребителя в повышенной цене продукта.

131. Стр. 232.

Сначала выгода пойдёт в пользу прибыли, а затем в пользу ренты. Срок, в течение которого будет происходить этот процесс, зависит от возрастания населения и от последующего спроса на увеличенное количество сырья, которое может быть доставлено *.

132. Стр. 233. «И я убеждён, что, если мы будем беспристрастны в своих сравнениях, т. е. если мы будем сравнивать страны, условия которых сходны как в отношении площади, так и в отношении вложенного в землю капитала, а это, очевидно, единственный беспристрастный способ сравнения, мы найдём, что рента будет пропорциональна естественному или искусственному плодородию почвы».

Г-н Мальтус часто отсылает меня к Южной Америке, чтобы показать мне, что некоторые из моих выводов не согласуются с фактами. Едва ли, однако, будет правильно ссылаться на эту страну, чтобы показать, что при очень плодородной земле рента низка **.

133. Стр. 233. «Если бы естественное плодородие нашего острова было вдвое выше, чем в настоящее время, а народ был бы столь же трудолюбив и предприимчив, то, согласно любой правильной теории, страна была бы теперь вдвое богаче и населённое, а рента была бы выше нынешней более чем вдвое».

Никто не отрицает естественную и обычную, но не необходимую связь между рентой и плодородием.

134. Стр. 234. «Можно сказать, что плодородие земли, будь оно естественным или искусственным, есть единственный источник неизменно высокой прибыли на капитал. Если бы страна была исключительно промышленной и торговой и покупала бы весь нужный ей хлеб по цене европейских рынков, абсолютно невозможно, чтобы прибыль на её капитал была высокой в течение долгого времени».

Норма прибыли в такой стране, как и норма прибыли во всех странах, зависела бы от количества труда, необходимого

* Это вывод, сделанный Рикардо из маленького экскурса, который Мальтус посвятил вопросу о следствиях введения культуры картофеля в Ирландию, поскольку это повлияло на изменение прибыли и ренты. Рикардо ограничился этим выводом и не привёл никакой цитаты. — *Ред.*

** В рукописи это примечание вычеркнуто целиком. — *Прим. англ. ред.*

для обеспечения заработной платы рабочего. Если цена хлеба низка сравнительно с ценами всех других предметов, на которые покупается хлеб, прибыль, естественно, будет высока независимо от того, возделывает ли страна сама свой хлеб или ввозит его.

Подлинная дешевизна хлеба, его низкая трудовая цена, является действенной причиной высоких прибылей, независимо от того, получается ли она непосредственно от обработки земли или благодаря ввозу. Без дешевизны хлеба, т. е. без большого прибавочного продукта, получаемого в обмен на труд, прибыли не могут быть высоки. Но и при дешевизне хлеба они могут не быть высоки, потому что положение рабочего может случайно оказаться таким, при котором он сможет взять себе большую долю этого прибавочного продукта, иначе говоря, он сможет получать высокую заработную плату.

135. Стр. 234. «В более ранние периоды истории, когда крупные капиталы встречались крайне редко и были сосредоточены в небольшом числе городов, возникавшая благодаря этому монополия в некоторых отраслях торговли и промышленности имела тенденцию удерживать прибыль на высоком уровне в течение более длительного времени; некоторые государства, бывшие почти исключительно торговыми, несомненно, достигли огромных и блестящих результатов».

У этих государств не было полной монополии; между гражданами существовала конкуренция — одни могли продавать дешевле других, и, следовательно, они должны были снижать цену своих товаров до издержек их производства, или естественной цены.

136. Стр. 234. «Известно, что ни одно торговое и промышленное государство, каково бы ни было превосходство его промышленности, не может в современный период постоянно получать прибыль более высокую, чем средний уровень прибыли в остальных странах Европы. Между тем капиталы, с успехом применяемые на землях умеренно хорошего качества, могут постоянно, и не опасаясь перерывов или препятствий, приносить иногда 20%, иногда 30 или 40, а иногда даже 50 или 60%».

Потому, что в этих странах не было больших различий в цене хлеба, выраженной в труде, или же потому, что рабочие в некоторых странах оплачивались лучше, чем в других.

137. Стр. 235. «При сравнении двух стран, располагающих одинаковыми капиталами и получающих одинаковую норму прибыли, из которых одна владеет достаточной площадью земли, чтобы производить для себя хлеб, а другая вынуждена покупать хлеб за границей, вполне очевидно, что страна, обладающая достаточным количеством земли, особенно если последняя плодородна, должна быть гораздо богаче, населеннее и иметь в своём распоряжении более крупный доход, подлежащий обложению».

Мы говорим: если бы хлеб ввозился в Англию по низкой цене, прибыль была бы очень высока. Мы говорим, что существующая рента, и всякая рента, некогда составляла прибыль

и поэтому должна быть вычтем из последней. Г-н Мальтус отвечает: если бы прибыли были одинаковы, а вы ввозили бы хлеб, вы были бы, очевидно, беднее на сумму, равную всей вашей ренте. Это верно, *если бы прибыли были одинаковы*, но именно это и составляет предмет спора.

138. Стр. 236. «Другая чрезвычайно желательная выгода от плодородной почвы заключается в том, что страны, наделённые такой почвой, могут не обращать слишком много внимания на наиболее прискорбные и печальные для всякого друга человечества вопли — например, на вопли промышленников и торговцев, требующих снижения заработной платы, чтобы найти рынок для своих экспортных товаров. Если же страна может стать богатой только при условии, что она выигрывает в гонке за снижение заработной платы, я был бы склонен сразу сказать: да погибнет такое богатство!»

И я также. Мы желаем, чтобы рабочий был вполне обеспечен, и утверждаем, что путь для достижения этого заключается в том, чтобы снизить выраженную в труде цену основного товара, который он потребляет. Г-н Мальтус говорит, что страна, покупающая основную часть своего продовольствия у иностранцев, осуждена на тяжёлую альтернативу платить своим рабочим самую низкую заработную плату. Это значит уклоняться от вопроса. Мы отвечаем: это должно зависеть не от того обстоятельства, что она покупает нужное ей продовольствие, а от условий, на которых страна покупает продовольствие; ни одна страна не станет покупать продовольствие за границей, если она может купить его дешевле внутри страны.

139. Стр. 236. «Отказ от того незначительного прироста продуктов и населения, который был бы результатом обработки плохих земель, в обширной и плодородной стране означал бы лёгкую и незаметную жертву, тогда как благо, которое пристекло бы из этого для большой массы населения, было бы неоценимым».

Почти всякий народ мог бы быть счастлив на любой территории, если бы он достаточно развил привычку к воздержанию и ограничил бы численность населения в соответствии с теми припасами, которые легко произвести.

140. Стр. 236. «Привычка к воздержанию у рабочих классов страны, зависящей главным образом от промышленности и торговли, могла бы её разорить, но в стране с плодородной почвой такая привычка была бы величайшим из возможных благ».

Это совершенно новая доктрина — у меня будут другие случаи исследовать, правильна ли она.

141. Стр. 237. «Согласно г-ну Рикардо, в ходе общественного развития не только каждый индивидуальный капитал будет доставлять постоянно уменьшающийся доход, но будет также уменьшаться весь

доход, доставляемый прибылью; и, бесспорно, рабочий вынужден будет затрачивать большее количество труда, чтобы произвести ту часть своей заработной платы, которая должна быть израсходована на покупку предметов первой необходимости».

Г-н Мальтус цитирует меня неправильно: я сказал, что так будет в том случае, если вы вынуждены прибегать к худшей земле, чтобы кормить возрастающее население — следствие накопления вашего капитала; но я прибавил, что этого не будет, если вы можете получать дешёвый хлеб из-за границы и действительно получите его.

По моему плану к ренте ничто не перейдёт ни из прибыли, ни из заработной платы; запретите ввоз, и некоторая часть прибыли и заработной платы перейдёт к ренте, в то время как фактический продукт будет меньше. «Обратите внимание на выгоду возделывания хлеба в сравнении с ввозом его, — говорит г-н Мальтус. — С развитием капитала прибыль и заработная плата будут падать, но, если вы будете возделывать свой собственный хлеб, рента компенсирует вас за эту потерю». Я отвечаю: откажитесь от возделывания собственного хлеба, прибыль не упадёт, и вы не будете желать неадекватной компенсации за потерю, которой вы не понесёте. Едва ли справедливо цитировать меня, чтобы показать, что прибыль упадёт независимо от того, будете ли вы ввозить или возделывать хлеб.

142. Стр. 239. «Итак, с какой бы точки зрения ни рассматривать предмет, то свойство земли, которое, по законам нашего бытия, должно вести к ренте, может считаться важнейшим благодеянием для человеческого рода; и я убеждён, что значение этого благодеяния может быть недооценено только теми, кто всё ещё заблуждается относительно его сущности и его влияния на общество».

Существует прибавочный продукт в земледелии, из которого берутся прибыль и рента. Я держусь мнения, что интересам общества лучше всего способствует разрешение свободного ввоза хлеба, последствием которого будет то, что прибавочный продукт с земли, обрабатываемой в стране, будет поделён в пропорциях, более благоприятных для фермера и капиталиста и менее благоприятных для землевладельца. Г-н Мальтус, повидимому, расходится со мной во мнениях, но вместо того, чтобы показать, что общество выиграет, отнимая часть прибавочного продукта у капиталиста и отдавая её землевладельцу, он рассматривает ренту как чистый выигрыш и обвиняет меня в том, что я недооцениваю её стоимость, потому что не соглашаюсь признать, что прибавочный продукт возрастает или уменьшается с повышением или падением ренты.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ЧЕТВЁРТОЙ О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ РАБОЧИХ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

О зависимости заработной платы от спроса и предложения

143. Стр. 241. «Чтобы показать, что то, что можно назвать издержками воспроизводства рабочей силы, влияет на заработную плату лишь постольку, поскольку эти издержки регулируют предложение труда, достаточно обратить наше внимание на те случаи, когда под влиянием временных обстоятельств издержки производства не регулируют предложения труда; в этих случаях мы всегда найдём, что издержки производства немедленно перестают регулировать цены».

Во многих частях труда г-на Мальтуса подчёркивается это мнение по отношению к товарам, но мне неизвестно, кто ставил эту точку зрения под вопрос. Естественная цена есть только иное название для издержек производства; пока товар будет продаваться на рынке по своей естественной цене или выше её, он будет предлагаться на рынке; следовательно, издержки производства регулируют предложение. Г-н Мальтус говорит, что спрос в сравнении с предложением регулирует цену * и издержки производства товара регулируют предложение. Это спор о словах — всё, что регулирует предложение, регулирует и цену.

144. Стр. 245. «Адам Смит обычно ссылаясь на принцип спроса и предложения в подобных случаях **, но иногда забывал его: «...Если какой-либо вид труда, — говорит он, — требует особенного искусства и ловкости, то уважение, с которым люди относятся к таким способностям, придаёт их продукту большую стоимость, чем это соответствовало бы времени, затраченному на него ***».

Иначе говоря, это заставит людей согласиться на более высокую оплату такого продукта, но стоимость последнего

* В первоначальной редакции в рукописи: «что спрос регулирует предложение». — *Прим. анал. ред.*

** Различная цена труда в разных профессиях. — *Ред.*

*** См. *Адам Смит*, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, М. 1935, стр. 45. — *Ред.*

будет регулироваться не этим согласием, а предложением продукта, в свою очередь зависящим от интереса, который будет толкать родителей на то, чтобы они передали детям это искусство и умение и были готовы пойти на требующиеся для этого издержки. Если бы рабочим было легко доставлять своим детям это искусство с небольшими издержками, стоимость его была бы незначительной, как бы высоко его ни уважали.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Об основных причинах, влияющих на привычки рабочих классов

145. Стр. 247. «Г-н Рикардо называет естественной ценой труда ту цену, «которая необходима, чтобы рабочие имели возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа» *. Я расположен, наоборот, называть эту цену наименее естественной, так как при естественном порядке вещей, т. е. когда не существует больших препятствий для роста богатства и населения, такая цена не может вообще установиться в течение сотен лет».

Я дал это определение, чтобы у нас мог быть общий язык для применения ко всем аналогичным случаям. Под естественной ценой я подразумеваю не обычную цену, но такую, какая необходима, чтобы постоянно удовлетворять данный спрос. Естественная цена хлеба есть цена, по которой он может доставляться при обычной норме прибыли. При всяком спросе на большее количество хлеба рыночная цена его поднимется выше естественной цены, и, вероятно, она никогда не бывает равна естественной цене, а бывает или выше, или ниже её; то же можно сказать о естественной цене труда **.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Об основных причинах, определяющих спрос на труд и рост населения

146. Стр. 258. «Если понижение *** значительно и если уменьшение стоимости сырья не компенсируется увеличением количества, без работы окажется так много рабочих, что заработная плата, после периода больших бедствий, понизится в общем в той же пропорции».

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 85.— *Ред.*

** Последнее предложение имело в рукописи первоначально следующую редакцию:

«При всяком спросе на большее количество хлеба рыночная цена поднимется выше естественной цены; поэтому, если капитал и население регулярно растут, рыночная цена может в течение многих лет превышать естественную цену. Однако я очень мало озабочен тем, чтобы отстаивать своё определение естественной цены труда. Для моих целей это так же хорошо сделает г-н Мальтус». — *Прим. англ. ред.*

*** Цен на сырьё. — *Ред.*

Могут ли цены на сырьё упасть иначе, чем вследствие увеличения предложения, уменьшения спроса или снижения издержек производства? Если цены снизятся от уменьшения спроса, это значит, что рабочие, видимо, остались без работы ранее, чем это произошло, и отсутствие у них работы нельзя приписать этой причине. Если предложение сырья увеличится без какого-либо сокращения предложения других товаров, это не может понизить способность страны в целом дать рабочим работу, а, наоборот, должно её повысить.

Это может уменьшить платёжеспособность фермера, так как он должен платить денежную ренту, и, следовательно, при возросшем количестве продукта после уплаты ренты он сможет купить меньше труда. Но если у фермера будет меньше, кто-то должен получить больше. Рента, которая перешла к землевладельцу, дала бы фермеру возможность нанимать больше рабочих. Если у капиталистов сохранился прежний денежный капитал *, они могли бы на ту же сумму денег в случае падения заработной платы нанять больше рабочих, и всё же положение рабочих было бы лучше, чем прежде. Если денежная заработная плата не понизилась, спрос на труд всё же увеличился бы, так как на ту же денежную заработную плату можно было бы купить больше продовольствия и других товаров, и, следовательно, это создаст для рабочих больший стимул. Даже если бы не требовалось ничего другого, понадобилось бы больше мельников для размолота зерна, больше пекарей для выпечки хлеба и больше поваров для изготовления пирожных. Если бы издержки производства хлеба снизились, цена его понизилась бы без увеличения предложения, но в стране потребовалось бы не меньше рабочих, так как пропорционально тому, насколько меньше труда было бы затрачено на производство хлеба, настолько же больше его было бы затрачено на производство других вещей.

147. Стр. 258. «Но если понижение цен на сырьё происходит только постепенно и если снижение меновой стоимости сырья частично компенсируется увеличением его количества, денежная заработная плата в общем не обязательно понизится; следствием будет только слабый спрос на рабочие руки, быть может, не настолько слабый, чтобы оставить без работы уже работающих, но достаточно слабый, чтобы помешать сдельной работе или сократить её, чтобы препятствовать найму женщин и детей и чтобы создать недостаточный стимул для подрастающего поколения рабочих. В этом случае количество предметов первой необходимости, которое фактически зарабатывает своим трудом рабочий и его семья, может быть в действительности меньше, чем тогда, когда, в силу повышения цен, на дневной заработок рабочего можно купить меньшее количество хлеба; хотя кажется, что в первом случае рабочие будут иметь большую возмож-

* В первоначальной редакции: «прежняя денежная прибыль». — *Прим. анал. ред.*

ность покупать предметы первой необходимости, в действительности она будет меньше, чем во втором случае, и поэтому согласно всем общим принципам это должно оказать меньшее влияние на рост населения».

Если это означает, что одно только понижение *цены* предметов первой необходимости не есть само по себе причина возрастания спроса на труд и действительного улучшения положения рабочего по сравнению с прежним, с этим нельзя спорить, потому что деньги могут измениться в стоимости, а предложение хлеба может в то же время уменьшиться. Денежная цена хлеба упадёт, но денежная цена труда * упадёт ещё больше.

Если деньги не изменяются в стоимости, то падение денежной цены хлеба должно быть для рабочего благоприятно. Оно может быть вызвано только изобилием, а это изобилие либо должно быть временным, например вследствие случайной хорошей погоды, или должно быть результатом более постоянной причины, следствием более дешёвого способа производства. Временное изобилие в силу очень хорошего урожая не благоприятно для фермера **, но благоприятно для всех других классов. Фермер может получить меньший доход, и даже его капитал уменьшится, потому что его обязательства по отношению к землевладельцу выражены в деньгах, а очень обильный урожай будет стоить в денежном выражении меньше, чем скудный. Землевладелец получит не больше денежной ренты, но цена хлеба, потребляемого им и его семьёй, и зерна, идущего на корм лошадям и скоту, будет ниже, и он выиграет на разнице в цене. Если заработная плата понизится, промышленники выиграют, так как они получают возросшие прибыли, а также будут пользоваться при расходовании их теми же выгодами, какие получают землевладельцы. Даже фермер получит некоторую компенсацию, так как будет платить более низкую заработную плату. Если заработная плата не упадёт, рабочие будут иметь более широкие возможности пользоваться благами; поскольку основная статья расхода уменьшится, они смогут истратить на другие предметы или сберечь разницу между суммой, которую они прежде расходовали на хлеб, и суммой, которая требуется для этой цели теперь. Если они сберегают столько же, сколько теряет фермер, общество не станет беднее, чем прежде, и даже при прежней средней цене хлеба в будущем будет предъявлен спрос на такое же количество труда. Но если рабочие ничего не сберегают и заработная плата не падает, следует, по моему мнению, допустить, что временное изобилие хлеба в силу хорошего урожая имеет тенденцию уменьшить

* В рукописи первоначально: «денежная цена заработной платы». — *Прим. англ. ред.*

** В рукописи вычеркнуто «для капиталиста». — *Прим. англ. ред.*

действительный капитал страны. Другое действие окажет низкая цена хлеба, вызванная постоянно уменьшающимися издержками его производства. Это тоже может быть убыточно для фермеров и будет также временно убыточно для землевладельцев, но все другие классы извлекут из этого такие постоянные выгоды, что общество во всяком случае будет более чем вознаграждено за эти ничтожные вычеты.

Нет необходимости останавливаться на этой стороне предмета, так как я несколько раз разъяснял свои взгляды по этому вопросу.

Г-н Мальтус, повидимому, думает, что понижение цен сырья при всех обстоятельствах и чем бы оно ни было вызвано, будет сопровождаться уменьшением спроса на труд. В одном случае «без работы окажется так много рабочих, что заработная плата, после периода больших бедствий, понизится в общем в той же пропорции». В другом случае «количество предметов первой необходимости, которое фактически зарабатывают своим трудом рабочий и его семья, может быть в действительности меньше, чем тогда, когда, в силу повышения цен, на дневной заработок рабочего можно купить меньшее количество хлеба».

148. Стр. 261. «Что необходимо главным образом для быстрого роста населения, так это большой и постоянный спрос на труд. А этот спрос определяется нормой годового прироста валовой стоимости капитала и дохода страны и с ней соразмеряется, потому что, чем быстрее возрастает стоимость годовичного продукта, тем больше возрастает способность покупать новый труд и тем больше он будет требоваться с каждым годом».

Верность этого положения зависит от того значения, которое придаётся слову стоимость. С моей точки зрения способность покупать труд может возрастать, хотя стоимость капитала страны может уменьшаться. Это зависит главным образом от количества капитала или той части капитала, которая даёт занятие рабочим. Между тем, согласно г-ну Мальтусу, стоимость зависит от количества предметов первой необходимости и удобств. Его положение поэтому гласит, что «население будет возрастать вместе со спросом на труд и со средствами содержания рабочих», положение, которое не может быть опровергнуто.

149. Стр. 261. «Иногда думают, что спрос на труд может быть пропорционален увеличению только оборотного, но не основного капитала, и это, несомненно, верно в отдельных случаях; но нет нужды делать такое различие, когда речь идёт о всей стране, потому что там, где замена оборотного капитала основным сберегает большое количество труда, который не может найти применения в другом месте, она уменьшает стоимость годовичного продукта и задерживает рост капитала и дохода, взятых вместе».

Действительный спрос на труд должен зависеть от возрастания той части капитала, из которой выплачивается заработная

плата *. Если я получаю доход в 2 тыс. ф. ст., то при расходовании этого дохода я неизбежно употребляю труд. Если я превращаю этот доход в капитал, сначала я употребляю тот же труд, что и прежде, но производительно, а не непроизводительно. Этот труд может быть употреблён на производство машин, машина становится капиталом, и всё, что она производит, есть доход, извлекаемый из этого капитала. Или этот труд может быть употреблён на обработку земли, и производимый им хлеб может стать капиталом, который даст мне возможность употреблять дополнительное количество труда **. Общество делает то или другое соответственно спросу на тот или другой предмет труда человека или на предметы, производимые почти исключительно машинами; в общем накопленный капитал будет состоять из смеси того и другого, как основного, так и оборотного капитала. Из этого явствует, что для того, кто сберёт капитал, не имеет никакого значения, будет ли он употреблён как основной или как оборотный капитал; если прибыль составит 10%, она одинаково даёт доход в 200 ф. ст. на 2 тыс. ф. ст. капитала, но если капитал будет употреблён как основной, продукты на сумму в 250 или 300 ф. ст. могут возместить капитал и дать 200 ф. ст. прибыли; если же он будет употреблён как оборотный капитал, может быть необходимо продать произведённые продукты за 2 200 ф. ст., чтобы возместить капитал и дать 200 ф. ст. прибыли. Страна, которая обогащается только за счёт чистого, а не за счёт валового дохода, будет одинаково могущественна в обоих случаях; для капиталиста не может иметь никакого значения, состоит ли его капитал из основного или оборотного капитала, но это в высшей степени важно для тех, кто живёт на заработную плату: они чрезвычайно заинтересованы в увеличении валового дохода, так как именно от валового дохода должны зависеть возможности снабжения населения. Если капитал реализован в машинах, то в этом случае спрос на увеличенное количество труда будет невелик; если он создаёт добавочный спрос на труд, он будет необходимо реализован в таких предметах, которые потребляются рабочим.

150. Стр. 261—262. «Если бы, например, капиталист, который употреблял 20 тыс. ф. ст. на производительный труд и обычно продавал свои товары за 22 тыс. ф. ст., получая, таким образом, прибыль в 10%, употребил то же количество труда на постройку машины ценой в 20 тыс. ф. ст.,

* В рукописи здесь вычеркнуто следующее предложение: «Основной капитал не может быть увеличен иначе, как средствами труда, и поэтому сначала должен быть расширен оборотный капитал, или, что то же, должно произойти сокращение непроизводительного и увеличение производительного потребления». — *Прим. англ. ред.*

** В рукописи первоначально: «употреблять дополнительный капитал на содержание рабочих». — *Прим. англ. ред.*

которая дала бы ему возможность продолжать производство, не прибегая в будущем к помощи труда, за исключением рабочих для ремонта этой машины, то очевидно, что в течение первого года стоимость годовичного продукта и спрос на труд останутся без изменения; но в следующем году, поскольку для получения такой же нормы прибыли, как и в прошлом, капиталисту будет достаточно продать свои товары на сумму несколько больше 2 тыс. ф. ст. вместо 22 тыс. ф. ст., стоимость годовичного продукта упала бы, капитал не увеличился бы, а доход определённо уменьшился бы».

Мне кажется, что во всей этой аргументации кроется ошибка. У меня есть оборотный капитал в 20 тыс. ф. ст., с помощью которого я производжу товары, продаваемые мною за 22 тыс. ф. ст. Внезапно я прекращаю дело, и, вместо того чтобы производить эти товары, делаю машину, которая стоит 22 тыс. ф. ст. Я не буду ни богаче, ни беднее, так как товары в одном случае и машина в другом представляют одинаковую стоимость*.

151. Стр. 263. «Даже в земледелии, если бы вышел из употребления основной капитал, состоящий из лошадей, которые вследствие большего количества потребляемых ими продуктов представляют наиболее невыгодную категорию основного капитала, то, вероятно, большая часть земель, занятых в настоящее время под хлеб, осталась бы без обработки. Малопродуктивные земли никогда не могли бы приносить достаточный продукт, чтобы оплатить труд по обработке земли заступом, по перевозке удобрений тачкой, по транспортировке продуктов земледелия на отдалённые рынки также на тачке. В этом случае, поскольку количество произведённого хлеба значительно уменьшилось бы, значительно сократилась бы и вся стоимость продукта; спрос на труд и численность населения также значительно уменьшились бы».

Мне не кажется необходимым следствием, что «спрос на труд и численность населения значительно уменьшились бы».

Предположим, что была получена 1 тыс. кварталов пшеницы, из которых 200 кварталов можно считать прибавочным продуктом, и что из остающихся 800 были уплачены 400 рабочим за их труд, а 400 были употреблены на корм для лошадей и быков, используемых в хозяйстве фермы. Предположим теперь, что вместо 1 тыс. кварталов были произведены только 900** вследствие введения огородных культур и отказа от использования лошадей и быков.

Пусть из этих 950 кварталов только 150 составляют прибавочный продукт, и пусть остальные 800 кварталов будут отданы сельскохозяйственным рабочим за их труд. При этих обстоятельствах здесь может возрасти спрос на труд при уменьшении валового и чистого продукта. Будет ли это так или нет, зависит

* Примечание в целом в рукописи зачёркнуто. Приведённый текст представляет только отрывок; первоначальная редакция примечания, видимо, занимала в рукописи больше 6 страниц, что явствует из пропуска в карандашной нумерации листов. — *Прим. англ. ред.*

** Вероятно, описка, следует 950. — *Прим. англ. ред.*

от количества земли, которое такая низкая норма прибыли заставила бы изъять из обработки. Следует однако допустить, что сокращение продукции совместимо с возросшим потреблением *человеческих существ*, и поскольку в этом случае всё произведённое количество было бы потреблено человеком, то мог бы увеличиться спрос на труд, хотя хлеб повысился бы в цене и требовал бы возросших издержек на своё производство *.

152. Стр. 264. «Предполагая даже, что вскапывание заступом могло бы на некоторых почвах улучшить землю, так что урожай с лихвой компенсировал бы дополнительную затрату труда, всё же, поскольку приходится держать лошадей, чтобы перевозить удобрения на значительные расстояния и доставлять продукты на рынок, земледельцу вряд ли будет выгодно применять труд людей для вскапывания земли, в то время как лошади праздно стояли бы в конюшне».

Я не намерен высказывать своё мнение по вопросу о вскапывании земли, я не компетентен в этом, но не вижу никакой необходимости, чтобы лошади праздно стояли в конюшне. Одни и те же лошади могут выполнять работу на различных фермах; их могут сдавать в наём для других работ, где используются лошади, или же фермер может нанимать лошадей от случая к случаю.

153. Стр. 264. «С другой стороны, если благодаря постепенному введению более значительного количества основного капитала можно было бы обрабатывать землю и доставлять её продукты на рынок с меньшими издержками, можно было бы намного увеличить продукцию путём обработки и мелиорации всех наших невозделанных земель; и если бы введение этого основного капитала производилось единственно возможным способом, т. е. постепенно, нет повода сомневаться, что стоимость сырья держалась бы приблизительно на прежнем уровне, и значительное увеличение количества сырья в соединении с гораздо большим удельным весом лиц, которые могли бы быть заняты в промышленности и в торговле, вызвало бы бесспорно очень большое повышение меновой стоимости всей совокупности продуктов и породило бы таким образом значительный спрос на труд и вызвало бы большой прирост населения».

Может быть, есть возможность выполнять при помощи лошадей почти всю работу, выполняемую людьми; будет ли в этом случае замена человеческого труда работой лошадей, даже если бы она доставила большее количество продуктов, выгодна для рабочего класса? не уменьшит ли это, напротив, весьма существенно спрос на труд? Я желал бы только сказать, что это *могло бы* случиться; при более дешёвом способе обработки земли спрос на труд *мог бы* уменьшиться, а при более дорогом — он мог бы повыситься.

* В рукописи здесь вычеркнуты слова: «Это, быть может, единственный случай, когда замена трудом основного капитала, если можно так назвать лошадей, не сопровождалась бы выгодой для капиталиста, но была бы выгодной для рабочих». — *Прим. англ. ред.*

154. Стр. 265. «В то же время бесспорно, что, если бы замена оборотного капитала основным совершалась очень быстро и раньше, чем можно было бы найти достаточный рынок для полученной при помощи этого капитала более обильной продукции и для нового продукта труда рабочих, ранее остававшихся без работы, повсеместно чувствовалось бы уменьшение спроса на труд и усиление нужды среди рабочих классов общества».

Своеобразная теория г-на Мальтуса состоит в том, будто предложение может быть настолько обильно, что товар сможет не найти рынка. Он настаивает на этом в различных частях своего труда. Очень большая лёгкость производства могла бы, при известных обстоятельствах, поощрять привычку к праздности и может поэтому быть причиной того, что товары не будут производиться в достаточном изобилии; но, когда они уже произведены, это не может быть причиной того, что они не будут обмениваться друг на друга. Всем нам нравится покупать и потреблять; трудность лежит только в производстве. Один продукт покупается на другой; всякий человек купит, если у него есть продукт для обмена и если он не считает его имеющим большую стоимость, чем предлагаемый товар.

155. Стр. 265. «Но в этом случае весь продукт, или капитал и доход страны, взятые вместе, наверное понизятся в стоимости вследствие временного избытка предложения по отношению к спросу; и это показало бы, что изменения в этой стоимости сравнительно с прежней стоимостью, затраченной на заработную плату, суть главные регуляторы способности и желания пользоваться наёмным трудом».

Другими словами, они * могут понизиться, по моему предположению, в принятой г-ном Мальтусом мере реальной меновой стоимости, а именно в предметах первой необходимости и удобствах; но, если предположить, что этот возросший продукт состоял из удобств и предметов первой необходимости, они должны повыситься в стоимости, потому что стоимость стандартного мерила зависит от его количества **.

Нельзя было бы также сказать, что они будут распоряжаться меньшим количеством труда, если только труд не повысился в стоимости, потому что распоряжение трудом должно зависеть от средств для его оплаты, а эти средства возросли бы благодаря увеличившемуся количеству предметов первой необходимости и удобств. Если можно было распоряжаться только меньшим количеством труда, то лишь потому, что стоимость труда повысилась сравнительно с предметами первой необходимости; в этом заключалась бы причина понижения прибыли и менее быстрого накопления капитала, но низкая прибыль существовала бы только до тех пор, пока стоимость труда продол-

* Капитал и доход страны. — *Ред.*

** Первоначальная редакция была следующей: «потому что стоимость зависит от количества». — *Прим. англ. ред.*

жала оставаться высокой. Пусть население возрастет, а стоимость труда сравнительно с предметами первой необходимости понизится, тогда прибыли снова повысятся и создадут стимулы к новому накоплению. Я должен повторить здесь то, что часто говорил в другом месте, а именно, что капитал * и труд не могут быть изобильны в одно и то же время, потому что один всегда будет покупать другой, как бы они оба ни множились.

Сказать, что у меня очень большой капитал, значит сказать, что я предъявляю большой спрос на труд. Сказать, что имеется большое изобилие рабочей силы, значит сказать, что нет достаточного капитала, чтобы её использовать.

156. Стр. 265. «Образование стоимости всего продукта страны зависит частично от цены и частично от количества. Та часть, которая зависит единственно от цены, по природе менее прочна и менее важна, чем часть, зависящая от количества. За повышением цены при небольшом увеличении количества продуктов или совсем без такового должно очень скоро последовать почти пропорциональное увеличение заработной платы; по мере того как уменьшается способность денежной заработной платы покупать предметы первой необходимости, население должно перестать увеличиваться, и никакое дальнейшее повышение цен не может вызвать действительный спрос на труд».

Если ** цена определяется при помощи мерил, стоимость которого не изменяется, цена и стоимость означают одно и то

* Первоначально «прибыли». — *Прим. англ. ред.*

** В рукописи Рикардо имеются три варианта этого примечания, из которых печатается третий, окончательный вариант.

Первый вариант таков:

«Под ценой г-н Мальтус подразумевает денежную цену и, конечно, в такое время, когда стоимость денег не изменяется. Следует помнить, что это моя мера стоимости, которую г-н Мальтус так громогласно осуждает. В приведённом месте он предлагает компромисс со мною: он согласен признать половину моей меры стоимости, если я соглашусь признать половину его меры. Я не могу согласиться на это».

На этом Рикардо прервал изложение и начал второй вариант:

«Г-н Мальтус должен подразумевать цену в деньгах, стоимость которых неизменна, или в деньгах, стоимость которых изменяется. В первом случае я говорю, что вся стоимость зависит от цены всего количества, что она будет держаться в течение долгого времени, и при незначительном увеличении количества или при неизменности его не произойдёт никакого повышения заработной платы, потому что спрос на труд зависит от количества. Хотя весь продукт, взятый в целом, может иметь более высокую цену, каждый предмет может сохранять свою прежнюю цену. Цена 150 кварталов пшеницы может быть больше, чем цена 100 кварталов, и всё же каждый отдельный квартал может продаваться по прежней цене. Если г-н Мальтус имеет в виду, что стоимость всего продукта зависит в какой-либо степени от цены в изменяющемся мериле, я не знаю, как с ним спорить, потому что наши взгляды на стоимость настолько различны, что мы явно не понимаем терминов, употребляемых каждым из нас. При таком мериле повышение цены может иметь место без всякого увеличения количества и даже при уменьшении последнего или же может произойти обратное: как количество, так и цена могут повыситься или понизиться одновременно». — *Прим. англ. ред.*

же, и тогда я понимаю это положение следующим образом: либо всё количество продукта могло возрасти, причём каждый отдельный предмет сохранил прежнюю цену, либо количество могло не увеличиться, а могла повыситься цена каждого отдельного предмета. Вся цена 150 кварталов пшеницы может быть больше, чем вся цена 100 кварталов, и всё же каждый отдельный квартал может иметь такую же стоимость, как прежде, или 100 кварталов могут иметь ту же стоимость, какую 150 кварталов имели прежде, потому что повысилась стоимость каждого отдельного квартала. Повышение цены каждого отдельного квартала в неизменном мериле должно, если носит сколько-нибудь длительный характер, вызываться ростом издержек производства; но повышение цены более значительного количества совместимо с понижением издержек производства.

Г-н Мальтус говорит, что «за повышением цены при небольшом увеличении количества продуктов или совсем без такового должно очень скоро последовать почти пропорциональное увеличение заработной платы». Я очень сомневаюсь, будет ли повышение заработной платы пропорционально повышению цены хлеба, потому что, если цена хлеба может повышаться в неизменном мериле только благодаря увеличению издержек производства, должно быть затрачено больше труда, чтобы получить прежнее количество.

При большем количестве труда потребуется больше рабочих, и если большее число рабочих получают все вместе только прежнее количество хлеба, то, конечно, доля каждого отдельного рабочего будет меньше, и поэтому цена труда не может повыситься в той же пропорции, как цена хлеба. Я согласен с г-ном Мальтусом, что «по мере того, как уменьшается способность денежной заработной платы покупать предметы первой необходимости, население должно перестать увеличиваться», и поэтому не могу согласиться с ним, что заработная плата рабочего будет увеличиваться пропорционально цене хлеба; если бы это было так, то население никогда не перестало бы увеличиваться. Если повышение всей стоимости продукта объясняется увеличением количества, тогда заработная плата, вероятно, действительно повысилась бы, потому что увеличился бы спрос на труд.

Поскольку денежная заработная плата повысилась бы, а цены товаров, на которые тратится заработная плата, не поднялись бы, рабочий мог бы распоряжаться добавочным количеством товаров, и население, вместо того чтобы остановиться в своём росте, продолжало бы увеличиваться; второе повышение цен, при тех же обстоятельствах, породило бы дальнейшее повышение спроса на труд.

Всё это верно, если предположить, что деньги, в которых исчисляется цена, сохраняют в это время неизменную стоимость,

но если дело обстоит иначе, если г-н Мальтус имеет в виду, что денежное выражение общей стоимости увеличивается при неустойчивой стоимости денег, то не знаю, как с ним договориться, так как мы можем предполагать, что само мерило стало теперь более ценным или менее ценным. В таком мериле повышение цены может произойти при прежнем, при большем или при меньшем количестве продукта. Как количество, так и цена могут оба повыситься или оба понизиться *. Каждый индивидуальный предмет может повыситься или понизиться в цене, и это может сопровождаться повышением или понижением заработной платы. Невозможно отрицать какое-либо положение, выдвигаемое по отношению к цене, если заранее не определено, рассматривает ли его автор деньги в данное время как стоимость неизменную или изменяющуюся, и если она изменяется, то в какой степени и в каком направлении.

157. Стр. 265. «С другой стороны, если количество продукта будет увеличиваться так быстро, что стоимость его в целом уменьшится в силу чрезмерного предложения, то за него нельзя будет купить в данном году такое же количество труда, как в прошлом, и в течение известного времени не будет спроса на рабочих».

При увеличении количества товаров возможно, что на эти товары нельзя будет купить такое же количество труда, как прежде; это я заключаю из того, что, поскольку цены товаров низки в сравнении с трудом, цена труда будет пропорционально высока в сравнении с товарами. На труд предъявляется тогда большой спрос, он оплачивается по высокой стоимости, и рабочий пользуется изобилием благ; товаров много, и рабочий получает значительную долю их. Ничего подобного, говорит г-н Мальтус, «в течение известного времени не будет спроса на рабочих». Как согласовать эти два положения?

О Т Д Е Л П Я Т Ы Й **

О выводах, которые следуют из предыдущего обзора цен на хлеб и труд за последние пять столетий

158. Стр. 289. «Если рабочий зарабатывает в день одну меру пшеницы вместо $\frac{3}{4}$ этой меры благодаря повышению заработной платы, вызванному спросом на труд, не подлежит сомнению, что найдут работу все рабочие, желающие и могущие работать, а вероятно, также и их жёны и дети; но, если рабочий получает этот излишек пшеницы благодаря понижению цены хлеба, уменьшающему капитал фермера, выгода может

* На этом кончается третий вариант примечания; далее идёт текст, общий для второго и третьего вариантов. — *Прим. англ. ред.*

** Отдел четвёртый «О влиянии понижения стоимости денег на спрос труда и на положение рабочего», в котором Мальтус даёт очерк истории заработной платы, начиная с XIV в., не вызвал у Рикардо никаких замечаний. — *Прим. англ. ред.*

оказаться не столько реальной, сколько призрачной, и, хотя в течение некоторого времени цена труда номинально может не падать, всё же, поскольку спрос на труд может быть стабильным, если не регрессивным, существующая цена труда не будет определённым критерием для суждения о том, что можно заработать совокупным трудом большой семьи или большим напряжением сил главы семьи при выполнении сдельной работы».

Всё в этой аргументации должно зависеть от причины падения цены пшеницы. Временная ли эта причина или постоянная? Вызывается ли это падение лёгкостью производства или временным избытком? Повысилась ли стоимость денег в сравнении со стоимостью хлеба и других предметов или же повышение денежной цены хлеба ограничилось только хлебом? Смотри по тому, вызвано ли падение действием одной или другой из этих причин, последствия будут различны.

Я не понимаю, каким образом спрос на труд может быть стабильным, если не регрессивным, без какого-либо изменения в его цене.

Существующая цена труда представляет лучший из имеющихся критериев, с помощью которого мы можем судить о положении рабочего и его семьи. Что может помешать конкуренции повлиять на цену, когда спрос ослабевает или увеличивается предложение?

159. Стр. 290. «Поэтому очевидно, что одна и та же существующая заработная плата, измеряемая в хлебе, будет при различных обстоятельствах оказывать различное воздействие на рост населения».

Этот вывод меня по меньшей мере не удовлетворяет.

160. Стр. 291. «Я ничего не сказал о стоимости труда, измеряемой критерием, предложенным г-ном Рикардо, т. е. трудом, затраченным рабочим для получения заработка, или издержками заработной платы, выраженными в труде, потому что, как мне кажется, то, что я назвал реальной и номинальной заработной платой, включает всё, что имеет отношение к положению рабочего, к поощрению роста населения и к стоимости денег, т. е. к трём важным пунктам, главным образом заслуживающим нашего внимания. С точки зрения г-на Рикардо на этот предмет, по этим пунктам нельзя сделать никакого вывода ни из повышения, ни из понижения заработной платы».

Как думает г-н Мальтус, то, что он называет номинальной и реальной заработной платой, включает всё, что имеет отношение к положению рабочего и к поощрению роста населения. Но с моей точки зрения на этот предмет, по его словам, нельзя сделать никакого вывода по этим пунктам. Мешает ли моя точка зрения исследованию действительного положения рабочего? В самом деле, я говорю, что заработная плата рабочего высока, если он получает за свою работу высокую стоимость, т. е. если он получает продукт большого количества труда.

Чтобы знать его действительное положение, мы должны ещё исследовать, что представляет собой этот продукт количественно, а это как раз вопрос, предлагаемый г-ном Мальтусом. Так как я даю номинальной и реальной цене г-на Мальтуса другие названия, он думает, что между нами имеется действительное расхождение, а я думаю, что никакого расхождения в данном случае нет. Сначала я спросил бы, какова денежная заработная плата рабочего, и определил бы его положение обилием предметов первой необходимости, которое эта денежная заработная плата ему доставит.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

О ПРИБЫЛИ НА КАПИТАЛ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Как влияет на прибыль возрастающая трудность добывания средств существования

161. Стр. 294—295. «Две главные причины влияют на средства содержания рабочих:

1) трудность или лёгкость производства в земледелии, вследствие чего большая или меньшая часть стоимости всего продукта достаточна для содержания занятых рабочих, и

2) изменчивое соотношение между количеством капитала и численностью рабочих, занятых этим капиталом, вследствие чего каждый рабочий будет получать больше или меньше предметов первой необходимости».

Обе эти причины могут быть отнесены к высокой или низкой заработной плате. Прибыль на деле зависит от высокой или низкой заработной платы и ни от чего другого.

Чем больше доля стоимости всего продукта, необходимая для содержания рабочего, тем выше будет заработная плата.

Чем больше размеры капитала в сравнении с трудом, которому он даёт занятие, тем выше будет заработная плата.

Во всём этом г-н Мальтус и я, повидимому, согласны. Во всех случаях, когда трудность производства в земледелии такова, что на содержание рабочих употребляется более значительная доля всего продукта, я называю заработную плату высокой, так как измеряю стоимость этими пропорциями; и на основании только что приведённых слов г-на Мальтуса каждый подумал бы, что он согласен со мной; между тем на стр. 291 он говорит: «Я ничего не сказал о критерии, предложенном г-ном Рикардо, т. е. о труде, который был затрачен рабочим для получения заработка, или об издержках заработной платы, выраженных в труде». Чем отличается это от критерия г-на Мальтуса? 100 кварталов пшеницы добываются с земли, поступившей позже всех в обработку, и при настолько возросшей трудности производства, что доля рабочего в этих 100 кварталах составляет 65 кварталов. С земли, которая прежде обрабатывалась как поступившая в обработку последней, было получено с помощью того же количества труда 110 кварталов, и на долю рабочих пришлось тогда 70 кварталов. Часть, уплачи-

ваемая рабочему в настоящее время, меньше, но доля всего продукта, добытого его трудом, больше, потому что прежде он получал 63 %, а теперь 65 %; поскольку же стоимость 100 кварталов поднимется теперь до той стоимости, какую имели прежде 110 кварталов, то, получая более крупную долю произведённого количества, рабочий получит также бóльшую стоимость, и эта стоимость будет продуктом большего количества труда, чем меньшая стоимость прежде. Я утверждаю, таким образом, что бóльшая доля и бóльшая стоимость означают одно и то же. Я предоставляю г-ну Мальтусу выбрать какое угодно мерило для измерения стоимости, за исключением самого сырья, стоимость которого должна быть измерена, и он найдёт моё положение правильным. Конечно, сама мера не должна меняться в стоимости за два периода, между которыми проводится сравнение.

162. Стр. 296. «В этом случае и при предположении, что существует одинаковый спрос на все части одного и того же продукта, очевидно, что прибыль на капитал, вложенный в земледелие, будет пропорциональна плодородию земель, последними поступивших в обработку, или величине продукта, получаемого при затрате данного количества труда. А так как прибыли в одной и той же стране стремятся к уравниванию, то и их средняя норма должна следовать тем же путём».

Я вполне согласен с г-ном Мальтусом в этом объяснении прибыли.

163. Стр. 297. «Но минутное размышление покажет нам, что предположенное нами постоянное единообразие реальной заработной платы рабочих не только противоречит действительному положению вещей, но и заключает в себе противоречие».

И всё же стоимость труда является для г-на Мальтуса стандартной мерой реальной меновой стоимости. Смотри следующие параграфы.

164. Стр. 300. «Издержки производства хлеба и труда постоянно увеличиваются вследствие неизбежных физических причин, тогда как издержки производства промышленных изделий иногда уменьшаются, иногда остаются неизменными и во всяком случае увеличиваются гораздо медленнее, чем издержки производства хлеба и труда».

По всему этому отделу я согласен с г-ном Мальтусом в принципе; мы расходимся только во взглядах на то, что именно составляет реальную меру стоимости.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Как влияет на прибыль отношение, существующее между капиталом и трудом

165. Стр. 302. «Если бы на ранней стадии усовершенствований в земледелии капитал по сравнению с численностью рабочих был недостаточен, вследствие чего заработная плата рабочих была бы низка,

тогда как производительная сила труда была бы высока благодаря плодородию почвы, часть, остающаяся на долю прибыли, была бы неизбежно очень значительной и норма прибыли очень высока.

Однако в общем, хотя можно сказать, что на ранней стадии развития земледелия капитал был недостаточен, всё же та особая часть капитала, которая превращается в пищу, часто бывает избыточна по сравнению с населением, и можно обнаружить одновременно и высокую прибыль и высокую реальную заработную плату.

Я рад заметить, что г-н Мальтус измеряет прибыли при помощи пропорций. Я только прошу его измерять заработную плату таким же образом. Если бы он проделал это, то не сказал бы, что высокая прибыль и высокая реальная заработная плата существуют одновременно на ранней стадии развития земледелия. Единственное расхождение между нами в этом вопросе состоит в названиях, которые мы даём одной и той же вещи; мы оба согласны, что рабочий будет получать высокую заработную плату в хлебе; г-н Мальтус поэтому называет его заработную плату высокой реальной заработной платой. Так как признано, что, когда хлеб производится так легко, стоимость его будет низка, то я говорю, что высокая заработная плата в хлебе будет иметь низкую стоимость, и, следовательно, реальная заработная плата будет низка; доказательство этого заключается в том, что рабочий будет получать только небольшую долю продукта.

166. Стр. 303. «Так как во все времена капитал растёт быстрее, чем число рабочих, прибыль на капитал будет понижаться; и если бы происходил прогрессивный рост капитала, между тем как в силу какой-нибудь скрытой причины рост населения от него отставал, то, несмотря на плодородие почвы и обилие пищи, прибыли стали бы постепенно уменьшаться, пока, после ряда последовательных сокращений, способность накопления и воля к накоплению не перестали бы действовать».

Рабочие пользовались бы монополией, и цена их труда зависела бы только от спроса.

167. Стр. 305. «Денежная цена хлеба и денежная заработная плата были бы, может быть, так же высоки, как если бы они стоили двойного или тройного количества труда» *.

Возможно ли думать, что деньги понизились бы так сильно в стоимости в силу подобной причины? Если бы было так, то какое значение это имело бы? **

* Эта цитата из труда Мальтуса приведена Рикардо полностью, но примечание его относится, видимо, к предшествующим строкам: «Возможно, что в связи с лёгкостью производства в земледелии и с большим удельным весом лиц, занятых в промышленности и торговле, экспорт был бы велик, а стоимость денег была бы очень низка». — *Ред.*

** Всё это примечание заменяет первоначальное: «Я не понимаю, что автор хотел сказать этими словами». — *Прим. англ. ред.*

168. Стр. 305. «Следствия, очевидно, вытекающие из сделанных нами двух предположений *, ясно доказывают, что возрастающее количество труда, необходимого для обработки всё новых земель низкого качества, теоретически не является необходимым, чтобы понизить прибыль с самого высокого до самого низкого уровня».

В этом случае землевладельцам принадлежала бы полная монополия, и цена хлеба поднялась бы до предела ** способности потребителей платить за него.

169. Стр. 305. «Рабочим классам, естественно, может показаться несправедливым, что из большой массы продуктов, полученных от земли, капитала и труда в стране, на их долю приходится столь незначительная часть. Но это распределение в настоящее время определяется, и должно всегда определяться в будущем, законами спроса и предложения, действия которых избежать нельзя».

Всё это прекрасно сказано; следует возможно чаще и яснее внедрять это в сознание рабочих классов.

170. Стр. 307. «Стоимость долгосрочной государственной ренты проявляет естественную и неизбежную тенденцию понижаться по мере приближения к сроку погашения. Такого положение, которое, я думаю, никто не склонен оспаривать; но, полностью признавая его правильность, было бы весьма ошибочно исчислять стоимость ценных бумаг этого рода только оставшимися до срока годами. Хорошо известно, что из сравнительно короткого срока в 90 лет иногда проходила столь значительная часть, как, например, 20 лет, а стоимость этих бумаг не только не уменьшалась, а фактически увеличивалась».

Неужели г-н Мальтус представляет себе, будто кто-либо сомневается в той истине, что прибыли подвержены изменению?

171. Стр. 308. «Точно так же проявляемая прибылями с прогрессом общества естественная и необходимая тенденция к падению вследствие возрастающей трудности добывания пищи есть положение, которое мало кто будет оспаривать; но попытка исчислить норму прибыли в какой-нибудь стране с учётом действия одной только этой причины за десять, двадцать или даже пятьдесят лет подряд, т. е. за периоды достаточно длительные, чтобы оказать наибольшее влияние на процветание страны, привела бы неизбежно к величайшим ошибкам на практике».

Всё же, несмотря на безусловную недостаточность этой единственной причины для объяснения существующих явлений, в своей очень остроумной главе о прибыли г-н Рикардо не остановился ни на какой другой причине».

Г-н Мальтус выдвигает здесь против меня обвинение, которое ему было бы очень трудно доказать. Он сам на стр. 294 *** отдела первого настоящей главы установил две причины падения прибыли. Я вполне согласен с его мыслью, что прибыль всегда изменяется только в силу той или другой из этих причин.

* Уменьшение населения и ограниченность земельной площади. — Ред.

** В рукописи слова «до предела» вставлены взамен слова «пропорционально». — *Прим. англ. ред.*

*** См. цитату в примечании 161. — Ред.

Однако я старался показать, что они могут быть подведены под одну категорию, так как в обоих случаях рабочий получал либо большую, либо меньшую долю всего продукта. Если он получал большую долю, я называл его заработной платой высокой, если меньшую — низкой.

Итак, прибыль высока, когда низка заработная плата, и низка, когда заработная плата высока. Так вот, г-н Мальтус не будет отрицать, что обе упоминаемые им причины высокой или низкой прибыли сводятся к выдаче большей или меньшей доли продукта рабочему. Когда рабочий получает крупную долю продукта, он не назовёт её высокой заработной платой, потому что измеряет стоимость количеством, а не пропорциями; но здесь г-н Мальтус расходится со мной только относительно названия; мы подразумеваем, и он знает, что мы оба подразумеваем одно и то же. Я неизменно утверждал, что высокая или низкая прибыль зависит от низкой или высокой заработной платы; как же можно говорить, что единственной причиной высокой или низкой прибыли я признаю лёгкость или трудность доставления пищи для рабочего. Я утверждаю, что я признавал также и другую причину — отношение численности населения к капиталу, что представляет второй великий регулятор заработной платы.

В главе о прибыли (на стр. 110—111, 2-ое изд.) я говорю: «Если бы, следовательно, заработная плата осталась прежней, то и прибыль фабриканта осталась бы прежней; но если — а это безусловно произойдёт — вместе с повышением цены хлеба повысится и заработная плата, то прибыль необходимо упадёт» *. На стр. 115 я говорю: «Таким образом, во всех случаях прибыль как в земледелии, так и в промышленности понижается при повышении цены сырых материалов, *если оно сопровождается повышением заработной платы*» **.

Я читал первый и второй отделы пятой главы труда г-на Мальтуса с большим удовольствием; в них с большой ясностью и талантом изложены доктрины, которые кажутся мне правильными по отношению к прибыли; я, правда очень несовершенно, пытался сам объяснить те же принципы в своём труде и потому испытал большое удовольствие, читая столь талантливое изложение их г-ном Мальтусом.

Я был, однако, немного разочарован, найдя в конце отдела, что г-н Мальтус думал, будто излагаемая им доктрина существенно отличается от моей. На стр. 308 он говорит, что существуют две причины, влияющие на прибыль, и что я остановился исключительно на одной, которая не могла вызвать последствия, в действительности имевшие место. Надеюсь, что я удовлет-

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 98. — *Ред.*

** Там же, стр. 102. — *Ред.*

ворительно ответил на это обвинение. На стр. 309 он говорит: «Невозможно в таком случае согласиться с выводом, к которому приходит г-н Рикардо в своей главе о прибыли, что «во всех странах и во все времена прибыль зависит от количества труда, требующегося для снабжения рабочих предметами первой необходимости, на той земле или с тем капиталом, которые не приносят никакой ренты» *». Но ведь это не что иное, как доктрина г-на Мальтуса, выраженная другими словами. Я не говорю, что заработок рабочего будет всегда один и тот же, но каков бы он ни был, прибыль будет всегда зависеть от того отношения, в котором находится её стоимость ко всей стоимости, произведённой на земле, последней поступившей в обработку. Известное количество труда необходимо, чтобы получить весь продукт, а прибыль зависит от доли всего количества, которая может быть необходима для обеспечения заработка рабочих; только остаток составляет прибыль.

«Это просто трюизм, — говорит г-н Мальтус, — что если стоимость товаров разделить между заработной платой и прибылью, то чем больше доля одной, тем меньше останется для другой, или, другими словами, прибыль падает, когда поднимается заработная плата, или повышается, когда последняя падает».

Если это трюизм, то это не ошибка, почему же отмечать его как таковую? Это трюизм, однако г-н Мальтус к великому изумлению не всегда его признаёт. Иногда он не соглашается с принципом, как я покажу ниже, но в общем он возражает против терминологии. Он говорит, например, что прибыль и заработная плата могут повышаться и часто действительно повышаются одновременно. Я говорю, что этого никогда не может быть. Почему? Потому что стоимость измеряется пропорциями, и высокая стоимость означает крупную долю всего продукта. Когда одна доля целого возрастает, другая должна уменьшаться. Г-н Мальтус говорит, что стоимость измеряется не пропорциями, а количеством. Увеличьте количество, и, хотя вы измените пропорции, обе стороны могут получить больше. «Мы мало знаем о законах, определяющих прибыль, если только в добавление к причинам, повышающим цену предметов первой необходимости, не объясняем причин того, почему каждому рабочему предоставляется больше или меньше этих предметов первой необходимости». Верно, это и есть тот важный принцип, который я желаю установить, и я не признаю себя виновным в том, будто приписываю предоставление рабочему большей или меньшей доли предметов первой необходимости только одной причине, именно уменьшению производительности.

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 110. — *Ред.*

Обвинение г-на Мальтуса фактически сводится к следующему. «Вы признали, что прибыль зависит от заработной платы; кроме того, вы сказали, что на заработную плату влияют две причины — трудность доставлять постоянно растущее количество продовольствия для возрастающего населения и изменчивое отношение между капиталом и населением, что необходимо должно оказывать воздействие на заработную плату; но вы придаёте слишком много значения первой причине и слишком мало — последней». Мои принципы в таком случае правильны, но я недостаточно точно взвесил значение каждой из этих причин.

Примечание. Заглянув в мою главу о заработной плате, я нахожу:

На стр. 94. «Рыночная цена труда есть та цена, которая действительно платится за него в силу естественного действия отношения между предложением и спросом: труд дорог, когда он редок, и дешёв, когда имеется в изобилии»*.

На стр. 94—95. «Несмотря на тенденцию заработной платы сообразоваться с её естественной нормой, рыночная норма заработной платы может быть в прогрессирующем обществе выше естественной в течение неопределённого периода»**.

На стр. 97. «Независимо от изменений в стоимости денег, которые необходимо отражаются на заработной плате, но на действие которых мы до сих пор не обращали внимания, так как принимали, что деньги постоянно имеют одинаковую стоимость, заработная плата, повидимому, подвержена повышению или падению в силу двух причин:

- 1) предложения и спроса на рабочие руки;
- 2) цены товаров, на которые расходуется заработная плата»***.

Так вот, следует заметить, что обе эти причины как раз те самые, о которых г-н Мальтус упоминает, как о действующих на прибыль, на стр. 294 своего труда.

Смотри также стр. 215 и 216, гл. 16.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Как влияют на прибыль причины, фактически действующие при настоящем положении вещей

172. Стр. 314. «Второе обстоятельство, которое способствовало бы достижению того же эффекта****, это увеличение напряжённости труда рабочих. Напряжённость труда совершенно различна в разных странах

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 86. — *Ред.*

** Там же. — *Ред.*

*** Там же, стр. 88. — *Ред.*

**** Речь идёт о противодействии падению нормы прибыли. Первое обстоятельство — это улучшение обработки земли, включая усовершенствование сельскохозяйственных орудий. — *Ред.*

и в одной и той же стране в различные периоды. Дневной труд индийца или южноамериканского индейца не может сравниться с трудом англичанина; и говорили даже, что, хотя денежная цена рабочего дня в Ирландии составляет немного больше половины денежной цены рабочего дня в Англии, в действительности работа ирландца обходится не дешевле, чем работа англичанина, хотя прекрасно известно, что попадающие в Англию ирландские рабочие, поощряемые хорошим примером и достаточной заработной платой, способны трудиться так же напряжённо, как их английские товарищи.

Все эти обстоятельства относятся к общей, уже отмеченной, причине, а именно «доля продукта, предоставляемая рабочему» *. Перечисленные здесь обстоятельства, несомненно, влияют на заработную плату, а потому влияют и на прибыль.

Г-н Мальтус признаёт, что рабочий день индийца или жителя Южной Америки не может сравниться с рабочим днём англичанина; справедливо ли тогда со стороны г-на Мальтуса предполагать, что, когда я говорил о количестве труда, регулирующем цену и прибыль, я не придавал никакого значения тому, есть ли это труд индийца, ирландца или англичанина. Я применяю свою доктрину только к одной и той же стране и останавливаюсь на масштабе, общепринятом в этой стране. Я не стал бы измерять прибыль в Англии трудом индийца или в Индии — трудом англичанина, если только у меня не имелось бы способа свести их к одному общему масштабу.

173. Стр. 315. «Однако в начале этой главы было сказано, что прибыли зависят от цен продуктов сравнительно с издержками производства и поэтому должны изменяться в силу всех причин, влияющих на цены, хотя бы они и не влияли вместе с тем на издержки производства, а также в силу всяких причин, влияющих на издержки производства без соответствующего влияния на цены».

На протяжении всего своего труда г-н Мальтус пользуется словом «издержки» весьма двусмысленно. Включает ли он прибыль на капитал в издержки производства товара или не включает? Здесь он явно её исключает.

174. Стр. 315. «Когда цены на хлеб и труд повышаются и приводят к изменению стоимости денег, цены многих отечественных товаров подвергнутся очень значительному изменению в течение некоторого времени в силу неравномерного давления налогов и различий в размере основного капитала в их производстве; вместе с тем цены на иностранные товары и на товары, производимые в стране из иностранного сырья, останутся сравнительно низкими».

Я не понимаю, что подразумевается под словами «цены на хлеб и труд повышаются и приводят к изменению стоимости

* Первоначально редакция первых строк была следующей: «Все эти обстоятельства входят в одно общее обстоятельство, а именно: какая доля продукта будет дана рабочему. Прибыль зависит от заработной платы». — *Прим. англ. ред.*

денег». Цена хлеба может повыситься в связи с возросшей трудностью его производства; это повысит стоимость хлеба по отношению к другим предметам, но стоимость денег останется без изменения. Цена хлеба может повыситься, потому что падает стоимость денег; тогда повысятся цены также на все другие товары, но на реальную заработную плату и прибыль не будет оказано никакого влияния, так как повышение будет совершенно номинальным.

175. Стр. 316. «Повышение цены хлеба и труда в стране не повлечёт за собой пропорционального повышения цены таких продуктов*, а поскольку эти продукты составляют какую-то часть капитала фермера, этот капитал станет более производительным, но кожа, железо, дерево, мыло, свечи, ткани хлопчатобумажные и шерстяные и т. д. — всё более или менее входит в капитал фермера или в заработную плату рабочего, и на цены всех этих предметов в большей или меньшей степени влияет ввоз».

Если это будет действительным повышением цены хлеба и труда, а не падением стоимости денег, это не поднимет цены иностранных продуктов. Но как подействует это на цену отечественных продуктов? Цена некоторых повысится, а цена других понизится согласно тому, больше или меньше основного капитала употреблено на их производство. То, что г-н Мальтус говорит в этом параграфе, сводится вкратце к следующему: «Прибыль не упадёт так сильно, как можно было бы ожидать от повышения цены хлеба, потому что, хотя заработная плата рабочего возрастет, ей помешают сильно вырасти сравнительно низкие цены других потребляемых им предметов первой необходимости». Против этого нельзя спорить, и никто этого не оспаривал.

176. Стр. 318. «Начиная со вступления на престол Георга II в 1727 г. до начала войны в 1739 г. ссудный процент стоял немного выше 3. Процент по государственным ценным бумагам, который был понижен до 4, значительно поднялся после этого понижения... В 1750 г., по окончании войны, процент по 4-процентным бумагам был на 7 лет снижен до $3\frac{1}{2}$, и с этого времени он всегда оставался на уровне 3».

Никто не может отрицать, что усовершенствования в земледелии и в приложении труда к земле оказывают на рост прибыли такое же влияние, как повышение плодородия земли.

177. Стр. 320. «Различные нормы процента и прибыли в течение указанных нами двух периодов прямо противоречат теории прибыли, основывающейся на естественных качествах земель, последними поступивших в обработку. На основе этой теории не только нельзя объяснить эти неопровержимые факты, но, если ссылаться исключительно или главным образом на неё, эти факты, вероятно, окажутся прямой противоположностью тому, чем они являются в действительности».

* Производимых в стране из иностранного сырья. См. предыдущую цитату. — *Ред.*

Это недобросовестно. Кто выдвигал «теорию прибыли, основывающуюся на естественных качествах земель, последними поступивших в обработку?» Теория говорит, что прибыль зависит от производительности земли, последней поступившей в обработку, независимо от того, объясняется ли эта производительность естественными качествами земли или экономией и мастерством в приложении труда к земле. Прибыль увеличивается либо путём уменьшения количества труда, затраченного на землю, последней поступившей в обработку и доставляющую данный продукт, либо путём увеличения продукта при данном количестве труда. Г-н Мальтус, я уверен, не скажет, что я когда-либо отрицал этот принцип; он не скажет, что я не выдвигал его отчётливо.

178. Стр. 320. «Природа этих фактов и положение вещей в периоды, когда эти факты имели место (в одном случае — состояние мира и слабый спрос на продукты земледелия; в другом — состояние войны и необычайный спрос на эти продукты), показывают со всей очевидностью и ясностью *относительный* избыток или недостаток капитала, по всей вероятности имеющий связь с этими фактами».

Что понимает г-н Мальтус под относительным избытком капитала? Мне не нравится этот термин; но, оставляя в стороне это возражение, при всяком возрастании капитала, если население растёт ещё быстрее, а цена труда понижается, население будет избыточно в сравнении с капиталом; а если население растёт медленнее, чем капитал, последний будет относительно избыточным в сравнении с населением. Это иной способ констатировать, что прибыль будет высока или низка, смотря по тому, низка или высока заработная плата.

179. Стр. 321. «В первый из двух отмеченных нами периодов * цена хлеба, как известно, понизилась; однако заработная плата рабочих не только не понизилась в той же пропорции, но даже повысилась, как утверждают некоторые авторитеты... Но даже если допустить неизменность цены труда при понижении цены хлеба, можно сейчас же найти объяснение уменьшению прибыли в земледелии».

Какое название ни давал бы г-н Мальтус этому явлению, это есть высокая цена труда, потому что, как он сам показывает, это есть достающаяся рабочему увеличившаяся доля продукта, полученного с земли, последней поступившей в обработку. Г-н Мальтус вынужден называть такую заработную плату высокой, особенно потому, что измеряет стоимость количеством, и говорит нам, что рабочий получит большее количество хлеба, которое г-н Мальтус называет увеличенной реальной заработной платой. Прибыль в этом случае падает, потому что заработная плата поднимается; обстоятельства сделали положение рабочего благоприятным. По сравнению с капиталом

* См. выше, цитату в примечании 176. — *Ред.*

предложение труда недостаточно. Если бы денежная заработная плата была выше, чем прежде, то этим можно было бы объяснить падение торговой прибыли. Если бы она не была выше, деньги не могли бы сохранять прежнюю стоимость: их стоимость должна была бы возрасти, и цены товаров снизились бы.

180. Стр. 322. «Во-первых, несомненно, что в продолжение этих двадцати лет * в земледелии было введено много улучшений как в отношении общего ухода за землёй, так и в отношении орудий обработки или приёмов, каким-либо способом облегчающих доставку сельскохозяйственных продуктов на рынок. Во-вторых, распространение практики сдельной оплаты в течение этих двадцати лет, вместе с расширением применения женского и детского труда, бесспорно сильно повысило напряжённость труда, и прежнее число лиц и семейств выполняло больше работ, чем в прошлом.

Этим двум причинам повышения производительности труда явно благоприятствовала обстановка того времени, и некоторым образом их действие было вызвано такими обстоятельствами, как высокая цена хлеба, побуждавшая вкладывать в землю большой капитал с применением наиболее эффективных методов его использования, и возросший спрос на труд, вследствие того что армия и флот требовали много людей, в то время как они, больше чем когда-либо, нужны были для работы в земледелии и промышленности».

Г-н Мальтус постоянно ссылается на деньги, причём на деньги с неизменной стоимостью, хотя он прежде так категорически отвергал их как меру стоимости. Если бы денежные цены были, как их называет г-н Мальтус, всегда номинальными ценами и сильно отличались от реальных цен, то высокие денежные цены не представляли бы никакого стимула для увеличения производства отдельного товара. Только высокая реальная стоимость доставляет подобный стимул. Я желал бы, чтобы г-н Мальтус держался собственного стандарта и объяснял принципы политической экономии, исходя из него. Если цена хлеба поднимается с 4 до 5 ф. ст. за квартал, он называет это повышением цены хлеба; если цена труда повышается с 10 до 12 шилл. в неделю, он говорит о повышении цены труда, но иногда он называет то же самое падением реальной стоимости труда. Правда, он сказал бы, что рабочий получает больше денег, но за эти деньги получает меньше хлеба. Как узнать, имеет ли он в виду высокую или низкую реальную стоимость, когда говорит о высокой цене труда?

181. Стр. 323. «Третьей причиной, вызывавшей значительный эффект, даже в большей степени, чем обычно думают, было повышение денежной цены хлеба без соответствующего повышения цен продуктов в торговле и промышленности».

Это один из тех случаев, когда мне кажется, что г-н Мальтус приходит к неправильному выводу, смешивая две меры стоимости — стоимость в хлебе и денежную цену.

Он предполагает, что цена хлеба растёт по отношению к другим товарам и что заработная плата растёт по отношению к другим товарам, но падает по отношению к хлебу, и делает из этого вывод, что прибыль повысится.

Во-первых, каким образом может повыситься прибыль промышленника? Заработная плата в товарах выше, чем прежде, поэтому промышленник удерживает для себя меньшее количество промышленных изделий, после того как отдал остаток в качестве заработной платы. Относительная стоимость промышленных изделий не изменилась, и поэтому на своё уменьшившееся количество товаров он может получить только уменьшившееся количество всех других промышленных изделий. Но относительная стоимость промышленных товаров ниже, чем стоимость хлеба. Если бы у него было прежнее количество товаров, он получил бы за них меньше хлеба; но поскольку у него этих товаров стало меньше, это меньшее количество хлеба уменьшится ещё сильнее. В таком случае его прибыль, оцениваемая в товарах или хлебе, будет меньше, чем прежде. Почему повышается относительная стоимость хлеба? Потому что стало труднее производить его или потому что спрос увеличился по сравнению с предложением. Спрос не мог увеличиться, потому что, как предположено, рабочие потребляют меньше. Предложение могло уменьшиться в результате плохого урожая; прибыль фермера при таких условиях будет случайной и временной, и, кроме того, повышению прибыли противодействует то, что фермер получит повышенную цену за меньшее количество. Единственной постоянной причиной в этом случае будет повысившиеся издержки производства. С земли, поступившей позже всех в обработку, будет получено меньше продуктов, и, несмотря на уменьшение количества, отданного рабочему, это будет более значительная доля целого. Всё полученное фермером количество может иметь и будет иметь не более значительную стоимость в промышленных изделиях, чем прежде; из этой неизменной стоимости фермер должен уплатить рабочим более значительную долю и, следовательно, более значительную стоимость, также оцениваемую, если угодно, в промышленных изделиях. Каким же образом могла тогда увеличиться его прибыль? Она упадёт до уровня прибыли промышленника. На лучших землях рента повысится, что вызовет соответственное падение прибыли фермеров, обрабатывающих эти земли.

182. Стр. 324. «В то же время следует допустить, что большой спрос на отечественный хлеб должен сильно благоприятствовать усовершенствованиям в земледелии».

При системе свободного ввоза хлеба на отечественный хлеб существовал бы достаточный спрос, чтобы поощрять усовершенствования в земледелии.

183. Стр. 324 *.

Г-н Мальтус говорит о повышении цены хлеба вследствие роста богатства. Если это повышение вызвано не повышением издержек производства, то почему оно должно оказать на хлеб более сильное действие, чем на другие товары? Если это так, то либо цена хлеба не повысится, либо будет происходить пропорциональное повышение цен других товаров, и тогда к падению стоимости денег может быть отнесено всё, что не окажет никакого действия на прибыль.

184. Стр. 325. «Например, я нисколько не сомневался бы, что норма прибыли в Англии в течение двадцати лет подряд в начале XX в. могла бы увеличиваться по сравнению с наступающим ныне двадцатилетием, при условии, что этот ближайший период ** будет периодом глубокого спокойствия, мира и избытка капитала, а будущий период *** — периодом недостатка капитала по сравнению со спросом на него вследствие войны, сопровождающейся ростом торговли и ростом спроса на продукты земледелия, подобно тому, что мы испытали в период с 1793 по 1813 г.».

Как много условий! Значение имеет только одно условие, а именно избыток или недостаток капитала в сравнении со спросом на него. Другими словами, если бы в начале XX столетия сравнительное соотношение между капиталом и трудом было таково, что рабочие были бы не в состоянии распоряжаться большой долей продукта, полученного с земли, поступившей в обработку в последнюю очередь, прибыли были бы тогда выше. При таких условиях нельзя отрицать сделанный вывод. Будут ли условия таковы или нет, должно зависеть от усовершенствований в земледелии или от разрешения законодательным путём неограниченного ввоза хлеба из других стран.

185. Стр. 325. «Но в этом случае следует, что при современном состоянии большинства стран земного шара и в течение непродолжительных периодов норма прибыли будет фактически зависеть от причин, влияющих на относительное изобилие или недостаток капиталов в большей мере, чем от естественных сил земли, поступившей в обработку в по-

* В рукописи не указана цитата, к которой относится примечание Рикардо, но из текста видно, что Рикардо возражает против следующих слов Мальтуса: «... большой спрос на рабочие руки должен создать у существующего населения стимул к труду; и если к этим двум обстоятельствам мы прибавим неизбежное влияние повышения цены хлеба вследствие роста богатства без пропорционального повышения цен на другие товары, вероятность повышения производительной силы труда, достаточного для уравнивания эффекта от введения в обработку добавочных земель, будет настолько велика, что при нынешнем положении большинства стран в мире или при вероятном их положении в ближайшем столетии мы вполне можем рассчитывать на действие этих обстоятельств, когда представится случай». — *Ред.*

** В XIX в. — *Ред.*

*** В XX в. — *Ред.*

следнюю очередь. И, следовательно, если подробно останавливаться на последнем пункте как единственной или даже главной причине, определяющей прибыль, это должно привести к самым ошибочным заключениям».

Безосновательное обвинение — смотри примечание к стр. []*.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Замечания по поводу теории прибыли г-на Рикардо

186. Стр. 326. «Согласно г-ну Рикардо, прибыль регулируется заработной платой, а заработная плата — качеством земли, поступившей в обработку в последнюю очередь».

Это изложение моего мнения значительно отличается от данного г-ном Мальтусом на стр. 309, но то, что он теперь говорит, не вполне верно. Я не говорю, что прибыль регулируется заработной платой, а заработная плата — качеством земли, поступившей в обработку в последнюю очередь, безотносительно к её производительности, так как именно производительность этой земли регулирует прибыль, если предполагается, что заработная плата обладает неизменной стоимостью.

187. Стр. 329. «Г-н Рикардо никогда не рассматривает понижение цен как причину уменьшения прибыли, хотя фактически во многих случаях понижение прибыли, вероятно, происходит по этой причине».

Представим себе процветающий торговый город, в котором прекрасно развиты некоторые отрасли промышленности и который покупает весь нужный ему хлеб за границей. Сначала и, быть может, в течение значительного времени цены его промышленных изделий на иностранных рынках по сравнению с ценой ввозимого хлеба могли бы быть достаточно высоки, чтобы приносить высокую прибыль; но по мере накопления капитала и вложения его в производство экспортных товаров эти товары, в силу принципа спроса и предложения, вероятно, понизятся в цене. Тогда за данное количество хлеба придётся отдавать большее количество промышленных изделий, и прибыли неизбежно понизятся».

Во всех замечаниях, предшествовавших этому отрывку, г-н Мальтус ясно показал, что никакое мерило, которое можно выбрать, ни при каких условиях не может даже предполагаться как точная мера стоимости. Я не только признаю это, но и сам это подчёркивал. Я не возражаю против любых коррективов, которые должны быть внесены с целью исправления неизбежных несовершенств в самой совершенной мере стоимости, какая только может быть придумана. Это может оказать на некоторые товары одно влияние, на другие — иное, однако общая средняя не будет особенно затронута. Общий принцип ни в малейшей степени не страдает от неизбежных несовершенств меры.

* Пропуск в рукописи. Видимо, примечание 171 к стр. 308. — *Прим. англ. ред.*

Я не защищаю никакой иной доктрины, кроме той, которая была прекрасно объяснена г-ном Мальтусом в двух первых отделах пятой главы. Его собственные заявления иногда противоречат этой доктрине; мои, мне кажется, никогда ей не противоречат.

Теперь, однако, мне придётся иметь дело с цитатой, приведённой в начале этого примечания.

Вместо того чтобы предположить, что весь хлеб, нужный этому процветающему и торговому городу, ввозится из-за границы, предположим, что ввозятся три четверти этого количества и что продолжает обрабатываться только земля, доставляющая такое обилие хлеба, что фермер может пустить свой хлеб в продажу по низкой цене, по которой хлеб импортируется, и получить существующую норму прибыли. Г-н Мальтус тогда, вероятно, согласится со мною, что прибыль не может понизиться, пока мы можем ввозить хлеб по той же цене, потому что до её повышения никакая худшая земля не может поступить в обработку. Если бы обрабатывалась худшая земля, количество продукта на этой земле не находилось бы в таком же отношении к затраченному труду, как прежде, и поэтому либо хлеб должен повыситься в цене, либо товары должны понизиться в цене, чтобы сохранить равновесие прибылей. Если бы обрабатывалась худшая земля, я сказал бы, что естественная стоимость * хлеба повысилась, в какой бы денежной стоимости она ни измерялась. Если бы хлеб не повысился в цене, а товары понизились, я подумал бы, что повысилась стоимость денег. Так вот, это повышение стоимости денег либо представляет явление, общее для всех стран, либо свойственно только данной стране. Если это повышение свойственно всем странам, то в то время, как цена хлеба осталась без изменения в нашей стране, она понизилась бы в других странах; если же цена хлеба повысилась в нашей стране, она останется без изменения в других странах. Действительная причина изменения здесь состоит в том, что больше труда требуется для производства последних необходимых партий хлеба, но за границей не было подобной причины, и поэтому хлеб вывозился бы из-за границы в нашу страну до тех пор, пока относительные цены не были бы восстановлены до уровня, на котором они стояли до того, как была взята в обработку худшая земля.

Предположим теперь, что спрос увеличился, если вам угодно, — удвоился. Тогда вопрос сводится к тому, могут ли другие страны доставить это дополнительное количество, не вводя в обработку новую землю. Если они могут сделать это, я не вижу никаких оснований для повышения цены их хлеба; если

* В рукописи первоначально «естественная цена». — *Прим. англ. ред.*

же не могут, цена их хлеба будет повышаться, и результатом будет падение прибыли в обеих странах. Так вот, пока цена хлеба в Англии оставалась низкой, цены товаров не могли понизиться в силу того уже приведённого основания, что, если бы они повысились, прибыль в земледелии отличалась бы от прибыли в обрабатывающей промышленности, и капитал переместился бы из земледелия в промышленность. Но спрос на иностранный хлеб может быть так велик, что другая страна может не быть в состоянии доставлять его или может не пожелать делать это; она может отказаться принимать в дальнейшем те товары, которые в конечном счёте мы только и можем предложить в обмен на хлеб. Англия, однако, нуждается в хлебе и поэтому должна согласиться вывозить свои деньги в обмен на хлеб. Это накопление денег повысит цену хлеба в другой стране, но не повысит в такой же степени цену английских товаров, и поэтому, поскольку отношение между ценами на хлеб и на другие товары в другой стране не будет уже прежним, у Англии будет меньший стимул покупать у неё хлеб.

Вывоз денег в Англию действовал бы в обратном направлении: он понизил бы как стоимость хлеба, так и стоимость других товаров. Это помешало бы как ввозу хлеба, так и вывозу промышленных товаров, так как стоимость их в обеих странах была бы примерно равной. Если бы потребность Англии в хлебе была велика, она либо согласилась бы ввозить его на новых условиях, либо возделывала бы его сама; в том и в другом случае её прибыль понизилась бы, ибо, если бы рабочему было дано прежнее или даже меньшее количество хлеба, это всё же представляло бы большую долю количества хлеба, произведённого данным количеством труда.

Эти результаты вызываются ограниченным спросом другой страны на товары, которые мы могли бы дать в обмен на хлеб. Наш спрос на её хлеб был не столь ограничен, и вследствие этого у данной страны создаётся нечто вроде монополии, направленной против нас. Прибыли во всех странах должны зависеть главным образом от количества труда, отдаваемого за хлеб, как возделываемый в своей собственной стране, так и воплощённый в промышленных изделиях, на которые хлеб покупается в других странах. Я говорю — зависят главным образом, потому что думаю, что заработная плата зависит главным образом от цены на хлеб. После замечания г-на Мальтуса о других причинах, которые могут повлиять на труд, я должен сам остерегаться, чтобы нельзя было предположить, будто я отрицаю влияние этих других причин на заработную плату.

Итак, приводимый г-ном Мальтусом случай только подтверждает общую доктрину. То, что он называет падением цены промышленных изделий, есть в действительности повышение

выраженной в труде цены продовольствия. Я признаю результаты этого, но думаю, что я дал им верное объяснение.

188. Стр. 330. «Исходя из того же принципа, т. е. предполагая цены товаров неизменными, г-н Рикардо держится мнения, что, если бы цены нашего хлеба и труда понизились, пропорционально выросли бы прибыли нашей внешней торговли. Но что именно определяет цены товаров на иностранных рынках, спрошу я.

Я отвечаю: издержки производства в другой стране. Когда Англия даёт в этом году Португалии за вино то же количество металлических изделий, какое давала в прошлом году, она получит от этой торговли повышенную прибыль, если металлические изделия стоили ей гораздо меньше труда и если производящий их рабочий не получит более щедрого вознаграждения.

189. Стр. 330. «Но если, как, несомненно, происходит в действительности, эти цены, как в среднем, так и для настоящего момента, определяются спросом и предложением, что может помешать тому, чтобы рост предложения, вызванный конкуренцией не находящего применения капитала, не понизил быстро цены и не уменьшил вместе с тем норму прибыли?»

Дело в том, что вы не можете уменьшить прибыль в земледелии. Если реальная цена хлеба и труда низка, прибыль в земледелии должна быть высока, высока также должна быть прибыль на все другие капиталы, ибо, как г-н Мальтус замечает на стр. 296, «прибыли в одной и той же стране стремятся к уравниванию». Смотри []*.

190. Стр. 330. «Если в течение последних двадцати пяти лет удавалось удерживать цену хлеба на уровне около 50 шилл. за четверть и если возрастающий капитал страны находил применение главным образом в производстве экспортных товаров для покупки иностранного хлеба, я весьма склонен полагать, что прибыль на капитал понижалась, а не повышалась».

Другими словами, мы не должны были бы дешево ввозить хлеб, так как под дешевизной я подразумеваю цену, дешёвую по отношению к вывозимым товарам. Если бы это было верно, то мы должны были бы предпочесть возделывание хлеба у себя, и в этом случае прибыли были бы точно такими же, как теперь.

191. Стр. 331. «Г-н Рикардо никогда не *подчёркивал* того влияния, которое прочие усовершенствования в земледелии оказывают на прибыль с капитала, хотя это одно из наиболее важных положений в сфере политической экономии, так как эти усовершенствования бесспорно

* В рукописи пропуск. Очевидно, примечание 162 к стр. 296. — *Прим. англ. ред.*

открывают наиболее широкое поле для приложения капитала без уменьшения прибыли. Г-н Рикардо отмечает: «Как бы обширна ни была страна, земля которой недостаточно плодородна и куда ввоз жизненных припасов запрещён, самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться там значительным понижением нормы прибыли и быстрым повышением ренты. И, наоборот, небольшая, но плодородная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов, может накапливать капитал в изобилии без значительного уменьшения нормы прибыли или значительного возрастания земельной ренты» *).

Я должен ещё лишний раз повторить, что придаю величайшее значение влиянию прочных усовершенствований в земледелии. Цитированное г-ном Мальтусом место относится к такому положению вещей, когда не вводятся никакие усовершенствования, и, следовательно, аргумент, предполагающий такие улучшения, но построенный на этой цитате, совершенно не обоснован.

192. Стр. 333. «Страна, накапливающая быстрее, чем её соседи, могла бы веками поддерживать тот же уровень прибыли, если бы она успешно вводила прочные усовершенствования в земледелии; но если, при той же скорости накопления, эта страна зависела бы главным образом от импортного хлеба, её прибыли наверное не преминули бы уменьшиться; это уменьшение было бы, вероятно, вызвано не повышением слитковой цены хлеба в портах Европы, а понижением слитковых цен экспортных товаров, на которые данная страна покупает хлеб».

Значение этого вопроса ничтожно, но я мало сомневаюсь в том, что, если бы это вообще случилось, то было бы вызвано повышением слитковой цены хлеба. Изменение стоимости денег важно для отдельных лиц, но оказывает незначительное влияние на интересы страны.

193. Стр. 334. «Нужно, следовательно, признать, что, рассматривая изменение отношения между трудом и его продуктами, вызывающее понижение прибыли, мы исследовали бы вопрос только наполовину, если бы касались исключительно повышения заработной платы рабочих, оставляя в стороне понижение товарных цен» **).

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 111. — Ред.

** В рукописи к этой цитате нет никакого примечания. — Прим. англ. ред.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ БОГАТСТВОМ И СТОИМОСТЬЮ

194. Стр. 339. «Однако следует признать, что богатство не всегда увеличивается пропорционально возрастанию стоимости, потому что возрастание стоимости может иногда иметь место при фактическом уменьшении количества предметов первой необходимости, удобств и предметов роскоши».

Таково моё мнение, но оно абсолютно не согласуется с теорией г-на Мальтуса. На стр. 60 он говорит: «Нам нужна какая-либо оценка, которую можно было бы назвать реальной меновой стоимостью, указывающая количество предметов первой необходимости и жизненных удобств, которым мог бы распоряжаться владелец заработной платы, доходов или товаров».

На одной странице нам говорят, что стоимость пропорциональна изобилию предметов первой необходимости и удобств, а на другой нас уверяют, что возрастание стоимости может иметь место при фактическом уменьшении количества предметов первой необходимости и удобств.

195. Стр. 343. «Г-н Рикардо говорит (гл. XX): «Неизменной стоимостью обладал бы только тот товар, на производство которого во все времена требуется одинаковое количество труда и усилий» *. Что означает здесь слово «неизменный»? Оно не может означать *неизменный* в своей меновой стоимости, так как г-н Рикардо сам признал, что товары, требующие одинаковой затраты труда и усилий, не часто обмениваются друг на друга. В качестве меры меновой стоимости этот стандарт гораздо более изменчив, чем другие, отвергнутые г-ном Рикардо, и нелегко сказать, в каком ином смысле следует понимать это слово».

Я признал, что рыночные цены могут быть различны, но я говорю, что товары, требующие одинаковой затраты труда и усилий, будут иметь одну и ту же естественную цену и будут поэтому проявлять постоянную тенденцию согласовываться также в рыночной стоимости, так как естественная цена представляет великий регулятор рыночной цены.

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 228. — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ О НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРИЧИНАХ ПРОГРЕССА БОГАТСТВА

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ *

Накопление, или сбережение за счёт дохода для прибавления к капиталу, рассматривается как стимул к увеличению богатства

196. Стр. 352. «Без сомнения, возможно путём экономии сразу отдать большую, чем обычно, долю продукта какой-нибудь страны на содержание производительных рабочих; и совершенно верно, что производительные рабочие являются потребителями так же, как и рабочие непроизводительные. И что касается рабочих, при этом не произойдёт уменьшения ни потребления, ни спроса. Но выше уже было показано, что потребление и спрос лиц, занятых производительным трудом, никогда не могут быть достаточным мотивом для накопления и приложения капитала».

Потребление и спрос лиц, занятых в производстве какого-либо определённого количества богатства, никогда не могут быть достаточным мотивом для производства его, если эти лица должны получить все произведённые товары и должны дать за них только труд, который произвёл эти товары; но предположим, что они получают семь восьмых этих товаров, а их наниматель удерживает только одну восьмую, с помощью которой он может снова нанять дополнительно пять или десять человек, которые опять возьмут семь восьмых всех произведённых ими товаров, оставляя предпринимателю средства для найма дополнительного числа рабочих в следующем году. Не могут ли такие накопления продолжаться совершаться до тех пор, пока земля, поступившая в обработку в последнюю очередь, будет доставлять больше пищи, чем потребляется лицами, обрабатывающими эту землю? Если земля не будет давать столько пищи, то при любой системе будет положен конец всякому накоплению. Но если бы общество состояло только из землевладельцев, фермеров, владельцев предприятий по производству предметов первой необходимости и рабочих, накопление могло бы происходить до этого момента при условии, что население возрастает

* К первым двум отделам этой главы Рикардо не сделал никаких примечаний. — *Прим. англ. ред.*

достаточно быстро. Если бы капитал возрастал слишком быстро по сравнению с населением, то, вместо того чтобы распоряжаться семью восьмыми продукта, население могло бы распоряжаться 99/100 *, и таким образом не было бы никакого мотива для дальнейшего накопления. Если бы каждый человек был расположен накапливать каждую часть своего дохода, за исключением того, что необходимо для удовлетворения неотложных нужд, создалось бы именно такое положение, потому что принцип народонаселения недостаточно могущественен, чтобы удовлетворить такой большой спрос на рабочих, какой тогда существовал бы. Но положение рабочего было бы тогда весьма благоприятным, так как, что может быть лучше, чем положение человека, имеющего для продажи товар, на который существует почти неограниченный спрос, тогда как предложение ограничено и возрастает сравнительно медленно. Всё это соответствует общему принципу, о котором часто упоминали. Прибыль была бы низка, потому что была бы высока заработная плата, и продолжала бы оставаться низкой до тех пор, пока население не возрастет и цена труда снова не упадет.

Г-н Мальтус спрашивает: «Как можно предположить, что возросшее количество товаров, добытое увеличенным числом производительных рабочих, нашло бы покупателей без такого падения цены, которое, вероятно, понизило бы их стоимость ниже издержек производства или по меньшей мере весьма сильно уменьшило бы как способность, так и волю к сбережению?» На это я отвечаю, что способность и воля к сбережению значительно ослабеют, ибо это должно зависеть от доли продукта, предоставляемой фермеру или промышленнику. А по другому вопросу — где найдут товары покупателя — я отвечаю: если бы они отвечали нуждам тех, кто обладает покупательной способностью, они не преминули бы найти покупателей, даже без всякого падения цены.

Если бы были произведены тысяча шляп, тысяча пар обуви, тысяча сюртуков, тысяча унций золота, они все обладали бы по отношению друг к другу относительной стоимостью, и эта относительная стоимость была бы сохранена, если бы они отвечали нуждам общества, независимо от того, достанется ли наибольшая доля рабочим или нанимателям.

Если заработная плата низка, пожалуй, только половина этих товаров может быть отдана рабочим. Если она высока, то три четверти, — но, будут ли они в руках хозяев или рабочих, стоимость этих товаров не будет различной.

* В рукописи вычеркнуто «или даже всем продуктом». — *Прим. англ. ред.*

Если 500 ф. ст. в деньгах были бы в руках хозяев, а 500 шляп, 500 кварталов пшеницы и т. д. и т. д. и все остальные товары в руках рабочих, относительная стоимость продукта была бы той же, как и в том случае, если бы 600 ф. ст. денег были в руках хозяев, а 600 * всякого другого товара и все остальные товары в руках рабочих. Как будет распределён продукт на деле, зависит от соотношения между капиталом и трудом, но как бы то ни было, на цены не будет оказано никакого влияния, если товары отвечают нуждам тех, кто может купить их. Если товары не отвечают нуждам покупателей, то в интересах производителей приспособить их к этим нуждам. Итак, из всего сказанного здесь мною следует, что, если произведённые товары будут отвечать нуждам покупателей, они не могут существовать в таком изобилии, чтобы не находить рынка.

Люди могут ошибаться, и могут быть произведены товары, не отвечающие спросу; рынок может быть ими переполнен, они могут не быть проданы по обычной цене, но тогда это вызывается ошибкой, а не недостатком спроса на продукты. На каждую произведённую вещь должен найтись собственник, будь то хозяин, землевладелец или рабочий. Всякий владелец товара необходимо предъявляет спрос; либо он желает сам потребить этот товар, тогда нет нужды в покупателе; либо он желает продать свой товар и купить на деньги какой-либо другой, который будет потреблён им или использован для будущего производства. Товар, которым он владеет, даст ему другой товар или не даст. Если да, то цель достигнута, и товар его нашёл рынок. Если нет, то что это доказывает? Что он не сумел приспособить свои средства к этой цели, что он просчитался. Он нуждается, например, в хлопчатобумажных тканях и произвёл сукно с целью получить их. На рынке либо имеются хлопчатобумажные ткани, либо их нет; если они имеются, собственник желает продать их единственно с целью купить какой-нибудь другой товар; но он хочет получить не сукно, а шёлк, полотно или вино. Это сразу свидетельствует о том, что собственник сукна неудачно выбрал средство, с помощью которого он сможет приобрести хлопчатобумажные ткани; ему нужно было бы произвести шёлк, полотно или вино; если бы он это сделал, то на рынке не было бы излишка ни одного товара, между тем как теперь наверняка имеется излишек одного, а именно сукна, а возможно и двух, потому что хлопчатобумажные ткани, может быть, не требуются никому другому. Но на рынке, может быть, не имеется никаких хлопчатобумажных тканей, что же должен был бы производить тот, кто в них нуждается? Если не будет никакого товара,

* Единич. — Ред.

с помощью которого он мог бы купить их (самое нелепое предположение), то вместо того, чтобы производить сукно, в котором он не нуждается, он сможет сам производить хлопчатобумажные ткани, которые ему нужны. Я хотел бы особенно обратить внимание читателя на то, что во все времена специфическим злом является не изобилие товаров, а неправильное приспособление произведённых товаров к нуждам людей. Спрос ограничивается единственно желанием и возможностью покупать.

Всякий, кто обладает товарами, имеет возможность потреблять, а так как людям удобно делить между собой занятия, отдельные лица будут производить один товар с целью купить другой; этот обмен обоюдно выгоден, но не абсолютно необходим, так как каждый человек мог бы употреблять свои средства и находящийся в его распоряжении труд в производстве именно тех товаров, которые он и его рабочие намерены потреблять: в этом случае не будет никакого рынка, и, следовательно, не может быть переполнения рынка. Раздел продукта между хозяином и рабочими — одно; обмен между теми, кому продукты в конечном счёте достаются, — другое.

Я исследовал этот вопрос так подробно потому, что он представляет наиважнейший предмет обсуждения * в сочинении г-на Мальтуса. Если его взгляды на этот вопрос правильны, если товары могут умножиться в такой мере, что никто не будет расположен покупать и потреблять их, тогда средство, которое он неуверенно рекомендует, несомненно, вполне пригодно. Если тот, кто имеет возможность потреблять, не будет ни сам потреблять произведённые им товары, ни содействовать их потреблению другими с целью воспроизводства; если из двух необходимых для спроса вещей — воли и возможности купить — будет отсутствовать воля к покупке и в результате последует всеобщий застой торговли, мы не можем сделать ничего лучшего, чем последовать совету г-на Мальтуса и обязать правительство изыскать средства для покрытия нужд населения. В этом случае нам следовало бы обратиться с петицией к королю, чтобы он уволил своих нынешних министров по экономическим делам и заменил их другими, которые успешнее содействовали бы важнейшим интересам страны, поощряя расточительность правительства. Мы являемся, повидимому, нацией производителей, среди нас мало потребителей, и это зло приобрело, наконец, такие размеры, что мы будем осуждены на безнадёжную нищету, если парламент или министры не примут немедленно эффективного плана расходов.

* Первоначально в рукописи здесь стояло: «и то, что я считаю ошибочным мнением, упорно выдвигается г-ном Мальтусом во всех частях его сочинения». — *Прим. англ. ред.*

197. Стр. 354. «Отнюдь неверно на деле, что товары всегда обмениваются на товары. Огромная масса товаров обменивается непосредственно на труд, производительный или непроизводительный, и совершенно ясно, что эта масса товаров в силу избытка может понизиться в стоимости по сравнению с трудом, на который она должна обмениваться, так же точно, как любой товар в силу избытка предложения его понижается в стоимости по сравнению с трудом или деньгами».

Совершенно верно: товары могут существовать в таком изобилии по сравнению с трудом, что стоимость их, оцениваемая в труде, понизится настолько, чтобы не давать никакого стимула для их дальнейшего производства. В этом случае труд будет распоряжаться большим количеством товаров. Это как раз то, что г-н Мальтус позже отрицает. Если г-н Мальтус имеет в виду, что может наступить такой избыток товаров, который сделает их разорительно дешёвыми при оценке в труде, то я согласен с ним, но это значит, другими словами, будто цена труда так высока, что он поглощает весь тот фонд, который должен принадлежать прибыли, и поэтому капиталист не будет заинтересован в продолжении накопления. А каково будет положение рабочего? Будет ли оно жалким?

198. Стр. 354. «В предположенном случае * на рынке было бы, видимо, необычайное количество товаров всякого рода, потому что и непроизводительные рабочие в силу накопления капитала стали бы производительными; поскольку общее число рабочих останется прежним, а покупательная способность и воля к покупке у землевладельцев и капиталистов, как предположено, уменьшатся, стоимость товаров в сравнении с трудом неизбежно понизится, так что прибыли сведутся почти к нулю, и на некоторое время дальнейшее производство прекратится. Но именно это понимают под выражением «переполнение рынка», которое в данном случае носит явно не частичный, а общий характер».

Никто этого не отрицает. Понизилась бы трудовая стоимость товаров, но не их денежная стоимость.

199. Стр. 355. «Если бы продукты сравнивались только друг с другом и обменивались только друг на друга, то было бы действительно верно, что, если бы стоимость всех этих товаров увеличивалась в любой степени с сохранением надлежащей пропорции между отдельными товарами, относительная стоимость всех товаров сохранилась бы; но если сравнивать их, как, несомненно, следует, с численностью и нуждами потребителей, то большое возрастание количества продуктов при сравнительно стабильной численности потребителей и при сокращении их потребностей в силу бережливости должно необходимо вызвать большое понижение стоимости этих продуктов, оцениваемых в труде. Таким образом, хотя тот же продукт мог *стоить* прежнее количество труда, он не мог бы *купить* столько же труда, сколько прежде; и это сильно нарушило бы возможность накопления и ослабило бы стимулы к последнему».

Я отрицаю, что потребности потребителей вообще уменьшаются в силу бережливости; вместе со способностью потреблять

* Продолжение предшествующей цитаты из книги Мальтуса. См. примечание 197 к стр. 354. — *Ред.*

эти потребности переходят к другой группе потребителей. Я признаю, что будут нарушены способность и стимул капиталиста к накоплению.

Примечание. Я отрицаю одно и признаю другое, как сказано выше, при предположении, что население растёт не с такой же быстротой, как фонды, которые предназначены, чтобы дать ему занятие.

200. Стр. 355. «Утверждают, что платёжеспособный спрос есть не что иное, как предложение обменять один продукт на другой. Но всё ли это, что необходимо для платёжеспособного спроса? Хотя производство каждого товара, возможно, стоило одного и того же количества труда и капитала, и товары являются точными эквивалентами в обмене, почему же всё-таки не может быть такого изобилия обоих товаров, чтобы они оба были в состоянии покупать не больше, или лишь немногим больше, того количества труда, какого они стоили? И в этом случае, будет ли спрос на эти товары платёжеспособным? Будет ли он достаточен, чтобы содействовать их непрерывному производству? Бесспорно, нет. Возможно, что их соотношение не изменилось, но их отношение к нуждам общества, их отношение к слиткам и их отношение к труду в стране и за границей могли претерпеть огромнейшие изменения».

Если я дам унцию золота за квартал пшеницы, то эти товары, как допускает г-н Мальтус, эквивалентны друг другу в обмене.

Но он спрашивает: «Не может ли быть такого изобилия обоих товаров, чтобы они оба были в состоянии покупать не больше, или лишь немногим больше, того количества труда, какого они стоили? Будет ли спрос на эти товары платёжеспособным? Будет ли он достаточен, чтобы содействовать их непрерывному производству?» Я отвечаю вместе с г-ном Мальтусом: бесспорно, нет. Но разве в этом предмет спора? Это значит только, иными словами, что, когда труд чрезмерно дорог в сравнении с товарами, прибыли будут так низки, что не будут служить стимулом к накоплению. Кто отрицает это положение? Первоначальное положение г-на Мальтуса заключалось в следующем: если капитал накоплен и произведено большое количество товаров, последние не будут свободно обмениваться друг на друга на рынке; на них не будет спроса. Могут ли два положения быть столь различны, как эти? Так как товары настолько изобильны, что не могут покупать больше труда, неужели обложение народа налогами и возрастание расходов правительства могли бы повысить прибыль, единственную вещь, желательную для обеспечения непрерывного производства товаров?

201. Стр. 356. «Большая трудность состоит именно в том, чтобы производить или добывать товары этого рода *, и они, конечно, не представляют естественного и необходимого следствия накопления капитала

* Обладающие меновой стоимостью выше обычной по отношению к затраченному на них труду. — *Ред.*

и увеличения количества товаров, в особенности, когда такое накопление капитала и увеличение количества товаров вызваны экономией в потреблении или отказом от потворства таким вкусам и потребностям, которые являются главными элементами спроса».

Г-н Мальтус говорит «об экономии в потреблении и отказе от потворства таким вкусам и потребностям, которые являются главными элементами спроса». Вся сущность спора сконцентрирована в этих словах. Г-н Сэй, г-н Милль и я говорим, что не будет ни экономии в потреблении, ни прекращения спроса. Как представляет положение дела сам г-н Мальтус? «Товары столь изобильны, что они в состоянии покупать не больше, или лишь немногим больше, того количества труда, какого они стоили». Но если большое количество товаров будет покупать малое количество труда, каждый рабочий будет иметь возможность потреблять большое количество товаров. Воля к потреблению существует всегда, когда есть возможность потреблять. Г-н Мальтус доказывает, что эта возможность не уничтожается, а переносится к рабочему. Мы согласны с ним и говорим, что всегда, когда есть возможность потреблять и есть воля к потреблению, неизбежно будет и спрос.

202. Стр. 357. «Хотя г-н Рикардо утверждает в качестве общего положения, что капитал не может быть в избытке, он вынужден сделать следующую уступку. Он говорит: «Есть только один случай, да и тот временный, в котором накопление капитала при низкой цене пищевых продуктов может привести к падению прибыли. Это бывает тогда, когда фонды на содержание труда возрастают гораздо быстрее, чем население: заработная плата в этом случае будет высока, а прибыль низка. Если бы каждый человек отказался от потребления предметов роскоши и думал только о накоплении, то возможно, что было бы произведено такое количество предметов насущной необходимости, которое не могло бы немедленно найти потребителей. За этим, несомненно, могло бы последовать общее переполнение рынка товарами, число которых ограничено, и, значит, могло бы не быть спроса на добавочное количество их, а применение дополнительного капитала не дало бы прибыли. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить». Затем г-н Рикардо прибавляет: «Это допущение не опровергает общего принципа» *. Я не совсем согласен с этим его замечанием».

Я действительно говорю, что «было бы общее переполнение рынка товарами, число которых ограничено». Но могло ли существовать такое положение вещей? Разве было бы произведено только такое ограниченное число товаров? Это невозможно, потому что рабочие были бы рады потреблять предметы комфорта и роскоши, если бы могли получить их, и в предположенном случае для достижения главной цели хозяев в интересах последних было бы производить такие товары, которые их рабочие имеют желание и возможность оплачивать.

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 241. — Ред.

203. Стр. 358. «Другая основная ошибка, в которую, повидимому, впадают названные авторы и их сторонники, заключается в том, что они не принимают во внимание влияние столь общего и важного принципа человеческой природы, как бесечность или любовь к праздности.

Было предположено, что, если бы известное число фермеров и известное число фабрикантов обменивались друг с другом излишками продовольствия и одежды и если бы их производительность внезапно настолько увеличилась, что и те и другие могли бы при помощи того же числа рабочих производить в дополнение к прежним продуктам ещё предметы роскоши, спрос не представлял бы ни малейшего затруднения, так как часть предметов роскоши, производимых фермером, обменивалась бы на часть предметов роскоши, производимых фабрикантом; и единственным, весьма благоприятным результатом было бы то, что обе стороны были бы лучше снабжены и получали бы больше благ.

Но при этом обмене считаются доказанными две вещи, которые как раз и являются спорными пунктами. Считается доказанным, что люди всегда предпочитают роскошь праздности и что каждая из сторон потребляет свою прибыль как доход».

Здесь г-н Мальтус снова изменяет своё положение. Мы не говорим, что праздность не может быть предпочтена роскоши. Я думаю, что может, и поэтому, если вопрос относился к мотивам производства, то между нами не было бы разногласия. Но г-н Мальтус предполагает, что этот мотив достаточно силен для производства товаров, а затем утверждает, что, когда товары произведены, для них не будет рынка, так как на них не будет никакого спроса.

Именно это положение мы отрицаем. Мы не говорим, что товары будут производиться при всяких условиях, но, если они производятся, мы утверждаем, что всегда найдётся кто-либо, у кого будет желание и возможность потреблять их или, другими словами, на них будет спрос. Г-н Мальтус выдвигает пример общества, не накапливающего, предпочитающего праздность роскоши, не предъявляющего спроса на труд, не обрабатывающего земли, как доказательство плохих последствий, которые в действительности были бы результатом противоположного образа действий; такому обществу он противопоставляет другое, где капитал накапливался бы, где активность заняла бы место праздности, где был бы величайший спрос на труд и где земли были бы сделаны наиболее производительными, ибо всё это включается в слово «накопление». Люди предпочтут праздность роскоши! Предметы роскоши тогда не будут производиться, потому что их нельзя произвести без труда, этой противоположности праздности. Если они не будут произведены, они не могут нуждаться в рынке и не может быть никакого переполнения ими рынка.

204. Стр. 360. «Г-н Рикардо говорит, что «если человеку, имеющему 100 тыс. ф. ст., дадут ещё 10 тыс. ф. ст. в год, то он не спрячет их в сундук: он или увеличит свои расходы на 10 тыс. ф. ст., или употребит их производительным, или, наконец, отдаст их для той же цели кому-нибудь другому взаймы. И в том и в другом случае спрос возрастёт, хотя и на раз-

личные предметы. Если бы он увеличил свои расходы, то его платёжеспособный спрос, вероятно, направился бы на такие предметы, как дома, мебель или какие-нибудь другие предметы комфорта. Но если бы он употребил свои 10 тыс. ф. ст. производительно, то его платёжеспособный спрос направился бы на предметы пищи, одежду и сырой материал, с помощью которых новые рабочие могли бы взяться за работу. Это опять-таки создаст спрос» *.

Согласно этому принципу предполагается, что, если бы более богатая часть общества отказалась от своих обычных удобств и предметов роскоши с целью накопления, единственным следствием этого было бы направление почти всего капитала страны в производство предметов первой необходимости, что привело бы к большому расширению обработки земли и росту населения. Но, если не предположить полной перемены в обычных мотивах к накоплению, это не могло бы случиться».

Здесь обсуждается вопрос о мотивах накопления; не это является предметом спора, мы говорили только о следствиях накопления. Существует весьма отчётливое различие между этими двумя вопросами.

205. Стр. 361. «Само определение плодородной земли состоит в том, что это земля, могущая доставлять средства существования более значительному числу лиц, чем то, которое требуется для её обработки; если вместо того, чтобы расходовать этот излишек на удобства и предметы роскоши и на непроизводительных потребителей, землевладелец употребил бы его на то, чтобы занять обработкой земли столько рабочих, сколько он мог бы прокормить на свои сбережения, ясно, что он не только не обогатился бы, а, следуя по этому пути, он разорился бы...».

Со всем этим я согласен, но это не имеет никакого отношения к вопросу.

206. Стр. 363. «Ясно, что без расходов, которые были бы стимулом для торговли, промышленности и для непроизводительных потребителей, или без аграрного закона, рассчитанного на изменение обычных мотивов накопления, у землевладельцев не было бы достаточного стимула для хорошей обработки земли, и такая страна, как Англия, из богатой и населённой, при таких привычках к бережливости, неизбежно стала бы бедной и сравнительно мало населённой».

Другими словами, поскольку не было бы никакого мотива к бережливости и накоплению, при таких ограниченных потребностях не было бы ни бережливости, ни накопления, и, следовательно, страна с такими привычками к бережливости стала бы бедной и сравнительно мало населённой.

207. Стр. 363. «Пока фермеры были бы расположены потреблять предметы роскоши, производимые фабрикантами, а фабриканты — потреблять предметы роскоши, производимые фермерами, всё шло бы гладко; но, если бы одна из сторон или обе принялись сберегать, чтобы улучшить своё положение и обеспечить в будущем свои семьи, положение вещей стало бы совершенно иным. Вместо того чтобы приобретать ленты, кружева и бархат, фермер довольствовался бы более простой одеждой, но этой экономией он лишил бы фабриканта возможности покупать у него прежнее количество продуктов».

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 240. — Ред.

Это верно, но не стали бы рабочие фабриканта покупать эти продукты или то, что было бы произведено вместо них?

208. Стр. 365. «Нужно было бы только незначительное население, чтобы при помощи хороших машин доставить простую одежду для такого общества, и оно поглощало бы только маленькую часть надлежащего прибавочного продукта с плодородных и хорошо обрабатываемых земель. Поэтому наблюдался бы, очевидно, общий недостаток спроса как на продукты, так и на рабочие руки».

Особенная нужда была бы в рабочих. «Для фермера, — говорит г-н Мальтус, — было бы совершенно бесполезно продолжать обрабатывать свою землю только с целью доставить пищу и одежду своим рабочим, если бы он не мог сам ни потребить произведённый им прибавочный продукт, ни реализовать его в форме, в которой он мог бы передать этот прибавочный продукт своим потомкам». Что, кроме недостатка населения, могло бы помешать ему реализовать этот прибавочный продукт в форме, в которой он мог бы быть передан потомкам? Я — фермер, имеющий 1000 кварталов пшеницы, и моя цель — накопление состояния для моей семьи. С помощью этой пшеницы я могу нанять известное число людей для обработки арендованной мною земли, и после уплаты ренты за первый год я реализую 1 300 кварталов, или 300 кварталов прибыли. В следующем году, если на рынке много рабочих, я могу нанять большее число их, чем прежде, и мои 1 300 кварталов превратятся в 1 700, и так из года в год я буду увеличивать количество пшеницы, пока не доведу его до 10 тыс. кварталов, и если цена труда сохранится на прежнем уровне, я смогу распоряжаться в десять раз большим количеством труда, чем тогда, когда я начал свои операции¹. Разве я не накопил тогда состояние для своей семьи? Разве я не дал ей возможность пользоваться трудом рабочих каким ей угодно способом и наслаждаться плодами его? И что может помешать мне сделать это, кроме повышения цены труда или уменьшения производительных сил земли? О последнем мы уже говорили; это необходимо ограничивает всякое накопление. О повышении цены труда я также говорил; если рост населения не идёт наравне с увеличением капитала, цена труда повысится, и количество пшеницы, которое я должен был бы получать ежегодно, вместо того чтобы возрасть в отно-

¹ Когда у меня была 1 тыс. кварталов, всё это количество было потреблено в течение года, и так было в каждый последующий период — всё количество всегда потребляется и воспроизводится. Слово «накопление» вводит в заблуждение многих людей, и иногда я думаю, что оно вводит в заблуждение и г-на Мальтуса. Многие предполагают, что пшеница накапливается; между тем, чтобы сделать этот капитал производительным и увеличить богатство, пшеница должна постоянно потребляться и воспроизводиться. [Сноска Рикардо, написанная на отдельном листке. — Прим. англ. ред.]

шениях 1 000, 1 300, 1 700 и т. д., могло бы в результате приносимых мною жертв ради получения требующихся рабочих увеличивать мой капитал только в отношениях 1 000, 1 200, 1 300 и т. д. Тогда действительная причина того, что моё накопление идёт медленным темпом, будет в том, что налицо недостаток рабочих рук; каким же образом может тогда г-н Мальтус утверждать, что «будет поэтому общий недостаток спроса как на продукты, так и на рабочие руки». Г-н Мальтус мог бы действительно сказать, что мои операции увеличат количество пшеницы скорее, чем это потребуется для прокормления существующего населения.

Я соглашаюсь с этим, но если моей целью является накопление, то почему я должен производить именно пшеницу, а не какой-либо другой товар, на который может оказаться спрос?

209. Стр. 366. «Я уже сказал в одной из предшествующих глав, что стоимость капитальных затрат очень часто понижается не пропорционально падению стоимости продукта, полученного при помощи этого капитала, и часто одним этим можно объяснить низкий уровень прибылей. Но независимо от этого соображения очевидно, что по отношению к производству всех товаров, кроме предметов первой необходимости, теория совершенно проста. Вследствие отсутствия спроса эти продукты могут быть очень дешёвы, и большая доля всей произведённой стоимости может достаться рабочему, хотя он будет плохо оплачен в предметах первой необходимости, и его заработная плата может быть определённо низка как по отношению к получаемому им количеству пищи, так и по отношению к труду, нужному, чтобы её произвести».

Существует большое желание накапливать капитал. Таково предположение. Следствием, согласно г-ну Мальтусу, будет то, что рабочий «будет плохо оплачен, и его заработная плата может быть определённо низка как по отношению к получаемому им количеству пищи, так и по отношению к труду, нужному, чтобы её произвести».

Другими словами, я желаю накапливать капитал из своего дохода; если я употребляю свой доход как капитал, я буду нуждаться в рабочих; рабочий может производить в избытке, и всё же он будет плохо оплачиваем в товаре, который он производит, и в конечном счёте я не буду получать высокой прибыли и не смогу разбогатеть.

210. Стр. 367. «Если бы было сказано следующее: «вследствие того, что большая часть стоимости промышленных продуктов, согласно нашему предположению, поглощается заработной платой, можно утверждать, что причиной падения прибыли является высокая заработная плата», я наверное протестовал бы против такого явного злоупотребления словами. Единственным оправданным основанием для принятия нового термина или для употребления старого в новом смысле может быть желание сообщить читателю более точную информацию; но ссылаться в данном случае на более высокую заработную плату, а не на падение цены товаров значило бы поступать так, как будто у автора есть специальное намерение возможно больше скрывать от читателя действительное положение вещей».

При предположенных условиях рабочий либо получил бы крупную долю хлеба, произведённого на земле, поступившей в обработку в последнюю очередь, или не получил бы крупной доли товаров, произведённых фабрикантом. Фермер, обрабатывающий участок земли, последним поступивший в обработку, есть фабрикант хлеба, он не платит ренты. В какой бы пропорции ни делился между хозяевами и рабочими продукт в обрабатывающей промышленности, в такой же пропорции будет разделён хлеб, продукт земледелия.

Цена труда не может быть высока в обрабатывающей промышленности и низка в земледелии, и точно так же прибыль. Я думаю, что цена труда будет высока в обоих случаях, но г-н Мальтус протестует против того, чтобы заработную плату рабочего называли высокой из-за того, что он хорошо вознаграждается в товарах. Так вот, от г-на Мальтуса меньше всего можно было бы ожидать подобного возражения; от него мы не должны были бы слышать, что «это есть употребление старого термина в новом смысле или принятие нового, и это создаёт впечатление, будто у автора есть специальное намерение возможно больше скрывать от читателя действительное положение вещей». Я считаю, что г-н Мальтус — последний человек, который мог это сказать, потому что он говорил нам, что денежная заработная плата есть только номинальная заработная плата, что реальная заработная плата рабочего состоит в изобилии предметов первой необходимости и удобств, возможность приобрести которые рабочему даёт заработная плата. В действительности только эти удобства и предметы первой необходимости составляют реальную стоимость, а всё остальное есть стоимость номинальная. Итак, я нахожу, что рабочий хорошо оплачивается в реальной стоимости; когда же я говорю, что его заработная плата поэтому высока, г-н Мальтус серьёзно заявляет мне, что я употребляю термин в новом смысле, а это может только ввести в заблуждение и создать путаницу.

Пусть не предполагают, что я принимаю в данном случае меру г-на Мальтуса; заработная плата высока как в его мере, так и в моей. Рабочий получит большую долю продукта, и поэтому я говорю, что его заработная плата высока. Его заработная плата будет высока в деньгах, если только деньги не изменились в стоимости, так как те самые причины, которые побуждают фермера и фабриканта давать высокую заработную плату в своих товарах, должны побуждать держателя денег давать высокую заработную плату в деньгах. Не выдвинуто достаточных соображений, почему относительная стоимость денег, хлеба и промышленных изделий должна измениться.

общества, независимо от истощения почвы. В предположенном случае этот предел по необходимости должен быть очень узким, так как кроме земледельцев почти нет людей, могущих предъявить эффективный спрос на продукты. При таких условиях мог бы быть произведён хлеб, который потерял бы характер и свойство богатства, и, как я уже отмечал раньше, все части продукта обладали бы неодинаковой стоимостью».

Мог бы быть произведён хлеб, который потерял бы характер богатства! Тогда он был бы чрезвычайно дешёв; дешёв по сравнению с промышленными изделиями, дешёв по сравнению с трудом, и всё же г-н Мальтус говорит, что заработная плата может быть определёнno низка. Низка в каком выражении? Не в хлебе, реальной мере стоимости г-на Мальтуса. Смотри стр. 357.

212. Стр. 368. «Я должен ещё заметить, что, если в связи с уменьшением спроса на хлеб земледельцы изымали бы свои капиталы, с тем чтобы установить лучшее соотношение между предложением и тем количеством, которое может быть оплачено надлежащим образом; если они всё же не могли бы дать изъёмному из земледелия капиталу никакого другого применения, а согласно прежнему предположению они не смогут найти ему применения, то, несомненно, что последствия для них как земледельцев были бы во всех отношениях таковы, как если бы произошло общее уменьшение всего их капитала, хотя в течение некоторого времени они могли бы извлекать достаточную прибыль из той небольшой части капитала, которую они будут попрежнему применять в земледелии».

Фермеры, говорит г-н Мальтус, не могли бы употребить свои капиталы иначе, как на обработку земли. Я утверждаю, что они употребили бы их иным образом, так как иначе их капиталы не приносили бы прибыли. Либо капиталисты, либо рабочие имели бы право предъявлять спрос на продукт труда. То, на что они предъявили бы спрос, было бы произведено.

213. Стр. 369. «Если бы в процессе сбережения всё, что было потеряно капиталистом, было бы выиграно рабочим, препятствие, поставленное росту богатства, было бы только временным, как говорит г-н Рикардо, и не пришлось бы опасаться последствий этого. Но если превращение дохода в капитал, перешедшее за известный предел вследствие уменьшения платёжеспособного спроса на продукты, должно оставить рабочих без работы, то очевидно, что зашедшие слишком далеко привычки к бережливости могут сопровождаться сначала самыми губительными последствиями и затем вызвать чувствительный и постоянный упадок богатства и сокращение населения».

Здесь разногласие между мною и г-ном Мальтусом констатировано совершенно верно. Читатель должен сам судить, на чьей стороне истина.

214. Стр. 369. «Бережливость, или превращение дохода в капитал, может иметь место без всякого сокращения потребления, если первым возрастает доход».

Я говорю, что это всегда происходит без всякого сокращения потребления. Г-н Мальтус усложняет это положение условием: «если первым возрастает доход». Я не понимаю, что подразумевает г-н Мальтус под условием «если первым возрастает доход». Прежде чего?

215. Стр. 370. «Всё, что я хочу сказать, сводится к тому, что никакая нация *не может* стать богатой путём накопления капитала в результате перманентного сокращения потребления, потому что, поскольку такое накопление значительно превысит размеры, нужные для удовлетворения эффективного спроса на продукты, часть его очень скоро потеряет свою полезность и стоимость и перестанет носить характер богатства».

Под накоплением капитала из дохода подразумевается рост потребления производительными рабочими вместо непроизводительных. Потребление несомненно как в одном, так и в другом случае; разница заключается только в количестве продуктов.

216. Стр. 371. «Но г-н Рикардо не удовлетворялся показом того, что трудность добывания пищи для рабочего есть единственная *абсолютно необходимая* причина падения прибыли, в чём я готов вполне и целиком с ним согласиться; но далее он сказал, что при настоящем положении вещей нет *никакой иной причины* падения прибылей, носящей сколько-нибудь перманентный характер».

Разве я не сказал, что прибыль во всех случаях зависит от заработной платы? Я ссылаюсь с уверенностью на мою главу о заработной плате, чтобы показать, что, кроме трудности производства пищи, я допускал и другие причины повышения заработной платы также и для периодов значительной продолжительности.

217. Стр. 372. «Хотя г-н Рикардо следовал совершенно иным путём*, я думаю, что тот же ход рассуждения должен быть применён к норме прибыли и к развитию капитала. Вполне признавая, что вряд ли в четырёх частях света существует страна, где не было бы недостатка капитала, причём в большинстве стран этот недостаток очень велик по отношению к территории и даже к численности населения; вполне признавая в то же время крайнюю желательность роста капитала, я сказал бы, что там, где спрос на товары не таков, чтобы доставить производителю нормальную прибыль, и капиталисты не знают, где и как с выгодой применить свои капиталы, сбережение из дохода с целью ещё больше увеличить капитал привело бы только к преждевременному ослаблению стимула к накоплению и ещё больше затруднило бы положение капиталистов при очень малом увеличении полноценного и рентабельного капитала».

Здесь снова сказано, что капитал может быть недостаточен, население избыточно и, следовательно, заработная плата низка и всё же употребление капитала не будет приносить производителю товаров справедливую прибыль.

* Чем Мальтус в «Опыте о народонаселении». — Ред.

Я был бы рад, если бы г-н Мальтус сказал нам, что именно подразумевает он под низкой заработной платой в этом случае. Я называю заработную плату во многих случаях высокой, хотя номинально она низка, если выплачивается человеку, который выполняет небольшую работу или не выполняет никакой работы.

Если бы я сказал, что желательно продолжать накопление капитала, когда он не приносит производителю никакой прибыли, то могло бы ещё быть некоторое основание для такого обвинения. Это нежелательно для капиталиста, но никогда не бывает убыточно для страны; было бы столь же разумно жаловаться на слишком большое производство, как на слишком большое обилие воды или воздуха. Я говорю только, что при таких обстоятельствах капитал не будет накапливаться.

218. Стр. 372. «Первое, что требуется в обоих этих случаях недостатка капитала и недостаточной численности населения, — это эффективный спрос на товары, т. е. спрос тех, кто способен и желает платить за них надлежащую цену».

Что подразумевается здесь под недостатком капитала? Если капитал недостаточен, может ли происходить какой-нибудь вред от накопления капитала путём сбережения из дохода, от увеличения того, в чём существует недостаток?

Не имеет ли г-н Мальтус в виду недостаточную прибыль на капитал? При недостатке капитала прибыль была бы высока.

219. Стр. 375. «Хотя поэтому можно признать, что законы, регулирующие рост капитала, не так ясны, как законы, регулирующие рост населения, всё же несомненно верно, что и те и другие однородны; продолжать превращать доход в капитал с целью постоянного возрастания богатства, когда нет надлежащего спроса на продукты этого капитала, столь же напрасно, как продолжать поощрять браки и деторождение при отсутствии спроса на рабочих и без увеличения фондов для их прокормления».

Соблазн увеличивать капитал возникает не из спроса на его продукты, так как этот спрос никогда не отсутствует, но из прибылей, возникающих вследствие продажи продуктов. Высокая заработная плата может совершенно уничтожить эти прибыли.

То, что г-н Мальтус называет спросом на капитал, я называю высокой прибылью; капитал не покупается и не продаётся, его занимают из процентов, и высокий процент дают, когда прибыль высока. Язык г-на Мальтуса кажется мне в данном случае *«новым и необычным»* *.

* Намёк на то, что на стр. 215 Мальтус назвал «необычным» язык Рикардо. — Ред.

ОТДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

О плодородии почвы как стимуле
непрерывного возрастания богатства

220. Стр. 377. «Говорят *, что лица, имеющие в своём распоряжении пищу и предметы первой необходимости, не будут долго испытывать нужду в рабочих, которые сделают их обладателями наиболее полезных и желательных для них предметов, но это положение, повидимому, находится в прямом противоречии с опытом».

Это замечание относилось к Англии, а не к странам, только наполовину цивилизованным.

221. Стр. 378. «Однако, если взять в качестве примера отдельного рабочего и предположить, что он обладает в данной степени активностью и мастерством, будет совершенно бесспорно, что, чем меньше его рабочего времени тратится на добывание пищи, тем больше времени он сможет посвятить приобретению удобств и предметов роскоши; но нельзя применять эту истину к нации в целом и делать отсюда вывод, что, чем легче получать пищу, тем лучше население будет снабжаться удобствами и предметами роскоши; это было бы одним из тех поспешных и неправильных заключений, которые часто делают в силу недостатка должного внимания к изменению предпосылок, вызываемому применением положения, основывающегося на этих предпосылках».

Если бы заработная плата рабочего была высока, он мог бы поступать как ему угодно, мог бы предпочесть безделье или роскошь; но если заработная плата низка, а прибыль высока **, у него нет выбора, он должен производить удобства и предметы роскоши для своего хозяина или умереть с голоду; количество и качество этих предметов зависят от лёгкости производства и от времени, которое может потребоваться на их производство.

222. Стр. 379. «Очень мало удобств и предметов роскоши было бы у общества, если бы у главных агентов производства не было более могущественного мотива для деятельности, чем желание наслаждаться ими. Именно нужда в *предметах первой необходимости* главным образом побуждает рабочих производить предметы роскоши; и если бы этот стимул был устранён или значительно ослаблен так, чтобы можно было получить предметы первой необходимости при затрате очень небольшого труда, то есть все основания полагать, что на производство удобств затрачивалось бы не больше времени, а меньше».

Не думает ли г-н Мальтус, что при современном положении Англии положение рабочего улучшилось бы, если бы он мог производить больше предметов первой необходимости в то же

* Речь идёт о Рикардо. См. *Д. Рикардо*, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 241. — *Ред.*

** Первоначальная редакция конца этого примечания в рукописи была следующей: «он должен производить удобства и предметы роскоши для своего хозяина, если он может с большой лёгкостью и за короткий промежуток времени произвести предметы первой необходимости, могущие ему самому потребоваться». — *Прим. англ. ред.*

время и при помощи того же количества труда? Встревожился ли бы он, если бы следствием этого была любовь к праздности?

223. Стр. 380. «Но что мы видим в действительности, когда изучаем положение отсталых стран? Мы видим там, почти без исключения, что в обработке земли занята несравненно большая часть населения, чем в странах, где рост населения сделал необходимой обработку менее плодородных земель, а производству удобств и предметов роскоши в отсталых странах уделяется не больше, а меньше времени».

На аргумент относительно технического мастерства, положения и мощи наиболее развитой страны отвечают ссылкой на положение отсталых стран, которые не знают ни мастерства, ни даже комфорта, доставляемого самыми обыкновенными удобствами. Правда ли, что все эти страны получают пищу с большей лёгкостью? Если они не знают наших технических усовершенствований, они не знают также некоторых известных нам способов производить с меньшей затратой труда. Г-н Мальтус говорит, что в Англии в земледелии занята меньшая часть населения, чем где-либо. Это очень возможно и весьма удовлетворительно, если это верно, но мы не должны забывать, что при обработке земли в Англии употребляется значительно большее число лошадей и рогатого скота; они подходят под название рабочих, потому что замещают последних, и их существование, так же как и существование рабочих, поддерживается продуктами питания.

Примечание. К этому следует прибавить и более усовершенствованные машины, употребляемые в земледелии в Англии.

224. Стр. 381. «По подсчётам Зюсмилха, исчислившего по различным странам удельный вес населения, живущего в городах и не занятого в земледелии, самое высокое отношение составляет 7 : 3, т. е. на семь человек, живущих в деревнях, приходится три человека в городах; между тем в Англии удельный вес лиц, занятых в обработке земли, по сравнению с остальным населением составляет меньше чем 2 : 3.

Этот необычный факт представляет разительное доказательство того, насколько опасно в политической экономии делать выводы из физических свойств материала, не обращая внимания ни на моральные, ни на физические качества агентов производства».

Кто делал когда-либо выводы из физических свойств почвы без учёта её продуктивности соразмерно количеству затраченного на неё труда? Г-н Мальтус тратит очень много времени, стараясь опровергнуть то, чего никто никогда не выдвигал. Он предполагает, будто я сказал, что прибыли во всех странах зависят от плодородия земли, поступившей в обработку в последнюю очередь, и много трудился над доказательством того что это мнение не обосновано. Я никогда не держался такого мнения и не знаю, кто его придерживается.

В каждой стране прибыли пропорциональны производительности труда на земле, поступившей в обработку в последнюю очередь, при неперменном условии, что рабочие в каждой стране довольствуются одним и тем же количеством предметов первой необходимости; но, поскольку этого не бывает, так как в силу различных причин вознаграждение за труд меняется, прибыли зависят от той доли всего продукта земли, поступившей после всех в обработку, которая должна быть отдана, чтобы получить этот продукт.

225. Стр. 382. «... Человек, могущий раздобыть для своей семьи необходимую пищу, работая два дня в неделю, обладает физической возможностью трудиться гораздо дольше, чтобы добыть удобства и предметы роскоши, по сравнению с человеком, вынужденным затратить четыре дня, чтобы обеспечить себе пропитание; но если лёгкость добывания пищи порождает привычку к беспечности, последняя может заставить человека предпочесть роскошь безделья или кратковременного труда удовольствию от обладания удобствами и комфортом; в этом случае он может употребить меньше времени на труд ради удобств и комфорта и получит их в меньшем количестве, чем в том случае, если бы он вынужден был работать больше, чтобы получить пищу.

Среди массы стран, нынешним положением которых можно было бы более или менее иллюстрировать и подтвердить истину этих положений, ни одна, пожалуй, не представляет более разительного примера, чем испанские владения в Америке, ценное описание которых недавно опубликовано г-ном Гумбольдтом».

Здесь г-н Мальтус ещё раз старается доказать то, чего никто не оспаривает. Производство всех стран теперь всегда соразмерно их средствам производства! Допустим, но какой вывод хочет из этого сделать г-н Мальтус? Хочет ли он сказать, что он враг новых льгот для производства хлеба в Англии, потому что это сделает население беспечным, и эти льготы заставят людей потерять вкус к предметам роскоши и довольствоваться простейшим столом? Он должен иметь в виду именно это, или его аргумент бьёт мимо цели. Посмотрите на следствия дешевизны средств производства в Южной Америке, взгляните на беспечную расу жителей этой страны! К чему нам смотреть на них, разве только как на пример и предостережение, если станем прислушиваться к опасным проектам тех, кто хотел бы сделать хлеб дешёвым в нашей стране? Моя большая претензия к г-ну Мальтусу состоит в том, что он постоянно уклоняется от предмета спора. Сперва он начинает оспаривать положение о том, сделают ли известные меры хлеб дешевле, но, не закончив своей аргументации, старается доказать, что удешевление хлеба было бы нецелесообразно ввиду возможного морального влияния этого на народ. Это два совершенно различных положения.

Г-н Сэй прекрасно сказал, что не дело политико-эконома давать советы; он должен сказать вам, как стать богатым, но

не обязан советовать вам, чтобы вы предпочитали богатство безопасности или безопасность богатству.

226. Стр. 388. «Невозможно сомневаться хотя бы на одно мгновение, что безопасность туземцев значительно усугубляется их политическим положением; но, несмотря на такое политическое положение, безопасность их легко уступает под действием обычных побуждений; об этом свидетельствует быстрое развитие земледелия по соседству с новыми рудниками, где создаётся оживлённый и эффективный спрос на рабочие руки и продукты».

Этот факт, относящийся к рудникам, показывает, как мало весь аргумент касательно Южной Америки применим к Англии. Действительно, меня поражает, как можно выдвигать его в оправдание того мнения, что и капитал и население могут быть в Англии избыточными в одно и то же время.

Поскольку о нашей стране и о сходных с нею странах я сказал: «Если бы в *моём* распоряжении были пища и предметы первой необходимости, я недолго испытывал бы нужду в рабочих, которые доставили бы мне некоторые из предметов, наиболее полезные или наиболее желательные мне», г-н Мальтус облекает это положение в наиболее общую форму и пишет: «Говорят, что лица, имеющие в своём распоряжении пищу и предметы первой необходимости, не будут долго испытывать нужду в рабочих» * и т. д. и т. д. Затем он ссылается на Южную Америку и старается показать, что там существуют лица, располагающие пищей и предметами первой необходимости, но не нанимающие рабочих, во-первых, потому, что не нуждаются в удобствах и предметах роскоши; во-вторых, потому, что рабочие не имеют никакой сноровки в изготовлении этих предметов, если бы даже нужда в них существовала, и, кроме того, они представляют беспечную расу, которую только с большим трудом можно заставить работать; и в-третьих, потому, что рынок товара, который легче всего производить, настолько ограничен, что всегда переполнен. Можно было бы дать ответ на многое из того, что здесь сказано о Южной Америке; можно показать, что всё совершенно согласуется с принципами, для опровержения которых выдвинуто положение г-на Мальтуса, но всё это так мало применимо к странам с плотным населением, с обилием капитала, технического мастерства, торговли и обрабатывающей промышленности и со склонностью ко всем удовольствиям, которые могут быть доставлены природой, искусством или наукой, что не требует серьёзного рассмотрения.

227. Стр. 389. «За исключением местностей по соседству с рудниками и вблизи больших городов, эффективный спрос на продукты не таков, чтобы побуждать крупных землевладельцев подвергать надлежащей

* См. примечание 220 к стр. 377. — *Ред.*

обработке свои колоссальные земли; численность населения, с трудом добывающего средства существования, очевидно, в общем превышает спрос на труд, т. е. то число людей, которым страна может регулярно и постоянно давать работу при современном состоянии её земледелия и промышленности».

Мне кажется, здесь налицо прямое противоречие. «Эффективный спрос на продукты не таков, чтобы побуждать крупных землевладельцев подвергать надлежащей обработке свои колоссальные земли». Разве нельзя ничего получить за продукт? Нельзя ли получить в обмен на него труд? И разве нельзя получить все богатства при помощи труда? Г-н Мальтус должен ответить на эти вопросы. «Население с трудом добывает средства существования, и, очевидно, численность его в общем превышает спрос на труд, т. е. то число людей, которым страна может регулярно и постоянно давать работу при современном состоянии её земледелия». Вот страна, степень плодородия которой почти баснословна и невероятна, с многочисленным населением, которое с трудом добывает средства существования и готово обменивать свой труд на продукты, и всё же существует такой малый спрос на продукты, что не создаётся стимула для обработки земель.

228. Стр. 390. «Такие землевладельцы * могут часто отказываться от обработки своей земли по капризу или беспечности. В общем, однако, можно было бы ожидать, что эта тенденция уступит, по крайней мере в значительной степени, более сильному влиянию личного интереса. Но порочное распределение земельной площади мешает тому, чтобы этот личный интерес действовал с такой силой, как он должен был бы действовать, чтобы дать толчок расширению площади обработки».

Если это так, то не отсутствию спроса на продукт мы должны приписать оставление земли без обработки. «Порочное распределение земельной площади мешает тому, чтобы этот личный интерес действовал с такой силой, как он должен был бы действовать, чтобы дать толчок расширению площади обработки». Это я могу понять, но не так обстоит дело в Европе. Г-н Мальтус прежде говорил, что личный интерес не существует, потому что нет спроса на продукты.

229. Стр. 392. «Гумбольдт замечает, что «лица, серьёзно размышлявшие о богатстве мексиканской почвы, знают, что при более тщательной обработке земли и даже без чрезвычайно больших работ по орошению полей часть земли, поступившая в обработку, могла бы доставить средства существования для населения в восемь—десять раз более многочисленного».

* Подобные тем, о которых говорит Гумбольдт. У Гумбольдта сказано: «небольшому числу могущественных семей принадлежит большая часть площади около Вера-Крус и Сан-Луис Потоси, и никакой закон не вынуждает этих богатых землевладельцев продавать свои майоратные земли, если они упорно не желают обрабатывать свои огромные владения». — *Ред.*

Г-н Мальтус говорит: «Затем он * прибавляет совершенно справедливо: «Если плодородные равнины Аталиско, Холулы и Пуэблы не приносят более обильных урожаев, то главную причину следует искать в недостатке потребителей». Может ли быть верно, что в такой стране существует слабый спрос на труд и что народу тяжело добывать средства существования? Смотри стр. 389 **.

230. Стр. 394. «Характерная черта Ирландии состоит в присущей ей способности содержать население, гораздо больше того, какому она может предоставить работу, и естественное и необходимое последствие такого положения вещей выражается в общем преобладании привычек к праздности».

Может быть, верно, что Ирландия содержит большее население, чем то, которому она даёт работу, но она содержит не большее население, чем то, которому она имеет возможность предоставить работу. Того, кто ест, если он здоров, можно заставить работать, если у него нет никаких других средств получения пищи. Из заявления г-на Мальтуса явствует, что в Ирландии выполняют весьма мало работ, хотя содержится большое население. В таком случае в этой стране за количество выполненного труда платится большая цена; капиталист получает только умеренную долю продукта, и потому, согласно моей теории, прибыль не очень высока; она не высока по отношению к дешевизне пищи. Г-н Мальтус отрицает этот вывод. Он утверждает, что землевладельцы и капиталисты владеют большим количеством пищи и предметов первой необходимости, и всё-таки они не в состоянии получить в обмен наиболее полезные и желательные им предметы. Прибыли зависят не от количества, а от пропорций. Почему капиталисты не в состоянии получить наиболее полезные и желательные им предметы за то количество пищи и предметов первой необходимости, которым они владеют? Потому, что, во-первых, при нынешнем состоянии технического мастерства и трудолюбия в Ирландии большое количество пищи или, что то же самое, стоимость большого количества пищи должна быть уплачена за результат очень умеренного технического мастерства и трудолюбия; и, во-вторых, потому, что пища и предметы первой необходимости, производимые в Ирландии, не имеют большой ценности в других странах, и, следовательно, они не будут обмениваться на сколько-нибудь большое количество продуктов технического мастерства и трудолюбия других стран. Я не говорил, что пища и одежда, достаточные для 100 человек, доставят средства для получения одного и того

* Гумбольдт. — *Ред.*

** Примечание 227. — *Ред.*

же количества полезных и желательных предметов в Англии, Ирландии или Южной Америке, но я сказал, что они доставят полезные и желательные предметы соразмерно состоянию технического мастерства и трудолюбия в соответственных странах. Если в стране не развито техническое мастерство и производимые товары не имеют ценности для других стран, в данной стране будет мало стимулов для накопления капитала; или же, если в стране техническое мастерство встречается редко и обходится дорого, то и это может быть также основанием, почему нет быстрого накопления капитала. Но какое отношение имеют все эти предположения к Англии, к стране, о которой я особо говорил?

Существует ли здесь недостаток технического мастерства и прилежания? Разве здесь нет полезных и желательных предметов для тех, у кого есть средства распоряжаться трудом? Что, кроме цены труда, ограничивает их возможность доставать эти полезные и желательные предметы? Если цена труда высока, в распоряжении рабочих будут средства, чтобы получить часть этих предметов роскоши; если же она низка, почти всё достанется тем, кто имеет средства на наём рабочих.

В случае с Ирландией г-н Мальтус измеряет её богатство не её способностью распоряжаться трудом — его стандартной мерой стоимости, а полезными и желательными предметами, возможность достать которые ей даст эта способность распоряжаться трудом.

Какая польза в мере стоимости, если мы никогда не измеряем ею стоимость?

231. Стр. 398. «Сумма капитала, который может быть вложен в Ирландии в производство экспортных товаров, должна, очевидно, зависеть от состояния иностранных рынков; а сумма капитала, который можно было бы вложить в производство товаров для потребления внутри страны, должна, очевидно, точно так же зависеть от внутреннего спроса».

Если бы в производстве товаров Ирландия была столь же искусна, как другие страны, и цена труда её рабочих была бы низка действительно, а не номинально; если бы большое количество труда могло быть получено за очень малое количество денег, какой предел был бы для продаж на иностранных рынках? Если бы Ирландия продавала, то разве она не стала бы также покупать? Разве она не может успешно соперничать со всеми другими странами в части добротности и дешевизны своих товаров? Если бы масса народа только и делала, что работала, не было бы никакого недостатка во внутреннем спросе. Недостаток спроса возникает только вследствие недостатка платёжных средств. Как только труд даёт свои результаты, найдутся не только желание, но и средства потреблять их.

232. Стр. 401. «Можно поэтому сказать, что положение Ирландии приводит почти к тем же выводам, что и положение Новой Испании, и оно доказывает:

что способность содержать рабочих может часто существовать в гораздо большем размере, чем желание делать это».

Это должно относиться к капиталисту, а не к рабочему и, по моему мнению, неприменимо к Ирландии. Есть ли там какой-либо не занятый капитал?

233. Стр. 401 *. «...что необходимость уделять только незначительную часть времени производству пищи не всегда вызывает затрату более значительной части времени на добывание удобств и предметов роскоши».

Конечно, нет, если бы выбор принадлежал рабочим, в каком случае их заработная плата должна быть высока или, скорее, они должны получать хорошую плату за свой труд. И точно так же, конечно, да, если цена труда низка, а выбор в руках капиталистов. Предположить другое — значит предположить, что значительная часть капитала не найдёт применения.

234. Стр. 401 *. «...что недостаток богатства в плодородной стране может скорее вызываться недостатком спроса, а не недостатком капитала».

Верно, если заработная плата действительно высока; неверно, если она низка.

235. Стр. 401 *. «...и вообще, что плодородие земли само по себе не представляет достаточного стимула для постоянного возрастания богатства».

Верно, если народ обеспечен, если его труд хорошо оплачивают и если его легко удовлетворить.

О Т Д Е Л П Я Т Ы Й

Об изобретениях, сберегающих человеческий труд, рассматриваемых как стимул к непрерывному увеличению богатства

236. Стр. 404. «Извлечение капитала из одной отрасли** с целью вложения его в другую почти всегда сопровождается значительным убытком. Даже если весь остаток будет немедленно пущен в дело, сумма его уменьшится».

Верно, что извлечение капитала из одной отрасли с целью помещения его в другую обычно влечёт за собой значительные убытки; но в предположенном случае эти убытки никогда не

* Продолжение предшествующей цитаты. — *Ред.*

** Речь идёт о высвобождении капитала в связи с изобретением машин. — *Ред.*

могут сравниться с выгодой, проистекающей из изобретения новой машины. Отдельный человек может пострадать, но общество выигрывает.

Верно, что, если весь капитал страны оценить в деньгах или в труде, после изобретения машин он стоил бы меньше, чем прежде, но из того, что капитал, оцениваемый по рыночной цене труда, имеет меньшую стоимость, мы не должны ещё вместе с г-ном Мальтусом делать вывод, будто он действительно будет давать работу меньшему числу рабочих. Способность давать работу зависит не от стоимости капитала, но именно от количества продукта, который он будет доставлять ежегодно. Я не могу поэтому согласиться с г-ном Мальтусом, что, «хотя капитал может доставить более значительный продукт, он не будет распоряжаться таким же количеством труда, как прежде; и если не будет увеличено число домашней прислуги, многие рабочие останутся без работы. Таким образом, способность всего капитала распоряжаться прежним количеством труда будет, очевидно, зависеть от возможного наличия незанятого капитала, который будет полностью извлечён из старых отраслей и немедленно найдёт эквивалентное применение в других отраслях». Насколько я понимаю г-на Мальтуса, он говорит следующее: предположим, что у меня 20 тыс. ф. ст. в хлопчатобумажном производстве, причём хлопчатобумажные ткани производятся усовершенствованными машинами так дёшево, что я считал бы целесообразным оставить эту отрасль; при этом впредь будет находить применение труд не такого же большого числа рабочих, если только я не смогу продать свою собственность в хлопчатобумажной фабрике, реализовать свои 20 тыс. ф. ст. в деньгах и затем найти для них эквивалентное применение в каком-нибудь другом деле.

Из этих 20 тыс. ф. ст., возможно, 10 тыс. состоят из машин, которые могут быть совершенно бесполезны во всякой иной отрасли. Поэтому практически было бы невозможно вынуть из дела больше, чем 10 тыс. ф. ст. Следует помнить, что вопрос состоит не в том, можно ли изъять такую большую стоимость, а в том, может ли найти применение такое большое, как прежде, количество труда при уменьшенном капитале. Так вот, очевидно, что в данной отрасли всё количество находящего применение труда было пропорционально не 20, а 10 тыс. ф. ст. Нельзя было употребить больше труда, чем могли бы оплатить 10 тыс. ф. ст.; нет повода, чтобы было употреблено меньше труда и после изобретения усовершенствованной машины. Действительно, я допускаю, что человек, вынужденный изъять свой капитал, получит прибыль только на 10 тыс. вместо 20 тыс. ф. ст., но вопрос в том, будет ли находить применение меньшее количество труда и не выигрывает ли общество больше, чем теряет

отдельное лицо; по этому пункту нет нужды приводить какие-либо дальнейшие аргументы, чтобы удовлетворить г-на Мальтуса, потому что он допускает это; он признаёт, что весь капитал стал бы доставлять продукт в большем размере. Так вот, общество заинтересовано главным образом именно в этом пункте; желательно, чтобы увеличилось наличие средств для достижения благ и чтобы при распределении этих благ на долю наиболее многочисленного класса народа не пало меньшее количество их. Мы видели, что на содержание труда будет употреблён прежний денежный капитал, а так как не предполагается, что население возросло или уменьшилось, то денежная заработная плата останется прежней.

Но товары будут производиться уже в большем изобилии и дешевле; следовательно, заработная плата каждого человека доставит ему больше благ. Я нарочно представил дело в наиболее неблагоприятном для меня самого виде, предположив, что потеряют всякую стоимость 10 тыс. ф. ст. в основном капитале, который при новых обстоятельствах не может больше найти применение в хлопчатобумажной промышленности. Если, что вполне вероятно, он мог бы быть использован в какой-либо другой отрасли промышленности, он будет и дальше содействовать увеличению количества продуктов, что было бы ещё более благоприятно для потребителей.

Если только при помощи труда стоимостью в 10 тыс. ф. ст. не могло бы быть произведено столько хлопчатобумажных тканей, сколько прежде при помощи труда стоимостью в 10 тыс. ф. ст. и основного капитала стоимостью в 10 тыс. ф. ст., ткани не могли бы так сильно понизиться в цене, чтобы стало целесообразным отказаться от 10 тыс. ф. ст. основного капитала как ничего не стоящего, так как, если цена хлопчатобумажных тканей была завышена при использовании старых машин на 1 500 ф. ст., она должна понизиться на 1 500 ф. ст., прежде чем в интересах фабриканта будет выгоднее отказаться от этих машин. Когда это случится, он получит только 15% прибыли на один из своих капиталов, и, как предположено, он сможет получить эту прибыль путём приложения своих 10 тыс. ф. ст. в какой-либо другой отрасли промышленности.

Г-н Мальтус говорит: «Если для того, чтобы проверить принцип, мы пошли бы дальше и предположили, что без всякого расширения внешнего рынка для наших товаров мы могли бы посредством машин получить все товары, которые теперь используются, при помощи одной лишь трети применяемого теперь труда, то вероятно ли в какой-нибудь степени, что масса свободного капитала могла бы быть употреблена с выгодой или что масса рабочих, лишившихся работы, могла бы найти средства распоряжаться соответствующей долей национального

продукта?» *. Я отвечаю: да. Предположим, три человека нанимали каждый по десять человек; один — в производстве обуви, другой — в производстве чулок и третий — в производстве сукна; все эти товары требуются и потребляются в обществе. Предположим теперь, что каждый из них изобретает усовершенствованный процесс, с помощью которого каждый может производить прежнее количество своего товара при помощи труда пяти человек; будут ли они, имея средства, чтобы употребить труд десяти человек, продолжать давать работу остальным пяти, конечно, не в производстве сукна, обуви и чулок, а в производстве какого-нибудь из многочисленных товаров, которые полезны и желательны людям? Поскольку это будет в их власти, не будут ли они производить шляпы, вино, пиво, мебель или какие-нибудь другие товары, к которым они могут иметь большую склонность? Ошибка г-на Мальтуса, мне кажется, заключается в том, что он думает, будто ничего не могло бы быть сделано без расширения внешней торговли. Разве мы все пресыщены нашими собственными продуктами? Разве никто из нас не хотел бы иметь больше одежды и лучшего качества, больше мебели, больше экипажей и лошадей, домов более удобных и большего размера? Пока у нас нет всех этих вещей в избытке, мы не можем безразлично относиться к лёгкости производства. «Крестьянин, которого можно было бы побудить работать дополнительное число часов ради чая или табака, может предпочесть праздность новому верхнему платью». В предположенном случае никто не был бы призван работать дополнительное число часов; он мог бы получить табак или чай и новое платье без дополнительного труда, а если бы у него не было ничего больше, то было бы у его хозяина. Чтобы обеспечить ему занятие, необходимо только, чтобы у его хозяина были потребности, которые, по мнению г-на Мальтуса, так трудно создать у рабочего.

«Промышленник или торговец, который продолжал бы своё дело, чтобы иметь возможность пить и угощать гостей кларетом и шампанским, может считать, что увеличение производства отечественных товаров отнюдь не стоит такого постоянного внимания!» Он оставит тогда своё дело и будет жить на проценты с капитала, который, несмотря на это, будет употреблён так же производительно и с таким же старанием его преемником, ещё не получившим достаточной части отечественных продуктов.

«Там, где сумма доходов страны зависит в значительной степени от приложения труда, активности и внимания, в товарах должно быть нечто настолько желательное, чтобы уравновесить эти усилия, не то эти усилия прекратятся». Это, несомненно, верно, но в такой стране, как наша, есть сотни и тысячи

* Эта цитата и следующие, приведённые в настоящем примечании, находятся на стр. 404—406 работы Мальтуса. — *Ред.*

людей, которые были бы счастливы при любых усовершенствованиях, какие только можно считать вероятными, проявить активность и внимание, необходимые для получения достаточно желательных для них товаров при помощи чужих средств, если бы последние были им доверены для этой цели, даже если предположить, чему я далеко не верю, что предметы недостаточно желательны, чтобы стимулировать усилия самих владельцев. «Очень мало кто просиживал бы в конторе шесть или восемь часов в день, чтобы купить товары, не обладающие другим достоинством, кроме затраченного на них количества труда».

Я не стал бы особенно восхищаться мудростью этих людей, но это встречается очень часто. Откуда получают свою высокую стоимость золотая утварь, ювелирные изделия и кружева, если не из количества труда, которое было на них затрачено? И всё же есть люди, не жалеющие никакого труда, чтобы добиться их.

237. Стр. 405. «Если бы существовали другие отрасли внешней торговли, которые можно было бы сильно развить при помощи оставшихся незанятыми капитала и рабочих рук, положение сразу изменилось бы в корне, и доход от этой торговли мог бы создать достаточные стимулы, чтобы поддержать величину национального дохода. Но, если бы можно было добиться прироста производства только отечественных товаров, следовало бы опасаться ослабления напряжённости труда».

Аргументация г-на Мальтуса здесь немного противоречива. Вы не могли бы, говорит он, найти занятие для ваших рабочих с капиталами, освободившимися вследствие применения машин. Я ожидал, что после этого он станет распространяться о нищенском положении этого класса и на этом основании выскажется против неограниченного применения машин. Как раз наоборот. Положение рабочего, сочувствовать которому нас призывает г-н Мальтус, якобы совершенно иное; рабочий будет взвешивать в уме, не предпочтёт ли он праздности новую одежду в добавление к чаю или табаку. Мелкий арендатор не будет знать, на что потратить свой прибавочный продукт, а забота торговца или промышленника будет состоять в том, сумеет ли он найти внешний рынок, где он мог бы обменять отечественные товары на кларет и шампанское, так как его положение будет настолько блестящим, что ничто, кроме этих тонких напитков, не сможет побудить его к продолжению обычной для него деятельности. Если в этом заключаются все страдания, которые обрушатся на нас вследствие недостатка спроса на отечественные товары, то я готов перенести их и не забочусь о том, скоро ли они начнутся.

238. Стр. 406. «Тем не менее верно, что, когда в стране создан большой доход в форме массы рент, прибылей и заработной платы, будет

оказано большое сопротивление всякому существенному понижению стоимости этого дохода.

В каком смысле употреблено здесь слово стоимость?

239. Стр. 408. «Если помимо этих соображений * мы примем во внимание состояния, нажитые в отраслях промышленности, рынок для которых непрерывно увеличивается и которые непрерывно требуют больше капитала и больше рабочих рук; и если сопоставить это положение вещей с постоянной необходимостью изыскивать новые способы приложения того же капитала и тех же рабочих, часть которых оказывается незанятой в результате каждого нового изобретения, — мы должны убедиться, что положение Англии было бы совершенно отлично от нынешнего и что она никогда не приобретала бы такого дохода в ренте, прибылях и заработной плате, если бы в изобретении машин было проявлено то же искусство, но без расширения рынка для сбыта произведённых продуктов».

Это есть лишь утверждение, что большие выгоды были достигнуты путём расширения рынка для товаров, которые мы смогли производить с значительной лёгкостью благодаря изобретению и употреблению машин и большой изобретательности нашего народа. Это замечание вполне справедливо, и, за исключением г-на Спенса и немногих его последователей, я не знаю никого, кто отрицал бы эти выгоды. Во всяком случае меня нельзя заподозрить в недооценке выгод свободной торговли. Торговля есть взаимный обмен удобствами и предметами роскоши. Пропорционально расширению рынка население каждой страны имеет возможность установить наиболее правильное разделение труда и наиболее выгодное использование своих сил. Это не только даёт ему возможность получать лучшие и более дешёвые товары, которые в случае отсутствия иных средств получения их оно само может производить, но и доставляет ему средства получения других товаров, которых без внешней торговли оно вовсе не получало бы, так как климат страны не пригоден для их производства.

Таким образом, выгоды, извлечённые нами из внешней торговли, нашли полное признание. Усовершенствования в машинах вместе с обширным внешним рынком будут для нас гораздо выгоднее, чем усовершенствования без этого преимущества, так как это даст нам возможность посвятить своё время и внимание исключительно производству товара, в выделке которого мы обладаем превосходством. Не в этом, однако, предмет спора. Мы хотели бы знать, могут ли усовершенствования при каких-либо обстоятельствах быть для нас невыгодными. По аргументации г-на Мальтуса выходит, что это именно так.

* Мальтус доказывает, что Англия может ввозить огромное количество предметов комфорта и роскоши только благодаря вывозу продуктов, производимых машинами, т. е. благодаря расширению внешних рынков. — *Ред.*

240. Стр. 409. «Во время последней войны могучим помощником нам были паровые машины, давшие нам возможность распоряжаться громадным количеством иностранных продуктов и иностранных рабочих. Но, насколько было бы ослаблено действие этих машин, если бы мы не могли вывозить свои хлопчатобумажные ткани, сукно и металлические изделия?»

Выгоды от паровых машин и т. д. в этом примере, по моему мнению, г-ном Мальтусом преувеличены. Введение более дешёвых средств производства товаров понизило цены последних и, следовательно, мы были вынуждены отдавать большее их количество другим странам в обмен на данное количество их товаров. Таким образом, для других стран выгоды от наших усовершенствований после очень короткого промежутка становятся столь же большими, как для нас. Они представляют общий выигрыш для всех потребителей товаров, которые их покупают.

Предположим, что страна изобрела усовершенствованные машины, с помощью которых она произвела товар, предназначенный целиком для иностранного рынка и не потребляемый внутри страны; в этом случае вся выгода от усовершенствования получена будет другой страной и ничего не достанется на долю страны, где были изобретены и использованы усовершенствованные машины, за исключением, правда, того преимущества, что никакой иной способ, быть может, не дал бы ей возможности использовать с лучшим эффектом свою промышленность как средство получения иностранных товаров, которые она желает купить.

Это заключение, по моему мнению, не могут отрицать те, кто согласен со мною, что цены товаров в стране, а следовательно и за границей, понижаются пропорционально лёгкости их производства.

Странно, что г-н Мальтус, так верно оценивающий выгоду, получаемую от расширения рынка, так сильно недооценивает выгоды, которые были бы извлечены из свободной торговли хлебом. Расширение рынка и свободная торговля — это два названия одного и того же, ибо что может дать более значительное расширение рынка для наших хлопчатобумажных тканей, сукна и металлических изделий, чем свободный доступ товара, с помощью которого другие страны могут покупать с наибольшим удобством наши товары?

241. Стр. 410. «Я спросил бы, есть ли малейшее основание говорить, что капитал, когда-либо сэкономленный на этих фабриках, не только будет сохранён и найдёт применение в другом месте, но и будет применён столь же выгодно и создаст такую же меновую стоимость, какую он мог бы создать в Манчестере и Глазго при расширяющемся рынке?» * Короче говоря,

* Мальтус указывает на рост населения и богатства в центрах машинной индустрии, в Манчестере, Лидсе, Глазго и др., и ставит его в связь с расширением рынка. — *Ред.*

есть ли какое-либо основание для утверждения, что если бы экспорт хлопчатобумажных тканей, достигающий теперь 20 млн. ф. ст. в год, прекратился либо вследствие иностранной конкуренции, либо в связи с прямым запрещением, то нам было бы нетрудно найти для нашего капитала и для рабочих рук применение, столь же выгодное для отдельных лиц в смысле прибыли и представляющее для страны такую же возможность обогащения в смысле меновой стоимости её дохода?»

Я один из тех, кто думает, что капитал был бы применён в другом месте и притом с той же нормой прибыли, и всё же я не сомневаюсь, что, если бы экспорт хлопчатобумажных тканей был прекращён и мы были бы вынуждены вложить капитал, который был до того занят в этой отрасли промышленности, в другую отрасль, мы сильно пострадали бы от такой комбинации.

Норма прибыли зависит не от внешней торговли, а от оплаты труда на земле, поступившей в обработку в последнюю очередь внутри страны, и от распределения продукта. Предположим, что всё это остаётся неизменным и что при переходе от внешней торговли к внутренней ничто не может вызвать изменения; тогда сохранится прежняя норма прибыли. Если прежде с капиталом в 20 тыс. ф. ст. я получал 2 тыс. ф. ст. прибыли в год, я продолжал бы получать ту же сумму, но при помощи своих 2 тыс. ф. ст. я не был бы в состоянии распоряжаться тем же количеством иностранных и отечественных товаров. Весь доход страны сохранил бы прежнюю денежную стоимость и, я сказал бы, прежнюю реальную стоимость, но поскольку эта стоимость была бы представлена меньшим количеством товаров, так как цена многих из них повысилась бы, то на тот же реальный доход можно было бы купить меньшее количество благ.

Г-н Мальтус и я не расходимся по существу в этом вопросе. Он думает, что будет получена меньшая денежная прибыль, а цена товаров останется без изменения. Я думаю, что будет получена прежняя денежная прибыль, но цена товаров повысится.

Наше кажущееся разногласие объясняется различием меры, которой мы измеряем стоимость.

242. Стр. 411. «Каждая страна, бесспорно, способна потребить всё, что производит, как бы ни было велико количество произведённых товаров; каждый здоровый человек способен использовать свои умственные и физические качества в производительном труде в течение десяти или двенадцати часов в день. Но всё это сухие утверждения о силах страны, не ведущие к каким-нибудь практическим выводам относительно возрастания богатства. Если бы мы не имели возможности вывозить наши хлопчатобумажные ткани, несомненно, мы не желали бы потребить их все в стране, хотя и имели бы власть сделать это; сохранение нашего богатства и национального дохода зависело бы целиком от того обстоятельства, можно ли будет найти такое применение для капитала, изъятых из хлопчатобумажной промышленности, чтобы производились товары, ценимые столь же высоко и потребляемые так же жадно, как те иностранные товары, которые ввозились раньше».

Требуется некоторое усилие, чтобы использовать свои умственные и физические качества в производительном труде в течение десяти или двенадцати часов в день, но не требуется совершенно никакого усилия, чтобы потратить всё, что было в мучках человеком произведено. Одно доставляет муки, другое — наслаждение. Как можно считать одинаковыми столь различные вещи?

В предположенном случае у нас не было бы, может быть, желания потратить все выработанные нами хлопчатобумажные ткани, но производящий их труд мог бы производить другие вещи, которые мы были бы склонны потреблять.

243. Стр. 412. «Во внешних рынках нет ничего магического. Конечный спрос и конечное потребление должны всегда реализоваться внутри страны, и внешние рынки были бы бесполезны, если бы можно было производить в стране товары, которые побуждали бы народ работать столько же часов в сутки, доставляли бы такие же блага и порождали бы потребление такой же *стоимости*».

Счастье страны зависит от количества вещей, которыми она может наслаждаться, а не от «стоимости» этих товаров.

В конце концов трудно понять, чего собственно желал бы г-н Мальтус в смысле применения машин. Мир можно рассматривать как одну большую страну; при такой точке зрения г-н Мальтус не возражает против самого широкого употребления машин, и в этом пункте я согласен с ним. Мы расходимся, повидимому, в следующем: я убеждён, что народ, живущий на самой ограниченной территории, по какой-то случайности никогда не имевший в прошлом и не могущий никогда иметь в будущем каких-либо сношений с иноземными странами, всё же будет извлекать бесспорные выгоды от «накопления капитала, повысившегося плодородия почвы и изобретений, экономящих труд». Г-н Мальтус думает, что во многих случаях это будут дары, губительные по своим последствиям; по его мнению, чтобы быть благотворными, они должны сопровождаться спросом. А так как я думаю, что спрос зависит только от предложения, по моему мнению, средства, ведущие к изобилию товаров, не могут не быть благотворными.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

**О необходимости объединения производительных сил
и средств распределения с целью обеспечить
постоянный рост богатства**

244. Стр. 413. «Мы видели, что производительные силы, насколько бы они ни были развиты, сами по себе недостаточны, чтобы обеспечить создание соответственного богатства. Чтобы призвать эти силы к действию, необходимо, повидимому, ещё кое-что, а именно такое распределение

продукта и такое приспособление его к нуждам будущих потребителей, чтобы меновая стоимость всей массы продукта постоянно увеличивалась».

Это верно; неправильное распределение привело бы к таким последствиям, но какую лучшую гарантию от этого можно предоставить, нежели дозволение каждому человеку производить то, что ему угодно, и потреблять товар, который он сам произвёл, или обменивать его на продукт труда других людей. Его способность предъявлять спрос на товары должна зависеть от его умелого выбора предметов для производства.

245. Стр. 414. «Таким же образом наиболее сильным стимулом к постоянному производству всей совокупности товаров является увеличение меновой стоимости всей их массы, прежде чем на их производство будет затрачено больше капитала и больше труда, а этот рост стоимости вызывается таким распределением фактического продукта, которое наилучшим образом приспособлено к удовлетворению существующих потребностей общества и к созданию новых».

Что подразумевается под «увеличением меновой стоимости всей массы товаров, прежде чем на их производство будет затрачено больше капитала и больше труда?» Если под этим подразумевается, что товары обладают большей стоимостью сравнительно с трудом, это окольная манера говорить, что стоимость труда понизилась *. Так как г-н Мальтус измеряет стоимость труда количеством товаров, заработанных рабочим **, то в тех случаях, когда в силу какой-либо причины за труд даётся больше товаров, можно сказать, что повысилась цена труда, а в тех случаях, когда за труд даётся меньше товаров, можно сказать, что цена его понизилась.

246. Стр. 415. «После того как облегчились возможности распределения, повысились цены сельских продуктов и некоторых видов лондонских товаров, которые посылались в деревню для обмена; и это повышение было сильнее, чем понижение цен сельских продуктов на лондонских рынках или понижение цен лондонских продуктов на сельских рынках. Следовательно, стоимость всего продукта, т. е. товаров, доставляемых вместе Лондоном и деревней, значительно увеличилась; в то время как расширение спроса стимулировало, таким образом, приложение большей суммы капитала, вызванное этим расширением временное повышение прибыли должно было бы сильно содействовать доставлению требуемого добавочного капитала».

В предположенном случае свободного обмена между Лондоном и деревней я сказал бы, что такой обмен сопровождался бы падением стоимости труда. Если бы можно было с большей

* В первоначальной редакции: «...говорить, либо что повысилась стоимость товаров без соответствующего повышения стоимости труда, либо что определённо понизилась стоимость труда». — *Прим. англ. ред.*

** В первоначальной редакции: «товарами, а не их стоимостью». — *Прим. англ. ред.*

лёгкостью перевозить хлеб из провинции в Лондон, его стоимость упала бы в Лондоне, а так как хлеб есть регулятор цены труда, то понизилась бы, вероятно, также стоимость труда и возросли бы прибыли. Но почему падает цена хлеба в Лондоне? Потому что меньшее количество труда необходимо от начала до конца, чтобы вырастить хлеб и привезти его в Лондон.

Лёгкость сношений понизила бы цену сельских продуктов в Лондоне и лондонских продуктов в провинции, но цены сельских продуктов не повысились и не понизились бы в деревне, так же как цены лондонских продуктов — в Лондоне. В местностях, где они производятся, и в других местностях их цены регулировались бы издержками их производства.

Примечание. В издержки производства я всегда включаю прибыль по существующей норме.

247. Стр. 417. «Во всех случаях, когда спрос на продукты велик, т. е. во всех случаях, когда меновая стоимость всей массы товаров будет покупать по прежней цене большее количество труда, чем обычно, есть такое же основание ожидать общего увеличения количества всех продуктов, как рассчитывать на увеличение количества отдельных продуктов, когда повышается их рыночная цена. И с другой стороны, всякий раз, когда понижается в стоимости продукт страны, измеряемый трудом, который он может купить, очевидно, что одновременно должны уменьшиться возможность и желание купить то же количество труда, и эффективный спрос на добавочный продукт должен на некоторое время уменьшиться».

Как можно заметить, г-н Мальтус не упускает случая подчеркнуть значение спроса в деле стимулирования стран к напращиванию труду и всегда боится недостатка этого стимула. Поэтому желательно точно установить, какое значение он придаёт слову «спрос». Большой спрос на товары, по его словам, означает, что меновая стоимость массы товаров будет покупать по прежней цене большее количество труда, чем обычно.

Предположим, что у меня есть шляпы, башмаки, чулки и т. д. стоимостью в 1 тыс. ф. ст. и что труд стоит 2 шилл. в день; тогда масса моих товаров будет стоить 10 тыс. дней труда. Если цена труда упадёт до 1 шилл. 8 пенсов в день, мои товары будут попрежнему продаваться за 1 тыс. ф. ст., но за них можно будет купить 12 тыс. дней труда. В таком случае, согласно г-ну Мальтусу, спрос на мои товары увеличился бы, и этот увеличенный спрос повлёк бы за собой расширение производства столь же неизбежно, как повышение рыночной цены отдельного товара повлекло бы за собой увеличение производства этого товара. Вместо того чтобы назвать это увеличением спроса и вместо того чтобы сказать, что стоимость товаров повысилась потому, что за них можно купить большее количество труда, — быть может, только вследствие избытка населения, ибо ничто

другое не может вызвать понижение цены труда, выраженной в товарах, — я сказал бы, если мне позволено будет это выражение, что стоимость товаров не изменилась, а понизилась стоимость труда и что вследствие падения стоимости труда повысилась прибыль. Спрос на товары не стал бы ни больше, ни меньше, но хозяева имели бы право потреблять больше, а рабочие — меньше. Эти высокие прибыли могли бы повлечь за собой дальнейшее расширение производства или не повлечь его, смотря по тому, станут ли хозяева накапливать или тратить свои возросшие доходы. Когда прибыли повсеместно высоки, искушение производить большее количество товаров весьма отлично от того искушения расширять производство отдельного товара, какое вызывает высокая рыночная цена его.

В последнем случае высокая прибыль может быть получена только путём производства этого одного товара; в первом же случае высокую прибыль получают все. Было бы к тому же ошибкой предполагать, что теперь были бы заняты рабочие, которые могут выполнить 12 тыс. дней труда, так как товары, оцениваемые в труде, стоили бы теперь 12 тыс. дней труда вместо 10 тыс.; это было бы верно, если бы хозяева употребляли производительно всё, что получили и что сберегли, но это не необходимое следствие. Если бы приятель в Португалии подарил мне бочку портвейна, стоящую 1 тыс. дней труда, стоимость товаров Англии повысилась бы на 1 тыс. дней труда, но, если я выпью это вино вместе со своей семьёй, ни один дополнительный рабочий не получит работы. Я не хотел бы видеть, как «меновая стоимость массы товаров покупает *по прежней цене* большее количество труда», ибо как бы высоко я ни ценил выгоды, истекающие из высоких прибылей, я не желал бы, чтобы эти прибыли возрастали за счёт рабочего класса. Я уверен, что г-н Мальтус питает на этот счёт то же чувство, что и я, и не замечает, что это есть условие, связанное с возросшей стоимостью массы товаров без увеличения их количества. Чего мы должны желать, так это увеличения количества товаров без увеличения их стоимости. Денежная стоимость массы товаров может в таком случае остаться прежней, и, если цена труда понижается с 2 шилл. до 1 шилл. 8 пенсов в день, положение рабочего может быть лучше, потому что на 1 шилл. 8 пенсов он может получить больше, чем прежде на 2 шилл. Норма прибыли повысится, как и прежде, но это произойдёт не за счёт рабочего класса; это будет только следствием увеличившейся производительности труда.

248. Стр. 417. «В главе о стоимости и богатстве г-н Рикардо сказал, что «известное количество предметов одежды и пищевых продуктов будет содержать и давать занятие тому же числу человек для выполнения того же количества работы независимо от того, произведены ли эти предметы трудом 100 или 200 человек. Разница только в том, что они будут стоять

вдвое больше, если на их производство затрачен был труд 200 человек» *. Но, если даже принять его собственную меру стоимости, это положение только в редких случаях окажется правильным. Предметы одежды и пищевые продукты, которые стоили только 100 дней труда, не могли бы никогда, кроме совершенно неестественных случаев, обеспечить выполнение такого количества работы, как если бы они стоили 200 дней труда».

Я знаю это и радуюсь этому. Если бы это было возможно, то вся выгода досталась бы на долю прибыли. В высшей степени желательно, чтобы часть пошла на увеличение количества благ для рабочего.

249. Стр. 418. «В случае внезапного увеличения числа производительных рабочих в силу быстрого превращения дохода в капитал или в случае внезапного повышения производительности труда прежнего числа рабочих данная часть предметов первой необходимости, несомненно, не сможет привести в движение прежнее количество труда; и если меновая стоимость продукта понизится в большей степени, чем увеличится его количество (что весьма возможно), то в этом случае прежнее количество труда не будет приведено в действие увеличенным количеством предметов первой необходимости, и прогресс богатства приостановится».

Я — фермер и произвожу 100 кварталов пшеницы, из которых 50 отдаю своим рабочим. Я улучшаю производительность своей земли, нанимая не больше рабочих, и получаю 120 кварталов; теперь я даю рабочим 55 кварталов. Шляпочник, суконщик, сапожник также совершенствуют своё ремесло и делят получаемый ими продукт между собой и своими рабочими в такой же пропорции. Разве общество не стало богаче? Разве оно не находится в лучшем положении, чем прежде? Называйте стоимостью что угодно, говорите о повышении или понижении товарных цен, но разве положение общества не улучшится?

Г-н Мальтус говорит **, что «в случае внезапного повышения производительности труда прежнего числа рабочих данная часть предметов первой необходимости, несомненно, не сможет привести в движение прежнее количество труда». Кому будет принадлежать продукт? Хозяевам или рабочим. Если первым, то они получают возможность распоряжаться большим количеством труда. Если последним, то, хотя будет применяться иное количество труда, чем прежде, рабочие будут в избытке, и при меньшем числе рабочих хозяева будут в таком же хорошем положении, как прежде. В этом случае будет ли г-н Мальтус считать злом, что данная часть предметов первой необходимости не сможет привести в движение прежнее количество труда? Весьма желательно, чтобы не смогла.

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 230—231. — Ред.

** В первоначальной редакции: «Может ли г-н Мальтус быть прав, когда говорит, что...». — Прим. англ. ред.

250. Стр. 418. «Такая приостановка * была бы ещё более очевидным следствием уменьшения спроса на продукт в результате упадка внешней торговли или в силу какой-либо другой причины. При этих обстоятельствах как количество, так и стоимость продукта скоро уменьшились бы, и, хотя в силу недостатка спроса труд был бы очень дешёв, капиталисты скоро потеряли бы как желание, так и возможность употреблять труд в таком же количестве, как и прежде».

Сколько ошибочным кажется мне это заключение!

251. Стр. 419. «Во всех случаях непрерывное увеличение стоимости продукта, оцениваемой в труде, кажется абсолютно необходимым для постоянного и непрерывного роста богатства, ибо ясно, что без такого увеличения стоимости невозможно привести в движение новое количество труда».

Боюсь, что утомляю читателя, так долго останавливаясь на этом предмете, но утверждение г-на Мальтуса в этом случае должно означать следующее: если страна удваивает производство всех видов товаров, она не станет богаче, если не сможет распорядиться большим количеством труда. Я сказал бы, что её прибыль могла бы быть по стоимости не выше, но на неё можно было бы купить двойное количество благ, и богатство страны удвоилось бы.

Г-н Мальтус соглашается, что богатство и стоимость не одно и то же, и всё же здесь он утверждает, что «непрерывное увеличение *стоимости* продукта кажется абсолютно необходимым для постоянного и непрерывного роста богатства». Не возрастет ли богатство страны, если без применения большего количества труда вы сумеете удвоить количество товаров?

252. Стр. 419. «Оно ** может иметь место, и в действительности почти всегда имеет место вследствие предшествовавшего увеличения стоимости или дохода, и в этом случае сбережение может быть осуществлено не только без всякого уменьшения спроса и потребления, но и при фактическом повышении спроса, потребления и стоимости в течение всего процесса».

Это, несомненно, один из путей.

253. Стр. 421. «Богатство страны приобретается в общем при помощи тех же средств, что и богатство торговцев, хотя и более медленно, т. е., несомненно, путём *сбережений*, но сбережений из выросших прибылей, и эти сбережения отнюдь не предполагают уменьшения расходов на предметы роскоши и комфорта».

Приходится признать, однако, что отдельный человек может увеличить своё состояние путём уменьшения расходов на предметы роскоши и комфорта. Почему страна не может сделать то же самое?

* Прогресса богатства. — *Ред.*

** Сбережение дохода с целью увеличить капитал без уменьшения стоимости продукта. — *Ред.*

254. Стр. 421. «Не один торговец составил крупное состояние, хотя в период приобретения этого состояния не было, быть может, ни одного года, когда он не увеличивал бы своих расходов на предметы роскоши, комфорта и на благотворительность».

Это верно, но его собрат торговец, который, при прежних прибылях, избегал увеличения расходов на предметы роскоши, комфорта и на благотворительность, разбогатеет скорее, чем первый.

255. Стр. 422. «Быть может, скажут, что так подчёркивать роль распределения и измерять спрос меновой стоимостью совокупного продукта — значит ставить валовой доход страны выше её чистого дохода и высказываться в пользу такой системы земледелия и промышленного производства, когда в производстве всякого предмета употребляется больше всего рабочих рук».

Здесь снова спрос измеряется меновой стоимостью товаров. Меновой стоимостью в чём? В труде? Предположим, вы прибавили бы 20% к количеству всех товаров страны и при помощи более высокой заработной платы дали бы рабочему классу возможность покупать все эти дополнительные товары — разве вы тогда не увеличили бы стоимость товаров, потому что на большее количество их можно будет купить только то же количество труда, что и прежде? Разве спрос не вырастет потому, что эти товары смогут располагать не большим количеством труда, хотя каждый рабочий будет иметь возможность и желание требовать и потреблять добавочное количество товаров! «Не в интересах производителя доставлять товары на таких условиях» — это не ответ, они доставлены. Мы не отрицаем, что у капиталиста нет стимула производить товары, на которые нельзя будет купить большее количество труда, чем то, которое было затрачено на их производство, но если он действует против своих интересов, то каким образом наносит он ущерб своей стране? Зачем сомневаться в спросе и потреблении уже произведённых товаров? Почему необходимо рекомендовать этому человеку не продолжать производства? Разве его собственный интерес не подскажет ему, что он производит для того, чтобы другой потреблял? И, прежде всего, как может ему помочь налоговое обложение? Поскольку он не получает прибыли на часть своего капитала, кое-что должно быть взято у него или у рабочего, которого он нанимает. Не могу отгадать, как это может ему помочь.

256. Стр. 425. «...В различных странах, обладающих продуктом одинакового количества и одной стоимости, можно свободно располагать большей или меньшей долей продукта. В этом отношении страна с плодородной землёй обладает, несомненно, огромными преимуществами перед теми странами, чьё богатство зависит почти исключительно от промышленности. При одинаковом населении, одинаковой норме прибыли и при

одинаковых количестве и стоимости продукта в стране, богатой землёй, можно свободно располагать гораздо большей частью богатства».

Г-н Мальтус говорит, что «при одинаковом населении, одинаковой норме прибыли и при одинаковых количестве и стоимости продукта» в земледельческой стране по сравнению с промышленной страной «можно свободно располагать гораздо большей частью богатства». Я спрашиваю, каким образом эти страны могут иметь одинаковое население, одну и ту же норму прибыли и одинаковые количество и стоимость продукта? Сумма стоимости и количество продукта в промышленной стране должны быть разделены между заработной платой и прибылью, а в земледельческой — между рентой, заработной платой и прибылью. Если из одинаковой стоимости вы отдаёте заработной плате и прибыли одну и ту же стоимость, то что останется на долю ренты в земледельческой стране?

257. Стр. 425. «Из того, что было здесь сказано, читатель поймёт, что я ни в коем случае не могу согласиться со взглядами г-на Рикардо, высказанными им в главе о валовом и чистом доходе. Я ни на минуту не поколеблюсь сказать, что страна с чистым доходом от ренты и прибыли, представляющим средства пропитания и предметы одежды на 5 млн. человек, была бы, несомненно, более богата и более могущественна, если бы этот чистый доход был произведён трудом не 5, а 7 млн. человек, при предположении, что они одинаково хорошо живут. Весь продукт был бы больше, и из 2 млн. добавочных рабочих некоторые могли бы, без сомнения, свободно располагать частью своей заработной платы».

Г-н Мальтус говорит: «Из 2 млн. добавочных рабочих некоторые могли бы, без сомнения, свободно располагать частью своей заработной платы». Тогда они получили бы часть чистого дохода. Я не отрицаю, что заработная плата может быть такова, чтобы дать рабочим часть чистого дохода; я ограничил моё положение случаем, когда заработная плата слишком низка, чтобы доставить рабочему какой-нибудь излишек сверх абсолютно необходимого. Г-н Мальтус цитировал меня неправильно. Я сказал: «Если 5 млн. человек могут производить столько предметов пищи и одежды, сколько необходимо для 10 млн., то пища и одежда для 5 млн. составляют чистый доход. Получит ли страна какую-либо выгоду, если для производства того же самого чистого дохода потребуется 7 млн. человек или, другими словами, если 7 млн. человек будут заняты производством одежды и пищи, достаточных для 12 млн. человек? Пища и одежда для 5 млн. продолжали бы оставаться чистым доходом. Использование более значительного числа людей не дало бы нам возможности увеличить число людей в армии и флоте ни на одного человека или внести хотя бы одну лишнюю гинею в виде налога».

И если Адам Смит отдаёт преимущество такому употреблению капитала, при котором последний приводит в движение

максимальное количество промышленного труда, то он это делает не потому, что, по его мнению, большое население доставляет какие-нибудь особенные выгоды или что при этом большее число человеческих существ может пользоваться благополучием. Нет, Адам Смит отдаёт предпочтение такому употреблению капитала только потому, что оно увеличивает могущество страны» * и т. д. и т. д.

Г-н Мальтус предполагает, что 7 млн. не потребуются. Это меняет моё положение, а не опровергает его **. Г-н Сэй тоже сделал замечание по поводу этого места, и, хотя я специально сделал оговорку, что я только отвечал на аргумент Адама Смита касательно способности платить налоги и т. д. и не рассматривал того, что, несомненно, было бы весьма достойно рассмотрения при каком-либо другом случае, а именно счастья столь многочисленных людей, он всё же говорит так, как будто это соображение не имеет в моей оценке никакого значения. Я уверяю его, что он несправедлив ко мне; ни на минуту я не забываю этого соображения и всегда придавал ему должный вес.

258. Стр. 426. «В общем, увеличение количества продукта и возрастание стоимости идут рядом, и именно это естественное и здоровое положение вещей больше всего благоприятствует прогрессу богатства».

Редко случается иначе; все сбережения, сделанные за счёт расходов и прибавленные к капиталу, увеличивают сумму товаров и в то же время усиливают способность распоряжения трудом, мальтусовским критерием увеличения стоимости. Едва ли возможно, чтобы накопление могло происходить так быстро, что предложение труда не будет поспевать за ним. В этом случае масса товаров сможет распоряжаться не бóльшим количеством труда.

О Т Д Е Л С Е Д Ь М О Й

Распределение, вытекающее из разделения земельной собственности, рассматривается как средство увеличения меновой стоимости всего продукта

259. Стр. 428. «Быстрому развитию Соединённых Штатов Америки в целом, несомненно, в сильной степени способствовала внешняя торговля и в особенности возможность продавать сырьё, добываемое при затрате небольшого количества труда, в обмен на европейские товары, стоившие гораздо большего количества труда».

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 285. — *Ред.*

** Первоначальная редакция: «Это меняет мой аргумент». — *Прим. англ. ред.*

Для Америки совершенно неважно, стоят ли европейцам много или мало труда получаемые ею в обмен товары. Она заинтересована только в том, чтобы эти товары стоили ей меньше труда при приобретении их путём покупки, чем при самостоятельном производстве.

260. Стр. 429. «Мы знаем о большой роскоши государей и дворян в любой исторический период. Трудность не в том, чтобы внушить богатым вкус к роскоши, а в том, чтобы раздробить их огромные владения и создать большое число потребителей, которые имели бы возможность и желание покупать результаты производительного труда».

Не всё ли равно, будет налицо один крупный потребитель или множество мелких? Недостаток чувствовался не в потребителях, а в производителях и в лицах, накапливающих капитал. Кроме того, требовались такие предметы, на которые можно было бы издержать доход*.

261. Стр. 433. «Что касается эффекта от дробления собственности, то в настоящее время во Франции производится опасный эксперимент. Закон о наследовании в этой стране делит собственность всякого рода между детьми поровну, без учёта права старшего сына и без различия пола, и разрешает распоряжаться по завещанию только маленькой частью имущества».

Этот закон существует ещё недостаточно долго, чтобы можно было судить о влиянии, которое он, вероятно, будет оказывать на национальное богатство и на благополучие страны».

Почему этот закон должен вызвать такое сильное дробление собственности? Ему будет противодействовать не только благоразумие в деле заключения браков, но и приобретение богатства каждым членом семьи. Эти приобретения, вероятно, дадут собственнику возможность оставить своим детям такое же большое наследство, какое он получил от своего отца. Его дети в свою очередь будут снова склонны и, вероятно, способны следовать примеру отца. Разве эта практика не господствует в настоящее время в Англии во всех семействах, кроме аристократических? Разве все торговцы, банкиры, фабриканты, фермеры, лавочники и т. д. и т. д. не делят свою собственность поровну между детьми и разве можно констатировать у нас какие-нибудь дурные последствия, ожидаемые г-ном Мальтусом во Франции?

Из того, что земля может оказаться очень сильно раздроблённой в результате раздела её между детьми, вовсе не следует, что она должна была бы обрабатываться каждым из детей отдельно или что каждый из них должен оставаться собствен-

* Всё это примечание в рукописи перечёркнуто. — *Прим. англ. ред.*

ником своей первоначальной доли земли. Будут осуществляться продажи, заключаться арендные договоры, и, как крупный землевладелец в настоящее время делит свою землю на отдельные фермы ради удобства и лучшей обработки, так и различные мелкие собственники смежных участков будут объединять свои мелкие земельные участки в одну крупную ферму для той же цели.

262. Стр. 434. «При таком положении вещей, когда естественное влияние собственности незначительно или вообще не существует и не ограничивает ни власти короны, ни неистовства народа, невозможно себе представить, чтобы могло быть сохранено такое смешанное правительство, каковое теперь существует во Франции».

Я не могу разделить опасений г-на Мальтуса за длительность существования свободного правительства при такой системе.

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ

Распределение, вызываемое внутренней и внешней торговлей, рассматривается как средство увеличения меновой стоимости продукта

263. Стр. 442. «Если бы внутренняя торговля не содействовала увеличению стоимости национального продукта, ею не занимались бы. Именно из этого прироста стоимости оплачиваются торговцы; и если некоторые лондонские товары ценятся в Глазго не выше, чем в Лондоне, а некоторые Глазговские товары ценятся в Лондоне выше, чем в Глазго, то торговцы, обменивающие товары, которыми торгуют эти города, не извлекут из этой торговли никакой выгоды, как не извлечёт её никто другой».

Здесь, как и во многих других местах, г-н Мальтус, повидимому, думает, что торговля и обмен товаров в значительной степени увеличивают стоимость товаров и дают возможность торговцам увеличить сумму и стоимость своих прибылей и, затем, что из этого источника делаются все крупные сбережения и накопления.

Несомненно верно, что если «некоторые лондонские товары ценятся в Глазго не выше, чем в Лондоне, а некоторые Глазговские товары ценятся в Лондоне выше, чем в Глазго, то торговцы, обменивающие товары, которыми торгуют эти города, не извлекут из этой торговли никакой прибыли, как не извлечёт её никто другой» путём обмена этими товарами.

Но доказывает ли это, что стоимость этих товаров увеличивается в результате обмена или что этот обмен доставляет добавочную прибыль на капитал торговцам, занятым пересылкой товаров из одного города в другой?

Будет ли масса товаров в стране в результате этого обмена распоряжаться большим количеством труда, или будут ли товары

обмениваться на большее количество какого-либо мерила известной стоимости?

Цена металлических изделий в Лондоне зависит от их издержек производства, т. е. они будут производиться только при условии, что их цена возмещает все расходы на них вместе с обычной и средней нормой прибыли. Цена их, после незначительного промежутка времени, будет определяться тем, ограничится ли общий и обычный спрос на эти товары данным или десятикратным количеством. Г-н Мальтус мог бы сказать, что этот промежуток имеет большое значение, и если на товар будет спрос, то в течение этого промежутка фабрикант получит большую прибыль, и у него будет возможность сделать ценные сбережения. Я допускаю это, но за чей счёт будут созданы эти более значительные прибыли и увеличат ли они стоимость массы товаров? Если обычная цена известного количества металлических изделий составляет 100 ф. ст., а вследствие спроса я вынужден дать за них 110 ф. ст., торговец получит больше прибыли, но кто оплатит её?

Г-н Мальтус обращает внимание только на фабриканта и желал бы заставить нас поверить, что последний получает большую прибыль, причём никто от этого не страдает, и, следовательно, для страны это представляет чистый выигрыш. Но я говорю, что платит потребитель, так как он должен выбрать один из трёх путей: или он должен удовольствоваться меньшим количеством металлических изделий; или должен отказаться от расхода 10 ф. ст. на какой-нибудь другой товар, который он обычно потребляет; или же, если он пользуется тем же количеством товаров, что и прежде, он не может увеличить свой капитал на 10 ф. ст. из сбережений в обычном для него размере. Если он сберегает 10 ф. ст. из своих расходов, он действительно даёт фабриканту металлических изделий возможность прибавить 10 ф. ст. к его капиталу из увеличившейся прибыли, но тот же результат получился бы, если бы при помощи других средств ему удалось бы сберечь 10 ф. ст. из своих расходов с той только разницей, что в одном случае они были бы прибавлены к его собственному капиталу, в другом — к капиталу фабриканта металлических изделий. В обоих случаях капитал страны увеличился бы на 10 ф. ст., и можно употребить больше труда, если стоимость последнего не возросла. И здесь я хотел бы ещё заметить, что это сбережение из возросших прибылей, по мнению г-на Мальтуса являющееся средством, при помощи которого создаются все большие состояния, в действительности представляет сбережение за счёт уменьшения расходов, за счёт источника сбережения, весьма сильно недооцениваемого г-ном Мальтусом, как это видно на стр. 421 его труда. Но вернёмся к непосредственному предмету нашего спора. Если поку-

патель металлических изделий покупает обычное количество товаров, он не в состоянии сберечь по 10 ф. ст., т. е. столько же, как прежде, и в этом случае сбережение может быть действительно сделано фабрикантом металлических изделий, но за счёт сбережений другого члена общества, и тогда ничего не будет прибавлено к капиталу страны. Если вы теперь предположите, что спрос торговца для Глазговского рынка не повышает цены металлических изделий в Лондоне, но что тем не менее этот торговец может получить с Глазговского потребителя высокую прибыль, то я могу сделать аналогичное замечание. Либо он получит на свой капитал обычную и среднюю прибыль, либо получит более высокую прибыль. Если он получит только обычную прибыль, нет никакого основания сказать, что этой сделкой он прибавил что-нибудь к капиталу страны. Если его прибыль высока, выше обычного уровня, она может оставаться таковой только до тех пор, пока другие капиталисты не станут конкурировать с этим торговцем, и тогда его прибыль и цена его товаров понизятся до своего естественного уровня. Мне могут опять сказать, что сбережения делаются и капиталы увеличиваются именно в тот период, который характеризуется высокой прибылью, но мой ответ будет таким же, как прежде. Когда цена металлических изделий падает в Глазго до своего обычного уровня, будут ли сбережённые покупателями этого товара средства затрачены на другие вещи или они будут прибавлены к капиталу? Если мне скажут, что они будут затрачены на другие вещи, то тогда я признаю, что перемещение 10 ф. ст. из кармана потребителя в карман торговца в сезон высокой прибыли может быть благоприятно для накопления капитала, так как мне известно, что один может быть расточителем, а другой, возможно, будет делать сбережения; но здесь снова нужно признать, что столь же благоприятные результаты были бы достигнуты, если бы при понижении цены товаров потребитель сберёг 10 ф. ст. из своих расходов и прибавил их к своему капиталу.

Средняя прибыль страны зависит, как я часто указывал, от состояния заработной платы; когда заработная плата низка, прибыль должна быть высока, но взятая в отдельности прибыль отдельной группы фабрикантов или отдельной группы торговцев должна зависеть, каково бы ни было состояние заработной платы, от цены, которую они могут потребовать за свои товары от потребителей.

Естественная цена известного количества сукна, известного количества башмаков, известного количества шляп и т. д. будет, по нашему предположению, 100 ф. ст. Если собственник сукна может получить за своё сукно 110 ф. ст., это должно быть сделано за счёт потребителя, а так как эти потребители могут

купить этот особый товар только за тот товар, которым они владеют, то повышение его цены будет для них равносильно понижению цены их товара. Если до повышения цены сапожник отдавал половину башмаков за половину сукна, то теперь, когда цена сукна поднялась до 110 ф. ст., он должен давать на $\frac{1}{10}$ больше, или 55% своих башмаков за прежнее количество сукна. Тогда во всех случаях излишек прибыли в отдельной отрасли промышленности будет получаться за счёт потребителя, и пропорционально тому, насколько при этом один торговец получает большую возможность увеличивать свой капитал, возможность другого торговца увеличить свой капитал уменьшается. Когда торговец получает крупную прибыль, продавая свои товары другим странам по высокой цене, то его прибыль есть прибыль для той страны, в которой он живёт, но она тем не менее получена за счёт потребителя, а в этом случае потребителем является иностранец, и прибыль перемещается из одной страны в другую.

Из того, что я сказал, не следует делать вывод, будто я недооцениваю выгоды, которые произойдут от взаимного обмена товарами как для Глазго, так и для Лондона. Я только отрицаю, что эти выгоды проявятся в форме высокой прибыли и возросшей стоимости. Поскольку труд как в Лондоне, так и в Глазго будет направлен более производительно, оба эти города извлекут из этой торговли выгоду. Если бы Глазго производил для себя металлические изделия или Лондон — хлопчатобумажные ткани, в итоге каждый город получил бы при помощи данного капитала меньше металлических изделий и хлопчатобумажных тканей. При лучшем разделении труда хлопчатобумажные ткани будут дешевле в Лондоне и металлические изделия — дешевле в Глазго; тогда выгода для обоих городов заключается не в приросте стоимости, но в том, что при той же сумме стоимости оба в состоянии потреблять и использовать большее количество товаров, и, если у них не будет склонности покупать дополнительное количество товаров, у них останется больше средств для сбережения из своих расходов. Итак, не может быть верно, что «стоимость дохода будет больше или меньше соответственно рыночным ценам произведённых товаров», так как если предположить, что издержки производства товаров не изменяются, высокая рыночная стоимость одного товара в действительности означает низкую рыночную стоимость другого; товары покупаются на товары, и если стоимость сукна высока при оценке в шёлке, то шёлк должен иметь низкую стоимость при оценке в сукне. Если прибыль сукощика высока при оценке в шёлке и во всех других товарах, то только потому, что в эту прибыль вложена часть средств всех потребителей сукна.

264. Стр. 444. «В распределении товаров средства обращения каждой страны играют весьма важную роль; и, как я уже упоминал в одном примечании, мы не разясним, а скорее затемним смысл наших рассуждений, если откажемся принять в соображение средства обращения. Без ссылки на средства обращения поистине нелегко определить, происходит ли распределение товаров страны таким образом, чтобы им была придана надлежащая стоимость».

Для разяснения правильных принципов не имеет значения, в каком мериле оценивается стоимость, при условии только, чтобы само мерило было неизменно. Деньги, хлеб, труд — все одинаково хороши. Мне кажется, что г-н Мальтус, употребляя в качестве мерила деньги, часто ошибочно принимает изменения в самих деньгах за изменения в товарах, о которых он говорит. Изменение в стоимости денег не оказывает никакого влияния на относительную стоимость товаров, так как оно повышает или понижает их цену в одинаковой пропорции, но именно изменение в относительной стоимости товаров, в особенности предметов первой необходимости и предметов роскоши, производит наиболее важный эффект с точки зрения политико-эконома.

265. Стр. 445. «Если фермер продавал свой продукт только за две трети цены, по которой он продавал его прежде, то очевидно, что он был совершенно не способен распоряжаться тем же количеством труда и применять то же количество капитала на своей ферме, как за год до того. И когда затем произошло большое падение денежной цены всех промышленных изделий, вызванное в значительной степени предшествовавшим падением цен на сырьё, то столь же очевидно, что фабриканты не могли впредь распоряжаться трудом такого же числа рабочих, как прежде».

Будет ли фермер в следующем году распоряжаться тем же количеством труда, зависит от цены труда. Вероятно, фермер попал бы в очень затруднительное положение, даже если бы цена труда понизилась в некотором соответствии с ценой хлеба, потому что его контракт с землевладельцем обязывает его платить денежную ренту; эта рента остаётся той же, какова бы ни была цена продукта. Если, однако, фермер может использовать меньше рабочих, то землевладелец, если он получает ренту, может использовать больше. Г-н Мальтус думает, что уменьшится способность использовать труд и, следовательно, уменьшится спрос на него; он допускает, что цена главного потребляемого рабочим продукта — цена хлеба — упадёт, и всё же в своей аргументации он предполагает, что цена труда будет прежней. Г-н Мальтус прибавляет:

«И когда затем произошло большое падение денежной цены всех промышленных изделий...». Но почему цена промышленных изделий должна упасть? Их издержки производства остались прежними, и хлеб понижается в цене по отношению к ним только потому, что налицо изобилие хлеба, он производится дешево, а промышленные товары — дорого.

Что случилось? Количество хлеба увеличилось, количество товаров в сравнении со всем населением фактически выросло, каков же будет результат, согласно г-ну Мальтусу? Всеобщая нужда всех классов. Я могу понять, почему попал бы в затруднительное положение фермер, как я уже объяснил. Но не каждый человек есть производитель хлеба, взявший на себя обязательство платить денежную ренту. Предположим, что заработная плата падает пропорционально сбережению средств, которое делает рабочий при покупке хлеба; он был бы всё-таки в состоянии купить столько же промышленных товаров, как и прежде; если бы его заработная плата не упала, он мог бы купить больше. Каждый фабрикант в свою очередь мог бы купить больше промышленных товаров у других фабрикантов. При уменьшении расходов на хлеб он мог бы больше расходовать на другие предметы; в том же положении был бы и землевладелец, и, хотя спрос на промышленные изделия со стороны земледельческого класса, несомненно, уменьшился бы, нельзя, я думаю, оспаривать того, что он возрос бы со стороны всех других классов; тогда денежная цена промышленных изделий не понизилась бы, и фабриканты могли бы распоряжаться трудом такого же количества рабочих, как и прежде; если бы цена труда упала, они могли бы нанять больше рабочих.

266. Стр. 446. «Среди изобилия предметов первой необходимости способность этих двух важных классов общества * давать рабочим занятие реально уменьшится, тогда как способность давать занятие рабочим увеличится у всех лиц с постоянным доходом, но при этом мало шансов на то, что усилятся их воля к пропорциональному расширению спроса, и общий результат будет аналогичен действию такого частичного распределения продуктов, какой вызывается перерывом в привычных связях. В течение короткого времени могло бы быть произведено прежнее или большее количество товаров, но, поскольку распределение их не способствует тому, чтобы предложение всюду соответствовало спросу, понизится меновая стоимость всей совокупности товаров, и производство всей страны испытает определённый удар».

Г-н Мальтус говорит: «Понизится меновая стоимость всей совокупности товаров». Что это значит? Понизится ли их денежная стоимость? Г-н Мальтус ответил бы утвердительно. Тогда я спрашиваю, будет ли эта денежная стоимость распоряжаться большим количеством труда? Г-н Мальтус говорит, что рабочие классы будут лишены работы; если так, то денежная стоимость будет распоряжаться большим количеством труда, чем прежде. Разве реальная стоимость товаров в таком случае не повысилась согласно тому определению реальной стоимости, какое даёт г-н Мальтус?

* Фермеров и фабрикантов. — *Ред.*

267. Стр. 447. «... Самые ясные принципы политической экономии показывают, что прибыли на капитал могла бы в течение любого периода быть ниже, чем это необходимо при данном положении страны».

С земли, поступившей в обработку в последнюю очередь и с которой не платится рента, прибыль не может быть в течение любого периода времени ниже, чем это делает необходимым положение страны и вознаграждение рабочего. В таком случае должны бы существовать две нормы прибыли на капитал: одна норма для капитала, занятого в земледелии, и другая — для капитала, занятого в обрабатывающей промышленности, и всё же один капиталист мог бы свободно переместить свой капитал в сферу приложения другого. Может ли это быть?

268. Стр. 448. «Мотив, побуждающий людей заниматься внешней торговлей, в точности тот же, какой побуждает людей обмениваться товарами между отдалёнными частями одной страны, а именно: повышение рыночной цены местных продуктов; повышение прибыли, получаемой отдельным лицом, или предотвращение такого её понижения, какое произошло бы при использовании капитала внутри страны, следует рассматривать как пропорциональное увеличение стоимости национального продукта».

Смотри примечание к стр. 442*.

269. Стр. 449. «Г-н Рикардо начинает свою главу о внешней торговле, говоря, что «никакое расширение внешней торговли не может увеличить непосредственно сумму стоимостей в стране, хотя оно и будет очень сильно способствовать увеличению массы товаров и, следовательно, количества жизненных удобств» **. Это положение вполне согласуется с его особой точкой зрения на стоимость, якобы зависящую единственно от количества труда, которого стоила вещь. Как бы ни была обильна выручка торговца и как бы ни превышала она стоимость его вывоза в обычном понимании слова, несомненно, что количество рабочих, занятых в производстве предметов вывоза, сначала останется прежним. Но поскольку ясен и неоспорим тот факт, что выручка от чрезвычайно выгодной торговли обменивается на чрезвычайно большое количество денег, труда и отечественных продуктов; поскольку именно эту возросшую возможность распоряжаться деньгами, трудом и продуктами имеет действительно в виду торговец, когда говорит о расширении внешнего рынка и о выгодной торговле, то мне кажется, что такое положение вещей, которое может длиться и часто действительно длится достаточно долго, чтобы привести к важнейшим результатам, является единственным и репающим доказательством того, что точка зрения на меновую стоимость как зависящую исключительно от издержек производства в корне неправильна и совершенно бесполезна для объяснения замечательных явлений, сопровождающих рост богатства».

Я вполне согласен с г-ном Мальтусом, что это правильный критерий для суждения о прибылях торговцев, но я утверждаю, что эти прибыли не представляют чистого выигрыша, а часто делаются за счёт сбережений некоторых из сограждан.

* Примечание 263. — *Ред.*

** *Д. Рикардо*, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 112. — *Ред.*

«Если иностранная держава, — говорит г-н Мальтус, — послала бы в дар отдельному торговцу товары нового рода, которые были бы проданы на лондонском рынке за 50 тыс. ф. ст., богатство этого торговца увеличилось бы на эту сумму; и кто, спросил бы я, стал бы беднее?» Это зависело бы от характера товаров и от фонда, из которого эти товары были бы куплены потребителями у торговцев. Если они были куплены из того фонда, который иначе был бы сбережён, и если купленные таким образом товары были немедленно потреблены, то благодаря этому дару капитал страны не увеличится; единственным следствием было бы увеличение количества благ в данном году. Если эти товары были куплены вместо какого-либо другого товара, если этот другой товар был дан торговцу в обмен на иностранный товар и употреблён им в качестве капитала, то в этом случае результатом этого дара было бы общее увеличение сбережений на 50 тыс. ф. ст. Этот пример ничем не отличается от примера Глазго и Лондона. Накопление сделано в результате более крупных сбережений из годового дохода страны. Вам были даны 50 тыс. ф. ст., которые вы решили сберечь и прибавить к своему капиталу.

270. Стр. 450. «Мне кажется, что, если бы первые две фразы г-на Рикардо в главе о внешней торговле имели основание, между странами не существовало бы таких торговых сношений».

Г-н Мальтус не понимает меня. Я вовсе не думаю буквально, что ввозимый товар будет иметь не большую стоимость, чем товар вывозимый; стоимость первого должна быть больше стоимости второго по крайней мере настолько, чтобы оплатить труд, затраченный на его доставку, а также прибыль торговца за то время, когда был занят его капитал; в действительности это и составляет издержки производства этого товара. Но стоимость товара, посылаемого за границу, в силу тех же причин увеличивается на ту же стоимость, и, следовательно, если вы увеличили издержки производства и стоимость одного товара, вы также увеличили издержки производства и стоимость другого. Если я посылаю шляпы стоимостью в 100 ф. ст., которые продаются во Франции за 105 ф. ст., затем получаю кларет стоимостью в 100 ф. ст. и продаю его у нас за 105 ф. ст., то кажется, будто я дал 100 ф. ст. за 105 ф. ст., а французскому торговцу будет казаться, что он получил 105 ф. ст. вместо 100 ф. ст., но на деле оба дали и получили одинаковую стоимость, а 5 ф. ст. прибавлены, чтобы компенсировать расходы и прибыль на капитал. Любые 100 ф. ст., затраченные в то же время в стране и связанные с теми же расходами по перевозке или расходами какого-либо другого рода, также принесут

105 ф. ст. Таким образом, через посредство внешней торговли мы получили более желательный, но не более ценный товар. И разве я в таком случае не прав, говоря, что «никакое расширение внешней торговли не может увеличить непосредственно сумму стоимостей в стране, хотя оно и будет очень сильно способствовать увеличению массы товаров и, следовательно, количества жизненных удобств».

271. Стр. 451. «Что касается труда, замечу следующее: когда я говорю, что стоимость совокупного продукта страны может распоряжаться большим количеством труда, чем прежде, я имею в виду не большее *число* рабочих, а хочу сказать, что эта стоимость может купить больше труда по старой цене или лучше оплачивать прежних рабочих».

Вот новое объяснение мальтусовской меры реальной меновой стоимости. Если бы мне нужно было знать, получаю ли я в этом году большую стоимость, чем в прошлом, я не могу установить этот факт путём сравнения числа рабочих, которым я мог дать занятие в прошлом году и могу дать в текущем, так как я получил бы также более значительную стоимость, если бы мог распоряжаться не большим количеством труда, а платил бы больше имеющимся рабочим. Если я правильно понимаю, это означает, что у меня будет большая стоимость, если я смогу обменять свои товары на большую сумму этой меры стоимости, — и у меня будет также большая стоимость, если я не смогу их обменять таким образом.

272. Стр. 452—53. «Хотя в случае ввоза иностранных товаров, вступающих непосредственно в конкуренцию с отечественными товарами, цена последних, несомненно, понизится и производители их временно будут терпеть ущерб, всё-таки очень редко может случиться, что понизится денежная стоимость других товаров, не страдающих от этой конкуренции, и денежная стоимость отдельных товаров упадёт не в такой степени, чтобы помешать повышению денежной цены совокупного продукта».

Предположим, мы признаём это, но этим не решается вопрос о том, представляет ли выигрыш торговца новую стоимость или стоимость, полученную за счёт потребителей. Г-н Мальтус и я, мы оба признаём, что благодаря ввозу дешёвых или желательных иностранных товаров достигается выгода, но я говорю, что вся она должна принадлежать потребителю, и если в какое-либо время ею пользуется торговец, то только за счёт потребителя и при лишении последнего этой выгоды. В конечном счёте выгода должна достаться потребителю.

273. Стр. 454. «Я определённо не согласен с выводом г-на Рикардо, заключающимся в следующем месте его работы: «Следовательно, во всех случаях спрос на иностранные и отечественные товары вместе, поскольку дело касается стоимости, ограничивается доходом и капиталом страны. Если увеличивается спрос на один товар, то должен уменьшиться спрос на

другие товары» *. Мне кажется, во всех почти случаях успешной внешней торговли неоспорим тот факт, что спрос на иностранные и отечественные товары вместе определённо увеличивается, и увеличение стоимости иностранных продуктов не влечёт за собою соответственного уменьшения стоимости отечественного продукта».

Если четыре человека располагают каждый 1 тыс. ф. ст. в год, они не могут издержать больше чем 4 тыс. ф. ст. в год.

Чем большую стоимость они затрачивают на иностранные товары, тем меньше останется у них на покупку отечественных товаров. Для них в высшей степени важно будет покупать дешево, т. е. получать много товаров за малую стоимость; а поскольку внешняя торговля и обширный рынок позволяют им делать это, то это выгодно для страны. Г-н Мальтус говорит: «Согласно моему взгляду на этот предмет, национальный доход, состоящий из суммы рент, прибылей и заработной платы, сразу решительно увеличивается на сумму возросшей прибыли торговцев, занимающихся внешней торговлей». Национальный доход увеличивается! Но в каком выражении? В большем количестве или лучшем качестве потребляемых товаров, но не в большей стоимости. Каким же образом проявляется эта выгода? Может быть, в течение короткого времени в увеличении прибылей торговца, но всегда в конце концов в дешевизне иностранного товара. Это в точности то же самое, что и в случае с фабрикантом, который изобрёл усовершенствованную машину для производства своих товаров. Пока конкуренция ещё не действует на него с полной силой и не заставляет его снизить цену товаров до уровня издержек производства, он получает большую прибыль, но в конечном итоге выгода от усовершенствования производства достанется целиком потребителю **.

В моей главе о внешней торговле аргументация основана на предположении, которого, по моему мнению, никто не оспаривал, что, за исключением коротких промежутков времени, прибыли во внешней торговле не могут подниматься выше средней нормы прибыли, а если они бывают выше, я придерживаюсь мнения и высказывал свои соображения в пользу этого мнения, что уравнивание прибылей будет достигнуто путём понижения прибыли во внешней торговле, а не путём общего повышения прибылей в других отраслях.

В течение того промежутка времени, когда прибыль во внешней торговле выше средней прибыли, занятые в ней лица будут

* Д. Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 113—114. — *Ред.*

** Окончание этого примечания написано Рикардо на отдельном листке и, по мнению редакторов издания 1951 г., ошибочно было прикреплено к другому примечанию. В издании 1928 г. оба последние абзаца даны в конце примечания, относящегося к стр. 455 работы Мальтуса (примечание 275). — *Ред.*

получать больше, и никто не будет получать меньше, и постольку национальный доход возрастет; но как только конкуренция других капиталистов понизит прибыли внешней торговли до общего уровня прибыли, то, хотя национальный доход при оценке в деньгах будет иметь меньшую, чем прежде, стоимость, ничто не будет потеряно для страны, а выгода, которую прежде получал торговец, будет теперь использована потребителем. Торговец продаёт по более низкой цене и получает меньше прибыли; потребитель покупает по более низкой цене, и его экономия в точности равняется сумме прибыли, которую прежде получал и получать которую перестал теперь торговец. Но в течение этого промежутка стоимость всего продукта страны была больше! Несомненно, продукт обладал большей рыночной стоимостью, но сопровождалось ли это какой-либо реальной выгодой для страны, поскольку, как только торговец перестал получать прибыль, ею пользуется в равной мере другая часть общества? Этот случай в точности аналогичен тому, когда человек изобретает новую машину и может в течение некоторого времени держать её в секрете; в течение этого времени он будет пользоваться большой прибылью, и годовой доход страны будет возрастать, пока он будет продавать свои продукты выше их естественной цены, но будет ли потеряна хотя бы одна частичка этой выгоды, когда его более дешёвый способ производства этого товара станет общеизвестным и потребитель сможет получить выгоду, в точности равную, и в действительности более чем равную той выгоде, которой перестаёт пользоваться отдельный фабрикант? Если желательна большая выгода для торговца, занятого во внешней торговле, или для отдельного фабриканта, то это аргумент в пользу общей системы монополий, системы, которая имеет в виду только прибыли капиталистов и мало заботится о выгодах и удобствах потребителей.

274. Стр. 454. «Все охотно признают, что увеличение количества продуктов представляет одно из наиболее желательных последствий внешней торговли; но я хочу особенно остановить внимание читателя на том, что почти во всех случаях этому сопутствует другое, чрезвычайно важное, следствие, категорически отвергаемое г-ном Рикардо, а именно увеличение суммы меновой стоимости. Это второе следствие настолько необходимо, чтобы породить постоянный стимул к производительной деятельности и поддерживать обильное предложение товаров, что в тех немногочисленных случаях, когда оно не проявляется, сейчас же становится заметным застой в спросе на рабочие руки, и прогресс богатства останавливается. С точки зрения г-на Рикардо расширение внешней торговли должно было бы, мне кажется, часто ставить нас в такое положение, в каком наша страна находилась в начале 1816 г., когда внезапное изобилие и дешевизна хлеба и других товаров в связи со слишком большим предложением сравнительно с недостаточным спросом настолько понизили стоимость национального дохода, что он не мог больше оплачивать прежнее количество труда по прежней цене; следствие этого было таково, что среди изобилия тысячи рабочих лишались работы».

«Увеличение суммы меновой стоимости»! В каком мериле?

Разве средняя и обычная прибыль на капитал не является достаточным стимулом к производительной деятельности?

«Настолько понизили стоимость национального дохода, что он не мог больше оплачивать прежнее количество труда по прежней цене; следствие этого было таково...» и т. д. и т. д. Но если товары понизились в цене и будут покупать прежнее количество труда по пониженной цене, кто пострадает от этого? Не предприниматели, потому что за прежнее количество товаров они смогут купить прежнее количество труда; не рабочие, потому что в обмен на свой труд они получали бы прежнее количество товаров. И если бы одни из них пострадали, соответственная выгода была бы получена другими. Это просто изменение в деньгах.

275. Стр. 455. «Г-н Рикардо, повидимому, всегда думает, что для рабочего совершенно безразлично, сможет ли он распоряжаться большим количеством предметов первой необходимости благодаря повышению денежной цены труда или понижению денежной цены жизненных припасов; но эти два случая, хотя внешне сходные по последствиям, могут быть и обычно бывают весьма различны по существу. Увеличение заработной платы рабочих, будь то номинальное или реальное, неизменно предполагает такое распределение существующего богатства, когда стоимость богатства увеличивается, обеспечивается полная занятость всем рабочим и создаётся спрос на новые продукты и на капитал, посредством которого их можно получить».

Что сказать о системе политической экономии, которая то настаивает, что стоимость измеряется количеством труда, которым она может распоряжаться, то отвергает эту меру и показывает её недостаточность? Если денежная заработная плата остаётся без изменения и каждый товар, на который расходуется заработная плата рабочих, понижается в денежной цене, заработная плата рабочих реально повышается в мере стоимости г-на Мальтуса, а, если количество товаров не возросло, заработная плата должна понизиться в его мере реальной стоимости, потому что при таких условиях прежнее количество товаров не может распоряжаться прежним количеством труда. Если денежная заработная плата возрастает, а цена товаров не повышается, реальная заработная плата также возрастёт, и в этом случае, если количество товаров не увеличится, её реальная стоимость также упадёт. Разве обе эти причины не одно и то же? Я знаю, г-н Мальтус скажет, что повышение денежной цены заработной платы будет показателем возросшего количества товаров и возросшего спроса на труд, но падающая цена товаров при стабильной денежной заработной плате не свидетельствует об этом.

Однако г-н Мальтус ничем не доказал этого.

Разве стоимость денег не может увеличиться, и в этом случае не будет ли падение цены товаров при стабильной денежной заработной плате свидетельствовать об увеличении спроса на труд?

Почему цена товаров должна вообще понижаться в силу какой-либо другой причины, кроме возросшей стоимости денег? Я не знаю никакой другой причины, которая могла бы вызвать такое действие, за исключением новых благоприятных условий в производстве всех товаров, кроме одних денег.

276. Стр. 455. «Г-н Рикардо, повидимому, всегда думает...» *.

Г-н Мальтус понял меня неправильно. Я вполне соглашаюсь с ним в том, что повышение заработной платы предполагает полную занятость для всех рабочих, но к этому же приводит и падение денежной цены жизненных припасов без падения денежной заработной платы при условии, что понижение цены жизненных припасов вызывается не случайным переполнением рынка, а большей дешевизной их производства.

Ошибка г-на Мальтуса заключается в предположении, что дешёвый хлеб и дешёвые товары необходимо предполагают переполнение рынка хлебом и товарами. Мы согласны, что такое переполнение рынка есть зло. Оно обычно предполагает производство без прибыли и иногда даже без возмещения затраченного капитала. Оно всегда возникает, по моему мнению, вследствие неправильного выбора предмета производства, но дешевизна в силу лёгкости производства, которую я считаю единственно законной дешевизной, всегда сопровождается наиболее благоприятными последствиями и отличается от переполнения рынка так же резко, как свет от тьмы.

277. Стр. 456. «Читатель полностью отдаст себе отчёт в том, что большое снижение цены отдельных товаров либо вследствие усовершенствования машин, либо благодаря внешней торговле вполне совместимо с постоянным и большим увеличением не только меновой стоимости всего продукта страны, но даже меновой стоимости всей продукции самих этих отдельных товаров. Неоднократно отмечали, что общая стоимость хлопчатобумажных тканей, производимых в нашей стране, чрезвычайно возросла, несмотря на сильное снижение их цены».

Одно совместимо с другим, но эти явления не существенны друг для друга и обычно происходят не в одно и то же время. Выгода от низкой цены хлеба вследствие облегчения производства или ввоза была бы велика, хотя можно ясно показать, что с уничтожением ренты денежная стоимость массы товаров упала бы, и по крайней мере временно эти товары не могли бы распоряжаться сколько-нибудь большим добавочным количеством труда.

* Это повторение начала предыдущей цитаты имеется в оригинале рукописи. — *Прим. англ. ред.*

Примечание. Включить следующее: «А почему нет? Потому что спрос на труд значительно увеличился бы без соответствующего предложения; заработная плата была бы высока и положение рабочего было бы весьма хорошим».

278. Стр. 458. «Если бы можно было доказать, что при определённых обстоятельствах внешняя торговля всякого рода перманентно содействует ослаблению способности национального продукта распоряжаться трудом иностранных и отечественных рабочих, влияние такой торговли, несомненно, выразилось бы в перманентной задержке роста богатства и населения».

Если бы это можно было доказать! А это, я думаю, ни в коем случае невозможно. Но не может ли национальный продукт обладать меньшей способностью распоряжаться трудом, причём богатство и население будут всё-таки возрастать? Если при прежнем продукте заработная плата повысилась бы, население, вероятно, также увеличилось бы, и хотя прибыль уменьшится, не может ли она быть всё же достаточно высока, чтобы допустить дальнейшие сбережения и дальнейшее приобретение богатства?

Если моя прибыль понизилась с 1 тыс. ф. ст. до 500 ф. ст., я мог бы тем не менее увеличить своё богатство, если бы сберёг 100 ф. ст.

279. Стр. 458. «В качестве специфической и непосредственной причины этого общего увеличения эффективного спроса я указал бы на такое распределение продукта и на такое приспособление его к нуждам и вкусам общества, какое даст денежной цене, за которую он продаётся, большую возможность распоряжаться отечественным и иностранным трудом. И я склонен думать, что, если бы это мерило прилагалось ко всем бросающимся в глаза случаям, оказалось бы, что оно всегда или почти всегда безошибочно».

Во всех случаях* правильное распределение продукта и приспособление его к нуждам и вкусам общества имеют в высшей степени важное значение как фактор оживления торговли и накопления капитала. Отсутствие этого, по моему мнению, единственная причина застоя, испытываемого торговлей в различные периоды. Это можно приписать просчёту и производству товара, в котором нет нужды, вместо товара, в котором есть нужда.

Но, признавая это, должны ли мы отрицать благотворные последствия, возникающие в результате падения цены товаров благодаря возросшей лёгкости их производства? Увеличьте

* В рукописи вычеркнуты следующие начальные строки: «Никто не может сомневаться в важности того, чтобы производимые товары отвечали общим нуждам; в этом одна из причин оживления в торговле и роста богатства». — *Прим. англ. ред.*

эту лёгкость в десять раз, но если производимые вами товары соответствуют нуждам общества, на все эти товары будет спрос, а если они этим нуждам не соответствуют, то это доказывает только, что производители ошиблись на этот счёт и не выполнили условий, необходимых для обеспечения того оживлённого спроса, который неизбежно возник бы при более разумном отборе предметов производства.

280. Стр. 459. «Точно так же нельзя сомневаться, что с 1793 до 1814 г. меновая стоимость совокупного продукта в Англии, оцениваемая в отечественном или иностранном труде или в слитках золота, ежегодно сильно увеличивалась. Почти единодушно было признано, что именно расширение нашей внешней торговли было сильнейшим фактором роста стоимости и богатства, и, несомненно, вплоть до 1815 г. ничто, повидимому, не свидетельствовало о том, что увеличение стоимости нашего импорта сколько-нибудь содействовало сокращению стоимости отечественного продукта. Сильно росли как импорт, так и отечественный продукт, независимо от оценки в слитках или в труде».

Если страна делает сбережения и употребляет большее количество труда в производстве, количество и стоимость её продуктов увеличатся. В таком случае несомненно, что страна может увеличить стоимость ввоза без какого-либо уменьшения стоимости отечественных товаров. Г-н Мальтус не мог предполагать, будто я намеревался сказать, что стоимость и количество иностранных и отечественных товаров не могут возрасти одновременно.

281. Стр. 460. «Но, в то время как во всех странах, на которые можно ссылаться, увеличение стоимости всегда сопровождается рост процветания и богатства, я склонен думать, что нельзя привести в качестве примера ни одной страны, ведущей успешную торговлю и обладающей возрастающим изобилием товаров, где стоимость всего продукта, оцениваемая в отечественном и иностранном труде, уменьшалась бы или даже оставалась бы стабильной. И из двух способов накопления капитала, о которых упоминает г-н Рикардо в главе о внешней торговле (а именно рост дохода вследствие увеличения прибыли или уменьшение расходов благодаря дешевизне товаров), второй, я думаю, никогда не был и никогда не станет действительным стимулом для постоянного и непрерывного роста богатства».

Я думаю, что как раз наоборот. Я думаю, что это даже более могущественный стимул, чем тот, на который исключительно ссылается г-н Мальтус. Не противоречит ли это мнению г-на Мальтуса тому, которое он приводит в другой части своего труда — о благотворном влиянии усовершенствований в земледелии на национальное богатство? Какое действие могли произвести эти усовершенствования кроме того, что дали нам возможность больше сберегать на расходах? Я не знаю другого способа сбережения, кроме сбережения за счёт непроемочных расходов, чтобы прибавить сбережённые средства к производительным расходам.

282. Стр. 460. «Но я хочу особенно подчеркнуть естественную тенденцию внешней торговли к *немедленному* увеличению стоимости той части национального дохода, которая состоит из прибылей, без всякого пропорционального уменьшения в какой-либо другой отрасли, поскольку из всех видов обмена внешняя торговля лучше всего отвечает нуждам общества».

У торговца есть тюк хлопчатобумажных тканей, которые он вывозит, причём получает в обмен $1\frac{1}{4}$ бочки вина; он продаёт бочку в Англии за тюк хлопчатобумажных тканей, оставляет себе четверть бочки в качестве прибыли и располагает ею, как считает наиболее удобным.

Он открывает новый рынок, возобновляет операцию и за свой тюк хлопчатобумажных тканей получает не только $1\frac{1}{4}$ бочки вина, но ещё 100 ф. индиго. Если он всё ещё может обменять бочку вина на тюк хлопчатобумажных тканей в Англии, его прибыли возрастут; вместо четверти бочки вина он получит четверть бочки и кроме того индиго. Но предположим, что за тюк хлопчатобумажных тканей он должен отдать как $\frac{4}{5}$ своего вина, так и $\frac{4}{5}$ своего индиго; его прибыль в таком случае снизится до общего уровня прибыли, на котором, по моему предположению, она находилась в первом примере; но разве каждый человек, имеющий тюк хлопчатобумажных тканей или другие товары равной стоимости, не выигрывает на том, что отдаёт, и не будет ли он обладать точно такой же способностью к сбережению, как прежде? Вопрос кажется мне слишком ясным, чтобы можно было хотя бы на минуту усомниться в ответе. В обоих случаях у нас одинаковое количество английских и иностранных товаров; почему же в одном случае должно быть большее переполнение рынка товарами, чем в другом? Г-н Мальтус никогда не приводит характерного простого случая с целью проследить его со всех сторон. Если бы он сделал это, мы не расходились бы во мнениях так, как, повидимому, расходимся теперь.

283. Стр. 462. «Рассматривая вопрос о влиянии внешней торговли на меновую стоимость с совершенно иной точки зрения, чем г-н Рикардо, я настаиваю, что расширение рынков в его общей тенденции чрезвычайно благоприятствует тому росту стоимости и богатства, который возникает из распределения».

Из того, что г-н Мальтус сам сказал о моих взглядах, он должен знать, что я, как и он, «настаиваю, что расширение рынков в его общей тенденции чрезвычайно благоприятствует тому росту стоимости и богатства, который возникает из распределения». Всё же его язык может заставить читателя предполагать другое. Я не сказал бы, что расширение рынков увеличит стоимость такого богатства, потому что, как известно читателю, я измеряю стоимость другим мериллом, чем г-н Мальтус.

ОТДЕЛ ДЕВЯТЫЙ

Распределение, вызываемое непроизводительными потребителями, рассматривается как средство увеличения меновой стоимости всего продукта

284. Стр. 463. «Мы уже показали, что при быстром накоплении капитала или, точнее, при быстром превращении непроизводительного труда в производительный, спрос по сравнению с предложением материальных продуктов должен преждевременно оказаться недостаточным, и мотивы для нового накопления исчезнут раньше, чем накоплению станет мешать истощение почвы. Отсюда следует, что абсолютно необходимо, чтобы в стране, обладающей большой производственной мощью, существовала группа непроизводительных потребителей, причём не следует предполагать, будто производительные классы потребляют гораздо больше того, чем известно по опыту, особенно в периоды, когда они быстро накапливают доходы с целью увеличить капитал».

Группа непроизводительных рабочих точно так же необходима и полезна с точки зрения будущего производства, как пожар, истребивший на складе фабриканта товары, которые иначе были бы потреблены этими непроизводительными рабочими.

285. Стр. 464. «Мы уже сказали, что политическая экономия как наука не даёт возможности определить, какие пропорции между производительными и непроизводительными классами общества доставляют наибольший стимул к непрерывному росту богатства».

По моему мнению, это не трудно определить. Они * могут быть полезны для других целей, но ни в какой степени для производства богатства.

286. Стр. 465. «Скажут, быть может, что не будет никакой нужды в непроизводительных потребителях, если те, кто занят в производстве, потребляют достаточно, чтобы поддержать стоимость продукта.

Что касается капиталистов, занятых производством, они, несомненно, имеют возможность потреблять свои прибыли, или доход, получаемый ими благодаря приложению их капиталов; и если бы они потребляли весь этот доход, за исключением того, что было бы выгодно прибавить к капиталу с целью наилучшим образом обеспечить рост производства и рост потребления, не было бы никакой нужды в непроизводительных потребителях».

Каким образом то обстоятельство, что человек потребляет мой продукт, не отдавая мне ничего взамен, даст мне возможность составить состояние? Я полагал бы, что вернее составлю себе состояние, если потребитель моего продукта будет отдавать мне за него эквивалентную стоимость.

* Непроизводительные классы. — Ред.

287. Стр. 465. «Некоторые авторы установили как некую аксиому, что потребности человеческого рода можно считать всегда соразмерными их возможностям; но это положение не всегда верно, даже в тех случаях, когда состояние приобретается без труда, а что касается большинства капиталистов — опыт целиком противоречит этому положению. Почти все торговцы и фабриканты в периоды процветания делают сбережения гораздо быстрее, чем мог бы возрасти капитал страны, чтобы сохранить стоимость продукта. Но если это верно по отношению к торговцам и фабрикантам в целом, то вполне очевидно, что при их фактических привычках они не могут создавать друг для друга рынок путём обмена своими продуктами.

Необходимо поэтому, чтобы существовал значительный класс других потребителей, иначе торговые классы не смогут продолжать расширять свои предприятия и реализовать прибыли».

Я думаю, что это * безусловно верно, но если предположить, что это неверно, какая выгода для меня в том, что другой человек, который мне ничего не даёт взамен, будет потреблять мои продукты? Каким образом подобное потребление даёт мне возможность реализовать прибыли?

Я не могу выразить так сильно, как чувствую, своё удивление по поводу различных положений, выдвигаемых в этом отделе.

Чтобы капиталисты имели возможность попрежнему делать привычные сбережения, говорит г-н Мальтус, «они должны либо потреблять больше, либо производить меньше».

288. Стр. 466. «Г-н Рикардо часто говорит о сбережении, как будто это цель, а не средство».

Где? Я не могу припомнить, чтобы сказал это хотя бы в одном случае.

289. Стр. 467. «Однако если продукты имеются уже в таком изобилии, что часть их не потребляется, то сравнительно малое применение находит сбережённый таким образом капитал, задача которого состоит в дальнейшем увеличении изобилия продуктов и в дальнейшем понижении и без того низких прибылей».

Каким образом непроизводительное потребление может увеличить прибыли? Товары, потребляемые непроизводительными потребителями, просто отдаются им, а не продаются за эквивалент. Они не имеют цены, каким же образом они могут увеличить прибыли?

Г-н Мальтус определил спрос как волю и возможность потреблять. Какую возможность потреблять имеет непроизводительный потребитель? Если мы возьмём 100 штук сукна из склада суконщика и оденем в это сукно солдат и матросов, то разве это увеличит прибыль суконщика? Послужит ли это

* Положение, против которого возражает Мальтус. — *Ред.*

для него стимулом к производству? Да, таким же образом, как это сделал бы пожар.

290. Стр. 468. «Но, несомненно, было бы грубой ошибкой применять это положение * в любом смысле, в каком его только можно понять, если бы сказали, что нет предела сбережению и употреблению капитала, кроме трудности добывания пищи. Это значит основывать своё учение на неограниченном стремлении людей к потреблению, а затем предположить, что это стремление ограничивается с целью сберечь капитал, и, таким образом, совершенно изменить предпосылки и всё-таки утверждать, что это учение верно».

Пределом является собственно не трудность добывания пищи, а трудность раздобыть рабочие руки, куда входит и трудность добывания пищи; так как, если вы исчерпали свои возможности добывать пищу, то вы недолго будете способны увеличивать число занятых у вас рабочих.

291. Стр. 469. «Пусть производители или кто-либо другой всегда потребляют достаточно, чтобы сохранить и самым действительным образом увеличить меновую стоимость совокупного продукта; и я буду рад признать, что для употребления капитала страны, увеличивающегося только такими темпами, нет другого предела, кроме того, что ограничивает возможность поддерживать существование населения. Но в теории мне кажется совершенно очевидным, и это подтверждается всеобщим опытом, что употребление капитала, слишком быстро возрастающего благодаря привычкам к бережливости, может найти, и фактически часто находит, предел задолго до того, как становится действительно трудным добывать средства существования; как капитал, так и население могут одновременно и в продолжение очень долгих периодов быть в избытке сравнительно с эффективным спросом на продукты».

Это всё то, что я отстаиваю. Но каким образом капитал и население могут быть оба избыточными, пока можно увеличивать предложение предметов первой необходимости, я совершенно не могу понять. Это противоречие в терминах. Это значит сказать, что есть незанятый капитал, потому что его собственник не может найти рабочих, и есть незанятые люди, потому что ни у кого нет капитала, чтобы дать им работу.

Мы могли бы с таким же основанием сказать, что хлеб не может быть продан потому, что нет покупателей, и в то же время есть голодающие люди, имеющие средства и желание купить хлеб, но не могущие получить его, — оба положения не могут быть верны.

292. Стр. 469. «Основная часть вопроса о потребностях человеческого рода касается способности людей вызывать действия, необходимые для приобретения средств, подлежащих расходованию».

* Положение А. Смита, что «стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка, но стремление к удобствам и украшению... не имеет, повидимому, предела или определённых границ» (А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, М. 1935, стр. 148). — *Ред.*

Это верно. Я согласен с г-ном Мальтусом, что «трудность касается способности вызывать действия, необходимые для приобретения средств, подлежащих расходованию». Но ведь это не что иное, как утверждение, что человек должен производить прежде, чем получит право потреблять, и трудность заключается в том, чтобы побудить его производить; не будет никакой трудности побудить его потреблять после того, как он произвёл.

293. Стр. 471. «Если за недостатком других потребителей капиталисты были бы вынуждены потреблять всё, что не могло быть с выгодой прибавлено к капиталу страны, то мотивы, поддерживающие их в повседневной деятельности, должны были бы значительно ослабеть, и не были бы вызваны к жизни те же производительные силы».

В этом случае тревога г-на Мальтуса относится не к обеспечению потребления; его пугает только то, что без потребления не будет достаточного мотива для будущего производства. Таким образом, от непотребления непосредственно не произойдёт никакой беды, а только отдалённо, в форме ослабления мотива к деятельности.

294. Стр. 471. «Как я уже сказал, никто не станет затрачивать свой капитал только в расчёте на спрос, предъявляемый теми, кто у него работает».

Почему нет? Я могу нанять 20 рабочих, чтобы они доставили мне пищу и предметы первой необходимости для 25 человек, а затем я найму этих 25 рабочих, чтобы они доставили мне пищу и предметы первой необходимости для 30 человек; затем я снова найму этих 30 рабочих, чтобы они доставили пищу и предметы первой необходимости для ещё большего числа людей. Разве я не стану богаче, хотя я употребил капитал «только в расчёте на спрос, предъявляемый теми, кто у меня работает»?

295. Стр. 472. «Весьма желательно, чтобы рабочие хорошо оплачивались, в силу соображения более важного, чем все соображения, относящиеся к богатству, а именно ради счастья большинства общества. А тем, кто склонен говорить, будто непродизводительные потребители не могут быть необходимы в качестве стимула для увеличения богатства, если производительные классы потребляют справедливую долю того, что производят, я замечу, что, поскольку сильное увеличение потребления среди рабочих должно значительно повысить издержки производства, это должно понизить прибыли и ослабить или уничтожить мотивы к накоплению, раньше чем земледелие, промышленность и торговля достигнут сколько-нибудь значительной степени процветания».

Ничто не может быть более справедливо, чем замечание, что «сильное увеличение потребления среди рабочих должно значительно повысить издержки производства, понизить прибыли и ослабить или уничтожить мотивы к накоплению, раньше

чем земледелие, промышленность и торговля достигнут сколько-нибудь значительной степени процветания». Но поможет ли этому потребление непроизводительного класса? Что такое потребление производительного класса сверх разумного вознаграждения за труд? Это не что иное, как непроизводительное потребление, т. е. потребление без адекватного возмещения.

«Если бы каждый рабочий действительно потреблял в два раза больше хлеба, чем в настоящее время, то, вместо того чтобы послужить стимулом к увеличению богатства, такой спрос, вероятно, привёл бы к изъятию из обработки большой площади земли и к значительному сокращению как внутренней, так и внешней торговли». Если бы это оказало такое действие, то было ли бы это в силу какой-либо иной причины, кроме того, что половина этого потребления была бы непроизводительным потреблением? А это и есть то самое потребление, которое г-н Мальтус считает столь существенным для роста богатства.

296. Стр. 473. «Но, несомненно, невелика опасность того, что богатство уменьшится в силу этой причины *. Благодаря действию принципа, регулирующего рост населения, все тенденции направлены в противоположную сторону, и есть гораздо больше оснований опасаться того, что рабочие будут потреблять слишком мало для собственного благополучия, чем того, что они будут потреблять слишком много, так что это не позволит богатству расти надлежащим образом».

Что рабочие будут иметь слишком мало, а не слишком много, представляет действительно большую опасность, которой нужно бояться и от которой, если возможно, нужно беречься.

297. Стр. 480. «Поэтому влияние, оказываемое на богатство страны непроизводительными классами, существующими на средства от налогов, должно быть совершенно различным в разных странах и должно целиком зависеть от производственной мощи каждой из них и от способа взимания налогов. Поскольку без большого потребления вряд ли будут вызваны к жизни крупные производительные силы, а если они будут действовать, то вряд ли удастся поддерживать их деятельность, у меня почти не возникает сомнения, что есть практические примеры того, когда рост национального богатства сильно стимулируется потреблением тех, существование которых поддерживается налогами. Всё же налоги есть стимул, которым очень легко злоупотребить, и в интересах общества настолько абсолютно необходимо считать частную собственность священной, что следует проявлять величайшую осторожность, давая любому правительству в руки средства для перераспределения богатства с точки зрения всеобщего блага».

Этот аргумент в пользу налогов вполне согласуется с мнением г-на Мальтуса о выгодах, вытекающих из непроизводительного потребления.

Г-н Мальтус — в высшей степени влиятельный союзник канцлера казначейства.

* Продолжение цитаты из примечания 295. — *Ред.*

298. Стр. 488. «Что касается капиталистов, то, хотя бы они были освобождены от большей части налогов, всё же весьма вероятно, что их привычки к сбережениям в соединении с сокращением числа людей, предъявляющих эффективный спрос, вызвали бы такое понижение товарных цен, что в результате значительно уменьшилась бы та часть национального дохода, которая зависит от прибылей; и я мало сомневаюсь в том, что пять лет спустя после такого события не только определённо уменьшилась бы меновая стоимость совокупного продукта при оценке в отечественном и иностранном труде, но было бы произведено и абсолютно меньшее количество хлеба, и на рынок поступало бы меньше отечественных и иностранных товаров».

Я склонен думать, что г-н Мальтус, вероятно, единственный человек в Англии, способный ожидать таких последствий от такой причины.

299. Стр. 489. «Их * специфическая польза в деле стимулирования роста богатства заключается в поддержании такого равновесия между производством и потреблением, которое придаёт результатам национального производства наибольшую меновую стоимость».

Каким образом могут они своим потреблением придать стоимость результатам национального производства? Можно было бы с таким же основанием утверждать, что землетрясение, которое опрокидывает мой дом и погребает моё имущество, придаёт стоимость продуктам национального производства.

300. Стр. 489. «Если бы непроизводительный труд преобладал, то сравнительно малое количество материальных продуктов, доставляемых на рынок, понизило бы стоимость всего продукта вследствие уменьшения его количества. Если бы преобладали производительные классы, стоимость всего продукта упала бы вследствие избытка предложения. Очевидно, именно определённое соотношение этих двух классов даст наибольшую стоимость и возможность распоряжаться наибольшим количеством отечественного и иностранного труда».

Г-н Мальтус часто измеряет стоимость властью, которую она даёт нам как над иностранным, так и над отечественным трудом. Что общего у нас с количеством или со стоимостью иностранного труда? Всякий иностранный товар покупается на известное количество отечественного труда, и только последним мы можем измерять стоимость как отечественных, так и иностранных товаров.

* Непроизводительных потребителей. — *Ред.*

ОТДЕЛ ДЕСЯТЫЙ

**Применение некоторых из изложенных выше принципов
к объяснению нужды, которую испытывают рабочие
классы с 1815 г., и общие замечания**

301. Стр. 492. «Мог бы, несомненно, существовать большой недостаток населения по сравнению с территорией и возможностями страны, и было бы, может быть, очень желательно, чтобы население увеличилось; но если бы заработная плата продолжала оставаться низкой, несмотря на сокращение населения, то в этом случае поощрять рождение большего числа детей значило бы поощрять нищету и смертность, а не рост населения».

Бедствия от избытка населения общепризнаны, но нет большей ошибки, чем предположение, будто какие-нибудь бедствия могут возникнуть из накопления капитала. Единственным следствием последнего могло бы быть нежелание продолжать накопление в связи с падением прибыли, объясняющимся повышением заработной платы, которого могли бы требовать рабочие вследствие недостатка населения.

302. Стр. 494. «В то время как в рентах и прибылях совершались эти неблагоприятные изменения, могущественный толчок, данный росту населения во время войны, продолжал в изобилии доставлять новых рабочих, понизил заработную плату и вызвал в стране общее уменьшение капитала и дохода; этому содействовали также приток уволенных из армии солдат и матросов и сокращение спроса на рабочие руки вследствие потерь, понесённых фермерами и торговцами. Капитал и доходы сократились не только пропорционально изменению стоимости денег, но и по отношению к стоимости продуктов в слитках золота и к возможности для этой стоимости покупать отечественный и иностранный труд».

Если окончание войны оставило страну с уменьшенным капиталом и доходом, то не должно ли было также уменьшиться количество товаров, производимых капиталом? Не находится ли продукт теперь в том же отношении к капиталу, как и во время войны? Как объяснить этим низкие цены и переполнение рынка товарами?

303. Стр. 495. «В течение четырёх или пяти лет после окончания войны вследствие изменений в распределении национального продукта и вызванного этим недостатка потребления и спроса производству был нанесён решительный удар, а население под действием прежних импульсов увеличивалось не только быстрее, чем спрос на труд, но и скорее даже, чем фактический продукт. Однако этот продукт, хотя он решительно недостаточен в сравнении с населением и в сравнении с прошлым периодом, избыточен в сравнении с платёжеспособным спросом на него и с доходом, которым люди располагают, чтобы его покупать. Хотя труд дешёв, нет ни возможности, ни желания занять все рабочие руки, так как не только уменьшился капитал страны в сравнении с числом рабочих, но и, в связи с уменьшением доходов страны, на товары, которые могут произвести эти рабочие, нет такого спроса, какой обеспечил бы сносную прибыль на уменьшившийся капитал».

Труд оплачивается товарами. Товары слишком обильны для платёжеспособного спроса, и всё-таки с помощью этих товаров вы не можете занять больше рабочих, потому что товаров недостаточно в сравнении с населением. Разве это не значит сказать, что одновременно существуют и обилие и недостаток товаров?

304. Стр. 497. «Я вполне убеждён, что значительную часть этих бедствий * могла бы испытать страна, не обрабатывающая плохих земель, не собирающая налогов и не вводящая никаких новых ограничений в торговле».

И я также, потому что я вполне убеждён, что и без этих несчастий застой в торговле вызовет много бедствий после такой войны, когда у капитала есть большой соблазн покинуть страну, где прибыли сравнительно низки.

305. Стр. 497. «Но согласно изложенному г-ном Сэем принципу, будто потребление товара есть уменьшение спроса, если потребление общества сильно и повсеместно уменьшится при увеличении капитала, не может быть ни малейшего сомнения, что согласно великим принципам спроса и предложения прибыли капиталистов скоро сведись бы к нулю, хотя бы в обработке не было плохих земель; население оказалось бы без работы и было бы осуждено на голодную смерть, хотя не платило бы ни одного налога и не знало бы никаких ограничений торговли».

Как может общество вообще уменьшить своё потребление и увеличить тем самым капитал? Разве прибавка к капиталу ослабляет в каком-либо случае потребление? Каким образом население может быть лишено работы и обречено на голод без сокращения потребления?

306. Стр. 498. «В частности, страна, обладающая исключительными естественными ресурсами, — Соединённые Штаты Америки — испытала сильные затруднения, которых вряд ли ожидали. Эти затруднения нельзя во всяком случае приписать ни обработке плохих земель, ни ограничениям в торговле, ни чрезмерным налогам».

Страна может страдать от ограничений в торговле, хотя сама не налагает этих ограничений.

307. Стр. 500. «Я не сомневаюсь, например, что в нашей стране многие воспользовались удобным случаем превратить в сбережения часть возвращённого им налога на собственность, особенно лица, которые пользуются только пожизненным доходом и которые, в противоречии с принципами справедливого обложения, были обложены налогом по той же ставке, как лица, источником дохода которых является реализованная собственность. Такое сбережение совершенно естественно и правильно, и оно не может быть справедливым аргументом против отмены налога; но всё же оно способствует уяснению причины сокращения спроса на товары по сравнению с предложением их после войны».

* См. цитаты Мальтуса в примечаниях 302 и 303. — *Ред.*

Если рассуждение г-на Мальтуса правильно, оно представляет несокрушимый аргумент против отмены налога. Может ли заключение больше противоречить предпосылкам?

308. Стр. 502. «В связи с тем, что внезапное сокращение потребления может привести к бедствиям, есть основание сомневаться в правильности часто рекомендуемой политики собирать необходимые для ведения войны средства в пределах каждого года.

Если страна бедна, такая налоговая система может окончательно задушить все её усилия; из года в год она будет определённо уменьшать свой капитал, и с каждым годом для неё будет всё более разорительно собирать те же средства до тех пор, пока страна не окажется вынужденной покориться врагам вследствие абсолютной неспособности оказывать дальнейшее энергичное сопротивление».

Разве займы каждый год не уменьшают определённо капитала страны?

309. Стр. 507. «Но если *распределение* богатства в известной степени есть одна из главных причин его возрастания, и вместе с тем нельзя рекомендовать непосредственное вмешательство в существующее деление земельной собственности в стране, можно с полным основанием спросить, не компенсируются ли с избытком причиняемые национальным долгом бедствия распределением собственности и ростом средних классов, которые неизбежно создаются национальным долгом?»

Каким образом национальный долг *создаёт* средние классы общества? Разве всякий держатель государственных бумаг не должен был владеть такой же суммой собственности, прежде чем стал держателем государственных бумаг? Разве он не был бы членом среднего класса общества, если бы не было никакого национального долга? Я не могу понять, каким образом национальный долг мог *создать* хотя бы одного члена этого класса. Если мы снова выплатим этот долг, то разве мы таким путём уничтожим средний класс, как, повидимому, опасается г-н Мальтус? Разве всякий держатель государственных бумаг не будет попрежнему владеть капиталом после уплаты национального долга?

310. Стр. 512. «Прибыль на капитал не может подняться выше того, что может позволить состояние земли, но может понизиться в любой степени. Основное разногласие между г-ном Рикардо и мною по этому пункту состоит в следующем: г-н Рикардо думает, что прибыль *регулируется* состоянием земли, а я думаю, что прибыль только *лимитируется* — в одном определённом направлении — состоянием земли и что, если капитал изобилует сравнительно со спросом на товары, прибыль может понизиться в любой степени, несмотря на плодородие земли».

Г-н Мальтус сильно ошибается, если предполагает, что я утверждаю, будто прибыль *всегда* должна быть высока, пока в резерве есть плодородная земля. Прибыль будет низка, как я говорил сотни раз, если заработная плата высока, а заработная

плата может быть очень высока при очень обильных земельных ресурсах.

311. Стр. 514. «Без больших затрат со стороны правительства и без частого превращения капитала в доход приобретённые капиталистами крупные производительные силы, действуя на уменьшенную покупательную способность владельцев твёрдого дохода, неизбежно вызвали бы ещё большее переполнение рынка товарами, чем нынешнее; а мы достаточно знаем по опыту, что бумажные деньги не могут поддерживать цены при таких обстоятельствах».

Свойственные г-ну Мальтусу взгляды признаны им здесь открыто.

312. Стр. 516. «Г-н Рикардо справедливо сказал, что «фермер и фабрикант так же мало могут жить без прибыли, как рабочий без заработной платы. Их побуждение к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли. Оно совершенно прекратится, когда их прибыль будет так низка, что не будет давать им надлежащего вознаграждения за хлопоты и риск, которому они необходимо должны подвергаться при производительном применении своего капитала» *. Г-н Рикардо применяет это положение к окончательному и необходимому понижению прибыли, причиняемому состоянием земли. А я применил бы его во всякое время, ко всем различным периодам, отделяющим первые стадии земледелия от последней».

Здесь г-н Мальтус снова плохо меня понял, и я ссылаюсь на его собственное изложение моих взглядов на стр. [] **, чтобы показать, что эта доктрина не моя и он мне приписывает её без всякого справедливого основания.

Г-н Мальтус никогда, повидимому, не вспоминает, что слово «сберегать» неизбежно означает в такой же мере расход, как то, что он подразумевает под словом «расходовать».

313. Стр. 517. «Сведя весь вопрос о сбережениях к свободному от всяких влияний действию индивидуальной заинтересованности и индивидуального сознания, мы лучше сообразуемся с великим принципом политической экономики, установленным Адамом Смитом; этот принцип учит нас тому общему положению, что, за немногими исключениями, богатство народов лучше всего обеспечивается, когда каждому человеку позволяют преследовать свои интересы собственным путём до тех пор, пока он придерживается правил справедливости».

Кто и когда хотел свести этот вопрос к чему-либо другому?

314. Стр. 519. «Но правильный вывод из этого заключается в том, что не следует никогда устанавливать налоги в большем размере, чем это оправдывается необходимостью, и, в частности, надо приложить все уси-

* Д. Рикардо, Начала политической экономики и налогового обложения, т. I настоящего издания, стр. 107—108. — *Ред.*

** Пропуск в рукописи; Рикардо, вероятно, имеет здесь в виду стр. 326 работы Мальтуса (примечание 186). — *Прим. англ. ред.*

лия, совместимые с национальной честью и безопасностью, чтобы предотвратить такой масштаб расходов, что их нельзя будет продолжать, не вызвав краха, или нельзя будет прекратить, не вызвав общественного бедствия».

Но другой правильный вывод заключается в том, что, раз налоги установлены, их не следует отменять: логически вытекает также, что часто введение налогов было бы даже разумным. Если народ не будет сам достаточно расходовать, то что может быть более целесообразным, чем обращение к государству, чтобы оно расходовало вместо народа? Что могло бы быть более разумно (если бы учение г-на Мальтуса было верно), чем увеличение армии и удвоение содержания всех должностных лиц правительства?

315. Стр. 519. «Оно * походит на неестественную энергию, вызываемую действием какого-нибудь сильного возбуждающего средства, которого следует избегать, если оно не безусловно необходимо, ввиду истощения, неизбежно следующего за его употреблением».

Но мы действительно находимся под влиянием возбуждающего средства, а когда перестаём принимать его, страдаем от своего безумия. Мои принципы ведут к совершенно противоположным заключениям. Уничтожение национального долга либо путём выплаты его из капитала страны, либо путём отказа уплатить держателю государственных бумаг капитал или проценты, не имело бы тех последствий, которые вообще приписываются ему.

После уничтожения долга у нас будет не больше капитала или дохода, чем прежде; они будут лишь по-иному распределены. Поскольку уплата долга освободила бы нас от громадного бремени налогов, уменьшился бы соблазн переводить капитал из нашей страны в другие, не столь обременённые налогами. Уплата долга освободила бы нас от армии сборщиков налога, податных чиновников и контрабандистов, которые в настоящее время содержатся за счёт производства страны, что усугубляет зло налогового обложения. Из уплаты долга проистекли бы ещё и другие побочные выгоды, перечислять которые в настоящее время нет необходимости.

* Богатство, развивающееся под влиянием таких стимулов, как высокое налоговое обложение и огромные государственные расходы. — *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ОПЫТ О ВЛИЯНИИ НИЗКОЙ ЦЕНЫ ХЛЕБА НА ПРИБЫЛЬ С КАПИТАЛА, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ ВВОЗА, А ТАКЖЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ДВУХ ПОСЛЕДНИХ СОЧИНЕНИЙ Г-НА МАЛЬТУСА: «ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И РАЗВИТИИ РЕНТЫ» И «ОСНОВЫ ВЗГЛЯДА НА ПОЛИТИКУ ОГРАНИЧЕНИЯ ВВОЗА ИНОСТРАННОГО ХЛЕБА»	13
Введение	15
Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала	16
О ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЮ	41
Введение	43
<i>Отдел первый.</i> О достаточной цене	44
<i>Отдел второй.</i> О влиянии повышения заработной платы на цену хлеба	46
<i>Отдел третий.</i> О влиянии налогов, которыми облагаются отдельные товары	49
<i>Отдел четвёртый.</i> О влиянии богатого урожая на цену хлеба	51
<i>Отдел пятый.</i> О влиянии, какое оказал на цену хлеба билль г-на Пилиа о восстановлении старого денежного масштаба	53
<i>Отдел шестой.</i> О влиянии низкой стоимости хлеба на норму прибыли	63
<i>Отдел седьмой.</i> При системе покровительственных пошлин, установленной с целью предоставить отечественному производителю хлеба монополию на внутреннем рынке, цены на хлеб не могут не колебаться	68
<i>Отдел восьмой.</i> О проекте выдачи спекулянтам хлебом денежных ссуд из низкого процента	77
<i>Отдел девятый.</i> Может ли современное бедственное положение земледелия быть объяснено налоговым обложением?	79

Заключение	84
Приложение А	89
Приложение Б	93
ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ Г-НА МАЛЬТУСА «НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, РАССМОТРЕННЫЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИЛОЖЕНИЯ»	95
От редакции	97
<i>ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ</i>	<i>99</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ. ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ БОГАТСТВА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА</i>	<i>101</i>
<i>Отдел первый. Об определениях богатства</i>	<i>—</i>
<i>Отдел второй. О производительном и непроизводительном труде</i>	<i>—</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ. О ПРИРОДЕ И МЕРАХ СТОИМОСТИ</i>	<i>105</i>
<i>Отдел первый. О различных видах стоимости</i>	<i>—</i>
<i>Отдел второй. О спросе и предложении, поскольку они влияют на меновую стоимость</i>	<i>112</i>
<i>Отдел третий. О влиянии издержек производства на меновую стоимость</i>	<i>113</i>
<i>Отдел четвертый. Труд, которого стоил товар, рассматривается как мера меновой стоимости</i>	<i>117</i>
<i>Отдел пятый. Деньги, при условии неизменности их издержек производства, рассматриваются как мера стоимости</i>	<i>126</i>
<i>Отдел шестой. Труд, который может быть куплен за товар, рассматривается как мера реальной меновой стоимости</i>	<i>129</i>
<i>Отдел седьмой. О товаре, среднем между хлебом и трудом, и о его пригодности служить мерой реальной меновой стоимости</i>	<i>131</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ. О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ</i>	<i>134</i>
<i>Отдел первый. О природе и причинах ренты</i>	<i>—</i>
<i>Отдел второй. О необходимости отделять земельную ренту от прибыли фермера и заработной платы рабочего</i>	<i>141</i>
<i>Отдел третий. О причинах, способствующих повышению ренты в условиях нормального развития общества</i>	<i>146</i>
<i>Отдел четвертый. О причинах, способствующих понижению ренты</i>	<i>162</i>
<i>Отдел пятый. Зависимость фактического количества доставляемого землёй продукта от существующих рент и цен</i>	<i>164</i>
<i>Отдел шестой. О связи между сравнительно большим богатством и сравнительно высокой ценой сырья</i>	<i>171</i>
<i>Отдел седьмой. Причины, могущие ввести землевладельца в заблуждение при сдаче им земель в аренду, к ущербу как для него, так и для страны</i>	<i>172</i>

<i>Отдел восьмой.</i> О строгой и необходимой связи между интересами землевладельца и интересами государства в стране, которая сама содержит своё население	173
<i>Отдел девятый.</i> О связи между интересами землевладельца и интересами государства в странах, ввозящих хлеб	179
<i>Отдел десятый.</i> Общие замечания о прибавочном продукте, получаемом в земледелии	183
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ. О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ РАБОЧИХ	192
<i>Отдел первый.</i> О зависимости заработной платы от спроса и предложения	—
<i>Отдел второй.</i> Об основных причинах, влияющих на привычки рабочих классов	193
<i>Отдел третий.</i> Об основных причинах, определяющих спрос на труд и рост населения	—
<i>Отдел пятый.</i> О выводах, которые следуют из предыдущего обзора цен на хлеб и труд за последние пять столетий . . .	203
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ. О ПРИВЫЛИ НА КАПИТАЛ . .	206
<i>Отдел первый.</i> Как влияет на прибыль возрастающая трудность добывания средств существования	—
<i>Отдел второй.</i> Как влияет на прибыль отношение, существующее между капиталом и трудом	207
<i>Отдел третий.</i> Как влияют на прибыль причины, фактически действующие при настоящем положении вещей	212
<i>Отдел четвёртый.</i> Замечания по поводу теории прибыли г-на Рикардо	219
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ. О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ БОГАТСТВОМ И СТОИМОСТЬЮ	224
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ. О НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРИЧИНАХ ПРОГРЕССА БОГАТСТВА	225
<i>Отдел третий.</i> Накопление, или сбережение за счёт дохода для прибавления к капиталу, рассматривается как стимул к увеличению богатства	—
<i>Отдел четвёртый.</i> О плодородии почвы как стимуле непрерывного возрастания богатства	240
<i>Отдел пятый.</i> Об изобретениях, сберегающих человеческий труд, рассматриваемых как стимул к непрерывному увеличению богатства	247
<i>Отдел шестой.</i> О необходимости объединения производительных сил и средств распределения с целью обеспечить постоянный рост богатства	255
<i>Отдел седьмой.</i> Распределение, вытекающее из разделения земельной собственности, рассматривается как средство увеличения меновой стоимости всего продукта	263

<i>Отдел восьмой.</i> Распределение, вызываемое внутренней и внешней торговлей, рассматривается как средство увеличения меновой стоимости продукта	265
<i>Отдел девятый.</i> Распределение, вызываемое непроизводительными потребителями, рассматривается как средство увеличения меновой стоимости всего продукта	281
<i>Отдел десятый.</i> Применение некоторых из изложенных выше принципов к объяснению нужды, которую испытывают рабочие классы с 1815 г., и общие замечания	287

ДАВИД РИКАРДО
Сочинения, том III

Редактор *Е. Ровинская*

Оформление художника *Н. Симагина*

Технический редактор *А. Данилина*

Ответственный корректор *Р. Шилова*

Сдано в набор 29 марта 1955 г. Подписано в печать 14 июля 1955 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Физ. печ. л. 18¹/₂. Условн. печ. л. 18¹/₂.
Учѣт.-изд. л. 19. Тираж 20 тыс. экз. А-02550. Зак. № 7. Цена 5 р. 85 н.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.